ИСТОРИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

ДО ЗАКЛЮЧЕНІЯ БЕРЛИНСКАГО ДОГОВОРА

1855—1878

Вычеркни изъ исторіи изчеуніе причинъ, средствъ и цѣлей людскихъ предпріятій, — что же отъ нея останется? Литературное упражненіе, игра словъ, пріятная для слуха, но безплодная для будущности. Поливій.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Общій взглядъ на эпоху; перемѣны въ составѣ государства; международное положеніе Россіи.

ЛЕЙПЦИГЪ

1878

„Пров 49

225038

ДАЛЕКОЙ, НО ДОРОГОЙ

РОДИНѢ

СЛАБЫЙ ЗНАКЪ

ГЛУБОКАГО УЧАСТІЯ

КЪ ЕЯ СУДЬБАМЪ

писавшаго эту книгу.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Судьба русской исторіи, какъ науки, замѣчательна. Со времени установленія московскаго самодержавія, особенно съ Іоанна Грознаго, важнѣйшія данныя, на которыхъ основано ея построеніе,—кромѣ оффиціальныхъ актовъ,—черпаются изъ сочиненій о Россіи иностранцевъ, въ родѣ Герберштейна, Флетчера, Олеарія, Гордона, Бергхольца, Манштейна, Сегюра, Макензи-Уоллеса, Скайлера, или изъ такихъ русскихъ трудовъ, которые писаны или печатаны за границею, какъ напримѣръ Курбскаго, Кошихина, Дашковой, фонъ Визина, Шишкова, Ермолова, Тургенева, Якушкина Трубецкаго, Розена, Долгорукаго, Герцена, Кошелева, Самарина, Бушена, Скребицкаго, Ростиславова и пр., не исключая даже записокъ одной русской императрицы, Екатерины II!... Нашимъ современникамъ нѣтъ нужды говорить, почему это такъ. Деспотическое правительство, подвергая цензурѣ книги, выходящія въ Россіи, дѣлаетъ невозможнымъ появленіе у себя дома сочиненій, которыя бы знакомили съ дѣйствительныхъ содержаніемъ русской исторической жизни. Оно настолько страшится свѣта истины, что не допускаетъ свободнаго изслѣдованія не только тѣхъ событій, въ которыхъ само принимало дѣятельное участіе, т. е. вполнѣ современныхъ, а и тѣхъ, которыя совершились много десятилѣтій тому назадъ, но при царствованіи голштинской династіи. Каждому образованному человѣку у насъ извѣстно, что историческую правду въ наше время дозволено говорить только о событіяхъ, предшествовавшихъ правленію Екатерины II; для позднѣйшихъ же временъ, особенно съ воцаренія свирѣпѣйшаго изъ деспотовъ, Павла, допущены только сочиненія Устрялова, Д. Милютина, Михайловскаго-Данилевскаго, Богдановича, Зотова, Корфа и т. п. писателей, сознательно скрадывавшихъ истину, чтобы выставить въ безупреч-

номъ свѣтѣ самодержавную власть и ея представителей, отъ которыхъ авторами, конечно, ожидались и нерѣдко получались „великія и богатыя милости.“

Настоящее сочиненіе совершенно чуждо такой угодливости передъ лицами, облеченными властью, и напротивъ имѣетъ задачею подвергнуть правдивому разбору ту правительственную ихъ дѣятельность, которая, съ 1855 года, на словахъ имѣла всегда цѣлью благо русскаго народа, а на дѣлѣ нерѣдко причиняла ему одно зло. При этомъ рѣчь идетъ не объ одномъ лицѣ, даже не о лицахъ вообще, а о цѣлой системѣ, которая существуетъ въ Россіи какъ наслѣдіе средневѣковаго варварства; лица же упоминаются лишь по мѣрѣ интереса событій, въ которыхъ онѣ участвовали и за которыя, естественно, должны нести нравственную отвѣтственность. Самое построеніе книги авторъ старался оправдать въ особомъ введеніи; объ исполненіи же указанныхъ тамъ задачъ, къ сожалѣнію, слишкомъ далекомъ отъ совершенства, онъ позволяетъ себѣ сказать лишь одно: пусть завтра появится о данномъ предметѣ сочиненіе болѣе соотвѣтственное требованіямъ науки, и онъ первый будетъ рукоплескать. Авторъ даже надѣется, что появленіе такого сочиненія возможно въ недальнемъ будущемъ, потому что русская мысль съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все болѣе самостоятельности и зрѣлости. Только въ обнародованіе подобной книги въ самой Россіи онъ откровенно не вѣритъ. Иначе онъ попытался бы издать тамъ свою.

Ни одной минуты авторъ не сомнѣвается, что сочиненіе его не удовлетворитъ съ одной стороны тѣхъ лже-патріотовъ, которые держутся правила, что „грязное бѣлье не слѣдуетъ стирать на виду у всѣхъ,“ а съ другой тѣхъ космополитовъ, которые отрекаются отъ всякой національной точки зрѣнія на событія. Склоняться предъ требованіями тѣхъ или другихъ онъ и не имѣлъ въ виду, слѣдуя только голосу совѣсти и обращаясь къ большинству собственно-русскихъ людей своего времени, съ которыми желалъ бесѣдовать, какъ ихъ соотечественникъ. Въ этомъ послѣднемъ пріемѣ конечно, есть нѣчто пристрастное, ненаучное; но авторъ думаетъ, что сочувствіемъ къ судьбамъ русскаго народа можно вѣрнѣе

достигнуть пробужденія его къ самодѣятельности, чѣмъ однѣми холодными разсужденіями объ его осталости, на которыя и безъ того такъ щедры нетолько иностранцы, пишущіе о Россіи, но и нѣкоторые изъ ея урожепцевъ, носящіеся въ сферѣ отвлеченныхъ теорій. Цѣль настоящей книги — облегчить *русскимъ* людямъ трудъ обновленія въ памятіи пережитыхъ ими событій, помочь *имъ* осмыслить эти событія, и показать, на сколько существующее государственное устройство Россіи не соотвѣтствуетъ ея потребностямъ. Другихъ цѣлей у автора не было.

Въ заключеніе этого предисловія авторъ считаетъ небезполезнымъ сдѣлать оговорку. Въ первоначальной рукописи сочиненія имъ были сдѣланы многочисленныя ссылки на источники, часто даже на мелкія статьи изъ журналовъ и на необнародованныя бумаги. Но какъ это увеличивало объемъ книги на 50 или 60%, то цитаты эти опущены, а въ книгѣ оставлены лишь такія подстрочныя примѣчанія, которыя служатъ непосредственнымъ разъясненіемъ текста. Цитатами, какъ извѣстно, сочинители огораживаются отъ полемики; но кто-же не знаетъ въ наше время, что ихъ легко подтасовать тому, кто захотѣлъ бы быть пристрастнымъ или одностороннимъ? Примѣръ французскаго историка Тэна у всѣхъ на виду. И такъ, цитаты опущены, какъ вещь второстепенная; въ замѣнъ же ихъ авторъ дастъ въ концѣ сочиненія списокъ бывшихъ въ его распоряженіи источниковъ; а до того времени онъ проситъ у благосклонныхъ читателей довѣрія къ его добросовѣстности.

Октябрь 1868.

Paris, rue Jacob 44, le

Милостивый

Государь Федор Ф

Получив Ваше письмо,
чтобы дать на него обстоятельный
ответ мне следует к одной
которую считаю всеобъемлющей
"полной энциклопедии Истории
России", единодержавшего ея ме

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Вступительныя размышленія о содержаніи и изложеніи настоящаго сочиненія.

Peut-être arrivera-t-il bientôt dans la manière d'écrire l'histoire ce qui est arrivé dans la physique.
VOLTAIRE, 1744.

Историческую науку не разъ обвиняли въ томъ, что, владѣя запасомъ матеріаловъ самаго высокаго интереса и поучительности для людей, она не съумѣла доселѣ соорудить изъ нихъ зданія, соразмѣрнаго во всѣхъ частяхъ, логически стройнаго и потому способнаго производить не только живое, но и плодотворное впечатлѣніе на нашъ умъ. „Исторія никогда ничему не научила," сурово замѣтилъ одинъ изъ самыхъ великихъ мыслителей XIX вѣка, Гегель; и въ этомъ тяжеломъ укорѣ слышится столько практической правды, что надъ рѣшеніемъ вопроса, почему это

такъ? нельзя не остановиться съ самымъ глубокимъ вниманіемъ. Наиболѣе естественный и справедливый отвѣтъ на этомъ вопросъ состоитъ въ томъ, что историческая наука еще не уяснила своей цѣли, не опредѣлила круга своихъ задачъ и не выработала вѣрнаго способа ихъ обслѣдованія. То, что представляетъ собою логическій хаосъ, — какъ трудно объемлемая масса безпорядочно излагаемыхъ нынѣ историческихъ фактовъ,— то недоступно вообще для діалектическихъ соображеній и выводовъ, а слѣдовательно и лишено поучительности. Доказательство тому мы видимъ на примѣрѣ естествознанія. Не только совокупность природы, но самыя простыя, давно замѣченныя физическія явленія оставались необъясненными, то есть не входили въ область науки, пока имъ не было найдено мѣстъ въ отдѣльныхъ частяхъ ея, логически разграниченныхъ. Для достиженія же этой цѣли естествоиспытатели со временъ Аристотеля употребляли постоянно одно средство: собирали вмѣстѣ явленія, казавшіяся однородными и, по мѣрѣ возможности, обобщали ихъ, не стѣсняясь хронологическою послѣдовательностью наблюденій или открытій. Установивъ же отдѣлы науки, не допускали они явленіямъ чуждымъ данной области знаній вторгаться въ нее и тѣмъ затруднять обобщенія. Ни одинъ физикъ, напримѣръ, въ главѣ о тяготѣніи не пробовалъ говорить о свѣтѣ, не смотря на то, что теоріи обоихъ были даны однимъ и тѣмъ же лицомъ,

Ньютономъ. Ни одинъ астрономъ при изложеніи подробностей о солнечныхъ пятнахъ не касался фазъ Венеры, юпитеровыхъ спутниковъ и лунныхъ горъ, не смотря на то, что всѣ четыре явленія были открыты почти одновременно и тѣсно связаны съ исторіею одного изобрѣтенія—телескопа, и съ именемъ одного ученаго—Галилея Каждый фактъ въ области естественныхъ наукъ находитъ себѣ опредѣленное мѣсто въ ихъ системѣ, и отъ того развитіе знаній о природѣ совершается, по крайней мѣрѣ въ три послѣдніе вѣка, правильно, а цѣлая ихъ совокупность представляетъ картину, которая иногда, какъ въ „Космосѣ“ Гумбольдта, поражаетъ стройностью и даже художественностью. Ничего подобнаго нѣтъ въ исторіи, не смотря на превосходную риторическую отдѣлку многихъ произведеній ея.

* * *

Но не одного правильнаго, систематическаго, *поразряднаго* изложенія фактовъ не достаетъ исторіи, не смотря на то, что она считается „движущеюся статистикою,“ которая уже обладаетъ логическою, поразрядною методою построенія. Историческая наука даже до настоящаго времени не опредѣлила съ точностью *предмета* и *границъ* своихъ изысканій. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ одни писатели болѣе всего обращаютъ вниманіе на крупныя международныя событія, напр. переселеніе народовъ, битвы, завоеванія, разшире-

ніе колоній, увеличеніе всемірной торговли и т. п., другіе предпочтительно заботятся о разъясненіи частностей ежедневнаго быта, семейныхъ и общественныхъ отношеній людей или борьбы литературныхъ и политическихъ партій; третьи стараются съ особою отчетливостью изобразить ходъ усовершенствованія наукъ и искусствъ, какъ произведеній свободнаго творчества человѣка, а четвертые доказываютъ, что вся исторія есть результатъ вліянія на людей такихъ внѣшнихъ дѣятелей, какъ географическое положеніе и климатъ, противъ которыхъ человѣкъ совершенно безсиленъ. Тацитъ глубоко поражаетъ душу читателя картиною римскаго разврата и силою своего негодованія противъ него; Маколей, напротивъ, плѣняетъ эпически-спокойнымъ изображеніемъ историческихъ дѣятелей, взаимныхъ ихъ отношеній, ихъ свѣтской, боевой и парламентской жизни. Тьеръ увлекательно разсказываетъ о побѣдахъ Наполеона, а Бокль почти вовсе не занимается войнами и мелочною борьбою историческихъ лицъ, употребляя весь свой глубокій умъ и обширную ученость на отысканіе тѣхъ основныхъ физическихъ и нравственныхъ причинъ, которыя обусловили строй человѣческихъ обществъ и положеніе въ нихъ отдѣльнаго человѣка. Гизо въ исторіи цивилизаціи, т. е. образованности и гражданственности Европы, главное вниманіе обратилъ на разборъ прошедшихъ судебъ тѣхъ сословныхъ и политическихъ элементовъ, изъ которыхъ сло-

жились современныя европейскія *общество* и *государство* съ ихъ учрежденіями; а Дрэперъ, взявшій почти ту же тэму, преслѣдовалъ больше всего исторію безсословнаго умственнаго движенія, съ цѣлью показать, какъ выработывался современный европейскій *человѣкъ* съ его научными знаніями, нравственными и эстетическими понятіями. Шерръ въ его исторіи общества и нравовъ нѣмецкихъ пробовалъ слить оба эти направленія; но, создавъ рядъ живыхъ картинъ внутренняго быта нѣмцевъ, онъ совсѣмъ опустилъ исторію внѣшнихъ, международныхъ и вообще политическихъ отношеній Германіи, а изложеніемъ своимъ имѣлъ въ виду больше подѣйствовать на воображеніе читателей, чѣмъ на ихъ холодный разсудокъ.

Множество писателей за начало исторіи считали появленіе на землѣ первыхъ государствъ съ правильно организованною верховною властью и разными административными учрежденіями; а теперь мы требуемъ, чтобы на страницахъ исторіи находили себѣ мѣсто картины тѣхъ, гораздо болѣе отдаленныхъ временъ, когда люди жили еще по шалашамъ и пещерамъ, въ одиночку и семьями, и не только государствъ, а и родовыхъ общинъ не составляли, наукъ и искусствъ не знали, а въ борьбѣ съ животными и въ домашней жизни обходились какимъ нибудь плохо обтесаннымъ каменнымъ топоромъ. Мало того; современный историкъ-антропологъ ищетъ опредѣ-

лить, какъ исходную точку въ исторіи, ту геологическую эпоху, когда типъ животнаго Homo sapiens образовался изъ формъ непосредственно низшихъ его на зоологической лѣстницѣ. Съ другой же стороны историки разныхъ отраслей промышленности, строительнаго искусства, зодчества, ваянія, живописи, музыки и поэзіи, т. е. самыхъ высшихъ, самыхъ позднихъ по времени проявленій цивилизаціи, требуютъ для результатовъ своихъ трудовъ также законнаго мѣста во всеобщей исторіи.

* * *

Если мы отъ этого взгляда на различіе опредѣленій самаго *содержанія* исторической науки и ея *границъ* перейдемъ къ обзору тѣхъ *цѣлей*, которыя эта наука поставляла себѣ, и тѣхъ общихъ *выводовъ*, къ которымъ приходила, то разнообразіе выйдетъ еще поразительнѣе. Отецъ исторіи, Геродотъ, сообщалъ свои изящные разсказы о борьбѣ грековъ съ персами публично, на олимпійскихъ играхъ, чтобы возвеличить славу соотечественниковъ и сохранить ее для потомства. Римскій ораторъ и государственный человѣкъ, Цицеронъ, называлъ исторію „наставницею жизни,“ въ томъ смыслѣ, что она даетъ если не прямые совѣты, то примѣры, поучительные для устройства нашего поведенія въ разныхъ случаяхъ политической и частной жизни, а Гегель, какъ уже упомянуто, черезъ 1900 лѣтъ послѣ Цицерона, вовсе

усомнился въ ея поучительности. Изъ основателей философіи исторіи, какъ отдѣльной науки, одинъ, Вико, разсматривая ходъ самыхъ крупвыхъ историческихъ явленій, приходилъ къ заключенію, что людямъ суждено вращаться въ довольно тѣсномъ кругу, то поднимаясь въ своемъ развитіи, то падая, а другой, Фергьюсонъ, признавалъ только одно непрерывное и притомъ безконечное движеніе человѣчества впередъ (прогресъ). Прусскій король Фридрихъ Великій, который былъ столько же правитель-полководецъ, какъ и философъ-писатель, съ насмѣшкою увѣрялъ, что судьбами людей и ихъ обществъ управляетъ „его величество случай," а Боссюэтъ и, въ наше время, Лоранъ старались доказать, что въ этихъ судьбахъ непрерывно сказывается рука провидѣнія, при чемъ еще у Лорана нашелъ себѣ мѣсто въ исторіи и дьяволъ, не смотря на то, что глубоко ученый бельгійскій писатель принадлежитъ къ людямъ съ очень либеральными мыслями.

* * *

Какое мѣсто во всеобщей исторіи должны занимать бытописанія отдѣльныхъ народовъ?—этого ни одинъ историкъ-философъ доселѣ не опредѣлилъ съ точностью. *) На практикѣ принято говорить во всеобщеисторическихъ обзорахъ

*) Извѣстное пріурочиванье отдѣловъ всемірной исторіи къ судьбамъ четырехъ племенныхъ группъ, сдѣланное Гегелемъ, конечно, не выдерживаетъ критики и никогда не было принято историками.

только о такъ называемыхъ образованныхъ націяхъ, какъ будто необразованные народы, напр. гунны, арабы, монголы, тюрки, не имѣли по временамъ самаго рѣшительнаго вліянія на судьбы всего человѣчества. Этотъ практически выработавшійся пріемъ—обходить нѣкоторыя націи—рѣшительно не имѣетъ логическихъ основаній, а потому мы видимъ, что въ курсы всеобщей исторіи, недалѣе ста лѣтъ назадъ касавшіеся исключительно Европы и западной Азіи, мало-по-малу проникаютъ краткіе обзоры исторіи народовъ восточной Азіи, хотя эти обзоры являются тамъ совершенно чуждыми остальнымъ частямъ сочиненій. Затѣмъ при составленіи всемірной исторіи изъ ряда бытописаній національныхъ принято дѣлить послѣднія на части, сообразно періодамъ, искуственно придуманнымъ для исторіи всего человѣчества, и это производитъ полный хаосъ въ построеніи этой послѣдней. Она является намъ какимъ то страннымъ „покровомъ надъ событіями,“ а не зеркаломъ ихъ, покровомъ, который сшитъ изъ лоскутковъ разнородныхъ тканей, разнаго объема, цвѣта и совершенно произвольныхъ фигуръ. Окончивъ говорить о столѣтней войнѣ между Англіею и Франціею, историкъ переходитъ, — самъ не давая себѣ отчета, почему, — къ взятію турками Константинополя, потомъ говоритъ о судьбѣ скандинавскихъ государствъ послѣ кальмарской уніи, о борьбѣ политическихъ и династическихъ партій въ Италіи, о возстановленіи неза-

висимости Россіи отъ татаръ и наконецъ переходитъ къ борьбѣ испанцевъ съ маврами и къ открытію Америки. Какую связь, кромѣ хронологической, и то очень слабой, можно найдти между всѣми этими событіями и почему именно нѣкоторыя изъ нихъ переходятъ изъ бытописаній національныхъ въ исторію всемірную, этого, къ сожалѣнію, ни одинъ историкъ намъ еще не объяснилъ. Обыкновенно ограничиваются подразумѣваемымъ мнѣніемъ, что всемірной исторіи принадлежатъ важнѣйшія, болѣе крупныя событія, а національнымъ — частности. Но въ такомъ случаѣ можно бы спросить: освобожденіе русскихъ крестьянъ и американскихъ негровъ, давшія новую жизнь тридцати милліонамъ людей и измѣнившія жизненныя условія ста другихъ милліоновъ, но совершившіяся въ предѣлахъ только двухъ странъ, суть ли событія всемірно-историческія или исключительно національныя, русское и американское? присоединеніе Неаполя къ Сардиніи, въ которомъ участвовали одни итальянцы, было важно для одной ли Италіи или для всей Европы, а съ него и для цѣлаго свѣта? Съ другой стороны, революція 1848 года была ли дѣйствительно міровымъ событіемъ, если она не вызвала потрясеній не только въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, но въ восточной Европѣ и даже въ близкихъ къ полю событій Англіи, Бельгіи, Голландіи и Испаніи? Казалось бы, что послѣ этого ее скорѣе можно признавать частнымъ дѣломъ нѣсколькихъ націй,

особенно Франціи, Германіи и Италіи, чѣмъ явленіемъ міровой важности. Мы не будемъ здѣсь подбирать большаго числа примѣровъ и доводовъ; но, кажется, и изъ сказаннаго ясно, что мѣрка, по которой однѣ событія вносятся во всемірную исторію, а другія нѣтъ, совершенно ненаучна, вполнѣ условна и больше всего зависитъ отъ личныхъ взглядовъ писателей; а пока личные взгляды имѣютъ такое рѣшительное вліяніе на построеніе извѣстной отрасли знаній, она не можетъ считаться наукообразною. Наука есть плодъ мышленія родоваго, т. е. безличнаго.

Въ ослабленіе этихъ послѣднихъ замѣчаній можно бы привести мнѣніе Гердера, который справедливо призналъ, что у каждаго народа есть *свой* путь, которымъ онъ идетъ къ достиженію *общечеловѣческихъ* идеаловъ жизни политической, общественной и личной; что, слѣдовательно, разнородность и, такъ сказать, разноцвѣтность событій, вносимыхъ исторіею каждаго народа въ потокъ исторіи всемірной, можетъ вовсе не мѣшать послѣдней составлять научно-стройное цѣлое. Но оспаривать эту мысль германскаго философа мы не станемъ въ виду того, что современная всемірная исторія вовсе не представляетъ не только стройной, но даже цѣльной картины хотя бы самой посредственной работы. Изъ нея можно выпустить или къ ней прибавить цѣлыя главы, и никто не замѣтитъ, что тутъ не достаетъ или что вошло посторонняго.

* *
*

Свѣдѣнія о прошедшихъ судьбахъ отдѣльныхъ народовъ обработаны во многихъ случаяхъ лучше, чѣмъ исторія всего человѣчества; впрочемъ, *лучше* почти только въ смыслѣ полноты, а не научнаго изложенія фактовъ. При всемъ удивленіи къ такимъ превосходнымъ трудамъ, какъ „исторіи“ Греціи — Грота, Рима — Момсена, Англіи — Юма, Лингарда и Стоббса, Франціи — Мишле и Анри Мартэна, Швейцаріи — Миллера, Швеціи — Гойера, Россіи — Карамзина и Соловьева, Соединенныхъ Штатовъ—Банкрофта, — нельзя не признать, что имъ свойственны многіе изъ тѣхъ недостатковъ, на которые мы указали относительно сочиненій по всеобщей исторіи. И самая полнота ихъ очень условна, потому что ни у одного почти изъ названныхъ писателей нѣтъ ни антропологической исторіи расъ, о судьбахъ которыхъ они говорятъ, ни обстоятельнаго изложенія исторіи промышленности, наукъ и искусствъ въ ихъ странахъ. Объяснить послѣдній недостатокъ, конечно, легко невозможностью для одного лица обнять всю массу источниковъ, самое пониманіе которыхъ нерѣдко требуетъ спеціальныхъ познаній; но фактъ неполноты остается во всей своей силѣ. Вотъ почему гораздо лучшими историческими сочиненіями приходится считать тѣ, которыя касаются лишь отдѣльныхъ эпохъ или эпизодовъ изъ цѣльной лѣтописи того или другаго

народа. Такими эпизодами явились, напримѣръ, у грековъ персидскія войны, описанныя Геродотомъ, пелопонезская война — Ѳукидитомъ и отступленіе десяти тысячъ—Ксенофонтомъ; у римлянъ — событія временъ паденія республики и начала имперіи, изображенныя въ трудахъ Юлія Цезаря и Тацита, и постепенное паденіе западной имперіи, описанное въ гораздо позднѣйшее время Гиббономъ. Новая Европа имѣетъ хорошіе образцы подобныхъ же трудовъ въ исторіи реформаціи Ранке, въ исторіи XVIII вѣка Шлоссера и въ ея продолженіи Гервинуса. Въ частности же у отдѣльныхъ европейскихъ народовъ мы находимъ для Франціи разсказы о временахъ меровинговъ Ам. Тьерри и цѣлый рядъ сочиненій о великой революціи XVIII вѣка Тьера, Мишле, Кине, Тэна и пр.; для Англіи исторіи завоеванія ея норманнами Ав. Тьерри и Фримана, исторію событій времени Генриха VIII и Елизаветы — Фрауда и сочиненія о переворотахъ XVIII вѣка Гизо и Маколея; для Голландіи исторію освобожденія Нидерландовъ Мотлея; для Испаніи исторіи Карла V Робертсона и Филиппа II Прескотта, для Италіи исторію флорентинской республики Макіавеля, и много другихъ. Но сочиненія эти, составляя дѣйствительно драгоцѣнное достояніе литературы, далеко невсегда безупречны въ научномъ смыслѣ. Нерѣдко они объ одномъ и томъ же предметѣ даютъ совершенно различныя понятія, какъ напр. книги Фримана и Тьерри о заво-

еваніи Англіи норманнами, труды Ланфрея и Тьера о первой французской имперіи *). „Сколько ученыхъ, столько и наукъ," можно сказать про нихъ, не рискуя подвергнуться упреку за неуваженіе къ достойнымъ писателямъ. Вотъ почему для указанія сочиненій, научная постройка которыхъ болѣе удовлетворительна, приходится обращаться къ тѣмъ историческимъ монографіямъ, которыя, касаясь судебъ одного или даже нѣсколькихъ народовъ, относятся не столько къ данному промежутку времени, сколько къ тому или другому спеціальному вопросу изъ цѣлой народной исторіи. Этого рода сочиненія нынѣ умножаются съ каждымъ годомъ и представляютъ дѣйствительно важное обогащеніе наукообразной исторіи, для которой каждая изъ такихъ монографій можетъ служить готовымъ матеріаломъ отдѣльной главѣ. Мы имѣемъ подобныя на русскомъ языкѣ въ сочиненіяхъ: Кавелина—объ юридическомъ бытѣ древней Россіи, Бѣляева — о крестьянахъ на Руси, Неволина—объ исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ, Забѣлина — о домашнемъ бытѣ московскихъ царей, Пыпина—о судьбахъ русскаго просвѣщенія въ XIX вѣкѣ, и пр. Въ западоевропейскихъ же литературахъ этого рода изданія столь многочисленны, что указать только на самыя выдающіяся значило бы исписать цѣлыя страницы названіями книгъ и ихъ авторовъ.

*) У насъ нѣчто подобное представляетъ изслѣдованія о первыхъ годахъ русской исторіи Погодина и Костомарова.

* * *

Такимъ образомъ мы перечислили четыре главные разряда сочиненій о прошедшихъ судьбахъ человѣчества и указали вкратцѣ на достоинства и недостатки ихъ современнаго построенія. Очевидно, что по отношенію къ послѣднему желателенъ широкій прогрессъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ возможенъ, потому что въ большей части случаевъ стоитъ только историкамъ отъ лѣтописно-повѣствовательной формы изложенія перейдти къ описанію и оцѣнкѣ фактовъ народной жизни по разрядамъ, чтобы прійдти къ важнымъ и прочнымъ научнымъ выводамъ. Опыты подобнаго категоричнаго построенія исторіи и сдѣланы напр. въ „Изслѣдованіяхъ объ исторіи человѣчества“ Лорана, а еще лучше въ „Россіи и русскихъ“ Больe, въ „Успѣхахъ Индіи“ Маркхэма и т. п. Въ двухъ послѣдне-названныхъ сочиненіяхъ исторія слилась уже со статистикой, и отъ того выводы ея отличаются и ясностью, и наукообразною строгостью. Но сверхъ этихъ четырехъ разрядовъ историческихъ сочиненій существуютъ еще два, притомъ очень важные: біографіи и историческіе романы или поэмы, вѣрно изображающіе качества и общественное положеніе типическихъ, хотя бы даже отвлеченныхъ, лицъ данной эпохи. Къ нимъ, должно признаться, статистическая метода не примѣнима. Какое же мѣсто должны они занимать въ томъ, что мы называемъ наукообразной

исторіей? На этотъ вопросъ позволимъ себѣ отвѣтить слѣдующимъ разсужденіемъ.

Когда въ первой половинѣ XIX вѣка передовые представители образованнаго общества прочно усвоили мысль, что развитіе всего человѣческаго рода совершается по строго опредѣленнымъ законамъ, предъ которыми личная воля одного человѣка почти ничтожна; тогда дѣйствительно казалось, что научное значеніе біографій должно умалиться, потому что онѣ занимаются слишкомъ отрывочными, такъ сказать случайными образцами рода человѣческаго, которые могли быть и не быть, не измѣняя этимъ существенно общаго хода исторіи. Но не говоря уже про такихъ великихъ дѣятелей, какъ Александръ Македонскій, Коломбъ, Петръ I, Вольтеръ, которые шли впереди своего времени и такъ много сдѣлали однми личными дарованіями, біографія почти каждаго общественнаго дѣятеля можетъ представить много драгоцѣнныхъ подробностей, характеристическихъ для его времени и, слѣдовательно, принадлежащихъ исторіи. Такъ въ жизнеописаніяхъ Бальбоа и Кортеса, Ульриха Гуттена и Эразма столь живо отпечатлѣвается характеръ великаго вѣка географическихъ открытій за океанами и начала религіозно - политическаго перерожденія Европы, что около каждой изъ этихъ личностей рука историка-художника всегда съумѣетъ обрисовать живую картину конца XV и начала XVI столѣтій. Такъ около именъ Грибоѣдова, Пушки-

на, Лермонтова, Гоголя, Герцена, Тургенева и Салтыкова нетрудно сгруппировать самые важные факты умственнаго и общественнаго развитія Россіи слишкомъ за полстолѣтіе, и не безъ основанія нетолько жизнь самихъ этихъ писателей, но и жизнь созданныхъ ими фиктивныхъ лицъ, Чацкаго, Онѣгина, Печорина, Чичикова, Бельтова, Базарова, какъ представителей своихъ поколѣній, имѣетъ право на вниманіе мыслящаго историка. Отсюда, слѣдовательно, совершенно законенъ выводъ, что біографіи имѣютъ право на мѣсто въ наукѣ; но это еще не все.

Біографическій элементъ особенно важенъ въ исторіи потому, что онъ снимаетъ съ ея изложенія отвлеченную сухость, которая была бы неизбѣжна, если бы историкъ попробовалъ, какъ статистикъ, ограничиваться одними голыми фактами экономической, политической и общественной жизни націи, не связывая съ ними личностей, дѣйствовавшихъ на историческомъ поприщѣ или представлявшихъ свое время. Что осталось бы, напримѣръ, для человѣка, т. е. существа не только мыслящаго, но и чувствующаго, отъ исторіи революціи 1789—815 годовъ, если бы лѣтописецъ той эпохи не упомянулъ о Руссо и Вольтерѣ, о Мирабо, Дантонѣ и Робеспьеррѣ, о Маріи-Антуанетѣ, Роланъ и Корде, о Некерѣ, Сіесѣ и Бонапартѣ? Права этихъ лицъ на славу различны, самая слава неоднородна; но исторія не можетъ обойдти ихъ молчаніемъ, потому что они вопло-

тили въ себѣ великую борьбу за обновленіе человѣчества. Нравственное чувство потомковъ было бы неудовлетворено, если бы они не знали, кто были тѣ великіе предки, которые стояли у кормила корабля, когда онъ окончательно выходилъ изъ узкаго моря средневѣковыхъ преданій въ широкій океанъ современности. И если исторія должна образовывать не только нашъ умъ, но и сердце, то въ ней всегда должны имѣть мѣсто жизнеописанія лицъ, двигавшихъ событіями своего времени, подготовлявшихъ ихъ и нерѣдко платившихъ за то утратою достоянія, свободы и самой жизни. Для молодыхъ поколѣній, которыя изъ исторіи узнаютъ о своемъ родствѣ съ предками и изъ ней же почерпаютъ потомъ правильное пониманіе степени собственнаго развитія, живыя изображенія историческихъ личностей, съ ихъ заслугами и ошибками, особенно поучительны. И Плутархъ, на которомъ воспиталося столько благородныхъ историческихъ дѣятелей, на всегда сохранитъ для юношества то нравственно-поучительное значеніе, которымъ онъ пользуется уже столько вѣковъ. Для образованія же ума зрѣлыхъ людей немалую пользу могутъ оказать изящныя жизнеописанія государственныхъ мужей и писателей Маколея, біографіи открывателей Новаго Свѣта Вашингтона Ирвинга и Прескотта, Тацитова біографія Агриколы, и пр.

Этими соображеніями опредѣляется и мѣсто біографій въ исторіи отдѣльныхъ націй и всего

человѣчества. Жизнь замѣтнаго общественнаго дѣятеля должна быть описана тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о дѣлахъ, имъ совершенныхъ на пользу или вовредъ людей. Но эта біографія не должна быть несоразмѣрно пространна и не должна касаться такихъ обстоятельствъ жизни даннаго лица, которыя вовсе не отражались на его общественной дѣятельности. Для образованія нравственнаго чувства молодыхъ поколѣній, для развитія въ нихъ благородныхъ побужденій, симпатій къ истинѣ, добру и красотѣ, настойчивости въ достиженіи идеаловъ, твердости въ несчастіяхъ и пр. полезно имѣть рядъ подробныхъ біографій наиболѣе выдающихся историческихъ дѣятелей; но изъ этихъ біографій только немногое должно переходить въ исторію-собственно, чтобы мелкими подробностями о частной жизни не затемнять главныхъ чертъ картины, которая изображаетъ развитіе цѣлаго народа или даже всего человѣчества.

* * *

Историческимъ поэмамъ, романамъ и даже легендамъ также по справедливости должно принадлежать замѣтное мѣсто при разработкѣ наукообразной исторіи. Одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ историковъ нашего вѣка, Авг. Тьерри, открыто признавалъ, что многія философскія задачи предпринятаго имъ труда объ исторіи завоеванія Англіи норманнами стали для него ясны лишь послѣ чтенія романовъ Вальтеръ-Скотта. И въ са-

момъ дѣмѣ, хорошій романъ нерѣдко рисуетъ, напр., сословныя и семейныя отношенія лучше, чѣмъ длинныя юридическія дисертаціи о нихъ. И лучшіе историки-художники издавна пользовались этими произведеніями вымысла, чтобы оживлять создаваемыя ими картины отдаленныхъ эпохъ. хотя не всегда это дѣлали сознательно, какъ Тьерри. Первоначальная исторія Греціи не потому ли имѣетъ такую чарующую прелесть и такъ хорошо сохраняется въ памяти, что она значительную долю своего содержанія заимствуетъ изъ Иліады, т. е. изъ исторической поэмы или свода легендъ? Исторія заселенія Соединненыхъ Штатовъ не выиграла ли въ ясности, когда появились романы Купера? И у насъ Юрій Милославскій, Капитанская Дочка, Ледяной Домъ, Тарасъ Бульба, Князь Серебрянный, Война и Миръ, развѣ не лучше познакомили общество съ тѣми эпохами, которыя изображаютъ, чѣмъ нѣкоторыя объемистыя и скучныя произведенія историковъ ex professo?

Наконецъ есть и еще поэтическія произведенія, которыми историкъ-философъ пренебрегать не можетъ и которыя часто имѣютъ право занять мѣсто въ лѣтописяхъ человѣческаго развитія даже въ цѣломъ своемъ составѣ. Разумѣемъ тѣ народные гимны или пѣсни, которые вдохновляли участниковъ и современниковъ великихъ событій, поддерживали ихъ мужество въ борьбѣ съ препятствіями или сохранили память о ходѣ этой борьбы. Безсмертнымъ типомъ подобныхъ исто-

рическихъ гимновъ служитъ La Marseillaise, которая едва ли менѣе послужила для успѣха войнъ обновленной Франціи, чѣмъ геній ея полководцевъ конца XVIII столѣтія. Умолчимъ о томъ, что при звукахъ ея и до нынѣ трепещутъ сердца поборниковъ свободы; но кто не согласится, что она— великій историческій документъ, потому что лучше передаетъ настроеніе французовъ въ 1793 году, чѣмъ многотомныя диссертаціи о той же эпохѣ разныхъ историковъ ex officio?... И въ сосѣдней съ Франціею Германіи не слышимъ ли мы подобной, потрясающей немѣцкія сердца, пѣсни, въ которой народъ спрашиваетъ себя: „гдѣ отечество?“ (Wo ist das deutsche Vaterland?) и въ гордомъ сознаніи своего могущества отвѣчаетъ: „вездѣ, гдѣ слышится немѣцкая рѣчь.“ У насъ въ Россіи, или по крайней мѣрѣ въ русскомъ войскѣ, развѣ не сдѣлалась популярною крымская пѣсня о 4 августа 1855 года, гдѣ русскій человѣкъ, съ усмѣшкою на устахъ, выразилъ свое презрѣніе къ недостойнымъ руководителямъ тѣхъ усилій, которыя дѣлались благороднѣйшими сынами Россіи, чтобы спасти ея національную честь и ея интересы? И кто же изъ живыхъ душою русскихъ людей не скажетъ, что она имѣетъ больше правъ на сохраненіе въ потомствѣ, чѣмъ многотомныя сочиненія о восточной войнѣ, умалчивающія объ этой сатирической легендѣ изъ свѣтскихъ приличій? Нѣчто подобное упомянутымъ здѣсь тремъ поэтическимъ произведеніямъ можно

найдти почти у каждаго народа, даже отжившаго политически, какъ поляки, среди которыхъ пѣсня двадцатыхъ годовъ нашего вѣка: »Jeszcze Polska nie zginela, poki my zyjemy» знакома каждому съ дѣтства. И кажется, что всѣ подобные, истинно національные, гимны должны свято сохраняться на скрижаляхъ исторіи, если она хочетъ поддержать живую связь между поколѣніями, отошедшими въ непробудный сонъ вѣчности, и поколѣніями, для которыхъ только-что занимается заря бытія.

* * *

Вотъ въ какихъ рамкахъ и съ какими подробностями, ихъ наполняющими, представляется исторія умственному взору современнаго человѣка, вотъ чего можетъ требовать онъ отъ тѣхъ писателей, которые рѣшаются посвящать свои труды изученію прошлыхъ судебъ человѣчества съ цѣлью разумно повліять на ходъ судебъ будущихъ. Исполнимы ли эти требованія? Можно ли ожидать, что *одинъ* человѣкъ когда-нибудь возвысится до подобной многосторонности? Не знаемъ, думаемъ, что сразу и въ скоромъ времени — нѣтъ. Историческая наука, какъ и всякая другая, должна быть создана собирательнымъ трудомъ всѣхъ работающихъ на полѣ исторіи и построена по діалектическому плану, этого же сдѣлать нельзя въ короткое время, потому что сами рабочіе не уяснили еще вполнѣ цѣли общаго труда и не

усвоили себѣ одной методы, т. е. программы задачъ и способовъ ихъ исполненія. Будемъ надѣяться, что метода эта наконецъ выработается и установится прочно, и тогда мало по малу сдѣлается посильнымъ для каждаго развитаго человѣка такой трудъ, который теперь кажется неисполнимымъ по своей необъятности или, точнѣе, сложности. Во всякомъ случаѣ замѣтимъ, что отнынѣ разумнымъ историкомъ можетъ быть лишь тотъ кому не чужда ни одна область знанія и ни одна сфера практической жизни.

Изложивъ эти руководящія соображенія, мы могли бы приступить къ категорическому объясненію программы того труда, къ которому настоящія строки служатъ введеніемъ. Но какъ исторія уже признана нами за движущуюся статистику, то программа наша составляетъ почти простое повтореніе обыкновенныхъ плановъ статистическихъ сочиненій и потому, послѣ всего сказаннаго, въ особомъ логическомъ оправданіи едва ли нуждается. Гораздо важнѣе въ этомъ введеніи коснуться другой стороны нашего дѣла, именно, оправдать самую *тэму* нашего сочиненія. Въ образованномъ обществѣ нерѣдко слышится отзывъ, что писать исторію данной эпохи можно лишь спустя нѣкоторое время послѣ ея; а потому естественно нашъ ожидать вопроса, почему мы пренебрегли этимъ „закономъ,“ т. е. почему на-

писана эта книга, когда эпоха, которой она посвящена, еще не завершилась, когда многія дѣйствующія лица еще не сошли со сцены и когда много тайныхъ пружинъ, приводившихъ въ движеніе государственную машину, остаются нераскрытыми? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить по пунктамъ, категорически. Во первыхъ, ни какая эпоха въ исторіи націи не имѣетъ строго опредѣленныхъ начала и конца. Народъ—не отдѣльный человѣкъ, про котораго можно сказать, что для него прошедшее начинается со дня смерти, какъ начиналося настоящее въ день рожденія. Настоящее народа не имѣетъ рѣзко опредѣленныхъ предѣловъ; оно незамѣтно переходитъ и въ прошедшее, и въ будущее; слѣдовательно, границы эпохи, избираемой историкомъ, чисто условны, и для него вчерашнія событія также могутъ быть названы прошедшими, какъ и тѣ, которыя случились сто лѣтъ назадъ, т. е. могутъ считаться достояніемъ его науки. Наша же цѣль—не біографія императора Александра II, а именно обзоръ развитія Россіи съ 1855 года, развитія, въ которомъ далеко не все зависѣло отъ воли этого государя. И если начало избранной нами эпохи совпадаетъ съ началомъ его царствованія (или, точнѣе, съ временемъ крымской войны, раскрывшей русскимъ ихъ политическую отсталость), то концомъ ея свободно можетъ быть признанъ хотя бы вчерашній день, отошедшій въ вѣчность точно такъ же, какъ прошлый годъ и

прошлое столѣтіе. Вовторыхъ, если нѣкоторыя изъ побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ событія 1855—78 годовъ, остаются намъ неизвѣстными, то въ этомъ большой важности нѣтъ. Въ наше время широко распространенной гласности отъ вниманія историка могутъ ускользнуть лишь весьма второстепенныя изъ этихъ причинъ, главнымъ образомъ личныя отношенія двигателей событій и исполнителей того, что въ общихъ чертахъ опредѣлено потребностями эпохи. Для Sa Majésté le Hasard, который считался всемогущимъ еще въ XVIII вѣкѣ, ходъ развитія образованныхъ націй оставляетъ нынѣ лишь извѣстную долю вліянія, далеко не главную. Поэтому, если нѣкоторыя изъ побудительныхъ причинъ совершившихся съ 1855 года событій и ускользнутъ отъ насъ, то пропускъ этотъ не будетъ существенно важнымъ. Мы же съ своей стороны постараемся всякій разъ, когда не будемъ въ состояніи говорить en connaissance des causes, упоминать объ этомъ, чтобы вопросы оставались открытыми, какъ это дѣлается въ математикѣ и естествознаніи. Тогда будущимъ историкамъ нетрудно будетъ пополнить недостающее, по мѣрѣ обнародованія матеріаловъ. Въ третьихъ, что касается до предразсудка, по которому нельзя писать исторіи, пока историческія лица не умерли, то это очевидно уловка, придуманная эгоизмомъ самихъ историческихъ лицъ, которымъ не хочется, чтобы ихъ судили при ихъ жизни; и мы можемъ только жалѣть, что

многіе историки покровительствовали доселѣ этой уловкѣ, иногда изъ свѣтскихъ приличій, иногда просто изъ низкой угодливости передъ сильными міра сего. Я же кладу основаніемъ моей работы совершенную отчужденность отъ лицъ, такъ, какъ будто они были мертвыми. „Нѣсть лести во языцѣ моемъ,“ какъ читатель, быть можетъ, увидитъ изъ самой книги, если удостоитъ прочесть ее. Притомъ до частной жизни историческихъ дѣятелей мнѣ нѣтъ почти дѣла. Я беру лишь то, что въ этой жизни принадлежитъ русской исторіи, что непосредственно обусловливало публичную дѣятельность лицъ и ихъ вліяніе на общество и государство; а эта сторона каждой частной біографіи есть, во всякомъ случаѣ, достояніе публики. Кто хочетъ, чтобы жизнь его оставалась вполнѣ неизвѣстною, тотъ не долженъ вовсе выступать на поприще общественной дѣятельности, а также не пользоваться на счетъ народа какимъ нибудь выдающимся положеніемъ. Иначе люди сильные могли бы совершать множество злодѣяній безъ всякой, даже чисто нравственной, отвѣтственности предъ современнымъ имъ обществомъ и потомствомъ.

* * *

Въ подтвержденіе этихъ доводовъ позволю себѣ напомнить прошлыя судьбы исторической науки. Древность намъ завѣщала превосходные историческіе труды Геродота, Ѳукидита, Ксенофонта,

Цезаря, Саллюстія и Тацита. Всѣ они написаны были, такъ сказать, по свѣжимъ слѣдамъ событій, современниками ихъ или даже участниками. И никто еще не уличилъ во лжи ни Ѳукидита, ни Тацита, ни даже Цезаря, хотя послѣдній писалъ самъ о себѣ. Въ новое время Шлоссеръ и Гервинусъ, Луи-Бланъ и Таксилъ-Делоръ, графы Парижскій и Мольтке, у насъ Головачевъ и Богдановичъ, развѣ не изображали событій имъ современныхъ и притомъ не въ формѣ личныхъ „воспоминаній," а въ изложеніи наукообразномъ? Это даетъ намъ смѣлость думать, что и нашъ посильный трудъ можетъ оказаться непротиворѣчащимъ требованіямъ науки. Своеобразное же его построеніе, т. е. не хронологическое, о попредметное, сверхъ изложенныхъ выше соображеній, мы можемъ оправдать примѣрами очень поглядными и вполнѣ современными. Извѣстные отчеты о состояніи Индіи, издаваемые ежегодно при англійскомъ парламентѣ и составляющіе до нѣкоторой степени текущую исторію этой страны, излагаются почти въ той же формѣ, какъ и настоящая книга. Въ нихъ только нѣтъ оцѣнки дѣятельности историческихъ лицъ; но это потому, что они принадлежатъ къ разряду сочиненій оффиціальныхъ, издаваемыхъ больше для нуждъ правительства, хорошо знакомаго съ этими лицами, чѣмъ для общества. Притомъ все, что нужно для научной оцѣнки дѣятельности генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ Индіи, а также центральнаго упра-

вленія этой страною въ Лондонѣ, находитъ мѣсто въ другихъ парламентскихъ актахъ, также составляющихъ публичное достояніе. Разница нашего сочиненія отъ трудовъ Маркхэма и Гюгса состоитъ въ томъ, что мы соединили въ одно цѣлое то, что у англичанъ разбито по нѣсколькимъ отдѣльнымъ изданіямъ. Но впрочемъ, не будемъ ссылаться на сочиненія, касающіяся государствъ иностранныхъ. Европейская литература уже имѣетъ нѣсколько трудовъ о современной Россіи, которые изложены не въ хронологическомъ, о попредметномъ порядкѣ. Такова извѣстная книга на англійскомъ языкѣ Макензи-Уоллеса, таковъ недавно начатый трудъ Шмейдера на нѣмецкомъ, таковы французскія статьи въ Revue des deux Mondes А. Леруа-Болье, таково, наконецъ, на русскомъ языкѣ сочиненіе Головачева: „Десять лѣтъ реформъ.“

* * *

Заключимъ эти вступительныя замѣтки указаніемъ на свойство сдѣланнаго нами выбора историческихъ фактовъ. Что *всѣ* данныя, которыми выражается жизнь восьмидесяти милліоннаго народа за цѣлую почти четверть вѣка, не могутъ найдти мѣста на страницахъ исторіи, это понятно самою собою. Человѣку не достало бы жизни написать *полную* въ этомъ смыслѣ біографію одного себя. Но выборъ фактовъ, очевидно, не можетъ же быть случайностью или слѣдствіемъ

личнаго произвола; иначе было бы столько же исторій, сколько историковъ. Прошедшее освѣщалось бы тогда одностороннимъ свѣтомъ, и притомъ такъ, что потомки не знали бы, какую же „личную поправку“ нужно вводить въ свидѣтельство даннаго автора. Мы потому скажемъ прямо, что, хотя при пользованіи разнородными источниками, мы старались избѣгать всякихъ предвзятыхъ мыслей; но главною нашею заботою было внести въ сочиненіе лишь такіе факты 1), которые характеризуютъ наше время, его передовыхъ дѣятелей и само русское общество въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, и 2), которые скрывались доселѣ отъ взоровъ большинства, частію по причинамъ политическимъ, частію, и гораздо болѣе, по побужденіямъ личнымъ. Достовѣрность ихъ для насъ самихъ не подлежитъ сомнѣнію; если же будутъ лицами болѣе насъ свѣдущими найдены ошибки, то намъ можно только пожелать, что бы онѣ были какъ можно скорѣе исправлены путемъ откровенной и честной гласности.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Состояніе Россіи при смерти Николая I.

Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее.

Карамзинъ.

Тяжелое время переживала Россія, когда, 18 февраля 1855 г., во второмъ часу дня, разнеслась по Петербургу вѣсть о смерти императора Николая. Безуспѣшная война съ грозной коалиціей четырехъ европейскихъ державъ истощала средства страны, и безъ того скудной отъ природы и безжалостно раззорявшейся, въ теченіе столѣтій, представителями московско-царскаго и петербургско-императорскаго деспотизма, помѣщиками и чиновниками. Ни откуда не было слышно сочувственнаго слова къ ея горестному положенію, къ бѣдамъ, ея постигшимъ, но вызваннымъ не ею, а тираномъ, который тридцать лѣтъ сряду старательно убивалъ все живое не только у себя дома, но и въ сосѣднихъ странахъ, чѣмъ самымъ

возбуждалъ къ себѣ и къ своему народу всеобщую ненависть.[1]) Австрія открыто готовилась стать въ ряды коалиціи; Пруссія сообщала, что она съ трудомъ удерживаетъ свой нейтралитетъ передъ угрозами Наполеона;[2]) Швеція заключила съ союзниками договоръ о сохранности ея владѣній, направленный прямо противъ Россіи. Театръ войны обнималъ огромныя пространства по окраинамъ имперіи, отъ Бѣлаго моря до Арарата, отъ Торнео до Севастополя, отъ устьевъ Дуная до низовьевъ Амура и до Камчатки. Путей сообщенія сколько нибудь сносныхъ не было, а потому подвозка всего нужнаго для арміи обходилось страшно дорого и часто запаздывала. Хорошаго оружія у арміи не было, такъ что подъ Севастополемъ выдавались преміи солдатамъ, успѣвавшимъ захватывать непріятельскія ружья. Пороху часто не

1) Возросшую особенно съ 1849 г., т. е. съ венгерской войны.

2) Наполеонъ былъ лично озлобленъ на Николая за признаніе его только *вторымъ*, а не *третьимъ*, и потому старался вовлечь въ коалицію возможно большее число союзниковъ. При своемъ захватѣ императорства онъ искалъ союзниковъ между потентатами Европы, чтобы для развлеченія французовъ затѣять хоть какую нибудь войну, и естественно обратился къ самому войнолюбивому и деспотичному, Николаю, чтобы начать войну съ Англіею; но признаніе его вторымъ, а не третьимъ, заставило его отвернуться отъ Россіи и вступить въ союзъ съ Англіею. Это разсказывалъ въ печати Киселевъ, бывшій русскій посланникъ въ Парижѣ, да и общепризнано всею Европою.

доставало;[1]) сняряды и орудія перевозились съ трудомъ по грязнымъ равнинамъ Крыма, черезъ горы Кавказа или необъятныя пространства Сибири.[2]) Продовольствіе арміи, вслѣдствіе хищничества провіантскихъ чиновниковъ, было крайне неудовлетворительно; числительность ея на главномъ театрѣ войны слаба, потому что въ ожиданіи нападенія съ разныхъ сторонъ пришлось раздробить огромныя, сами по себѣ, вооруженныя силы имперіи по частямъ. Но, самое главное, не было среди генераловъ ни одного, способнаго руководить энергически оборонною страны, потому что въ тридцать лѣтъ своего царствованія Николай тщательно убивалъ все способное, энергическое, самостоятельное.[3]) „Ему нужны были докладчики, а не совѣтники, вѣстовые, а не воины“, какъ сказалъ одинъ великій писатель, современникъ

[1]) См. донесенія Меньшикова и Горчакова изъ подъ Севастополя, напечатанныя въ *Русской Старинѣ*.

[2]) Тяжелыя бомбовыя орудія перевозились на устье Амура, черезъ всю Сибирь на обывательскихъ лошадяхъ, которыхъ иногда требовалось до сорока подъ одну пушку. Жители Сибири долго вспоминали объ этомъ.

[3]) Въ 1843 г. желая найдти преемника Розену въ управленіи Кавказомъ, Николай развернулъ списокъ полныхъ генераловъ и, переворачивая его, дошелъ до конца, не остановивъ выбора ни на одномъ. Въ досадѣ онъ бросилъ списокъ и сказалъ: « Тьфу! напроизводилъ ихъ много, а годнаго ни одного нѣтъ ». Въ этихъ словахъ — лучшій приговоръ самому Николаю.

этой печальной эпохи. Вообще, въ февралѣ 1855 г. не только на успѣхъ войны, но насколько нибудь почетное ея окончаніе не было ни малѣйшей надежды. Отъ того молва, едва ли не основательно, приписывала почти скоропостижную смерть Николая отчаянію и произведенному подъ вліяніемъ его, при пособіи доктора Мандта, самоотравленію.

Внутреннее состояніе государства, сорокъ лѣтъ сряду управлявшагося сначала Аракчеевымъ, а потомъ Николаемъ, было въ 1855 г. ужасно. Изъ 65 милліоновъ населенія имперіи, двадцать два, то есть болѣе трети, не принадлежали собственно къ людямъ, существамъ, даже по опредѣленію катехизиса, свободно разумнымъ, а составляли предметъ частной собственности, наравнѣ со скотомъ. И хотя законъ не позволялъ болѣе продавать ихъ на базарахъ, какъ лошадей, но не препятствовалъ помѣщикамъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь или отдавать въ солдаты, отрывая ихъ при этомъ навсегда отъ родины, не препятствовалъ и истязать сначала безконтрольно, а потомъ при содѣйствіи полиціи. Императоръ Николай, правда, не разъ помышлялъ о прекращеніи этого ужаснаго положенія значительной части своихъ подданныхъ; [1]) но это дѣлалось неиск-

[1]) См. статью Н. Милютина о разныхъ комитетахъ по вопросу объ эманципаціи въ « Девятнадцатомъ Вѣкѣ » Бартенева.

ренно, безъ дѣйствительнаго желанія покончить съ варварствомъ, которое унижало Россію и останавливало ея внутреннее развитіе экономическое, политическое, умственное и нравственное. Едва ли даже онъ могъ допустить при своей жизни подобное освобожденіе, если бы оно началось какимъ либо другимъ путемъ, кромѣ самодержавнаго произвола: всякое стремленіе къ самостоятельности со стороны не только низшихъ, но и высшихъ сословій ему казалось бунтомъ и наказывалось кровавыми расправами при посредствѣ не только свирѣпой полиціи, но и солдатъ. Городскія сословія, представители либерализма въ западной Европѣ, были невѣжественны, грубы у насъ и помышляли единственно о наживѣ всѣми правдами и неправдами, при пособіи подкупныхъ полиціи и судовъ, т. е. самого же правительства. Дворянство, которое снабжало армію офицерами, а гражданское вѣдомство чиновниками, было сословіемъ прямо заинтересованнымъ въ поддержаніи рабства крестьянъ, да и не такъ политически воспитаннымъ, чтобы понимать даже нравственную, не только экономическую пользу отъ уничтоженія крѣпостнаго права. Духовенство было паразитомъ, извлекавшимъ изъ простонародья самыми презрѣнными путями дани, будто бы добровольныя, а на самомъ дѣлѣ вполнѣ насильственныя. Передъ дворянствомъ

и чиновничествомъ оно пресмыкалось и никогда не смѣло, во имя верховной справедливости, представляемой, по его же собственнымъ словамъ, религіею, заступаться за притѣсненныхъ крестьянъ. Слова основателя христіанства: „пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ“ звучали горькою ироніею при видѣ его намѣстниковъ, митрополитовъ, архіереевъ, архимандритовъ, протопоповъ и пр., отличавшихся корыстолюбіемъ и раболѣпствомъ. Короче, голоса за рабовъ поднять было некому, а либеральнаго общественнаго мнѣнія въ Россіи не существовало. Если же немногія отдѣльныя личности позволяли себѣ говорить о свободѣ, хотя бы въ тѣсномъ кругу знакомыхъ или родныхъ, такъ имъ грозили оренбургскіе и кавказскіе линейные батальоны или Петропавловская крѣпость, Шлиссельбургъ и Нерчинскіе рудники.

Промышленность, не смотря на покровительственные тарифы, естественно не могла развиваться въ странѣ безъ просвѣщенія и безъ свободы труда. Національный кредитъ, нѣсколько поднятый графомъ Канкринымъ, совершенно упалъ въ 1854—5 г., и тогдашній министръ финансовъ, Брокъ, съ трудомъ доставалъ деньги для войны, платя огромные проценты за коммиссію Штиглицу [1]) или выпуская кре-

[1]) По заключеніи внѣшняго займа въ 50 мил. рублей Шти-

дитные билеты безъ всякой мѣры, чѣмъ самымъ въ корнѣ подрывались устойчивость цѣнъ, обращеніе въ народѣ металлическихъ денегъ и другія условія, необходимыя для правильнаго развитія народнаго хозяйства, и открывалось обширное поприще корыстолюбію банкировъ, мѣнялъ, ростовщиковъ и т. п. людей.[1]) Въ системѣ государственныхъ доходовъ первое мѣсто занимали откупа на продажу вина,[2]) благодаря которымъ народъ былъ не только спаиваемъ, но и казнимъ за нарушеніе интересовъ откупщиковъ, какъ за контробанду, такъ что ежегодно многіе десятки и даже сотни людей отправлялись въ Сибирь „за корчемство", т. е. за провозъ вина черезъ границу одного откупнаго округа въ

глицъ, въ знакъ благодарности Броку, давалъ ему обѣдъ, на которомъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на предложенный хозяиномъ тостъ за здоровье министра финансовъ отвѣчали шиканьемъ. Это было, на моей памяти, первымъ открытымъ проявленіемъ общественнаго мнѣнія въ Россіи на счетъ ея правителей.

[1]) Количество кредитныхъ билетовъ, находившихся въ обращеніи передъ восточною войною, не превосходило 333,443,008 р. при металлическомъ запасѣ въ 131,481,856 р.; послѣ войны, въ 1857 году, когда окончены были расчеты по военнымъ издержкамъ, это количество возросло до 735,297,006 р., а метал. запасъ упалъ до 119,140,921 р.

[2]) Извѣстный аферистъ Кокоревъ, державшій разновременно откупа въ Москвѣ, Витеб. и Подол. губб., былъ душою русскаго финансоваго управленія при Вронченкѣ, который этого «тайнаго» своего совѣтника сдѣлалъ скоро «коммерціи совѣтникомъ,» что было очень немало для бывшаго кабацкаго цѣловальника.

другой, гдѣ цѣны стояли дороже. [1]) Налоги всею тяжестью падали на такъ называемыя податныя сословія, т. е. на мѣщанъ и крестьянъ, и взысканіе недоборовъ по нимъ сопровождалось обыкновенно сѣченіемъ неплательщиковъ, какъ во времена татарскихъ баскаковъ. Дворъ поглощалъ около седьмой части всѣхъ государственныхъ доходовъ, иногда болѣе, какъ было напримѣръ во время путешествія императрицы Александры Ѳедоровны въ Сицилію, которое въ общемъ итогѣ, какъ говорилось въ свое время, стоило 19,000,000 рублей, потому что эта нѣмка, желая выказать императорскую щедрость, усердно разсыпала съ балконовъ итальянскимъ лацаронн деньги, собранныя съ чуждаго ей народа русскаго. Казнокрадство было общимъ на всѣхъ ступеняхъ правительственной іерархіи, отъ министровъ въ родѣ Чернышова и Клейнмихеля до послѣдняго становаго пристава, отъ петербургскихъ оберъ-полиціймейстеровъ Кокошкина и Галахова, обезпечивавшихъ спокойный сонъ императору, до оберъ-гофмаршаловъ, поившихъ и кормившихъ его,

[1]) Съ 1832 по 1846 г. прошло черезъ тобольскій приказъ 1247 человѣкъ, сосланныхъ за корчемство. Но эта цифра далеко не представляетъ всего числа лицъ, подвергшихся наказаніямъ за это « преступленіе », созданное законодателями. Большинство попадавшихся въ провозѣ вина было наказываемо въ предѣлахъ европейской Россіи.

отъ директоровъ таможень до вахтеровъ провіантскихъ магазиновъ, винныхъ приставовъ, смотрителей остроговъ, полковыхъ командировъ и инженеровъ, производившихъ казенныя постройки. Сколько поглощало оно изъ народнаго достоянія, невозможно исчислить; но что сумма такимъ образомъ переходившая ежегодно отъ казны къ чиновникамъ, составляла около *трети* государственныхъ расходовъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Многіе чиновники и офицеры, получавшіе въ годъ по 5—600 рублей содержанія, проживали по нѣскольку тысячъ, не имѣя возможности брать того, что называется взятками, то есть приношеніями частныхъ лицъ. Казнокрадство даже не считалось въ служебномъ кругу грѣхомъ, такъ что напримѣръ провіантскіе чиновники ежегодно вели открытые переговоры съ командирами полковъ и батарей о справочныхъ цѣнахъ на овесъ, солому и сѣно, причемъ обыкновенно эти цѣны назначались въ полтора, иногда въ два раза выше базарныхъ, и украденная часть шла въ раздѣлъ между командирами и провіантскимъ вѣдомствомъ.

Управленіе государственными имуществами, созданное графомъ Киселевымъ для увеличенія доходовъ съ нихъ столько же, какъ и для воображаемаго улучшенія быта казенныхъ крестьянъ, было

знаменито какъ казнокрадствомъ, особенно по лѣсной части, такъ и взяточничествомъ. Братъ императора, Михаилъ Павловичъ, указывая однажды на графа Киселева, сказалъ: „Voilà le compte qui s'élève," и хотя лично къ Киселеву этотъ каламбуръ былъ не примѣнимъ, но заведенная имъ администрація была извѣстна своими хищническими подвигами. Одинъ изъ писателей нашего времени, большой знатокъ русскаго народнаго быта, такъ характеризовалъ ее словами крестьянина, отвѣчавшаго на вопросъ исправника: когда было тяжеле, при немъ или при окружномъ?—„Извѣстно, при тебѣ было тяжеле. Бывало, если что, такъ возьмешь барана или теленка на загривокъ и прёшь, прёшь къ твоему благородію, инда упрѣешь. А теперь что? взялъ хворостину да шутя и согналъ все стадо къ окружному." — Общее полицейское управленіе въ имперіи, т. е. чиновничество министерства внутреннихъ дѣлъ, сверхъ взяточничества, отличалось грубостью и жестокостью. Хорошимъ полиціймейстеромъ или исправникомъ считался тотъ, который могъ ударомъ кулака выбивать кирпичъ изъ печки или три-четыре зуба изъ челюсти; хорошимъ квартальнымъ или становымъ тотъ, который умѣлъ „выпороть всласть", „на двѣ или на три трубки табаку," такъ что истязаемый за какой нибудь мелкій улич-

ный безпорядокъ нерѣдко былъ прямо изъ подъ розогъ уносимъ въ больницу на 2—3 недѣли.[1]) Впрочемъ, чего же было и ожидать отъ невѣжественныхъ полицейскихъ чиновниковъ, когда самъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Левъ Перовскій, занимался—даже во время дачнаго отдыха въ Крыму—изготовленіемъ и разсылкою форменныхъ розогъ и составленіемъ инструкцій, какъ примѣнять ихъ къ дѣлу, перемѣняя пучки черезъ каждые десять ударовъ.[2]) А Перовскій, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ лучшихъ министровъ Николая.

Такъ какъ въ рукахъ полиціи была не только исполнительная, но слѣдственная и даже отчасти судебная власть, такъ что квартальные, становые и частные пристава, городничіе, исправники и полиціймейстеры рѣшали почти всѣ дѣла, нынѣ подвѣдомственныя мировымъ судьямъ, и рѣшенія свои сами же приводили въ исполненіе,—то понятно, какія смутныя идеи о законѣ и справедливости составлялись въ народѣ, и какъ кулачное право прививa-

[1]) Мнѣ лично былъ знакомъ городничій, который самъ никогда не занимался экзекуціями, а возлагалъ ихъ на квартальнаго. Послѣдній, молодой человѣкъ, лѣтъ 22 — 23, сѣкъ именно подобнымъ образомъ, при чемъ съ собою охотою истязалъ бабъ, приговаривая обыкновенно : « ну-ка матушка, Марья Палагевна, ложись : мы тебѣ спину то немного попаримъ. »

[1]) Эта инструкція, а также описаніе порядка сѣченія кнутомъ помѣщены въ « Русской Старинѣ » 1871 года.

лось съ юности нарождавшимся поколѣніямъ. Этотъ то свирѣпый произволъ полицейскихъ чиновниковъ былъ главною причиною забитости русскаго народа, его безотвѣтности передъ самыми вопіющими злоупотребленіями властей. И всякая попытка, единоличная, а тѣмъ болѣе коллективная, вырваться изъ-подъ эгиды этой татарской полиціи преслѣдовалось губернаторами и министрами какъ государственное преступленіе, какъ бунтъ, и влекло за собою плети, острогъ и Сибирь. Часто полицейскіе власти своими вымогательствамн или своею неумѣлостью провести какую-нибудь мѣру возбуждали въ народѣ волненія, и тогда начинались повальныя истязанія, какъ было напр. при „картофельномъ“ бунтѣ.[1]) Еще чаще эти повальныя истязанія производились вслѣдствіе безжалостныхъ поступковъ помѣщиковъ съ ихъ крѣпостными, которые были выводимы изъ терпѣнія и рѣшались возвышать голосъ оскорбленной правды. Тогда являлись вооруженныя воинскія команды въ сопровожденіи цѣлыхъ возовъ розогъ и палокъ, и начиналася кровавая полицейская оргія, какихъ не мало описано въ любопытномъ извлеченіи изъ отчетовъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, изданномъ въ

[1]) Такъ назывались волненія крестьянъ, вызванныя насильственнымъ распоряженіемъ властей сѣять картофель, который крестьяне сначала называли чортовыми яблоками.

1873 г. въ Берлинѣ. Найдти заступничество противъ этихъ свирѣпостей было не у кого. Въ судахъ господствовали тѣже помѣщики и чиновники, которымъ отупѣніе, забитость народа были нужны для того, чтобы тѣмъ легче эксплуатировать его въ свою пользу. Изрѣдка, въ наиболѣе выдающихся случаяхъ крестьянскихъ бунтовъ, слухи о вызвавшихъ ихъ злоупотребленіяхъ доходили до Николая, и тогда онъ каралъ виновныхъ правителей, но рѣдко удачно, потому что разслѣдованіе дѣла обыкновенно довѣрялось имъ какому-нибудь неумѣлому, поверхностному флигель-адъютанту, и императорскій приговоръ являлся слѣдствіемъ такого взгляда на дѣло, какой былъ бы непростителенъ для только-что начавшаго службу судебнаго слѣдователя. Притомъ крестьянамъ отъ этихъ запоздалыхъ приговоровъ бывало нелегче, потому что о вознагражденіи ихъ за понесенныя страданія не позволялось и думать, чтобы не пріучить чернь къ мысли, что она можетъ бороться съ барствомъ. Для ограниченія чиновничьяго произвола отъ времени до времени назначались сенаторскія ревизіи по губерніямъ, что было для чиновниковъ равносильно лишенію годоваго дохода; но сенаторы, люди заѣзжіе, усталые отъ службы и, прежде всего, сами чиновники, карали слабо и то же безъ разбора. Взявъ на удачу какого нибудь него-

дня, неумѣвшаго вывернуться отъ возводимыхъ на него обвиненій, сенаторъ обыкновенно увольнялъ его, въ страхъ другимъ, отъ службы, иногда даже съ преданіемъ суду; но что такое былъ тогдашній закрытый судъ? Самый отъявленный злодѣй могъ быть оправданъ имъ за деньги, или, если прямо оправдать было нельзя, то „оставленъ въ подозрѣніи“, т. е. безнаказаннымъ, на свободѣ.

Среди такихъ условій жизни, созданныхъ деспотизмомъ, даже такъ-называемое образованное русское общество, т. е. дворянство и передовое чиновничество, было глубоко огрубѣлымъ и неподвижнымъ въ стремленіи къ лучшему, столь свойственномъ всѣмъ истинно развитымъ образованіемъ людямъ. Только въ половинѣ сороковыхъ годовъ, подъ вліяніемъ идей Герцена, Бѣлинскаго, Грановскаго и другихъ немногихъ гуманистовъ того времени, начало пробуждаться въ лучшихъ русскихъ умахъ глубокое отвращеніе отъ гражданскаго строя и быта ихъ отечества; но эта передовая фаланга была очень малочисленна, а молодое поколѣніе, которое должно было осуществить нѣкоторые изъ ея идеаловъ, только вступало въ жизнь. Испуганный революціею 1848 года, Николай, для примѣра, хотѣлъ казнить новыя идеи въ лицѣ петрашевцевъ, осужденныхъ въ 1849 г. на смерть безъ всякой серьезной вины, по доносу шпіо-

на Липранди, и театрально прощенныхъ, т. е. назначенныхъ въ каторгу, въ самый моментъ экзекуціи. [1]) Но тутъ самодержецъ, разумѣется, ошибся. Реакція 1848 — 1855 годовъ только заставила притаиться народившіяся въ обществѣ понятія; но эти понятія пустили уже корни и, какъ всякій запрещенный плодъ, тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе стали распространяться среди молодежи. Письма Бѣлинскаго къ Гоголю ходили по рукамъ въ тысячахъ списковъ. Юноши 18—20 лѣтъ зачитывалить Гер-

[1]) Доносъ Липранди и обвиненія противу петрашевцевъ напечатаны въ « Полярной Звѣздѣ »; но тамъ не было приведено ни одного эпизода о производствѣ такъ называемаго суда надъ этими людьми. Вотъ одинъ, слышанный мною въ Иркутскѣ отъ самихъ петрашевцевъ. Одинъ изъ членовъ суда, кн. Гагаринъ, желая обвинить Львова въ чемъ нибудь большемъ, чѣмъ написаніе басни о запасныхъ магазинахъ, спросилъ его : « какую идею вы ставите выше: личности, государства или человѣчества ? » — Львовъ отвѣчалъ, что высказаться безусловно трудно; что, конечно идея человѣчества шире всѣхъ прочихъ, но что задача практической жизни состоитъ въ доставленіи возможныхъ благъ каждой отдѣльной личности, а государство считается только средствомъ для этого. — « Вотъ видите господа, отвѣчалъ Гагаринъ, — вы всѣ таковы. Государство для васъ — послѣднее дѣло, а между тѣмъ для хорошаго гражданина оно должно стоять на первомъ планѣ. Идея личности — это идея эгоизма; общечеловѣческія убѣжденія и взгляды часто стоятъ въ противорѣчіи съ положительными законами, а дѣло каждаго гражданина подчиняться послѣднимъ, не увлекаясь первыми и особенно не пропагандируя ихъ въ подрывъ государству ». Это—profession de foi абсолютизма, и за несогласіе то съ нею Львовъ былъ отнесенъ къ одному изъ высшихъ разрядовъ преступниковъ.

ценомъ, переписывали и выучивали его статьи, когда онъ, какъ авторъ, былъ запрещенъ въ Россіи, и училися ненавидѣть все противное свободѣ, равенству и прогрессу, всякую реакцію.... А реакція была сильна и безжалостна. Въ университетахъ было приказано имѣть не болѣе 300 студентовъ въ каждомъ; новыхъ училищъ не открывали. Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, предзначенныхъ быть разсадниками слугъ императорскаго деспотизма и потому пользовавшихся особымъ вниманіемъ Николая, выработана была и примѣнялась къ дѣлу педагогическая инструкція самаго ретрограднаго характера, на которой императоръ собственноручно написалъ: „желаю, чтобы исполнялась не только за страхъ, но и за совѣсть“, очевидно понимая, что именно послѣдняго то нельзя ожидать отъ наставниковъ честныхъ, ставившихъ науку выше перемѣнчиваго, и случайнаго положительнаго закона. Кромѣ этого злоупотребленія наукою, воспитанниковъ старались утвердить въ грубыхъ понятіяхъ назначеніемъ имъ въ воспитатели самыхъ дрянныхъ офицеровъ, выгоняемыхъ изъ армейскихъ полковъ, и обученіемъ такимъ пѣснямъ, въ которыхъ прославлялось варварство.[1]) Цензура книгъ

[1]) Напримѣръ такими :

Молодцамъ солдатамъ — Съ командиромъ-хватомъ
Не объ чемъ тужить; — Любо, братцы, жить!

была доведена до неслыханной строгости и поставлена подъ контроль особаго реакціоннаго комитета, независимаго отъ министерства народнаго просвѣщенія и главнаго цензурнаго комитета. Даже транспаранты для письма, т. е. разлиневанные листы чистой бумаги, являлись въ свѣтъ не иначе, какъ за подписью ценсоровъ въ въ родѣ Елагина; ценсоръ Ахматовъ прославился тѣмъ, что вычеркивалъ изъ поваренныхъ книгъ выраженіе: „вольный духъ“, т. е. умѣренный печной жаръ. Въ виду такихъ свирѣпостей даже столь строгіе консерваторы, какъ Строгановъ и

Онъ насъ не печалитъ, А за дѣло хвалитъ
Онъ насъ не гнететъ, И за дѣло *бьетъ*.

Возведя такимъ образомъ битье въ conditio sine qua non военной службы и которое будто бы воспѣвается самими солдатами, вѣрноподданническій авторъ пѣсни старается прельстить молодежь слѣдующими подробностями беззаботнаго солдатскаго житья, удостовѣряющими, что воинъ въ понятіяхъ властей того времени былъ не гражданинъ, вооруженный на защиту отечества, а кукла для забавы начальства. Солдаты поютъ:

Пригоняемъ ранцы, Но за то ужъ, братцы,
Ставимъ ихъ рядкомъ Вышедъ на парадъ.
И наводимъ глянцы Каждый радъ стараться
Костянымъ зубкомъ. Подтянуть прикладъ
А пригнавъ все гладко, Чтобы шагомъ плавнымъ
Цѣлу ночь потомъ Угодить отцамъ,
Спимъ въ патлакахъ сладко Командирамъ главнымъ
Богатырскимъ сномъ. Свѣтамъ-молодцамъ!

Какія послѣдствія произвела это поэтическая философія, прививавшаяся систематически будущимъ вождямъ арміи и націи, показала восточная война.

Голохвастовъ, оставили попечительство надъ московскимъ учебнымъ округомъ, которое перешло къ Назимову, человѣку надежному, потому что онъ училъ фронту наслѣдника престола, діагонали считалъ товаромъ, а въ училищахъ запрещалъ учить басни, гдѣ левъ назывался царемъ звѣрей, говоря, что слово царь нельзя употреблять въ шутку, что царь, какъ богъ, одинъ.....[1]) Самъ Уваровъ, образованный, но ужъ конечно не вольнодумный чиновникъ, вышелъ изъ министерства и поселился въ деревнѣ, чтобы дать мѣсто святошамъ, Ширинскому-Шихматову и Норову; въ петербургскомъ учебномъ округѣ направлялъ образованіе тяжелый и грубый Мусинъ-Пушкинъ, являвшій на университетскія лекціи съ палкою.

Этотъ произведенный властію упадокъ образованія въ Россіи, эти цензурныя гоненія на печать не

[1]) Эпизодъ, на который здѣсь намекается, имѣлъ мѣсто въ серпуховскомъ приходскомъ училищѣ. Мѣстный предводитель дворянства, кн. Шаховской, тогда же хотѣлъ напечатать о немъ за границею. Но отдадимъ лично ему справедливость! онъ былъ добрый и честный человѣкъ (могъ бы напр. съ успѣхомъ управлять военною богадальнею), и не его вина, что Николяй поставилъ его попечителемъ учебнаго округа. Не забудемъ также, что имя его, такъ или иначе, связано съ первымъ правительственнымъ шагомъ по крестьянскому дѣлу, произведеннымъ въ литовскихъ губерніяхъ въ 1857 году, когда онъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ. И начальникомъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса онъ дѣлалъ немало добра.

исчерпывали еще всѣхъ средствъ противу распространенія новыхъ, какъ говорилось, вредныхъ идей среди русскаго общества. Мѣры предохранительныя противу образованія, истекавшія изъ принципа: „plus ils (подданные) sont bêtes, plus ils sont souples,“ казалися недостаточными, и потомуполучила огромное развитіе система шпіонства, оффиціально организованная, въ видѣ жандармовъ и III отдѣленія собственной его величества канцеляріи, графомъ Бенкендорфомъ и поддержанная во всей строгости его преемникомъ, Орловымъ. Агенты III отдѣленія, эти прямые наслѣдники опричниковъ и служителей преображенскаго приказа и тайной канцеляріи, проникали не только въ публичныя собранія, но въ частные дома, перехватывали письма дѣтей къ родителямъ и писали свои доносы, не опасаясь ни малѣйшей провѣрки ихъ или личной отвѣтственности за ложь. Взяточничество было въ полномъ развитіи въ этой гнусной средѣ, особенно въ мѣстахъ отдаленныхъ, напримѣръ въ Сибири, гдѣ жандармы вѣдали не только политическими ссыльными, но и полиціей на золотыхъ пріискахъ. Къ чести тогдашняго русскаго общества нужно сказать, что оно презрительно относилось къ этой фалангѣ негодяевъ, и ни въ одномъ порядочномъ домѣ ихъ не принимали; даже обыкновенные полицейскіе чинов-

ники сторонились отъ людей голубаго мундира, а министерство внутреннихъ дѣлъ иногда вело прямую войну съ III отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи. Но это не мѣшало „свѣтской инквизиціи“ работать и доносить о всякомъ неосторожномъ словѣ, особливо людей намѣченныхъ ею. За такимъ доносомъ обыкновенно слѣдовалъ призывъ обнесеннаго къ шефу жандармовъ и нерѣдко истязаніе розгами въ секретномъ кабинетѣ съ проваливавшимся въ одномъ мѣстѣ поломъ, а потомъ заключеніе въ казематахъ петропавловской крѣпости, часть которыхъ расположена ниже уровня Невы и потому отличается губительностью для здоровья холодною сыростью. Этихъ казематовъ не избѣгъ не только Бакунинъ, вовсе не нарушавшій русскихъ постановленій, но все же провинившійся противу деспотизма въ Австріи и Саксоніи, а и Юрій Самаринъ, остававшійся до конца жизни поклонникомъ неограниченной монархіи въ Россіи. Административныя ссылки, съ жандармами и фельдъегерами, составляли поэзію самодержавія и гордость тайной полиціи. Солдатскій ранецъ былъ наградою людямъ, которые, подобно Полежаеву и Шевченко, рѣшались возбуждать въ народѣ самосознаніе задушевными пѣснями или меткой сатирой. Даже великому поэту Лермонтову, который уже на 26-мъ году жизни со-

ставлялъ гордость Россіи, при его рановременной кончинѣ не нашлось въ Зимнемъ дворцѣ другаго поминальнаго слова, какъ „туда ему и дорога.“

Къ великому счастію Россіи не всѣ реакціонные элементы народной жизни были въ прямомъ служеніи у самодержавнаго императора. Духовенство русское, грубое, корыстное, раболѣпное и невѣжественное, а потому очень годное на то, чтобы своимъ вліяніемъ на массы подкрѣплять мрачныя силы деспотизма, въ дѣйствительности стояло нѣсколько особнякомъ отъ свѣтскихъ руководителей отсталости и самовластія, не вторило имъ вполнѣ и въ свою очередь невполнѣ пользовалось ихъ довѣріемъ. Оно поэтому оставалось пассивнымъ. Причинъ тому много, но одною изъ самыхъ существенныхъ служитъ ревнивое чувство русскихъ самодержцевъ, которые все еще не могутъ забыть оппозиціоннаго патріарха Никона и хорошо видятъ могущество папы и его ставленниковъ на западѣ. Русское духовенство было содержимо императоромъ Николаемъ въ черномъ тѣлѣ и потому было ближе къ загнаннымъ, чѣмъ къ гонителямъ. Начальникомъ его незабвенный императоръ поставилъ гусарскаго генерала Протасова, и этотъ послѣдній не стѣснялся въ обращеніи даже съ архіереями, которыхъ принималъ сидя въ креслѣ и поигрывая шпорой. Этотъ гусарскій режимъ отталкивалъ отъ пра-

вительства даже самыхъ упорныхъ столповъ клерикальнаго консерватизма, какимъ напр. былъ московскій митрополитъ Филаретъ, который поэтому не затруднялся иногда дѣлать публично косвенныя колкости самому Николаю. Поэтому повторимъ, что служеніе духовенства самодержавію не было полнымъ. Одною мрачною силою, направленною противъ свободы умовъ и совѣсти русскаго народа было менѣе, чѣмъ могло быть. Попы и архіереи при всемъ ихъ раболѣпствѣ передъ властями и передъ помѣщиками, не всегда стращали геeною за уклоненія отъ слѣпой покорности деспотизму. За то этотъ послѣдній вооружилъ себя другимъ страшнымъ мечемъ, не небеснымъ, т. е. воображаемымъ, а чисто земнымъ и очень реальнымъ: жестокимъ уголовнымъ законодательствомъ. Вспомнимъ, что въ сводѣ законовъ, изданномъ образцовымъ христіяниномъ, Николаемъ, въ 1830-хъ годахъ, существовали еще не только плети, но и кнутъ; и хотя послѣдній былъ наконецъ отмѣненъ; но Бѣлинскій былъ правъ, назвавъ эту замѣну его исключительно плетьми комическою, потому что полосованія и трехвостымъ кнутомъ вмѣсто однохвостаго было достаточно, чтобы убить человѣка или сдѣлать его уродомъ физическимъ и нравственнымъ на весь остатокъ жизни. Розги разсыпались закономъ такъ щедро, что

конечно часть хилости, физическаго упадка, забитости русскаго народа, которыми онъ отличается отъ энергическихъ націй Запада, должна быть отнесена на ихъ счетъ. И розги эти употреблялись не только при наказаніи взрослыхъ, а введены были повсемѣстно въ систему воспитанія дѣтей, безъ всякой жалости къ ихъ судьбѣ. Бывшій директоръ „дворянскаго“ полка, Пущинъ, назначалъ иногда 150—200 ударовъ воспитанникаиъ этого заведенія на 16—17 году ихъ жизни. Среднимъ числомъ на каждый день въ году, когда можно было сѣчь, (т. е. исключая праздники и отчасти лагерное время) приходилось не менѣе четырехъ кадетъ, и если каждому изъ нихъ назначалось только 15 ударовъ, то это составитъ въ 200 дней 12,000 ударовъ: число достаточное, чтобы уложить на смерть по крайней мѣрѣ тридцать шестнадцатилѣтнихъ мальчиковъ..... что, можетъ быть, было бы лучше для воспитывавшихся поколѣній, потому что число сѣченныхъ, т. е. нравственно разбитыхъ съ юности было бы тогда меньше. Въ острогахъ и полиціи, разумѣется, розги примѣнялись въ несравненно сильнѣйшихъ размѣрахъ, и лужи крови, посыпаемыя пескомъ, едва просыхали въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ производилися истязанія Но самое ужасное распространеніе тѣлесныхъ наказаній было въ арміи, куда отбирались, однако,

лучшіе по тѣлосложенію мущины, производители будущихъ поколѣній. Въ военноуголовныхъ законахъ 1855 года стояла еще цифра 6,000 ударовъ палками (шпицрутенами), и кто же изъ оставшихся современниковъ той эпохи не помнитъ этихъ ужасныхъ забиваній на смерть, которые производились ранними утрами надъ несчастными „защитниками отечества,“ которыхъ увѣряли въ святости ихъ призванія, въ чести носить солдатское имя, и въ то же время обращали въ бездыханные куски мяса за попытку вырваться изъ желѣзныхъ когтей деспотизма и начальническаго произвола? Тотъ, кто ихъ помнитъ, не можетъ не считать себя несчастнымъ, потому что въ душѣ его навсегда остался источникъ страданій отъ сознанія, до какой низкой степени можетъ быть уронено человѣческое достоинство произволомъ и жестокостью такихъ же людей.

Остановимся однако въ исчисленіи дальнѣйшихъ подробностей того состоянія, въ которомъ императоръ Николай, умирая, оставлялъ Россію. Цѣль этихъ строкъ не излагать исторію того печальнаго времени, а только вспомнить, что такое была Россія въ 1855 году. Мы пройдемъ поэтому молчаніемъ многіе частные историческіе вопросы большой важности, какъ напр. о судьбахъ Польши подъ управленіемъ Паскевича, о страданіяхъ военныхъ посе-

лянъ и солдатскихъ дѣтей,[1]) о неумѣлой войнѣ на Кавказѣ, ежегодно стоившей Россіи огромныхъ жертвъ людьми и деньгами, о ложной политикѣ, которой слѣдовали правители средне-азіятскихъ нашихъ владѣній,[2]) и пр., и пр. Ихъ удобнѣе будетъ коснуться, когда зайдетъ рѣчь о тѣхъ же вопросахъ за наше время. Но есть одинъ вопросъ обще-русскаго интереса, который нельзя обойти, въ видахъ составленія яснаго понятія о томъ, на что же могло надѣяться русская нація по кончинѣ Николая. Вопросъ этотъ состоитъ въ ознакомленіи съ тѣми дѣятелями, которые окружали умершаго императора и достались его преемнику какъ ближайшіе помощники по управленію. У бюрократіи существуетъ отговорка, которою она обыкновенно прикрывается отъ отвѣтственности предъ современниками и потомствомъ, именно, что въ странахъ съ неограниченнымъ правленіемъ все исходитъ отъ монарха и что его помощники суть простые его слуги, простые исполнители его воли, ни въ чемъ неповинные. Эта отговорка

[1]) Относительно послѣднихъ см. книгу Никитина: « Многострадальные ».

[2]) Политика эта, состоявшая въ вѣчномъ противорѣчіи генералъ-губернаторовъ оренбурскаго и западо-сибирскаго, была такова, что національный вождь киргизовъ, Кенисара, предлагалъ одному изъ этихъ правителей идти, въ союзѣ съ нимъ, на другаго войною... Одинъ изъ оренб. ген.-губ., Перовскій, вздумалъ было въ XIX вѣкѣ повторить китайскій опытъ постройки великой стѣны къ сторонѣ степей.

однако не мѣшаетъ министрамъ, губернаторамъ и другимъ ставленникамъ монарховъ распоряжаться деспотически каждому въ своемъ кругу, разумѣется только ссылаясь на высшую волю, которая въ сущности не можетъ никогда охватить всю правительственнтю дѣятельность, особенно въ странахъ обширныхъ, подобныхъ Россіи. Поэтому какъ ни ничтожна нравственно и политически большая часть людей, о которыхъ здѣсь придется говорить, все же мы упомянемъ о нихъ. Это дастъ возможность очертить немногими словами, но на живыхъ примѣрахъ, и вообще русскаго человѣка того времени на высшихъ ступеняхъ доступнаго ему величія. Ближайшими совѣтниками Николая, его домашними друзьями, — если только у него могли быть друзья, — были въ 1850-хъ годахъ графы А. Ѳ. Орловъ и В. Ѳ. Адлербергъ, отчасти князь Меньшиковъ; министрами съ большимъ значеніемъ были графъ Клейнмихель, Киселевъ, Л. Перовскій и послѣ него Бибиковъ; изъ правителей отдѣльныхъ провинцій выдавались Паскевичь и Воронцовъ, которыхъ Николай впрочемъ не любилъ, [1]) В. Перовскій и два Муравьева,

[1]) Выраженія въ родѣ « отецъ-командиръ », употреблявшіяся Николаемъ по отношенію къ Паскевичу, были пустою декораціею внутренняго разлада; Воронцовъ держался нѣсколько по-лордски и потому не могъ ужиться въ Петербургѣ, гдѣ самые крупные вельможи все же раболѣпствовали передъ дворомъ.

Амурскій и Карскій. Министры Несельроде, Долгорукій, Норовъ, Панинъ и Брокъ, генералъ-губернаторы Петербурга, Москвы и балтійскихъ провинцій, Игнатьевъ, Закревскій и Суворовъ и начальникъ II отдѣленія собств. его в-ва канцеляріи, Блудовъ, хотя пользовались почетомъ, но на общій ходъ николаевской политики имѣли мало вліянія. Объ остальныхъ русскихъ сановникахъ того времени можно сказать, что для нихъ и тогда наилучшимъ вѣнцомъ ихъ дѣятельности было забвеніе ея, по самой ея ничтожности. Въ духовной сферѣ можно упомянуть московскаго митрополита Филарета и херсонскаго архіерея Иннокентія. Что же можно сказать объ этихъ людяхъ? Графъ Орловъ, ближайшій confident императора, былъ и остался до конца свирѣпымъ поборникомъ деспотизма Николая, которому онъ помогъ въ памятный день 14 Декабря 1825 года и еще болѣе въ 1831 году, когда пообѣдавшіе съ нимъ главнокомандующій гр. Дибичь и старшій братъ императора, Константинъ, внезапно отошли въ вѣчность, будто бы отъ холеры. На совѣсти этого человѣка лежало такъ много черныхъ дѣлъ, что, когда предсмертный недугъ овладѣлъ имъ, изъ устъ его вырвались такія страшныя признанія, что сына его, теперешняго посла въ Парижѣ, было запрещено допускать къ больному, а двумъ докторамъ вмѣнено

въ обязанность „быть мертвыми какъ могила.“ Человѣку этому, вскорѣ по смерти Николая, суждено было представлять Россію въ трудную минуту заключенія парижскаго мира, и мы увидимъ, какъ деспотически онъ распоряжался при этомъ съ русскими сторонниками продолженія войны; но почему именно онъ былъ избранъ для этой цѣли и не былъ ли онъ однимъ изъ подстрекателей къ войнѣ въ 1852—4 годахъ, — мы не знаемъ. Его предыдущая дипломатическая дѣятельность состояла лишь въ совмѣстномъ съ графомъ Паленомъ заключеніи адріанопольскаго договора, гдѣ они допустили обмануть себя по отношенію къ новой границѣ Россіи за Кавказомъ, [1]) да въ кратковременномъ пребываніи затѣмъ посланникомъ въ Турціи. Съ того времени онъ, конечно, былъ посвященъ въ важнѣйшія тайны николаевскаго управленія, но до самаго поступленія на мѣсто графа Бенкендорфа въ III отдѣленіи не имѣлъ опредѣленнаго круга дѣятельности, ограничиваясь исполненіемъ разныхъ конфиденціальныхъ порученій своего повелителя. Это продолжалось и позднѣе, напр. въ 1854 г., когда онъ ѣздилъ въ Вѣну для разузнанія истинныхъ видовъ Австріи

[1]) Перемѣшавъ рѣки Чорокъ и Чолокъ, вслѣдствіе чего Батумъ остался за Турціею, къ великому негодованію Паскевича, воевавшаго въ М. Азіи.

по восточному вопросу, при чемъ въ ту минуту, когда Австрія готова была обѣщать полный нейтралитетъ, погрозилъ, для ускоренія дѣла, возбужденіемъ возстанія въ Венгріи и славянскихъ земляхъ и тѣмъ вынудилъ вѣнскій дворъ открыто пристать къ коалиціи западныхъ державъ. Возведенный, при Александрѣ II, на высшій въ имперіи постъ предсѣдателя государственнаго совѣта, сдѣланный княземъ, онъ не переставалъ быть однимъ изъ поборниковъ старыхъ порядковъ, и, въ виду крестьянской реформы, опасаясь потерять часть состоянія, заложилъ свои огромныя имѣнія въ опекунскій совѣтъ, чтобы вызвать подражаніе другихъ дворянъ-помѣщиковъ и тѣмъ устрашить правительство. Какъ о человѣкѣ, о немъ вся Россія знала, что этотъ исполинъ ростомъ и дородствомъ, есть не болѣе, какъ безсильный развратникъ,[1]) а какъ о личномъ другѣ императора мы напомнимъ только, что у него никогда не достовало духу доложить послѣднему о совершенныхъ имъ несправедливостяхъ[2]): добродѣтелей Мецената или Агриппы у него не было.

[1]) Пушкинъ обезсмертилъ это старческое безсиліе человѣка едва въ 35 лѣтъ отъ роду, извѣстнымъ стихотвореніемъ: « Орловъ съ Истоминой въ постели », и пр.

[2]) Припомнимъ разсказъ Герцена о ходатайствѣ за него Жеребцовой, при чемъ Орловъ признался, что не смѣетъ говорить о Герценѣ государю мимо Бенкендорфа.

Не менѣе печальную личность представляетъ графъ Адлербергъ, любимый адъютантъ Николая, когда тотъ былъ еще великимъ княземъ, и его соглядатай на процессѣ декабристовъ. Въ Россіи никто не можетъ сказать, въ чемъ именно состоятъ государственныя заслуги Адлерберга, возведшія его въ званія сначала главноуправляющаго почтами,[1]) а потомъ министра двора и удѣловъ и доставившія ему содержаніе въ 24,000 рублей, которое онъ получаетъ доселѣ (1878), хотя давно усттпилъ мѣсто свое сыну, а самъ ничего не дѣлаетъ. Изъ его біографіи наиболѣе извѣстна смѣшная связь его, безсильнаго старика, съ пресловутой Миной Ивановной, которую даже Николай не умѣлъ сослать, не смотря на ея взяточничество. Въ Петербургѣ долго ходила острота, приписанная, по обычаю того времени, князу Меньшикову, который будто бы на вопросъ: чье положеніе при дворѣ самое прочное? отвѣчалъ: „конечно, графа Адлерберга. Подъ нимъ давно подведена Мина, а онъ все-таки не взлетаетъ на воздухъ.“ Больше, кажется, объ этомъ „другѣ“ Николая сказать нечего; развѣ прибавить, что онъ былъ

[1]) А это былъ въ то время очень важный постъ, конечно не потому, что благоустройство почтъ нужно для государства, а потому, что въ вѣдѣніи главноуправляющаго находился « черный кабинетъ », гдѣ читались письма всѣхъ, сколько нибудь замѣтныхъ людей.

повѣреннымъ его и его дѣтей по дѣламъ разврата, для котораго такой обильный матеріалъ доставляло подвѣдомственное Адлербергу театральное училище. Распутный старецъ былъ до такой степени ami intime de la famille impériale, что младшіе великіе князья должны были называть его дѣдушкой, что можетъ служить мѣркою нравственнаго чувства въ членахъ этой фамиліи.

О князѣ Меньшиковѣ, пользовавшемся также дружбою императора Николая, существуетъ на русскомъ языкѣ цѣлая литература, и она представляетъ его во 1-хъ человѣкомъ умнымъ, во 2-хъ острякомъ, котораго злой насмѣшки не миновалъ почти ни одинъ изъ знатныхъ его современниковъ, и въ 3-хъ плохимъ дипломатомъ и главнокомандующимъ. Что всѣ эти отзывы болѣе или менѣе вѣрны, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Меньшиковъ, конечно, не можетъ быть отнесенъ къ людямъ передовымъ, потому что былъ завзятый консерваторъ съ военнымъ пошибомъ; но все же онъ принадлежалъ къ числу министровъ образованныхъ, въ родѣ Киселева и Блудова. Не его вина, что его, сухопутнаго офицера, заставили управлять флотомъ; но и на этомъ постѣ онъ былъ не хуже другихъ николаевскихъ министровъ, которые, подобно Клейнмихелю, вонсе не избирались изъ числа спеціалистовъ того или дру-

гаго дѣла. Россія знаетъ Меньшикова болѣе всего по восточной войнѣ, и, конечно, если бы не она, то имя его отошло бы въ вѣчность безъ всякихъ серьезныхъ правъ на историческую память. Но отдадимъ ему справедливость: онъ былъ изъ тѣхъ немногихъ совѣтниковъ Николая, которые еще смѣли говорить ему правду, хотя бы въ видѣ шутки или намека. Его злой языкъ сдерживалъ также порочную камарилью въ предѣлахъ приличія; онъ, наконецъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ министровъ, которые не набивали своихъ кармановъ казеннымъ добромъ, хотя и очень не гнушался императорскими подаркими.

Совершенную, во многихъ отношеніяхъ, противоположность Меньшикову составлялъ вѣчный предметъ его насмѣшекъ, другой confident Николая, графъ Клейнмихель, у котораго росли незаконныя дѣти императора, которымъ онъ желалъ дать титулъ князей Николаевыхъ. Клейнмихель былъ человѣкъ низкаго происхожденія, низкаго образованія и низкой души, хотя не лишенный ума и практической сноровки примѣняться къ людямъ и безусловно, бездушно исполнять приказанія старшихъ, хотя бы самыя незаконныя.[1]) Ординарецъ, а по-

[1]) Въ его графскомъ девизѣ стоятъ слова: « усердіе и преданность все превозмогаютъ ». Необразованность его простиралась до

томъ адъютантъ Аракчеева, онъ началъ свою карьеру въ чуланахъ, отводившихся въ 1812—14 годахъ подъ походную канцелярію послѣдняго, гдѣ, застегнутый на всѣ крючки, съ гитарой въ рукахъ, если нечего было дѣлать, проводилъ часы въ ожиданіи, когда будетъ кликнутъ къ свирѣпому своему начальнику. Затѣмъ онъ помогалъ Аракчееву въ его варварскихъ мѣрахъ по устройству военныхъ поселеній. Николай сдѣлалъ изъ Клейнмихеля дежурнаго генерала главнаго штаба, а потомъ поставилъ его начальникомъ инженеровъ путей сообщенія, хотя онъ ничего не разумѣлъ въ инженерномъ дѣлѣ. Корпусъ этихъ инженеровъ славился тогда безсовѣстнымъ казнокрадствомъ, и новый начальникъ его охулки на руку не положилъ. Много лѣтъ онъ управлялъ этимъ воровскимъ сословіемъ какъ деспотъ и при смерти оставилъ состояніе, какъ говорили, въ 14 милліоновъ рублей. Его худая слава была такъ велика, что Александръ II не счелъ возможнымъ держать его въ числѣ министровъ и уволилъ въ первый годъ царствованія. Даже Николай, на смертномъ ордѣ, кажется, отвернулся отъ него. Но значеніе его отозвалось и послѣ удаленія его отъ

того, что онъ не понималъ, какъ можно допустить, чтобы Нижній Новгородъ имѣлъ свое время. «Москвѣ еще можно, ну а какому нибудь Нижнему-Новгороду?... вздоръ какой!»

дѣлъ, въ томъ смыслѣ, что правительство, увѣренное въ неисправимости казнокрадства, имъ упроченнаго въ вѣдомствѣ путей сообщенія, рѣшилось круто покончить съ системою казенной постройки дорогъ и чрезъ то впало въ ошибку, которой стоимость можно нынѣ оцѣнить въ рубляхъ, франкахъ и фунтахъ стерлинговъ, платимыхъ разнымъ жѣлезнодорожнымъ компаніямъ. Такъ вредное вліяніе одного лица, облеченнаго деспотическою властью отъ имени другаго, высшаго деспота, можетъ продолжаться на цѣлыя грядущія поколѣнія, и потому то не только исторія, но и современная публицистика должны быть безжалостны къ такимъ лицамъ.

Почти одновременно съ Клейнмихелемъ былъ уволенъ Александромъ II другой доставшійся ему отъ отца министръ, Бибиковъ. Конечно, тутъ прежде всего играла роль личная антипатія, основанная на томъ, что Бибиковъ невысоко цѣнилъ государственныя способности бывшаго наслѣдника престола, а потомъ императора; но должно сказать, что Россія ничего не потеряла отъ такого увольненія. Бибиковъ былъ деспотъ въ совершенно николаевскомъ вкусѣ. Въ бытность кіевскимъ генералъ-губернаторомъ онъ прославился связью съ женой своего правителя канцеляріи, Писарева, сильнаго взяточника. Исторія этой связи любопытна, потому что показываетъ, какое

безстыдство было свойственно дѣльцамъ николаевскаго времени. Бибиковъ однажды позволилъ себѣ сдѣлать замѣчаніе Писареву на счетъ его взяточничества, ссылаясь на то, что говоритъ весь свѣтъ. „Э, ваше высокопревосходительство, мало ли что говорятъ! Вотъ всѣ толкуютъ, что вы въ связи съ моею женой; однако же я не вѣрю этому.“ И грозный начальникъ долженъ былъ прикусить языкъ. Бибиковъ впрочемъ извѣстенъ тѣмъ, что ввелъ въ югозападномъ краѣ такъ называемые инвентари, т. е. росписи крестьянскихъ надѣловъ и повинностей, и тѣмъ положилъ начало улучшенію быта русскихъ крестьянъ, сильно эксплуатированныхъ польскими панами. Его увольненіе изъ министровъ также приноситъ ему честь по сравненію съ Клейнмихелемъ. Послѣдній желалъ „надгробнаго“ рескрипта, т. е. лицемѣрнаго заявленія благодарности за службу, въ надеждѣ обмануть, если не современниковъ, то потомство, и получилъ его. Бибиковъ рескрипта не добивался, а просто не ѣздилъ во дворецъ съ докладами въ ожиданіи увольненія, въ которомъ не сомнѣвался и которое наконецъ состоялось, при чемъ на упрекъ Александра, почему онъ не являлся къ нему нѣсколько мѣсяцевъ, отвѣчалъ: „я находилъ достаточно указаній для моей дѣятельности въ законахъ, зачѣмъ же мнѣ было безпокоить ваше вели-

чество,“ что, разумѣется, не могло понравиться императору, по самому своему званію желающему, чтобы страна управлялась не столько законами, сколько его личною волею, и едва ли не усмотрѣвшему въ отвѣтѣ министра дерзкій намекъ на конституціонные порядки.

Выше уже было сказано по нѣскольку словъ о Львѣ Перовскомъ и графѣ Киселевѣ, представлявшихъ, до нѣкоторой степени, либеральный элементъ николаевскаго правительства. Перовскій, къ концу царствованія Николая, переименованный, къ общему и даже собственному удивленію, изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ въ генералы отъ инфантеріи, при смерти своего повелителя, не занималъ уже должности министра внутреннихъ дѣлъ, а потому мы о немъ можемъ не говорить; но о графѣ Киселевѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Свою длинную карьеру, правда, слишкомъ штабную и даже придворную, онъ совершилъ какъ только возможно для человѣка образованнаго на службѣ деспотизму. Россія ему обязана упроченіемъ, или, лучше, узаконеніемъ тѣхъ формъ соціальнаго быта народныхъ массъ, которыя составляютъ рѣзкую ея особенность отъ всѣхъ почти странъ западной Европы и, быть можетъ, спасутъ ее отъ многихъ потрясеній. Не только общинное владѣніе землями, но и права міра,

т. е. сельскаго схода, были имъ удержаны въ силѣ среди многочисленныхъ, подвѣдомственныхъ ему государственныхъ крестьянъ. Эти узаконенныя и упроченныя имъ формы послужили потомъ образцомъ для организаціи и тѣхъ сельскихъ обществъ, которыя составились изъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ помѣщичьей власти. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы организація государственныхъ крестьянъ была признана въ 1857—61 годахъ неудовлетворительною, то помѣщичья партія не допустила бы учрежденія ея у бывшихъ крѣпостныхъ и мало по малу забрала бы снова въ свои руки сначала власть надъ бывшими своими крѣпостными, а потомъ и земли, отошедшія къ нимъ. Помѣщики хорошо знаютъ, что у „міра“ ни купить, ни отобрать ничего нельзя[1]); а раздѣли землю по участкамъ въ собственность отдѣльныхъ семействъ, бѣднѣйшія изъ нихъ быстро лишатся своихъ участковъ въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ или вообще людей съ капиталомъ. Понималъ это и гр. Киселевъ, хотя въ его время еще не было крестьянской реформы, и сохранилъ за крестьянами общинное владѣніе. Понималъ онъ и то, что голодные годы, столь частые въ Россіи, отдаютъ бѣдное

[1]) Теперь, съ 1878 года, впрочемъ можно. Законъ 30 марта даетъ имъ это право, основываясь вѣроятно на евангельскомъ ученіи, что имущему дастся, а у неимущаго отымется.

крестьянство на жертву кулакамъ, скупщикамъ хлѣба при урожаѣ его, и завелъ запасные хлѣбные магазины, которыхъ учрежденіе, превосходное въ теоріи, къ сожалѣнію, не удалось, въ желаемой степени, на практикѣ, по многимъ причинамъ.[1]) Замѣтимъ притомъ, что онъ сдѣлалъ это тогда, когда одни слова: соціализмъ и коммунизмъ внушали ужасъ консерваторамъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, т. е. вскорѣ послѣ іюльской революціи во Франціи. Умной и честной[2]) личности Киселева не суждено было играть важной роли при новомъ императорѣ: онъ былъ отправленъ посломъ въ Парижъ, гдѣ съумѣлъ снискать къ себѣ общее уваженіе и гдѣ потомъ умеръ частнымъ человѣкомъ. Но Россія не можетъ забыть его услугъ, не смотря на „картофельные бунты“, имъ вызванные, и на распложеніе народныхъ вампировъ-чиновниковъ, въ родѣ разныхъ окружныхъ, лѣсничихъ, членовъ палатъ государственныхъ имуществъ, кадастровыхъ коммиссій и пр. Быть можетъ потому, что фигура Киселева способна возбуждать нѣкоторую симпатію, ее и избрали въ наше время для того, чтобы изобразить никола-

[1]) Главными изъ нихъ нужно считать: принудительность учрежденія, поставленнаго притомъ подъ контроль чиновниковъ, и противодѣйствіе со стороны помѣщиковъ и хлѣбныхъ торговцевъ, хотя бы послѣдніе были изъ самихъ крестьянъ.

[2]) У него не было никакого состоянія.

евское время въ сколько нибудь примиряющемъ видѣ.[1])

Возлѣ Киселева можно поставить добродушнаго старца Блудова, этого запоздалаго представителя карамзинской эпохи, историка, юриста, дипломата, дѣлопроизводителя на судѣ декабристовъ, президента академіи наукъ, и во всѣхъ этихъ сферахъ, прежде всего, многоглаголиваго романтика, любимаго и уважаемаго друзьями, но слишкомъ мягкаго, чтобы при дворѣ такого крутаго человѣка, какъ Николай, имѣть серьезное значеніе. Его цѣнили почти только какъ ритора, искусившагося въ сочиненіи манифестовъ — въ родѣ того, который былъ, на страхъ европейскимъ либераламъ, изданъ 14 марта 1848 года, вліянія же на ходъ дѣлъ онъ не имѣлъ, хотя былъ въ послѣдствіи предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Притомъ, къ началу царствованія Александра Блудовъ былъ слишкомъ старъ, чтобы быть серьезнымъ двигателемъ не только реальныхъ событій, но и реформъ на бумагѣ, столь обильныхъ во всякомъ бюрократически-управляемомъ государствѣ.

Подобно Блудову черезъ три царствованія про-

[1]) Извѣстно, что по примѣру книги Ковалевскаго « Графъ Блудовъ и его время », служащей для характеристики александровской эпохи, заказано г. Заблоцкому-Десятовскому подобное же сочиненіе о гр. Киселевѣ и его времени, т. е. о николаевской эпохѣ.

шелъ графъ Несельроде. Эта нравственно-дрянная личность, управлявшая министерствомъ иностранныхъ дѣлъ болѣе тридцати лѣтъ, по рожденію, вовсе не принадлежала Россіи, не знала ее и отчасти даже презирала. Подобно множеству счастливыхъ авантюристовъ XVIII и начала XIX вѣка, разныхъ Аштедтамъ, Луккезини, Поцц-оди-Борго, Армфельдамъ и т. п., Нессельроде служилъ государямъ, а не государству, и еще болѣе собственному тщеславію и корыстолюбію. Для Россіи онъ былъ вреденъ уже потому, что былъ, въ составѣ русскаго правительства, представителемъ политики Меттерниха и идей Священнаго Союза. До чего же простиралось его презрѣніе къ политическимъ интересамъ русскаго народа, могутъ служить мѣрою его настойчивое противодѣйствіе возсоединенію Амура, признаніе имъ за китайскимъ правительствомъ права назначать хановъ въ подвластной намъ Средней киргизской ордѣ, и т. п. Есть болѣе или менѣе вѣрныя извѣстія, что онъ просто получалъ подарки отъ иностранныхъ дворовъ, напримѣръ англійскаго, за то, чтобы дѣйствовать въ антирусскомъ духѣ.[1]) Ни-

[1]) Въ 1840 году, когда тянулись переговоры о заключеніи съ Турціею договора относительно замкнутія Дарданелловъ европейскимъ военнымъ кораблямъ, что разумѣется не могло нравиться Англіи, на заставѣ въ Петербургѣ былъ задержанъ курьеръ, везшій ящикъ съ подарками Нессельроду, состоявшими изъ золотыхъ и серебряныхъ

колай, унаслѣдовавъ его отъ Александра I, держалъ его потому, что болѣе безцвѣтнаго министра иностранныхъ дѣлъ не могъ бы найти; ему же не нужны были ни Каннинги, ни Бисмарки. Притомъ Нессельроде умѣлъ ловко интриговать противу всѣхъ возможныхъ кандидатовъ на свое мѣсто. Онъ и при Александрѣ I успѣлъ удалить Каподистрію. Только страшная неудача нашей политики въ 1853—56 г. показала все ничтожество Нессельроде, все незнаніе имъ современной Европы и положенія, среди ея, русской имперіи. Тогда то, во время совѣщаній о томъ, продолжать ли крымскую войну или нѣтъ, Константинъ Николаевичъ, въ отвѣтъ на замѣчаніе Нессельроде, что „общественнаго мнѣнія въ Россіи бояться нечего, потому что его нѣтъ," высказалъ ему рѣзко, что онъ ошибается, что „общественное мнѣніе въ Россіи, какъ и вездѣ, есть, и что притомъ оно очень нелестно для него, графа Нессельрода."

Упомянувъ о крымской войнѣ, мы естественно должны вспомнить о главномъ дѣятелѣ тогдашняго военнаго вѣдомства, князѣ Вас. Долгорукомъ,

вещей. Николай потребовалъ министра къ себѣ, указалъ ему на ящикъ и, поднявъ его, очень маленькаго ростомъ, за воротникъ, выбросилъ за дверь. Только потомъ императоръ одумался и понялъ, что присылка взятки (черезъ англійское консульство въ Варшавѣ) не есть еще ея полученіе, и помирился съ Нессельродомъ.

томъ самомъ, про котораго Меньшиковъ сказалъ, что „онъ пороху не выдумалъ да и въ Крымъ его не присылалъ.“ Еще молодымъ флигель-адъютантомъ Долгорукій былъ представленъ Александру Николаевичу отцомъ со словами: „вотъ твой будущій военный министръ“; но это не помѣшало ему не приготовить армію къ войнѣ 1853 — 56 годовъ и, слѣдовательно, быть однимъ изъ главныхъ виновниковъ пораженія Россіи. Бюрократъ и придворный, онъ не постыдился занять послѣ министерства гнусный постъ начальника III отдѣленія, хотя историческое имя, которое онъ носилъ, могло бы внушить ему, что для потомка Рюрика безчестно быть главою шпіоновъ. Въ старости, уволенный и отъ этой должности, онъ низошелъ до того, что былъ чтецомъ у императрицы Маріи Александровны: такъ придворная атмосфера тянула его къ себѣ. Истиннымъ аристократомъ, княземъ, лордомъ онъ не умѣлъ быть, хотя и готовился къ высшимъ государственнымъ ролямъ съ 30 лѣтняго возраста.

Высокій, если не по государственному уму, то по росту, министръ юстиціи при Николаѣ, графъ Панинъ, сдѣлался въ Россіи легендарною личностью, благодаря насмѣшкамъ „Искры“ и „Колокола,“ изъ которыхъ въ послѣднемъ онъ обыкновенно назывался трехполѣннымъ министромъ. И бы-

ло бы хорошо для него, если бы съ памятью его остались нераздѣльными однѣ эти насмѣшки. Но на Панинѣ, сверхъ упрека въ реакціонныхъ стремленіяхъ, обнаруженныхъ имъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ по крестьянскому дѣлу, при Александрѣ II, лежитъ еще тяжелая укоризна за долголѣтнее противодѣйствіе усовершенствованію русскаго правосудія при Николаѣ. Поборникъ канцелярской тайны, Панинъ никакъ не хотѣлъ допустить ни малѣйшей гласности въ судопроизводствѣ и тѣмъ укоренилъ зло кривосудія и взяточничества въ русскомъ судебномъ вѣдомствѣ. Жестокость уголовныхъ законовъ не смущала его. Кромѣ того, у него рѣдко доставало духу докладывать Николаю о неправильныхъ рѣшеніяхъ судовъ, особенно сената,[1]) гдѣ однако же онъ былъ генералъ-прокуроромъ, „окомъ самодержца.“ Взяточничество въ сенатѣ превосходило все, что было въ этомъ родѣ извѣстно по

[1]) Сенаторъ Степановъ, умершій въ 1850-хъ годахъ, разсказывалъ, что однажды онъ участвовалъ въ обсужденіи и рѣшеніи дѣла по просьбѣ нѣсколькихъ лицъ, обвиненныхъ прежде сенатомъ въ разбоѣ и потому высѣченныхъ кнутомъ и сосланныхъ въ каторгу. Нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ ссылки нашлись и добровольно признались истинные виновники въ преступленіи, и тогда напрасно наказанные просили о возвращеніи ихъ изъ Сибири и возстановленіи ихъ гражданскихъ правъ. Сенатъ, большинствомъ голосовъ, отказалъ, « чтобы не уронить своего достоинства », и графъ Панинъ не возражалъ. Медленность сенатскаго дѣлопроизводства также никогда его не безпокоила.

какому либо другому вѣдомству, и притомъ оно было правильно организовано, такъ что въ департаментахъ назначались дежурные чиновники для пріема взятокъ, и оберъ-прокуроры каждую субботу производили раздѣлъ награбленнаго. Самъ Панинъ, конечно, не бралъ себѣ доли изъ этихъ постыдныхъ доходовъ; но, не смотря на свое огромное богатство, не чуждъ былъ корыстолюбія. Припомнимъ его тяжбу съ собственнымъ его крестьяниномъ Марининымъ, у котораго онъ хотѣлъ оттягать домъ въ Петербургѣ, въ силу нелѣпаго закона записанный не на имя дѣйствительнаго собственника, а на имя помѣщика. Нужно было сенату прибѣгнуть къ угрозѣ привести споривщія стороны къ присягѣ при колокольномъ звонѣ, чтобы Панинъ наконецъ уступилъ.

Но остановимся въ этомъ печальномъ перечисленіи лицъ, окружавшихъ повелителя шестидесяти милліоновъ русскихъ людей и, во второй половинѣ XIX вѣка, примѣнявшихъ къ этому несчастному народу вмѣсто закона правды не только злую волю императора-деспота, но и свою собственную, которую каждый изъ нихъ, конечно, считалъ выше закона всякій разъ, когда не опасался противодѣйствія со стороны другихъ сильныхъ лицъ. И приведеннаго уже достаточно, чтобы не только иностранецъ, но и

русскій будущихъ поколѣній выразилъ сомнѣніе въ правдивости писавшаго эти строки и заподозрилъ его въ преувеличеніяхъ и въ небезпристрастномъ отношеніи къ дѣлу. А между тѣмъ тутъ высказана только малая доля той тяжелой правды, которую можно сказать относительно состоянія Россіи въ 1855 году и характера дѣятелей, управлявшихъ тогда ея судьбами. Что представило бы неожиданнаго, если бы мы къ сказанному уже прибавили, что Паскевичъ въ Варшавѣ бивалъ туфлями по щекамъ знатнѣйшихъ аристократовъ Польши (напр. графа М-го) и ссылалъ поляковъ толпами въ Сибирь и въ пріуральскія губерніи безъ суда? Что радостнаго узналъ бы читатель изъ разсказа о томъ, что Муравьевъ-Карсскій, вступивъ въ 1855 году въ управленіе Кавказомъ, нашелъ 40,000 солдатъ „на огородахъ,“ т. е. на службѣ не государству, а частнымъ интересамъ начальниковъ, и это въ то время, когда каждый воинъ былъ нуженъ на поляхъ битвъ, а не на поляхъ, засѣянныхъ полковымъ овсомъ? Какую новую черту къ сдѣланному нами изображенію Россіи прибавило бы то, что деспотизмъ, властолюбіе и ограниченность Николая не только втянули Россію въ раззорительную войну, но и сдѣлали невозможными какіе-либо успѣхи въ ней, потому что во главѣ арміи были поставлены неспособные генералы, и

притомъ въ распоряженія ихъ постоянно вмѣшивался самъ императоръ, жившій за двѣ тысячи верстъ отъ театра войны? — Вспомнивъ содержаніе унизительнаго для Россіи парижскаго мирнаго договора, — который Николай, такъ сказать, оставилъ для подписи своему сыну, — и печальное состояніе имперіи *во всѣхъ отношеніяхъ*, мы должны бы были, еще съ большимъ основаніемъ чѣмъ теперь, повторить ироническое восклицаніе московскаго митрополита Филарета: „да, богъ поступаетъ съ Россіею не по правосудію, а по милосердію,“ потому что ударъ 1853—56 годовъ могъ расшатать ее гораздо сильнѣе, чѣмъ расшаталъ въ дѣйствительности.

Перейдемъ поэтому теперь же къ новому времени, къ новымъ людямъ и къ новымъ событіямъ, которыми ознаменовалось начало перерожденія Русской земли.

Общій взглядъ на царствованіе императора Александра II.

> Я властна требовать молчанія отъ моихъ русскихъ современниковъ; но что скажетъ потомство? И мысль, страхомъ заключенная въ сердцѣ, менѣе ли слова будетъ для меня оскорбительна? Екатерина II.

Когда умеръ императоръ Николай, старшему сыну его, Александру, было 37 лѣтъ, то есть онъ находился въ возрастѣ самомъ выгодномъ для управленія дѣлами страны, достававшейся ему по наслѣдству. Никто не сомнѣвался въ его правахъ на это наслѣдство, по крайней мѣрѣ изъ обыкновенныхъ смертныхъ, и потому вступленіе его на престолъ совершилось безъ всякихъ смутъ, въ противоположность всему, что представляетъ исторія Романовыхъ и Голштинскихъ со времени кончины царя Ѳедора Алексѣевича. Но существовалъ человѣкъ, который могъ не признавать этой безспорности и возстать противу нея, прикрывшись закономъ. Человѣкъ этотъ былъ братъ новаго императора, Константинъ, который хотя и моложе его девятью го-

дами, но имѣлъ за себя *букву* основнаго положенія о престолонаслѣдіи, изданнаго общимъ ихъ дѣдомъ, Павломъ. Въ самомъ дѣлѣ, по этому основному государственному закону[1]) русскій престолъ наслѣдуется „старшимъ сыномъ императора“, а такимъ былъ не Александръ, родившійся еще въ то время, когда отецъ его былъ великимъ княземъ, но Константинъ. И молва издавна приписывала послѣднему честолюбивые замыслы, основанные на такомъ буквальномъ толкованіи закона. Мало того, честолюбивый характеръ Константина и сознаніе имъ умственнаго превосходства надъ братомъ, внушали, повидимому, нѣкоторыя опасенія самому Николаю, который, какъ носились слухи, лишь силою угрозъ успѣлъ вынудить, на смертномъ одрѣ, у втораго своего сына честное слово безусловно покориться старшему брату.

Мы начинаемъ нашъ разсказъ о Россіи послѣ кончины Николая упоминаніемъ объ этомъ темномъ и даже, быть можетъ, вымышленномъ, особенно въ подробностяхъ, семейномъ дѣлѣ потому, что, вопреки всѣхъ теорій о выгодѣ наслѣдственности верховной власти, будто бы совершенно устраняющей споры о послѣдней, нигдѣ борьба за эту власть не имѣетъ столько вѣроятностей, какъ именно въ наслѣдственныхъ, неограниченныхъ монархіяхъ, особ-

[1]) См. Сводъ Зак., изд. 1857, Т. 1, Разд. I, § 6.

ливо такихъ, гдѣ въ теченіе ста сорока лѣтъ *всѣ* царствованія начинались кровавыми революціями или вообще смутами и насиліемъ и гдѣ по волѣ величайшаго изъ самодержцевъ, Петра I, была издана особая диссертація (Правда воли монаршей) съ цѣлью доказать, что для блага народа принципу наслѣдственности должно предпочитать преемничество по выбору самого монарха. Намъ не нужно при этомъ напоминать ни Турціи, ни Персіи, ни Руси удѣльной, а пусть только читатель представитъ себѣ, что слухъ, который мы передали здѣсь, былъ основателенъ, и что Константинъ вздумалъ бы предъявить свои права. Какому тяжкому испытанію подвергся бы шестидесяти милліонный народъ русскій, у котораго на плечахъ была въ то время раззорительная война, на успѣшный исходъ которой не представлялось ни малѣйшей надежды! И возможность къ тому—хотя слабая—была: скоропостижная смерть Николая и быстро разнесшійся слухъ объ его отравленіи могли дать людямъ ловкимъ и рѣшительнымъ поводъ къ произведенію смутъ.

Къ счастію, повторимъ, никто правъ Александра не оспаривалъ, и когда 19 февраля въ большой церкви Зимняго дворца приносилась всею знатью присяга новому государю, текстъ ея громко произно-

симъ былъ Константиномъ, который хотя былъ страшно блѣденъ и суровъ, но не измѣнилъ долгу, добровольно или вынужденно—для насъ все равно.[1])

И такъ тридцатисемилѣтній императоръ, вчерашній подданный суроваго деспота, которому привыкъ безусловно повиноваться, при которомъ не смѣлъ выкурить папироски, сталъ самъ въ положеніе неограниченнаго повелителя. Какія чувства волновали его? мы не знаемъ, но держался онъ спокойно и величаво, можетъ быть, даже слишкомъ величаво,[2]) вѣроятно съцѣлію сразу выдѣлить себя изъ среды, гдѣ долго вращался какъ братъ, какъ сослуживецъ, иногда просто какъ товарищъ, но отъ которой теперь безповоротно отдѣлила его теоретическая бездна абсолютизма его личной власти. Пожалѣлъ ли онъ о томъ, что отнынѣ къ нему прекратился доступъ, какъ къ человѣку? созналъ ли, что съ минуты воцаренія у него не стало друзей, а только болѣе или менѣе ненадежные слуги,[3]) которые, подобно всѣмъ слугамъ,

[1]) О позднѣйшихъ отношеніяхъ Александра къ Константину и о вліяніи послѣдняго на государственныя дѣла будетъ сказано ниже.

[2]) Авторъ этихъ строкъ самъ лично видѣлъ императора Александра II на первомъ выходѣ его, 19 февраля 1855, а также находился въ дворцовой церкви при присягѣ.

[3]) Ближайшими личными пріятелями новаго императора были въ 1855 году Адлербергъ 2-ой, Барановъ и Паткуль; изъ нихъ послѣдній былъ въ послѣдствіи лишенъ этой дружбы и удаленъ отъ двора за подвиги по должности петербургскаго оберъ полицемей-

готовы будутъ обмануть его всякій разъ, когда это будетъ нужно для ихъ личныхъ цѣлей? Задумался ли онъ надъ тѣмъ, что вся эта склонявшаяся передъ нимъ, раззолоченная, но безнравственная челядь отнынѣ будетъ *его* именемъ грабить и притѣснять народъ, на улучшеніи участи котораго могла лишь создаться его собственная слава у современниковъ и потомства? Приходило ли ему на умъ, что одинъ личный его контроль надъ этими массами мелкихъ деспотовъ есть вещь невозможная? Тревожила ли его мысль, что съ той минуты, какъ отецъ его испустилъ послѣдній вздохъ, *вся* отвѣтственность за судьбы шестидесяти пяти милліоновъ человѣкъ пала на него одного? что исторія не проститъ ему, самодержцу, *ни одной* ошибки, какъ она прощаетъ ихъ королямъ конституціоннымъ и президентамъ республикъ, наталкиваемымъ иногда на ложную дорогу интригами партій? Или упоеніе властію было такъ велико, что подобныя думы, даже въ виду гроба отца, изнемогшаго отъ избытка самовластья, не закрадывались въ душу новаго властителя, и онъ думалъ: „нѣтъ! я не выпущу изъ рукъ дорогаго наслѣдія, не уступлю никому и ничего изъ мо-

стера. Къ числу частныхъ друзей Александра II принадлежалъ еще И. М. Толстой, въ послѣдствіи бывшій министромъ почтъ и телеграфовъ,

ихъ самодержавныхъ правъ?“—Повторимъ: мы не знаемъ, да и едва ли даже это кому-нибудь можетъ быть извѣстно, кромѣ самого императора Александра. Судя же по ревности, съ которою онъ въ послѣдствіи ограждалъ свое самодержавіе отъ всѣхъ покушеній на его безграничность, какъ любилъ, чтобы даже идеи, имъ только одобренныя, считались его собственными идеями, можно скорѣе думать, что онъ сразу, безъ малѣйшей внутренней борьбы, вошелъ въ роль деспота, конечно болѣе гуманнаго, чѣмъ его отецъ, но все же не сомнѣвавшагося, что личная воля его выше законовъ, по которымъ должны устроивать свой быть шестьдесятъ пять милліоновъ другихъ, во всемъ подобныхъ ему существъ, что провиденціальная роль послѣднихъ—безпрекословно повиноваться, а его—безконтрольно повелѣвать.

Замѣтимъ здѣсь еще разъ: мы не пишемъ біографіи Александра II, а занимаемся судьбами Россіи за время его пребыванія на престолѣ. Поэтому позволимъ себѣ даже не дѣлать подробной характеристики его, какъ государя и человѣка. Первая изъ этихъ характеристикъ обозначится сама собою, по ознакомленіи съ фактами русской исторіи съ 1855 года, а до второй намъ немного дѣла. Александръ II—мущина высокаго роста и сложе-

нія крѣпкаго, хотя не столь богатырскаго, какъ его отецъ. Онъ могъ бы жить очень долго, если бы не слабость его къ женщинамъ, которая нѣсколькъ изсушила ему спинной мозгъ и вообще разстроила настолько нервную систему, что онъ сталъ худощавъ, раздражителенъ и подозрителенъ, какъ всѣ сластолюбцы: Генрихъ VIII англійскій, Іоаннъ IV московскій и пр. Любовь его къ женщинамъ не отличалась постоянствомъ, и онъ, съ согласія законной жены, мѣнялъ ихъ довольно часто, переходя отъ дочерей и племянницъ своихъ министровъ и статсъ-секретарей, изъ простаго дворянства и изъ рюриковыхъ потомковъ, къ дочерямъ камеръ-лакеевъ и даже къ ловкимъ, хорошенькимъ вдовушкамъ. [1]) Этихъ фаворитокъ онъ, пользуясь своимъ положеніемъ, нерѣдко пристроивалъ за придворныхъ, которыхъ охотно двигалъ за это по службѣ, и такимъ образомъ подарилъ Россіи, между прочимъ, двухъ

[1]) Одна такая дама была ему подослана въ 1874 году графомъ Шуваловымъ, желавшимъ и изъ Лондона «наблюдать» за своимъ монархомъ, если не на столько какъ въ Петербургѣ, гдѣ императоръ обязанъ былъ извѣщать графа, начальника тайной полиціи, о каждомъ выѣздѣ изъ дворца, то хоть на столько, чтобы знать, когда перемѣнится въ Зимнемъ дворцѣ неблагопріятный для бывшаго временщика вѣтеръ. Но императрица не допустила эту шпіонку долго оставаться въ званіи фоворитки, требуя отъ мужа, чтобы онъ взялъ себѣ « une maîtresse aux titres » и грозя въ противномъ случаѣ не возвращаться въ Петербургъ изъ Италіи.

генералъ-губернаторовъ. Къ другимъ его страстямъ принадлежатъ или принадлежали: любовь къ роскошной обстановкѣ, стоившая государству большихъ расходовъ, а затѣмъ охота, вино и карты, изъ которыхъ къ двумъ послѣднимъ съ лѣтами онъ нѣсколько охладѣлъ. Отъ отца онъ наслѣдовалъ страсть забавляться солдатами; но по счастію никогда не считалъ себя полководцемъ. Ума онъ не обширнаго, недальновиднаго, но способнаго взвѣшивать доводы и убѣждаться ими. Мало того: разъ убѣдясь въ пользѣ какой нибудь мѣры, онъ способенъ настойчиво проводить ее въ жизнь, что въ правителѣ, если онъ человѣкъ не злой, есть положительное достоинство, хотя составляетъ несчастіе націи при противномъ условіи. Геніемъ Александръ II ни для одной среды не родился; но величіе нѣкоторыхъ идей въ молодыхъ лѣтахъ плѣняло его и потому подвигнуло на нѣсколько славныхъ дѣлъ. Въ обхожденіи съ людьми онъ деликатенъ, но нѣсколько сухъ, то есть не умѣетъ трогать за сердце. Дара привлекать людей и разгадывать ихъ, дара, которымъ прославилась его прабабка, Екатерина II, онъ не имѣетъ, и отъ того около него такъ много посредственностей. Онъ нѣсколько мнителенъ, даже суевѣренъ,[1]) но чуждъ

[1]) Напримѣръ, онъ долго опасался умереть ранѣе 60 лѣтъ, на томъ основаніи, что изъ дома Романовыхъ никто не доживалъ этого

сектаторскихъ предубѣжденій и вѣротерпимъ. О своемъ безпристрастіи къ подданнымъ разныхъ племенъ онъ не разъ самъ заявилъ публично; но, не отрицая искренности этихъ заявленій, нельзя сомнѣваться, что нѣмецкая кровь, текущая въ его жилахъ, постоянно дѣлала свое дѣло и склоняла его на сторону нѣцевъ, иногда, конечно, инстинктивно, но иногда и сознательно. [1])

Воспитаніе Александра было такимъ, какого можно было ожидать отъ отца, абсолютнаго монарха и деспота, и матери — романтической нѣмки. Съ одной стороны фрунтовики-генералы и полковники, Зинковьевъ, Гогель и Назимовъ, какъ представители отцовскаго начала, съ другой романтикъ — поэтъ Жуковскій, какъ воплощеніе Шиллера, на которомъ воспитывалась мать, — вотъ кто были руководителями юности человѣка, котораго судьба предназначала управлять шестидесятимилліонною, разноплеменною націею. Ни отъ одного изъ этихъ наставниковъ онъ не могъ узнать Россіи и ея истинныхъ потребностей, потому что они и сами не знали ея или знали очень несовершенно. Воспитателя *государственнаго человѣ-*

возраста. Онъ ежемѣсячно ѣздитъ въ домикъ Петра Великаго молиться.

[1]) Напримѣръ однажды на полковомъ праздникѣ одного изъ гвардейскихъ полковъ онъ назначилъ флигель-адъютантами трехъ нѣмцевъ (Швебса, Овандера и еще одного) собственно потому, что его предупредили, что едва ли это понравится русскимъ.

ка у Александра не было. Уроки же статистика Арсеньева и личныя путешествія по странѣ если и ознакомили „барина“ съ его будущимъ „помѣстьемъ“, то именно лишь какъ помѣщика, а не какъ гражданина, или отвѣтственнаго правителя, изучающаго нужды своего народа и изыскивающаго средства удовлетворить имъ. Вліянію „тлетворныхъ идей Запада“ т. е. критическому отношенію къ видѣнному и слышанному, не было почти возможности развиться, потому что 22 лѣтъ молодой человѣкъ былъ уже женатъ и поставленъ въ обязанность съ одной стороны „продолжать династію“, а съ другой командовать войсками, ѣздить на разводы, дѣлать смотры, занимать свое мѣсто на придворныхъ выходахъ и, пуще всего, не смѣть высказывать, что онъ думаетъ объ управленіи отца, о совершающихся въ Россіи событіяхъ и о распространяющихся въ ней и въ Европѣ идеяхъ. Сдѣлавъ въ 1845 году небольшой опытъ передачи сыну управленія текущими дѣлами на время отсутствія своего въ западную Европу, Николай потомъ благодарилъ его „за хорошее“ ихъ веденіе, и это скорѣе свидѣтельствуетъ объ отсталости молодого человѣка отъ вѣка, чѣмъ о его способности явиться преобразователемъ отечества въ духѣ этого вѣка. Поэтому біографія его, какъ государственнаго дѣятеля, начинается лишь со вступленія его на престолъ,

т. е. съ 37 лѣтняго возраста. И какъ въ наше время факты и цифры справедливо предпочитаются реторическимъ похваламъ или порицаніямъ, то для первоначальной характеристики вступившаго въ 1855 г. въ управленіе Россіею „самодержца“, мы приведемъ эти факты просто въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ замѣтимъ, что сверхъ другихъ заботъ правленія, чисто практическихъ (чтенія докладовъ, участія въ засѣданіяхъ, посѣщенія разныхъ учрежденій, смотровъ войскъ и т. п.) Александромъ II издавалось ежегодно 1250 постановленій, вошедшихъ въ „Полное Собраніе Законовъ“, что далеко превосходитъ законодательную производительность каждаго изъ его предмѣстниковъ[1]). Замѣтные факты его царствованія суть слѣдующіе:

1855 годъ. Рѣчь къ иностраннымъ дипломатамъ о неизмѣнности русской политики, 20 февраля.
Заселеніе низовьевъ Амура и Заилійскаго края, лѣтомъ.

1) Цифра это, несомнѣнно свидѣтельствующая о служебномъ усердіи къ дѣлу императора Александра II, въ смыслѣ чиновничьемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, краснорѣчиво говоритъ, что неограниченный монархъ, если только онъ не геній, въ родѣ Петра I, положительно не можетъ быть хорошимъ правителемъ въ государственномъ смыслѣ. Обсудить зрѣло каждый изъ 1250 законовъ, издаваемыхъ въ годъ, очевидно не мыслимо для одного человѣка, и онъ по необходимости долженъ довѣряться своимъ докладчикамъ, ни передъ кѣмъ не отвѣтственнымъ, ни кѣмъ не контролируемымъ и даже на упреки самого монарха имѣющимъ неизмѣнную и вполнѣ легальную, хотя безсовѣстную, отговорку: «Это была воля вашего величества».

1855 годъ. Сраженіе на Черной рѣчкѣ, 4 августа.

Паденіе Севастополя, 27 августа.

Взятіе русскими войсками Карса, 16 ноября.

1856 годъ. Основаніе *Русскаго Вѣстника*, т. е. перваго ежемѣстнаго журнала съ политическимъ отдѣломъ, 1 генваря.

Прекращеніе войны съ Англіею, Франціею, Турціею и Сардиніею Парижскимъ миромъ, при чемъ въ манифестѣ о мирѣ впервые заявлены намѣренія заняться внутренними реформами 18 марта.

Рѣчь къ предводителямъ дворянства въ Москвѣ о необходимости освобожденія крестьянъ, 30 марта.

Рѣчь къ полякамъ въ Варшавѣ: „point de reveries!“ 26 мая.

Возвращеніе политическихъ ссыльныхъ изъ Сибири и вообще многія льготы народу, по случаю коронованія, 26 августа.

Учрежденіе Приморской области Восточной Сибири съ центромъ въ Николаевскѣ, на устьѣ Амура.

Учрежденіе русскаго общества пароходства и торговли на Черномъ морѣ.

Упраздненіе батальоновъ кантонистовъ, и военныхъ поселеній, 25 декабря.

1857 годъ. Открытіе комитета объ устройствѣ крѣпостныхъ крестьянъ, 3 генваря.

Передача частной компаніи устройства первой сѣти желѣзныхъ дорогъ, длиною въ 4,000 верстъ, 26 генваря.

Обнародованіе новаго таможеннаго тарифа, 28 мая.

Разрѣшеніе устроивать городскіе общественные банки, 16 іюля.

1857 годъ. Заселеніе верховьевъ Амура, до Хингана, и открытіе южно-усурійскихъ портовъ.

Рескриптъ генералу Назимову объ улучшеніи быта крестьянъ въ литовскихъ губерніяхъ, 20 ноября.

Адресъ нижегородскаго дворянства объ упраздненіи крѣпостнаго права,—первый изъ всѣхъ подобныхъ, 17 декабря.

Обѣдъ литераторовъ въ Москвѣ:—первое гласное привѣтствіе общества началу реформъ, 28 декабря.

1858 годъ. Постепенное открытіе и дѣятельность губернскихъ комитетовъ по вопросу объ улучшеніи быта крестьянъ.

Взятіе Веденя, т. е. окончательное покореніе Чечни, 1 апрѣля.

Айгунскій трактатъ, утвердившій присоединеніе Амура, 16 мая.

Образованіе телеграфнаго управленія.

Путешествіе государя по Россіи для оживленія хода крестьянской реформы, лѣтомъ.

Тогда же: заселеніе остальнаго Амура и низовья Усури.

1859 годъ. Учрежденіе редакціонныхъ коммиссій для составленія положенія объ освобожденіи крестьянъ, 17 февраля.

Учрежденіе государственнаго банка, 31 мая.

Открытіе первой женской гимназіи, въ Москвѣ.

Взятіе Гуниба, плѣнъ Шамиля и покореніе Дагестана, 26 августа.

Сокращеніе сроковъ военной службы, 8 сентября.

Первыя военныя движенія русскихъ въ Небесныхъ горахъ и на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

1859 годъ. Посольство Игнатьева въ Хиву и Бухару.—Заселеніе Усури.

1860 годъ. Разрѣшеніе открывать воскресныя школы.

Учрежденіе судебныхъ слѣдователей, 8 іюня.

Посольство Игнатьева въ Китай: русское вліяніе тамъ достигаетъ зенита.

Взятіе Токмака и Пишпека, за Чу.

1861 годъ. Освобожденіе 23,000,000 крестьянъ отъ рабства, 19 февраля.

Первыя волненія въ Польшѣ, 27 февраля.

Уничтоженіе кяхтинской монополіи, 30 марта.

Уничтоженіе системы откуповъ на вино, 4 іюля.

Занятіе Яны-кургана на Сыръ-дарьѣ.

Студентскія волненія въ Петербургѣ, Москвѣ и проч.

Военное положеніе въ Польшѣ, 2 октября.

Созваніе выборной коммиссіи въ Финляндіи для подготовки работъ къ открытію сейма.

1862 годъ. Утвержденіе правилъ о составленіи и обнародованіи бюджета, 22 мая.

Горцы окончательно выгнаны изъ пространства между Кубанью и Бѣлой и пространство это заселено русскими.

Обнародованы главныя основанія судебной реформы. 29 сентября.

Закрыты воскресныя школы и читальни.

Константинъ Николаевичъ въ Польшѣ.

1863 годъ. Введена вмѣсто откупной акцизная система сбора налоговъ на вино, 1 генваря.

Уничтожена подушная подать съ мѣщанъ, тогда же.

Рекрутскій наборъ и открытое возстаніе въ Польшѣ, 11 генваря.

Отмѣнены тѣлесныя наказанія по суду, 17 апрѣля.

1863 годъ. Изданъ новый уставъ университетовъ, 18 іюня
Открытъ первый сеймъ въ Финляндіи.
Значительно усиленъ составъ арміи.
Введено военно-полицейское управленіе въ Польшѣ, положившее конецъ возстанію.

1864 годъ. Обнародовано положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, 1 генваря.
Обнародовано положеніе о взаимномъ земскомъ страхованіи, 7 генваря.
Обнародованы указы объ устройствѣ крестьянъ въ Польшѣ, 19 февраля.
Открытъ Учредительный Комитетъ въ Варшавѣ.
Учрежденъ университетъ въ Одесѣ.
Кавказская война окончена; горцы западнаго Кавказа выгнаны въ Турцію.
Войска оренбургскія и сибирскія сошлись за Чу и взяли Туркестанъ.
Обнародованы уставы новыхъ судовъ, 20 ноября.
Условлены новыя границы съ Китаемъ въ Джунгаріи.
Начато устройство въ провинціяхъ контрольныхъ палатъ.

1865 годъ. Присоединенъ Ташкентъ и учреждена Туркестанская область.
Введена повсемѣстно военно-окружная система управленія арміею и переустроено военное министерство.
Изданы новые законы о печати и дозволены безцензурныя изданія. 6 апрѣля.

1866 годъ. Польша раздѣлена на десять губерній, вмѣсто пяти.
Открыты новые суды въ округахъ Петербурга и Москвы.
Издано новое уложеніе о наказаніяхъ, 5 мая.

1866 годъ. Выстрѣлъ Каракозова (4 апр.) и послѣдовавшій за нимъ рескриптъ князю Гагарину о пробужденіи въ обществѣ консервативныхъ началъ: оффиціальное начало реакціи (13 мая). Графъ Шуваловъ, шефъ жандармовъ.

Классическія гимназіи и гр. Толстой, министръ народнаго просвѣщенія.

Упраздненіе вотчинныхъ отношеній городовъ въ Польшѣ.

Устройство государственныхъ крестьянъ на новыхъ основаніяхъ.

1867 годъ. Уступка Соединеннымъ Штатамъ сѣверо-американскихъ владѣній.

Славянскій съѣздъ въ Москвѣ.

Преобразованіе военно-учебныхъ заведеній изъ корпусовъ въ гимназіи.

Новые военные суды.

Безсрочноотпускные и отставные солдаты получаютъ право по земельные надѣлы.

Поѣздка государя въ Парижъ и второй выстрѣлъ по немъ, поляка Березовскаго.

Учрежденіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства.

1868 годъ. Взятіе Самарканда, 2 мая.

Голодъ въ 17 губерніяхъ и замѣна министра внутреннихъ дѣлъ.

Валуева Тимашевымъ.

1869 годъ. Новое устройство духовенства.

Основаніе Красноводска.

1870 годъ. Обнародованіе новаго городоваго положенія.

Отказъ отъ статьи парижскаго трактата о Черномъ морѣ, 28 октября.

Обнародованіе общихъ началъ всесословной воинской повинности.

1871 годъ. Суды поставлены въ тѣсную связь съ жандармами, особенно по дѣламъ политическимъ, 19 мая.

Занятіе Кульджи, іюль.

1872 годъ. Администрація можетъ карать печать безъ суда

1873 годъ. Введеніе русскаго языка въ польскихъ судахъ.

Хивинская экспедиція и присоединеніе земель по правой сторонѣ Окса.

Надзоръ за первоначальными школами отнятъ у земства и переданъ дворянству, 23 декабря.

1874 годъ. Указъ о введеніи всеобщей воинской повинности.

Искусственное возсоединеніе части польскихъ уніатовъ съ православною церковью.

Образованіе Закаспійскаго военнаго отдѣла.

1875 годъ. Уступка Японіи Курильскихъ острововъ въ замѣнъ ея правъ на часть Сахалина, 26 марта.

Присоединеніе Коканскаго ханства.

1876 годъ. Введеніе русскихъ судовъ въ Польшѣ и окончательное уничтоженіе всѣхъ признаковъ ея автономіи, 1 іюля.

Уничтоженіе балтійскаго генералъ-губернаторства.

Русскимъ дозволено отправляться въ Сербію для войны съ Турками.

Рѣчь въ Москвѣ о готовности воевать съ Турціею, 29 октября.

Изданіе положенія объ ополченіи.

1877 годъ. Объявленіе войны Турціи, 12 апрѣля.

Огромный политическій процессъ подъ лицомъ не обыкновеннаго суда, а особаго присутствія изъ членовъ по назначенію администраціи. Печатаніе обстоятельныхъ извѣстій о ходѣ процесса запрещено, но большинство обвиненныхъ все-таки оправдано.

1877 годъ. Возстаніе горцевъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ.
Объявленный къ подпискѣ за границею внѣшній заемъ не удается.
Взятіе Карса 6 ноября; взятіе Плевны 28 ноября; переходъ за Балканы, декабрь.

1878 годъ. Занятіе Адріанополя, 18 генваря.
С.-Стефанскій договоръ съ Турціею 19 февраля.
Новая неудачная попытка сдѣлать внѣшній заемъ, въ апрѣлѣ.
Оправдательный приговоръ присяжными г-жи Засуличъ, стрѣлявшей въ петергургскаго градоначальника Трепова, какъ въ административнаго изверга, 31 марта.
Рѣзня въ Москвѣ вслѣдствіе сочувствія общества къ ссыльнымъ кіевскимъ студентамъ.
Запрещеніе невоеннымъ носить оружіе.
Курсъ бумажныхъ денегъ падаетъ до 58 коп. за рубль.
Берлинскій договоръ, 1 іюля.
Указъ объ отдачѣ подъ военный судъ всѣхъ совершившихъ государственныя преступленія или оскорбившихъ чиновниковъ, 9 августа.

Перечень этотъ, котораго точность не можетъ подвергнуть сомнѣнію самъ императоръ Александръ, позволяетъ теперь же сдѣлать два слѣдующія заключенія:

1) Царствованіе этого государя представляется однимъ изъ самыхъ обильныхъ событіями первостепенной важности для Россіи и давало бы ему, освободителю 23,000,000 рабовъ, главному виновнику реформъ судебной и земской и вообще до нѣкоторой

степени обновителю русской земли, гораздо болѣе правъ на монументъ, чѣмъ какія имѣютъ всѣ его предмѣстники изъ дома Романовыхъ, кромѣ Петра I и Екатерины II.

2) Но оно существенно распадается на двѣ части: время либеральныхъ реформъ, съ 1855 по 1866 годъ, и время реакціи, котораго началомъ можно считать весну 1866 года или, еще опредѣлительнѣе, день выстрѣла Каракозова (4 апрѣля). Въ первые одиннадцать лѣтъ у правительства на первомъ планѣ стояли мирныя внутреннія дѣла государства, преуспѣяніе народа; въ послѣдніе двѣнадцать оно занято было преимущественно внѣшними завоеваніями и ослабленіемъ благихъ послѣдствій внутреннихъ реформъ, къ ущербу того же народа. [1])

Послѣднее явленіе не представляетъ ничего исключительнаго, необычнаго въ исторіи вообще и въ частности въ русской. Напротивъ, царствованія Іоанна IV и Александра I точно также распадаются каждое на два отдѣла, прогрессивный и ретроградный, или, по русски, поступательный и попятный. Сходство

[1]) Собственно, реакціонныя мѣры принимались и ранѣе 1866 года; но это были случаи отрывочные, не имѣвшіе общей связи, не представлявшіе системы, тогда какъ послѣ каракозовскаго выстрѣла всѣ реакціонные элементы были вызваны къ жизни самимъ правительствомъ, котораго дѣятельность перестала быть реформаторскою.

это еще разъ доказываетъ, какъ непрочна вообще судьба народовъ, управляемыхъ самодержавно: стоитъ только какимъ-нибудь случайностямъ, касающимся лично самодержца, произвести на него сильное и неблагопріятное впечатлѣніе, чтобы десятки милліоновъ подданныхъ почувствовали незаслуженныя страданія. И да проститъ намъ русскій народъ, что мы рѣшаемся напоминать ему такую, до пошлости общеизвѣстную, истину: онъ, повидимому, не довольно твердо помнитъ ее, а также и тотъ практическій выводъ изъ всемірной исторіи, что „всякая нація имѣетъ такое правительство, какого она заслуживаетъ.“

Но чтобы выводъ нашъ о раздѣленіи времени съ 1855 по 1878 годъ на два, существенно различные періода не показался слишкомъ отвлеченнымъ, опережающимъ подробное знакомство съ событіями, изъ которыхъ онъ истекаетъ, то приведемъ здѣсь нѣсколько правительственныхъ актовъ, изшедшихъ отъ самаго императора Александра или изданныхъ по его повелѣнію и относящихся не къ одной какой либо частности управленія, а ко всей системѣ его. Въ выборѣ ихъ мы не слѣдовали никакой предвзятой мысли, какъ это сдѣлалъ напр. Тэнъ въ исторіи французской революціи; а приводимъ именно тѣ, которые больше всего памятны каждому изъ на-

шихъ соотечественниковъ. Затѣмъ, сочувствіе или отвращеніе навѣютъ они на читателя, виновникомъ, во всякомъ случаѣ, будетъ не тотъ, кто ихъ переписалъ, а тотъ, кто съ ними обращался къ народу русскому. Пусть онъ ими самъ характеризуетъ себя.

I Извлеченіе изъ манифеста 3 апрѣля 1855 г.

....„По примѣру августѣйшихъ предшественниковъ нашихъ признали мы за благо ознаменовать начало царствованія нашего дарованіемъ народу возможныхъ въ настоящее время льготъ и прощеніемъ или облегченіемъ участи тѣхъ изъ подданныхъ нашихъ, кои, хотя омрачили себя противозаконными дѣяніями, но могутъ еще, черезъ совокупное дѣйствіе правосудія и милосердія, быть нравственно исправлены и загладить прошедшее новою жизнію, сообразною съ обязанностями ихъ къ Богу и ближнимъ. Избравъ для сего день свѣтлаго воскресенія Христова, повелѣваемъ:

1. „Изъ всѣхъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ по 1 генваря 1855, накопившихся въ податяхъ подушной, оброчной, на сухопутныя и водяныя сообщенія и за право винокуренія, оставить ко взысканію не болѣе одного годоваго оклада.“

2. „Всѣхъ, содержащихся подъ стражею или отданныхъ на поручительство или въ заработки несостоятельныхъ передъ казною должниковъ простить и немедленно изъ заключенія, отъ поручительства или отъ заработковъ освободить“...

3. „Взысканія, опредѣленныя за употребленіе вмѣсто гербовой бумаги простой, а равно пошлины за просроченные заграничные паспорты простить.“

4. „Сложить со счетовъ: а) недоимки, числящіеся на переселенцахъ, водворившихся самовольно на казенныхъ землях, b) недоимки, лежащія на крестьянахъ бывшихъ

арендныхъ имѣній, c) недоимки, числящіеся на государственныхъ крестьянахъ за предоставленныя имъ, по недостатку земли, въ надѣлъ, оброчныя статьи, d) недоимки по взысканіямъ съ судорабочихъ за паспорты.“

5. „Всѣхъ вдвойнѣ или излишне въ ревизію написанныхъ изъ оклада исключить, и недоимки на нихъ, по двойному написанію числящіяся, сложить.“ [1])

6. „Всѣхъ, состоявшихъ по день восшествія нашего на престолъ подъ слѣдствіемъ и судомъ по такимъ преступленіямъ, за кои не опредѣлены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, — отъ слѣдствія и суда учинить свободными.....“

7. „Отлучившимся безъ узаконенныхъ видовъ отъ жилищъ своихъ или изъ отечества, а равно и остающимся въ отсутствіи съ просроченными видами, когда они не учинили другаго преступленія, подлежащаго одному изъ наказаній уголовныхъ... даруется прощеніе.“

8. „Преступниковъ осужденныхъ къ наказанію цѣтьми съ наложеніемъ клеймъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы или къ наказанію плетьми и къ ссылкѣ на поселеніе, освободить отъ наказанія тѣлеснаго...“

9. „Тѣмъ изъ преступниковъ, кои, будучи по закону изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, осуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы, уменьшить опредѣленное имъ судебными приговорами время сихъ работъ... на одну треть.“

10. „Осужденныхъ къ наказанію розгами и къ отдачѣ въ исправительныя арестанскія роты военнаго или морскаго вѣдомствъ, или же въ замѣнъ того къ отдачѣ въ рабочіе дома, освободить отъ наказанія розгами.“

11. „Тѣмъ, кои, будучи по закону изъяты отъ наказаній

[1]) Казалось бы, что тутъ нѣтъ милости, а только исправленіе, и притомъ очень неполное, зла, произведеннаго администраціею; но таково свойство «божественной» монархіи, что она можетъ только «прощать» даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сама виновата. Чувства оскорбленнаго достоинства въ подданныхъ она не допускаетъ.

тѣлесныхъ, осуждены къ ссылкѣ въ Сибирь на житье съ назначеніемъ безотлучнаго пребыванія въ опредѣленномъ городѣ или селеніи, время этого безотлучнаго пребыванія сократить на половину.

12. Осужденнымъ къ заключенію въ рабочемъ домѣ сократить время заключенія на одну треть, а приговореннымъ къ заключенію въ крѣпости, или въ смирительномъ домѣ или въ тюрьмѣ,—на половину.

13. Уменьшить также одною третью число ударовъ розгами, къ коимъ приговорены осужденные за маловажные преступленія и проступки.

14. Тѣмъ изъ преступниковъ, надъ коими судебный приговоръ уже приведенъ или приводится въ исполненіе, если они со времени этого приговора вели себя неукоризненно, не бывъ ни подъ судомъ, ни въ бѣгахъ, даруются слѣдующія облегченія: а, каторжнымъ, поступившимъ въ разряды исправляющихся, зачислить, для уменьшенія опредѣленнаго имъ срока работы, время, проведенное въ дорогѣ *) до мѣста ссылки..... b, сосланнымъ въ Сибирь на поселеніе которые по 19 февраля 1855 г. пробыли въ Сибири не менѣе пяти лѣтъ, разрѣшить подачу просьбъ о перечисленіи ихъ въ государственные крестьяне...

И такъ далѣе... Манифестъ упоминаетъ даже, что о льготахъ для подданныхъ польскихъ и финляндскихъ будутъ изданы особыя постановленія.

А черезъ годъ послѣ него, 30 марта 1856 г., возвѣщена была императоромъ Александромъ въ Москвѣ, передъ мѣстными предводителями дворянства, и другая „благая вѣсть,“ которая заставила живо встрепенуться всѣ честныя сердца. Императоръ сказалъ:

[1]) Отсюда видно, что путешествіе въ Нерчинскъ пѣшкомъ, часто въ кандалахъ, не считалось наказаніемъ по русскому кодексу!

„Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Наконечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, думать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображенія."

За этими золотыми словами не далѣе, какъ черезъ пять мѣсяцевъ, именно 26 августа 1856, состоялся III *манифестъ, въ день коронаціи,* еще болѣе щедрый на милости чѣмъ 1855 года, тотъ самый манифестъ, который вызвалъ восторженный привѣтъ литтераторовъ въ Москвѣ и которымъ возвращены были изъ ссылки даже декабристы. Вотъ извлеченіе изъ этого документа и приложенныхъ къ нему указовъ сенату:

...„Приступая къ исполненію священной для сердца нашего обязанности изгладить самые слѣды какъ общаго тягостнаго напряженія силъ государства, такъ и частныхъ, нѣкоторымъ краямъ Россіи понесенныхъ войною бѣдствій, мы должны прежде всего обратить вниманіе ва положеніе жителей Тавриды, Бессарабіи и губерній херсонской, екатеринославской, частію архангельской и прибалтійскихъ, какъ наиболѣе потерпѣвшихъ.

...Имъ мы признали справедливымъ, вмѣстѣ съ изъявленіемъ нашей признательности, предоставить и особыя облегченія и пособія... Но потери и тягости войны не ограничивались сими мѣстами: имъ подвергались, болѣе или менѣе, и про-

чія части имперіи... Желая, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, сдѣлать послѣдствія ихъ менѣе ощутительными и вообще ознаменовать торжество нашего коронованія дарованіемъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ всѣхъ возможныхъ въ настоящее время льготъ и милостей, даже распространить ихъ на тѣхъ, которые, хотя навлекли на себя кару закона противными оному дѣйствіями, но, по изъявленному ими раскаянію и смиренію въ наказаніяхъ или же по самому свойству вины ихъ, могутъ быть признаны заслуживающими смягченія сихъ наказаній или и совершеннаго прощенія, повелѣваемъ:

1. Дабы, вслѣдствіе значительной, какъ отъ военныхъ дѣйствій, такъ и отъ бывшихъ эпидемическихъ болѣзней, убыли людей, нѣкоторыя состоянія не были обременены платежемъ излишнихъ, несоразмѣрныхъ съ настоящимъ населеніемъ податей и исправленіемъ другихъ повинностей, сдѣлать немедленно во всей имперіи новую общую народную перепись... и объявить заранѣе, что съ 1 генваря 1857 всякая переплата будетъ зачтена въ подати слѣдующихъ затѣмъ лѣтъ по числу душъ уже новой ревизіи. [1])

2. Рекрутскихъ наборовъ въ настоящемъ 1856 и въ теченіе трехъ слѣдующихъ за симъ лѣтъ не производить...[2])

3. Силу § 97 положенія о государственномъ ополченіи, въ коемъ постановлено: за ратниковъ, которые будутъ убиты въ сраженіяхъ или умрутъ отъ ранъ, выдавать обществамъ и помѣщикамъ зачетныя рекрутскія квитанціи, — распространить на всѣхъ вообще убылыхъ ратниковъ 198

[1]) Послѣдняя оговорка, въ сущности, одна имѣетъ характеръ льготы; собственно же ревизія должна была не уменьшить, а увеличить количество подушныхъ сборовъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ убыль населенія отъ войны 1853—56 г. была меньше естественной прибыли его съ 1834 по 1856 годъ.

[2]) Конечно, армія достигавшая въ 1856 г. до $2^1/_2$ мил. и ненуждалась вовсе въ наборахъ, а въ распущеніи; тѣмъ не менѣе это освобожденіе отъ рекрутчины было льготою, тѣмъ болѣе важною, что въ дѣйствительности наборовъ не дѣлалось 6 лѣтъ.

дружинъ ополченія, не входя затѣмъ въ изысканіе причинъ убыли ополченцевъ.

4. Всѣ недоимки прежнихъ лѣтъ, со включеніемъ и разсроченныхъ по 1 генваря 1856 г., какъ въ податяхъ подушной, оброчной на сухопутныя и водяныя сообщенія, такъ и за право винокуренія..... сложить изъ счетовъ исключить.

5. Всѣ казенные по службѣ начеты, ущербы и утраты: которые... не превышаютъ съ каждаго лица 600 р. с. и возникли по дѣламъ, начавшимся до дня коронованія нашего,— сложить и со счетовъ исключить. Изъ начетовъ, превышающихъ 600 р., сложить эту сумму.

6. По ущербамъ, утратамъ и похищеніямъ казенныхъ денегъ..... взыскать только одну капитальную сумму, безъ процентовъ..... а 7, начеты и взысканія по дѣламъ, совершеннымъ 10 лѣтъ назадъ, сложить вовсе.

8. Всѣ казенныя взысканія, падающія на наслѣдниковъ провинившихся лицъ,—простить.

9. Прекратить повсемѣстно разысканія объ имуществѣ лицъ, которыя оказались несостоятельными къ платежу отработочныхъ денегъ...

10. Всѣхъ тѣхъ, кои по несостоятельности къ платежу какихъ-либо взысканій, содержатся подъ стражею или отданы въ заработки или на поручительство, простить и освободить.

12. За прописныхъ въ 9 ревизіи и за людей, явившихся изъ бѣговъ... не подвергать опредѣленнымъ въ уставѣ о ревизіи наказаніямъ.

13. Простить и со счетовъ сложить . а) взысканія за употребленіе простой бумаги вмѣсто гербовой, b) недоимки съ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и селеній по рекрутскимъ наборамъ, с) недоимки по взысканію за повышеніе чинами и за ордена, д) взысканія, наложенныя за выдачу безъ разрѣшенія начальства денежныхъ наградъ, и т. д., всего по 13 статьямъ.

14. По ссудамъ, учиненнымъ въ разное время какъ об-

ществамъ, такъ и частнымъ лицамъ предоставить облегченіе (9 пунктовъ).

15. Подвергшимся разнымъ за политическія преступленія наказаніямъ и донынѣ еще не получившимъ прощенія, но, по изъявленному ими раскаянію и безукоризненному послѣ произнесеннаго надъ ними приговора поведенію, заслуживающимъ помилованія,—даровать: однимъ — облегченія, другимъ же — освобожденіе съ правомъ жить въ одной изъ указанныхъ имъ внутреннихъ губерній, а нѣкоторымъ и дозволеніе жить гдѣ пожелаютъ въ Россіи или Польшѣ, кромѣ Петербурга и Москвы. Тѣмъ изъ этихъ лицъ, которыя подвергнуты наказаніямъ по приговору верховнаго уголовнаго суда въ 1826 году,... по прикосновенности къ замысламъ и дѣйствіямъ тайныхъ обществъ и къ возмущенію 1831 года въ Польшѣ, а дотолѣ принадлежали къ дворянству потомственному, даровать, вмѣстѣ съ законными ихъ дѣтьми, всѣ права потомственнаго дворянства, только безъ права на прежнія имущества...*) Принадлежавшимъ къ дру-

*) На этомъ основаніи указомъ Сенату повелѣно: С. Трубецкому, Ев. Оболенскому, М. Муравьеву-Апостолу, И. Горбачевскому, А. Поджіо, В. Бечасткову, И. Пущину, С. Волконскому, И. Якушкину, Д. Завалишину, Д. Щепину-Ростовскому, И. Кирѣеву, А. Фролову, М. Бестужеву, В. Штейнгелю, Г. Батенкову, П. Фаненбергу, Ю. Люблинскому, В. Колесникову, А. Веденяпину, М. Кюхельбекеру, В. Соловьеву, А. Быстрицкому, Ф. Башмакову, Д. Таптыкову, Х. Дружинину, Н. и А. Крюковымъ, Н. Басаргину, П. Свистунову, И. Анненкову, А. Бригену—дозволить возвратиться съ семействами изъ Сибири и жить гдѣ пожелаютъ, кромѣ Москвы и Петербурга. Тѣмъ же изъ декабристовъ и т. п., которые были возвращены въ Россію прежде, разрѣшено жить гдѣ хотятъ, безъ всякихъ ограниченій. Всѣ поименованныя лица съ ихъ законнымъ потомствомъ получили дворянство, а В. Штейнгель, А. Розенъ, З. Чернышовъ, А. Черкасовъ, В. Голицынъ, В. Соловьевъ — прежніе ихъ титулы князей, графовъ или бароновъ. Сыновьямъ В. Давыдова, В. Ивашева, В. Кюхельбекера и А. Розена, которымъ Николай перемѣнилъ фамиліи, возвращены ихъ наслѣдственныя.—Въ послѣдствіи титу-

гимъ состояніямъ даровать, вмѣстѣ съ законными дѣтьми тѣ права состоянія, которыми они до сего осужденія пользовались. — Состоящимъ по прикосновенности къ преступленіямъ политическимъ подъ особымъ надзоромъ полиціи — отъ онаго освободить.

16. Лицамъ, вслѣдствіе прикосновенности ихъ къ преступленіямъ политическимъ находящимся въ военной службѣ (конечно, солдатами)... будутъ дарованы льготы и милости соотвѣтственно ожидаемыхъ отзывовъ о нихъ начальствъ.

17. Лицамъ, которыя подвергнуты, по судебнымъ приговорамъ, надзору полиціи и во все время состоянія подъ этимъ надзоромъ вели себя безукоризненно, даровать прощеніе или облегченія на слѣдующихъ основаніяхъ: а) лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія и водворенныхъ на жительство въ разныхъ отдаленныхъ губерніяхъ — перевести изъ сихъ губерній въ другія, менѣе отдаленныя, по назначенію м. вн. д., дозволивъ имъ приписаться къ какому либо податному сословію," и т. д., всего шесть категорій льготъ.

лы были возвращены и другимъ декабристамъ - аристократамъ напр. Волконскому, Трубецкому и пр. — Но, замѣтимъ, что ни Бакунинъ, ни Шевченко, ни болѣе замѣтные изъ петрашевцевъ не были возвращены по амнистіи 1856 года. Для Шевченки нужно было спеціальное ходатайство гр. Толстой, чтобы его, уже въ 1857 году, выпустили изъ укр. Ново-Петровскаго; Бакунинъ, узнавъ, что за все царствованіе Александра II онъ не будетъ выпущенъ изъ Сибири, предпочелъ оттуда бѣжать, хотя ген.-губ. В. Сибири Муравьевъ и доставилъ-было ему хорошія занятія въ Иркутскѣ, гдѣ онъ сдѣлался адвокатомъ по дѣламъ золотопромышленниковъ.—Изъ петрашевцевъ Львовъ, Спѣшневъ и самъ Петрашевскій еще въ 1857—9 годахъ продолжали жить въ Иркутскѣ, первые двое впрочемъ на службѣ писцами при главномъ управленіи, а Спѣшневъ даже и редакторомъ газеты Амуръ,—все по доброжелательной волѣ Н. Муравьева-Амурскаго, которому очень много обязаны и декабристы.

18. Отданныхъ подъ особый надзоръ полиціи съ обязанностію имѣть жительство въ указанныхъ имъ мѣстамъ..... освободить отъ надзора и предоставить жить, гдѣ пожелаютъ.

19. Всѣхъ, состоящихъ по день коронаціи подъ слѣдствіемъ и судомъ по такимъ преступленіямъ и проступкамъ, за кои по законамъ не слѣдуетъ наказанія, соединеннаго съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или же особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ подсудимому правъ,..... — отъ слѣдствія и суда учинить свободными.....

21. Преступниковъ, осужденныхъ къ наказанію плетьми съ наложеніемъ клеймъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы либо на поселеніе... освободить отъ наказанія тѣлеснаго....

22. Тѣмъ изъ преступниковъ, кои, будучи по закону изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, осуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы, — уменьшить сроки сихъ работъ... (вообще на одну треть). Приговореннымъ къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири назначить для поселенія мѣста не столь отдаленныя," и т. п.

23. Осужденныхъ къ наказанію розгами и къ отдачѣ въ исправительныя роты гражданскаго вѣдомства... освободить отъ розогъ.

24. Тѣмъ изъ лицъ, свободныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, которыя осуждены къ ссылкѣ на житье въ сибирскія губерніи, дозволить... перейдти въ отдаленныя губерніи Европейской Россіи... и т. д.

25. Осужденнымъ къ заключенію въ рабочемъ домѣ сократить время заключенія на $^1/_3$; приговореннымъ къ заключенію въ крѣпости, смирительномъ домѣ или тюрьмѣ— на $^1/_2$.

26. Осужденныхъ къ наказаніямъ менѣе строгимъ... освободить отъ нихъ вовсе.

27. .....Всѣмъ вообще отставнымъ солдатамъ, водвореннымъ постоянною осѣдлостью въ мѣстахъ населенныхъ людьми свободныхъ состояній, возвратить, буде пожелаютъ,

всѣхъ сыновей ихъ, состоящихъ кантонистами. То же и солдатскимъ вдовамъ; а родственникамъ и воспитателямъ малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей предоставить водворить ихъ при себѣ... Солдатскихъ и кантонистскихъ сиротъ, а равно незаконнорожденыхъ, военному вѣдомству принадлежащихъ и недостигшихъ 14 лѣтъ, отдавать благотворительнымъ лицамъ свободныхъ состояній на полное ихъ попеченіе, если они пожелаютъ принять ихъ въ составъ своихъ семействъ... Всѣхъ возвращемыхъ такимъ образомъ кантонистовъ исключить изъ военнаго и морскаго вѣдомствъ навсегда...

29. Уволить отъ службы всѣхъ нижнихъ чиновъ военнаго и морскаго вѣдомствъ, которые, прослуживъ узаконенныя для отставки лѣта, не воспользовались оною лишь вслѣдствіе наказаній, опредѣленныхъ безъ суда или же хотя и по суду, но за преступленія не болѣе важныя, какъ первый побѣгъ.....

30. Нижнимъ чинамъ изъ военныхъ поселянъ новгородской губерніи, участвовавшимъ въ безпорядкахъ 1831 года, даровать прощеніе...

31. Тѣмъ изъ преступниковъ, надъ коими постановленный судебными мѣстами приговоръ уже приведенъ или приводится въ исполненіе, даровать облегченіе (10 категорій).

32. Приговоренныхъ къ наказанію или денежному взысканію за порубку, похищеніе. поджогъ и другія нарушенія уставовъ о лѣсахъ..... освободить отъ наказанія и денежнаго взысканія... и т. д.

33. Отлучившимся безъ узаконенныхъ видовъ отъ жилищъ своихъ или и вовсе изъ предѣловъ отечества... даровать прощеніе, если пребывающіе внутри государства не позже 6 мѣсяцевъ, а пребывающіе за границею въ теченіе года явятся къ начальствамъ...

38. О льготахъ и другихъ облегченіяхъ для подданныхъ нашихъ въ Польшѣ и Финляндіи издаются особые постановленія.

Затѣмъ указъ сенату отъ того же 26 августа гласилъ:

„Правилами 1852 г. установленъ особый порядокъ для опредѣленія на службу и увольненія отъ оной потомственныхъ дворянъ (поляковъ) семи западныхъ губерній: ковенской, виленской, гродненской, минской, волынской, подольской и кіевской. Признавая дальнѣйшее существованіе сего особеннаго порядка уже не нужнымъ, повелѣваемъ: считать оный отмѣненнымъ и распространить на названныхъ дворянъ общія по сему предмету постановленія.“

Другой указъ тому же сенату излагалъ слѣдующее:

„На основаніи постановленій 1837 года уроженцы западныхъ губерній при вступленіи въ государственную службу обязаны, для лучшаго изученія русскаго языка и дѣловаго слога, начинать сію службу во внутреннихъ великороссійскихъ губерніяхъ, и только по истеченіи пяти лѣтъ могутъ продолжать оную въ губерніяхъ западныхъ, въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ Петербурга. Находя, что нынѣ, по учрежденіи и въ западномъ краѣ достаточнаго числа учебныхъ заведеній, въ коихъ преподаются русскій языкъ и начала законовѣдѣнія, продолженіе сего порядка уже не представляется нужнымъ, повелѣваемъ: въ пріемѣ на службу уроженцевъ западныхъ губерній руководствоваться общими правилами.“

Евреи, относительно которыхъ русское законодательство со временъ Петра было особенно придирчиво и строго, получили 26 августа 1856 также свою долю льготъ, а именно императоръ говорилъ:

„Желая облегчить для евреевъ исполненіе рекрутской повинности и отвратить существующія по сей части не-

удобства, повелѣваемъ: 1, рекрутъ съ евреевъ взимать наравнѣ съ другими состояніями..... 2, рекрутъ этихъ принимать тѣхъ же лѣтъ (т. е. не моложе) и качествъ, кои опредѣлены для рекрутъ изъ другихъ состояній, 3, во взысканіи недоимочныхъ рекрутъ поступать по общимъ законамъ и требованіе отъ еврейскихъ обществъ рекрутъ въ видѣ штрафа за недоимку отмѣнить..... 4, предоставленное евреямъ право представлять за себя въ рекруты пойманныхъ безпаспортныхъ единовѣрцевъ своихъ — отмѣнить."

Словомъ, хотя всѣ акты 26 августа 1856 не содержатъ ни одной законодательной мѣры, которая бы разширяла права русскаго народа вообще, открывала бы этому народу новыя сферы гражданской дѣятельности, возвышала бы человѣческое достоинство подданныхъ, хотя манифестъ и указы содержали только частныя исправленія золъ, насажденныхъ въ Россіи предшественниками Александра II и, главнымъ образомъ, его „незабвеннымъ" отцомъ, но все таки это были акты такой высокой гуманности, что на обѣдѣ представителей русской мысли и русскаго слова, состоявшемся въ Москвѣ 3 сентября, одинъ изъ присутствовавшихъ, Н. Ф. Павловъ, могъ справедливо сказать:

„Господа! въ два дня, въ двухъ номерахъ газетъ, сколько плодотворныхъ впечатлѣній! Съ Петра Великаго вы не назовете никакой эпохи въ нашей исторіи, гдѣ бы такъ много было сдѣлано въ такое немногое время. Конечно, это не оглушитель-

ный громъ оружія, не побѣдный кликъ на развалинахъ чужаго жилища,—это подвиги, болѣе согласные съ требованіемъ вѣка; у нихъ болѣе правъ на благословеніе народа, въ нихъ болѣе человѣческаго значенія. Благоговѣйные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самымъ пытливымъ разумомъ (?); но счастливо время, въ которое исполненіе долга сливается съ желаніями сердца, но радостна жизнь, если не разберешь, что̀ велитъ долгъ и что̀ внушаетъ любовь. Скажите, разобрали ль вы, недавно — чувствомъ долга или чувствомъ любви? билось ваше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучной слезой, останавливались невольно на трехъ незабвенныхъ словахъ: отмѣнить, простить, возвратить! И какъ счастливы были вы, зная, что ужъ этихъ словъ никто на землѣ отмѣнить не можетъ!.... Поднимимте же, господа, веселые надеждой, отъ всей души, отъ всего сердца, наши бокалы во здравіе и во славу того, чье высокое имя начертано нетлѣнными буквами подъ словами: отмѣнить, простить, возвратить; за кого въ эту минуту бѣжитъ еврей, изъ грязной корчмы въ шумную синагогу молиться Іеговѣ; о комъ увѣчный солдатъ, бѣдная солдатка шлютъ теплыя молитвы богу, судорожно сжимая въ объятіяхъ возвращеннаго имъ

сына; кто насъ и нашихъ братій по крови, разрозненныхъ съ нами исторіей, соединяетъ въ одно свѣтлое, радостное благородное чувство; кто открываетъ намъ широкій путь къ просвѣщенію; кто повелѣлъ растворить двери университетовъ; кто снялъ преграды къ сближенію народовъ, къ обмѣну разныхъ образованностей; кто не забылъ въ пустыняхъ Сибири ни согрѣшившихъ отцовъ, ни безгрѣшныхъ дѣтей; кто въ просвѣщенной благости воспомнилъ всѣхъ и все не отъ избытка даровъ милосердія, какими располагаетъ его могущество, а отъ той нѣжной заботливости, отъ того всепонимающаго чувства христіанской любви, которое останется на страницахъ исторіи.“

А вотъ IV *рескриптъ* предсѣдателю комитета министровъ *князю Гагарину*, данный черезъ 10 лѣтъ послѣ коронаціи, именно 13 мая 1866 года:

Князь Павелъ Павловичъ. — Единодушныя изъявленія[1]) вѣрноподданической преданности и довѣрія ко мнѣ ввѣреннаго божіимъ промысломъ управленію моему народа служатъ мнѣ залогомъ чувствъ, въ коихъ я нахожу лучшую награду за труды мои для блага Россіи.

Чѣмъ утѣшительнѣе для меня сіе сознаніе, тѣмъ болѣе признаю я своею обязанностью охранять русскій народъ[2]) отъ тѣхъ зародышей вредныхъ лжеученій, которыя со вре-

[1]) По случаю покушенія Каракозова.

[2]) Казалось бы, зачѣмъ же, послѣ единодушныхъ заявленій сочувствія и преданности?

менемъ могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитію ихъ не было поставлено преградъ."

Событіе, вызвавшее со всѣхъ концовъ Россіи доходящія до меня вѣрноподданническія заявленія, вмѣстѣ съ тѣмъ послужило поводомъ къ болѣе ясному обнаруженію тѣхъ путей, которыми проводились и распространялись эти пагубныя лжеученія. Изслѣдованія, производимыя учрежденною по моему повелѣнію слѣдственною коммиссіею, уже указываютъ на корень зла. Такимъ образомъ Провидѣнію благоугодно было раскрыть передъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ.

Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направлено въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благостоянія народа. Но преподаваніе, соотвѣтствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной, семейной жизни проводились ученія несогласныя съ правилами христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданническими обязанностями. Посему я имѣю твердую надежду, что видамъ моимъ по этому важному предмету будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія.

Не менѣе важна для истинныхъ пользъ государства въ его совокупности и въ частности для каждаго изъ моихъ подданныхъ полная неприкосновенность права собственности во всѣхъ его видахъ, опредѣленныхъ общими законами и положеніями 19 февраля 1861 г. Независимо отъ законно-

сти сего права, одного изъ самымъ коренныхъ основаній всѣхъ благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ, оно состоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ частнаго и народнаго богатства, тѣсно между собою соединенныхъ. Возбуждать сомнѣнія въ семъ отношеніи могутъ одни только враги общественнаго порядка.

Къ утвержденію и охраненію сихъ началъ должны стремиться всѣ лица облеченныя правами и несущія обязанности государственной службы. Въ правильномъ государственномъ строѣ первый долгъ всѣхъ призванныхъ на служеніе мнѣ и отечеству состоитъ въ точномъ и дѣятельномъ исполненіи своихъ обязанностей, безъ всякаго отъ видовъ правительства уклоненія. Превышеніе и бездѣйствіе власти одинаково вредны. Однимъ лишь неуклоннымъ исполненіемъ сихъ обязанностей можетъ быть обезпечено то единство въ дѣйствіяхъ правительства, которое необходимо для осуществленія его видовъ и достиженія его цѣлей.

Мнѣ извѣстно, что нѣкоторыя изъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, принимали участіе въ разглашеніи превратныхъ слуховъ и сужденій о дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ правительства и даже въ распространеніи тѣхъ противныхъ общественному порядку ученій, которыхъ развитіе допускаемо быть не должно. Самое званіе служащихъ даетъ въ такихъ случаяхъ болѣе вѣса ихъ словамъ и тѣмъ самымъ способствуетъ къ искаженію видовъ правительства. Подобные безпорядки не могутъ быть терпимы. Всѣ начальствующіе должны наблюдать за дѣйствіями своихъ подчиненныхъ и требовать отъ нихъ прямаго, точнаго и неуклоннаго исполненія предуказанныхъ имъ обязанностей, безъ котораго невозможенъ стройный ходъ управленія и которымъ они сами должны подавать примѣръ уваженія къ власти.

Наконецъ, для рѣшительнаго успѣха мѣръ, принимаемыхъ противу пагубныхъ ученій, которыя развились въ общественной средѣ и стремятся поколебать въ ней самыя коренныя основы вѣры, нравственности и общественнаго

порядка, всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей надлежитъ имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ, другихъ, здравыхъ, охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россія всегда была обильна и доселѣ, благодаря Бога, преизобилуетъ. Эти силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ, которымъ дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры. Надлежитъ пользоваться этими силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Такимъ образомъ обезпечится отъ злонамѣренныхъ нарѣканій, во всѣхъ сословіяхъ народа, надлежащее довѣріе къ правительственнымъ властямъ. Въ этихъ видахъ, согласно всегдашнимъ моимъ желаніямъ и неоднократно выраженной мною волѣ, надлежитъ по всѣмъ частямъ управленія оказыватъ полное вниманіе охраненію правъ собственности и ходатайствамъ, относящимся до пользъ и нуждъ разныхъ мѣстностей и разныхъ частей населенія. Надлежитъ прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями и въ особенности къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ. Твердое и неуклонное соблюденіе этихъ общихъ началъ положитъ предѣлъ тѣмъ преступнымъ стремленіямъ которыя нынѣ съ достаточною ясностью обнаружились и должны подлежать справедливой карѣ закона. Поручаю вамъ сообщить настоящій рескриптъ мой, для надлежащаго рководства, всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ."

Семь лѣтъ спустя послѣ этого тяжеловѣснаго, но все же прикрывающагося фразами о законности,

profession de foi абсолютизма,—написаннаго графомъ Панинымъ, конечно къ полному его удовольствію, черезъ 11 лѣтъ послѣ того, какъ императоръ вздумалъ вводить либеральныя „новшества,“ —симпатіи и антипатіи правительства сдѣлались откровеннѣе, и оно выпустило слѣдующій V-й документъ, который заставилъ краснѣть предъ лицомъ цѣлой Европы если не сочинителей его, очевидно утратившихъ стыдъ, то всѣхъ тѣхъ русскихъ, которымъ дорога національная честь. Поводомъ къ нему было желаніе реакціонеровъ вернуть въ Россію нѣсколькихъ дѣвушекъ, за недостаткомъ въ Россіи высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, обучавшихся въ Цюрихѣ, т. е. въ республиканской Швейцаріи.

„Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились заграницу для слушанія лекцій въ Цюрихскомъ университетѣ. Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченно, но въ послѣдніе два года начало быстро возростать и въ настоящее время въ Цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства стали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія; одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентокъ коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонерной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи въ средѣ русской молодежи обоего пола; образовались различныя политическія партіи самыхъ крайныхъ оттѣнковъ: „славян-

ское соціально-демократическое общество," „центральный, революціонерный, славянскій комитетъ," „славянская и русская секціи Интернаціональнаго общества" открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ немало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, къ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонерный характеръ: „пугачевскій бунтъ," „французская революція 70 года," — вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ даже такихъ, которыя не понимаютъ по нѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе.

Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искуственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ; нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей.

Такое нравственное паденіе не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія правительства. Нельзя забывать что эти женщины возвратятся когда нибудь въ Россію, бу-

дутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: „какое поколѣніе могутъ возрастить такія женщины?

Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть, хотя и незначительную, русской молодежи; оно знаетъ свою непреложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ преимущественно предупредительныя.

Правительство всегда съ сочувствіемъ относилось къ потребностямъ высшаго образованія для женщинъ, являющимся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ подвѣдомственныхъ IV отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи учреждены, особые, педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ не менѣе значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университета въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при императорской медико-хирургической академіи учрежденъ въ видѣ опыта на четыре года особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего въ настоящее время высочайше повелѣно представить проэктъ учрежденія высшихъ женскихъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ по мѣрѣ изысканія средствъ и въ другихъ университетскихъ городахъ. Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возмож-

ность пріобрѣсти научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно также не допускаютъ женщинъ въ высшія учебныя заведенія, и доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20 процентовъ однѣхъ русскихъ студентокъ, то трудно не придти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ вліяніями, ничего не имѣющими съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями, всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный сравнительно наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствами и увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два, три докторскія диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію.

Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ которыя послѣ 1 января будущаго 74 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращени, въ Россію не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъі разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое либо русское учебное заведеніе.

Правительство надеятся, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого либо означеннымъ ограниченіямъ.“

Эта бумага безъ всякихъ поясненій обнаруживаетъ, какъ низко упало правительство великой державы, еще недавно считавшее себя реформаторскимъ и либеральнымъ; но она не представляетъ собою конца этого паденія. Послѣдній гораздо лучше обозначается, въ предѣлахъ избраннаго нами періода, слѣдующими актами:

VI, *правительственнымъ сообщеніемъ* отъ 12 апрѣля 1878 года, которое также обратило вниманіе всей Европы и дало ей, наканунѣ берлинскаго конгресса, лучшее доказательство того, что Россія слаба, потому что разладъ между правительствомъ и народомъ въ ней полный:

„Принимая въ соображеніе:

1, что по силѣ 121 ст. Уст. о предупр. и пресѣч. преступленій (изд. 1876 г.) запрещаются сходбища и собранія для совѣщаній или дѣйствій, общей тишинѣ и спокойствію противныхъ,—2, что по ст. 243 того же закона запрещается всѣмъ и каждому носить оружіе (кромѣ тѣхъ, кому законъ то дозволяетъ или предписываетъ), а также стрѣлять въ домахъ, дворахъ, на улицахъ и площадяхъ; 3, что не смотря на точныя указанія закона, въ обществѣ распространены превратные толки объ обязанностяхъ полиціи, противодѣйствовать нарушителямъ общественнаго слокойствія,—

Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ объявить во всеобщую извѣстность, что дѣйствующими законами повелѣно:

1. Когда соберется народъ въ шумномъ и безпорядочномъ скопищѣ, то полиція должна заставить толпу разойдтись по домамъ, а въ случаѣ нужды требовать содѣйствія отъ мѣстныхъ батальоновъ или командъ.

2. Полиція имѣетъ надзоръ, чтобы никто, въ противность должнаго послушанія законнымъ властямъ, ничего (?) не предпринималъ. Она пресѣкаетъ въ самомъ началѣ всякую новизну „законамъ противную“ (тамъ же ст. 129).

3. Въ случаѣ покушенія, клонящагося къ нарушенію спокойствія, полиція обязана увѣдомить о томъ губернское правленіе и губернатора, не допускать приведенія таковаго покушенія въ исполненіе и смирить нарушителя покоя по мѣрѣ (?) данной ей власти, при чемъ всякъ, по силѣ и возможности, обязанъ ей содѣйствовать.

4. Полиція наблюдаетъ, чтобы благочиніе, добронравіе, порядокъ и все предписанное закономъ для общей и частной пользы было исполняемо и сохраняемо, а въ случаѣ нарушенія приводитъ всякаго, не смотря на лицо, къ исполненію предписаннаго закономъ.“

Это уже не теоретическое profession de foi монарха-отца, напоминающаго дѣтямъ - подданнымъ, что онъ недоволенъ ихъ поведеніемъ и что впредь они должны вести себя лучше; это не ворчливое наставленіе дядькамъ, приставленнымъ къ дѣтямъ; это не слова, а дѣло, призваніе полиціи къ безнаказанному самоуправству. И смыслъ министерскаго заявленія тѣмъ болѣе важенъ, что недалѣе 9 іюня того же года, не смотря на огромныя издержки на войну и на вѣроятность новой, состоялось уже высочайшее повелѣніе, которымъ казна обременена новымъ ежегоднымъ расходомъ въ 2,026,350 рублей на содержаніе пяти тысячъ урядниковъ, отданныхъ въ распоряженіе становыхъ и исправниковъ, т. е. самыхъ гнусныхъ представителей административнаго

произвола, и облеченныхъ лично огромною властью.

Но вѣнецъ правительственной дѣятельности за 23 года представляетъ слѣдующій,

VII, именной высочайшій указъ отъ 9 августа 1878:

„Повторяющіеся въ послѣднее время случаи государственныхъ преступленій, явнаго неповиновенія и сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, и цѣлый рядъ злодѣяній, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ, при обстоятельномъ разслѣдованіи сихъ преступленій, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о существованіи круга тайныхъ злоумышленниковъ, которые, подъ вліяніемъ соціально-революціонныхъ и другихъ разрушительныхъ ученій, стремятся къ ниспроверженію всего государственнаго строя. Отвергая необходимость всякаго общественнаго порядка, неприкосновенность собственности, святость семейнаго союза и даже самую вѣру въ Бога, злодѣи эти, для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей, не останавливаются ни передъ какими средствами, сколь бы гнусны и безнравственны они ни были, и дерзкимъ совершеніемъ самыхъ коварныхъ злодѣяній возмущаютъ общественное спокойствіе и угрожаютъ безопасности властей, правительствомъ установленныхъ, на которыхъ лежитъ священный долгъ охраны общества и противодѣйствія этимъ разрушительнымъ, преступнымъ стремленіямъ. Послѣдовательное проявленіе этихъ необычайныхъ злодѣяній вызываетъ необходимость неотложнаго принятія такихъ временныхъ, исключительныхъ мѣръ, которыя обезпечивали бы наиболѣе быструю и строгую наказуемость оныхъ. Въ сихъ видахъ Мы признали за благо подчинить, временно, дѣла о таковыхъ преступленіяхъ вѣдѣнію военныхъ судовъ, съ примѣненіемъ ими наказаній, установленныхъ военноуголовными законами для военнаго времени. Посему повелѣваемъ: въ указанныхъ выше случаяхъ, лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, отъ правительства установленнымъ

или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ, или поджоговъ, предавать военному суду для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени и опредѣленія виновнымъ наказанія, установленнаго ст. 279-ю воинскаго устава о наказаніяхъ, изд. 1875 года. Указанный порядокъ примѣнить ко всѣмъ дѣламъ, по коимъ не послѣдовало донынѣ преданія обвиняемыхъ суду."

Прибавлять затѣмъ что-либо къ *общей* характеристикѣ царствованія Александра II, кажется, нечего.[1]) Перейдемъ же теперь къ *частностямъ*, изучая развитіе Россіи съ 1855 г. не по годамъ правленія даннаго самодержца, а по разрядамъ фактовъ, которыми это развитіе выражалось.

[1]) Характеристики лицъ, бывшихъ или состоящихъ сотрудниками Александра по управленію, мы здѣсь не приводимъ, потому что она найдетъ себѣ мѣсто далѣе, въ подлежащихъ частяхъ книги.

Перемѣны въ составѣ русской государственной области.

Ходъ исторіи народа опредѣляется условіями его страны. Карлъ Риттеръ.

При кончинѣ императора Николая Россія занимала 375,774 квадр. мили и разстилалась по тремъ частямъ свѣта на цѣлые 217 градусовъ долготы, такъ что солнце никогда не заходило въ ней. Съ точки зрѣнія протяженія не оставалось повидимому ничего желать, а извѣстный статистикъ Арсеньевъ, въ своихъ Статистическихъ очеркахъ Россіи, старался увѣрить, что и по очертанію границъ, т. е. по своему положенію среди другихъ странъ, эта обширная территорія очень выгодна для народа русскаго. Тѣмъ не менѣе царствованіе Николая завѣщало намъ серьезныя заботы объ улучшеніи нашихъ территоріальныхъ условій, а именно:

1) На Кавказѣ среди нашихъ владѣній находились двѣ вставки (enclaves), занятыя независимыми и даже враждебными намъ горцами, общимъ про-

тяженіемъ около 1,600 кв. миль. Ихъ необходимо было покорить, чтобы покончить съ раззорительною войною, которая тянулась болѣе полувѣка и которой не предвидѣлось конца, пока была продолжаема прежняя нерѣшительная система военныхъ дѣйствій.

2) Въ Среднеазіятскихъ степяхъ мы достигли къ 1855 году Аральскаго моря, низовьевъ Сыра, долины Чу и подножій Заилійскаго Алатау. Это была граница очень неудобная для охраненія ея отъ вторженія хищниковъ съ юга, особенно на пространствѣ между Араломъ и Каспіемъ и отъ Перовска до Вѣрнаго. Такъ какъ объ отступленіи къ Уралу и Иртышу нечего было и думать, въ виду существованія русскихъ селеній впереди линіи этихъ рѣкъ и опасности отказаться отъ владычества надъ киргизами, то предстояло идти впередъ для отысканія болѣе удобныхъ государственныхъ рубежей.

3) Сибирь не имѣла выхода къ сторонѣ Тихаго океана. Суровыя прибрежья Охотскаго моря не представляли условій, необходимыхъ для основанія и развитія тамъ торговыхъ городовъ, а затѣмъ ничего не оставалося болѣе, какъ занять опять Амуръ, потерянный нами въ 1689 году и, по счастію для насъ, плохо заселенный китайцами. Къ рѣшенію этой проблемы и было приступлено въ самомъ концѣ царствованія Николая, но впереди предстояло

еще не мало жертвъ и усилій, чтобы достигнуть намѣченной цѣли.

4) Восточная война, съ морскими державами, показала, какъ трудно намъ охранять наши американскія владѣнія, которыя пришлось поставить на все время военныхъ дѣйствій подъ покровительство Соединенныхъ Штатовъ. Предстояло рѣшить вопросъ о судьбахъ этихъ отдаленныхъ и почти пустынныхъ колоній.

5) Наконецъ постепенные захваты и заселеніе почти всѣхъ свободныхъ земель на поверхности земнаго шара разными цивилизованными народами въ первой половинѣ XIX вѣка ставили еще одинъ и самый важный вопросъ: при наступившемъ *окончательномъ* раздѣлѣ земной суши не пора ли опредѣлить вообще наивыгоднѣйшія очертанія государственной области народа русскаго и постараться достигнуть ихъ?

Наше время, съ 1855 года, и отвѣчало на большую часть этихъ вопросовъ, при чемъ еще ходъ исторіи обусловилъ возникновеніе и рѣшеніе нѣсколькихъ другихъ подобныхъ, т. е. относящихся до территоріи. Посмотримъ, какъ происходили событія и къ какимъ результатамъ они привели.

Восточная война 1853—56 г., кончившаяся несчастнымъ для насъ парижскимъ миромъ, лишила

насъ 190 кв. миль въ южной части Бессарабіи, примыкающей къ Дунаю. Уступка эта была сдѣлана, главнымъ образомъ, по настоянію Австріи, въ интересахъ ея судоходства по Дунаю, которое и не замедлило пріобрѣсти монопольный характеръ. Отнятая у насъ земля была присоединена къ Молдавіи, какъ нераздѣльной части Турецкой имперіи; но какъ она заселена преимущественно болгарами, то органической связи съ валашскою страною не получила, развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что пріобрѣла право конституціоннаго представительства въ бухарестскомъ сеймѣ. Для Россіи, конечно, это была важная утрата, потому что отрѣзывала ее отъ Дуная, въ бассейнѣ котораго живетъ многочисленное славянское населеніе, связями съ которымъ мы поддерживаемъ свое вліяніе на Австрію и Турцію. Поэтому при заключеніи въ 1878 году договоровъ сенъ-стефанскаго и берлинскаго наша дипломатія настойчиво добивалась возвращенія южной Бессарабіи и достигла этой цѣли, уступивъ Румыніи Добруджу, полученную отъ Турціи. Но этотъ промѣнъ, нужно замѣтить, былъ насильственнымъ, потому что Румынія добровольно не хотѣла уступить Бессарабіи.

Уничтоженіе анклавовъ на Кавказѣ было съ успѣхомъ достигнуто въ теченіе девяти лѣтъ, съ 1855 по 1864 годъ. Такъ какъ въ восточной половинѣ

Кавказскаго перешейка, именно въ горахъ Чечни и Дагестана, враждебное намъ населеніе представляло уже организованное мусульманское государство, подъ управленіемъ умнаго фанатика Шамиля, между тѣмъ какъ на западномъ подобной организаціи не было, то необходимо было одолѣть сначала восточный Кавказъ. Съ этою цѣлью назначенный въ 1856 году намѣстникомъ въ Тифлисѣ князь Барятинскій, руководствуясь идеями, изложенными еще въ 1830 годахъ бывшимъ начальникомъ Кавказской линіи и ученикомъ Ермолова, Вельяминовымъ, составилъ планъ систематическаго стѣсненія горцевъ Чечни и Дагестана отнятіемъ у нихъ лучшихъ подгорныхъ земель и проведеніемъ дорогъ внутрь ихъ страны, послѣ чего взятіе приступомъ Веденя, чеченской резиденціи Шамиля, въ 1858 году, положило конецъ войнѣ на сѣверѣ отъ Андійскаго хребта, и за горцами остался одинъ бѣдный, скалистый Дагестанъ. Но и онъ сопротивлялся не долго. Въ слѣдующемъ 1859 году загнанный съ небольшимъ числомъ приверженцевъ на трудно-доступную гору Гунибъ, Шамиль, 26 августа, сдался безусловно и былъ отправленъ въ Петербургъ, послѣ чего оффиціально весь восточный Кавказъ сталъ землею, подвластною Россіи. Отличныя услуги, оказанныя въ этой войнѣ генераломъ Евдокимовымъ, побудили Барятинскаго

поручить ему окончаніе покоренія и западнаго Кавказа, гдѣ между тѣмъ, по общему же плану, шло медленное, но вѣрное движеніе впередъ на югъ отъ Кубани. Четыре года были достаточны Евдокимову, чтобы не только завоевать весь лѣсистый и потому чрезвычайно трудно доступный западный Кавказъ, отъ Лабы и Кубани до Чернаго моря, но и выгнать все горское населеніе въ Турцію. Мало того; по мѣрѣ движенія впередъ войскъ, движенія, въ которомъ не было отступленій, какъ не было и запальчивыхъ набѣговъ, занятая страна немедленно была заселяема русскими, и когда въ маѣ 1864 года закубанская армія перевалила на южный скатъ горъ, тогда сзади ея остался край, въ которомъ не было ни одного враждебнаго намъ горца. Этотъ важный успѣхъ, конечно, былъ купленъ не дешево. Около 70,000 войскъ было сосредоточено въ послѣдніе годы за Лабой и нижней Кубанью; воевали и работали надъ устройствомъ станицъ и дорогъ зиму и лѣто; издержали болѣе десяти милліоновъ рублей на одну колонизацію; но результатъ, въ политическомъ отношеніи, былъ блистателенъ и удовлетворилъ Россію, которая, наконецъ, спокойно вздохнула послѣ шестидесяти лѣтъ войны съ черкесами. Услуги Евдокимона въ этомъ дѣлѣ такъ важны, что, конечно, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ кавказскихъ

дѣятелей, которые заслуживаютъ монумента. Къ сожалѣнію, плодами его трудовъ охотно воспользовались другіе, а его самаго, человѣка безъ связей и протекцій, по русскому обычаю, посадили, на 55 году жизни, медленно умирать въ деревнѣ подъ Пятигорскомъ.... И только нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти бывшій ярый антагонистъ его, Карцовъ, на кавказскомъ обѣдѣ въ Петербургѣ, торжественно призналъ, что если Россія кому обязана окончаніемъ кавказской войны, такъ конечно Евдокимову. И только въ 1877 году, когда, при войнѣ съ Турціею, западный Кавказъ былъ спокоенъ, между тѣмъ какъ на восточномъ разгорѣлось возстаніе, высшія правительственныя сферы въ Тифлисѣ и Петербургѣ поняли всю цѣну патріотической настойчивости, съ которою въ свое время Евдокимовъ, иногда вопреки предписаніямъ свыше, тѣснилъ горцевъ къ сторонѣ моря и за море.

Но отдавая должную справедливость историческимъ заслугамъ Евдокимова, мы не можемъ пройти молчаніемъ и такой стороны его дѣятельности, которая справедливо ставилася ему въ упрекъ современниками и конечно не будетъ вполнѣ прощена потомствомъ. А какъ эта дѣятельность была общею среди кавказскихъ начальниковъ и служила одною изъ причинъ, почему Кавказъ такъ дорого стоилъ Рос-

сіи, то приведемъ здѣсь краткія свѣдѣнія о ней, касаясь не одного Евдокимова. Эти отрывочныя указанія, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, превосходно характеризуютъ вообще всю изнанку кавказской войны.

Въ 1862 году графъ Евдокимовъ стоялъ цѣлый февраль у Ханскаго брода на Бѣлой. Тамъ строили мостъ, который былъ снесенъ прибылью водъ, при чемъ переправленныя на другой берегъ войска стояли бивакомъ въ лужахъ, безъ продовольствія. Всѣ проклинали графа, всѣ дивились, что онъ строитъ мостъ у Ханскаго брода, гдѣ и рѣка быстра, и противоположный берегъ лѣсистъ, т. е. покровительствуетъ черкесамъ въ нанесеніи намъ потерь, тогда какъ 12 верстъ ниже, около Бѣлорѣчинской станицы, можно было построить мостъ безъ всякихъ усилій. Никто не догадывался, что у графа былъ важный стратегическій планъ, что онъ готовилъ важное пораженіе... конечно казнѣ, а не горцамъ. Только лѣтомъ объяснилось, что устройство моста у Ханскаго брода нужно было дли увеличенія восьмиверстнаго разстоянія Бѣлорѣченской отъ Пшехской до 28 верстъ. Это же увеличеніе нужно было для того, чтобы на торгахъ на перевозку 70,000 четвертей провіанта изъ Бѣлорѣченской въ Пшехскую купцы запросили по 1 р. 80 к. отъ четверти, а графъ Евдокимовъ,

отказавъ утвердить торги, какъ невыгодные казнѣ, могъ отдать перевозку своему родственнику, коммиссіонеру Добровольскому, который и нажилъ при этомъ за 100,000 рублей, платя отъ четверти 8—10 копѣекъ, такъ-какъ перевозка совершалась по прямой линіи и внѣ всякой возможности нападенія горцевъ.

Евдокимову было пожаловано 7,000 десятинъ въ Ставропольской губерніи. Разумѣется, землю позволили выбрать, и вотъ что сдѣлалъ пожалованный. Руководствуясь тѣмъ, что неудобныя земли въ счетъ не идутъ, онъ велѣлъ топографу окрасить на планѣ 4000 десятинъ лѣсу около станицы Есентукской какъ неудобную землю и присоединить ихъ къ 7000 оффиціально удобной земли. Надѣлъ былъ утвержденъ, и графъ сталъ главнымъ лѣсовладѣльцемъ въ округѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ.

При перенесеніи войны за Лабу, гдѣ еще въ 1860 году вовсе почти не было русскаго населенія и слѣд. перевозочныхъ средствъ, гр. Евдокимовъ завелъ конно-воловій транспортъ въ 300 подводовъ для перевозки будто бы казенныхъ тяжестей за войсками. Транспортъ этотъ, кромѣ телѣгъ, существовалъ на бумагѣ, но продовольствовался круглый годъ овсомъ и сѣномъ. Десять или пятнадцать подводъ дѣйствительно бывшихъ въ комплектѣ, находились у графа

въ Есентукахъ и въ Ставрополѣ, гдѣ помогали ему по хозяйству, напр. свозили сѣно въ огромныя стоги, торжественно стоявшіе на городской площади, за недостаткомъ мѣста на дворѣ графа. Разумѣется, эта плутня не могла укрыться отъ взоровъ тифлисскихъ начальствъ, и потому Карцовъ написалъ Евдокимову конфиденціальное письмо, объяснявшее, что до главнокомандующаго (Орбельяни) дошли слухи о некомплектѣ транспорта. Графъ нашелся. Онъ заднимъ числомъ написалъ въ Тифлисъ то же самое и прибавилъ, что для повѣрки дошедшихъ слуховъ онъ уже сдѣлалъ распоряженіе о собраніи всего транспорта въ ст. Зассовской, гдѣ велитъ осмотрѣть его. Карцовъ успокоился, но черезъ нѣсколько дней получилъ донесеніе, что въ Зассовской случился пожаръ, транспортъ сгорѣлъ и начальникъ его едва спасъ казенныя деньги, хотя лишился жены. 127 семействъ казаковъ, погорѣвшихъ до тла, были принесены въ жертву хитрой операціи, да кромѣ того тифлисскія начальства должны были ассигновать изи казны новыя деньги на вторичное заведеніе транспорта.

У графа Евдокимова въ личномъ распоряженіи состоялъ конно-мусульманскій дивизіонъ, составленный изъ мирныхъ горцевъ и назначенный съ одной стороны для того, чтобъ пріучать черкесовъ къ воен-

ной службѣ Россіи, а съ другой доставлять войскамъ переводчиковъ и проводниковъ. Дивизіонъ этотъ существовалъ только на бумагѣ, а отпускавшееся на него казенное содержаніе все шло въ пользу Евдокимова и его штаба. Даже начальники отрядовъ получали чиновъ этого дивизіона къ себѣ на службу фиктивно, что и выражалось словами: „послать такому-то въ конвертѣ десять, двадцатъ милиціонеровъ“, по мѣрѣ расположенія къ нему графа.

Частные начальники, разумѣется, подражали главному, и вотъ напр. какіе факты можно отмѣтить здѣсь, хотя бы потому, что они конечно не найдутъ мѣста въ оффиціальной исторіи Кавказа, изготовляемой стараніями военнаго министерства:

По ходу войны войска оставались круглый годъ въ полѣ, т. е. въ палаткахъ. Это обязывало казну перемѣнять палатки два раза въ годъ, такъ какъ оффиціальный срокъ ихъ службы — 24 недѣли, Но лѣтомъ солдаты большею частію жили въ шалашахъ изъ вѣтвей, зимою строили много земляноқъ, и палатокъ хватало на полтора года. Стало быть казна изъ трехъ разъ два была обкрадываема начальниками. А между тѣмъ каждая солдатская палатка обходилась ей въ 18—20 рублей, и въ пятибатальонныхъ кавказскихъ полкахъ лагерь состоялъ изъ

270 палатокъ, что давало полковому командиру въ полтора года до 10,000 рублей барыша.

Лошади полковыя никогда не получали овса, кромѣ развѣ трудныхъ эпохъ зимней безкормицы, а между тѣмъ овесъ отпускался на нихъ отъ казны 9 мѣсяцевъ въ году и притомъ по очень дорогимъ цѣнамъ. Эта „экономія“ была такъ значительна, что самый падежъ лошадей отъ безкормицы и изнуренія и необходимость замѣнять ихъ новыми не были чувствительны полковымъ командирамъ.

Командиры казачьихъ бригадъ, получая сами овесъ полною мѣрою, выдавали казакамъ только по шести четвериковъ изъ четверти, т. е. крали 25% всего количества овса.

На лазареты, всегда многолюдные при войскахъ, дѣйствующихъ зиму и лѣто, отпускалось по 18—20 копѣекъ на больнаго, а содержаніе его обходилось въ 3—4 копѣйки: остальное шло въ раздѣлъ между полковымъ командиромъ и старшимъ врачемъ. Такъ-какъ отъ воли Евдокимова зависѣло назначить отрядный лазаретъ при одномъ изъ полковыхъ или батальонныхъ, то начальники частей платили большія взятки, чтобы получить право содержать у себя больныхъ цѣлаго отряда въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ.

Разумѣется, кромѣ этихъ общихъ всѣмъ мѣръ об-

крадыванія казны были въ ходу, у людей смѣлыхъ и пользовавшихся расположеніемъ Евдокимова, и частныя, какъ напримѣръ:

Командиръ кубанскаго полка, Преображенскій, сжегъ свой цейхгаузъ (пустой) въ Майкопѣ, чтобы получить во второй разъ всю обмундировку на 5200 человѣкъ, обмундировку, которая была цѣла и сохранялась въ станицѣ Тенгинкой. Полковникъ Левашовъ повторилъ ту же штуку не огнемъ, а водою. Онъ утопилъ годовыя вещи въ Кубани и этимъ вызвалъ лишь у Евдикимова ироническое замѣчаніе: „ну, наконецъ, ставропольскій полкъ получитъ сукно моченое.“ Преемникъ Преображенскаго по командованію кубанскимъ полкомъ, Горшковъ, въ теченіи 5 лѣтъ заставлялъ 600 человѣкъ солдатъ работать на себя лично. Это были большею частію женатые люди, которые трудились по три дня въ недѣлю на полковника и по три на себя, чѣмъ конечно были довольны, потому что затѣмъ уже не ходили на казенную службу. Горшковъ то же былъ доволенъ, потому что, сдавъ полкъ, вывезъ съ Кавказа 120,000 рублей.

Не будемъ приводить другихъ сходственныхъ фактовъ, потому что и этихъ достаточно, чтобы показать, какая глубокая нравственная порча царствовала въ войскахъ, доканчивавшихъ покореніе

Кавказа въ 1860—64 годахъ. Съ искреннимъ сожалѣніемъ должно признаться, что она не искоренилась и по замиреніи страны. Напротивъ, измѣнились только условія казнокрадства, но самая сущность его осталась таже, и кто прежде обкрадывалъ военное вѣдомство, тотъ сталъ грабить казну по вѣдомствамъ внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и пр. Мало того; значительная часть кавказскихъ плутовъ, послѣ окончанія войны, перешла въ Туркестанъ и тамъ посѣяла тѣ же плевелы, въ союзѣ съ казнокрадами оренбургскими и сибирскими.

Соотвѣтственно такой воровской системѣ управленія Кавказомъ, усилившейся еще болѣе отъ пріобрѣтенія большаго вліянія на администрацію армянами[1]), не было доселѣ возможности уменьшить составъ мѣстной арміи, потому что туземцы держутся въ покорности только страхомъ оружія. Они доказали это не разъ вооруженными возстаніями: въ 1862 г. въ Чечнѣ и Дагестанѣ, въ 1866 въ Абхазіи, въ 1871 году въ Дагестанѣ, въ 1876 г. въ Сванетіи, въ 1877 г. опять въ Дагестанѣ, Чеч-

[1]) Около великаго князя-намѣстника стоятъ ближайшими помощниками генераалы: князь Меликовъ, Лорисъ Меликовъ, Тергукасовъ, Лазаревъ и др. изъ армянъ. Первый изъ нихъ наводнилъ своими соплеменниками Дагестанъ, и они, еще недавно презираемые лезгинами, являются тамъ господами, возбуждая своею алчностью ненависть туземцевъ къ русскому владычеству, не умѣющему обойтись безъ такихъ агентовъ.

нѣ и Абхазіи. И пока плевелы, издавна насажденныя въ счастливомъ, богатомъ отъ природы Кавказскомъ краѣ, не будутъ вырваны съ корнемъ, до тѣхъ поръ Россія будетъ истощаться расходами на этотъ край, вмѣсто того, чтобы имѣть отъ него доходы.

Впрочемъ, какъ мы уже видѣли, собственно территоріальный вопросъ, т. е. уничтоженіе анклавовъ, можно нынѣ считать завершеннымъ, такъ какъ едва ли кто рѣшится оспоривать у Россіи хотя часть Кавказскаго перешейка. Опытъ, сдѣланный въ 1877 году турками въ Абхазіи, доказываетъ это лучше всего. Мало того; въ 1878 г. по двумъ мирнымъ договорамъ намъ удалось пріобрѣсти отъ Турціи часть Эрзерумскаго вилайета, съ Батумомъ, Ардаганомъ и Карсомъ, по Саганлугъ. Это увеличило закавказскія владѣнія наши еще 500 кв. геогр, миль и значительно усилило югозападную границу Закавказья въ стратегическомъ отношеніи. Поэтому, не останавливаясь болѣе на кавказскихъ завоеваніяхъ, перейдемъ теперь къ вопросу о разширеніи нашихъ границъ въ Средней Азіи. Оно совершалось въ четырехъ направленіяхъ: во 1-хъ со стороны Каспійскаго моря, къ востоку, въ Туркменію и къ Хивѣ; во 2-хъ со стороны Оренбурга къ Хивѣ же, Бухарѣ и Кокану; въ 3-хъ со стороны Сибири —

къ Кокану и Кашгару; въ 4-хъ изъ Сибири же и принадлежащихъ къ ней киргизскихъ степей — въ Джунгарію. Главные моменты и событія этого движенія были слѣдующіе:

На восточномъ берегу Каспійскаго моря уже съ 1846 года существовало, у западной оконечности Мангышлака, укрѣпленіе Тюпъ Караганъ или Александровское. Его цѣль была—вліять на мангышлакскихъ киркизовъ и туркменъ; но эта цѣль вовсе не достигалась до самаго конца 1860-хъ годовъ по причинѣ слабости тюпъ-караганскаго отряда, не смѣвшаго углубляться внутрь страны и до такой степени во всемъ нуждавшагося, что не только пища и одежда людей, но матеріалы для построекъ, дрова, солома, сѣно—все привозилось изъ Астрахани, которая нѣсколько мѣсяцевъ въ году бывала отрѣзана отъ Мангышлака льдами въ устьяхъ Волги и даже въ морѣ. Киргизы-адаевцы такъ мало были пріучены повиноваться русскимъ властямъ въ укрѣпленіи, что когда въ 1869 году коммендатъ его, полковникъ Рукинъ, выѣхалъ къ нимъ съ недостаточно сильнымъ конвоемъ, они убили его, а нѣкоторыхъ казаковъ, захвативъ живыми, продали въ рабство въ Хиву. Торговли русской на Мангышлакѣ почти не было; разработки мѣстнаго каменнаго угля—то же. Словомъ, вліяніе Тюпъ-Карагана было ничто-

жно. Вотъ почему еще въ 1859 году были сдѣланы развѣдки въ болѣе южныхъ частяхъ восточнаго прибрежья Каспійскаго моря, отъ Красноводскаго залива до Ашуръ-аде, гдѣ уже съ 1842 года у насъ существовала морская станція, наблюдавшая за поведеніемъ туркменъ въ морѣ. Но только десять лѣтъ позднѣе правительство рѣшилось наконецъ утвердиться въ Красноводскѣ, какъ единственномъ мѣстѣ, гдѣ есть удобная пристань для судовъ. При этомъ осторожность нашихъ дипломатовъ зашла такъ далеко, что, безъ всякаго запроса со стороны Персіи, директоръ азіятскаго департамента Стремоуховъ извѣстилъ тегеранское правительство, чтобы оно не боялось появленія нашихъ войскъ на сѣверѣ отъ его владѣній (за 200 верстъ!), что мы не тронемъ персидскихъ земель и даже не станемъ распространять своего вліянія къ югу далѣе Атрека. Для чего все это было сдѣлано — понять трудно; вѣроятно для успокоенія не Персіи, на которую можно бы не обращать вниманія, а Англіи, которая хорошо понимаетъ, что отъ юговосточнаго угла Каспійскаго моря лежитъ кратчайшая дорога изъ Россіи въ Индію. О томъ, что при этомъ условіи туркмены-іомуды по необходимости становились двоеданцами, потому что зиму они проводятъ южнѣе Атрека, а лѣто сѣвернѣе, въ азіятскомъ департа-

ментѣ мало думали; о томъ, что на востокѣ отъ іомудовъ курды должны будутъ стать со временемъ въ такое же ложное положеніе—думали еще меньше, а о томъ, что съ признаніемъ Атрека нашею южною границею затрудняется въ будущемъ устройство нашей пограничной линіи къ сторонѣ Хорасака—не думали вовсе. Вотъ почему, едва въ 1874 году устроилась правильная администрація въ Красноводскѣ, какъ начальникъ ея, генералъ Ломакинъ, сталъ громко заявлять, что граница по Атреку крайне невыгодна для насъ. Но доселѣ (1878 г.) къ исправленію ея мѣръ не принимается. Между тѣмъ, англійскіе военно-политическіе агенты Гольдсмидъ, Бэкеръ, Непиръ, Макъ-Грегоръ и др., усердно старались въ послѣдніе шесть лѣтъ возстановить противу насъ обитателей югозападной части арало-каспійской низменности, въ силу той теоріи, что Англія должна „защищать Индію съ сѣвера помощію туркменскихъ шаекъ, хорошо вооруженныхъ и руководимыхъ искусными офицерами.“ Впрочемъ, зло, сдѣланное Россіи недальновидностью азіятскаго департамента, могло бы быть немедленно исправлено движеніемъ въ землю текинцевъ и даже къ Мерви, котрая служитъ центромъ непріязненныхъ намъ туркменскихъ племенъ; но тутъ постоянно являлись на помощь Англіи настойчивые совѣты изъ Лондона,

отъ графа Шувалова, который, впавъ въ нѣкоторую немилость и бывъ за то изъ шефовъ жандармовъ разжалованъ въ послы, употреблялъ всѣ мѣры, чтобы возвратить свое положеніе при дворѣ и для того выгоды Россіи приносилъ въ жертву семейнымъ интересамъ царствующаго дома, стараясь, цѣною уступокъ пріобрѣсти для дочери императора Александра, Маріи, выданной за сына королевы Викторіи, расположеніе послѣдней. Шуваловъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совѣтовалъ не затрогивать Мерви, не дѣлать военныхъ движеній въ направленіи къ ней, потому что это не понравилось бы Англіи и слѣд. сдѣлало бы его личное положеніе въ Лондонѣ непріятнымъ, а предположенную имъ придворную цѣль недостижимою. До 1877 года мы и слѣдовали этимъ совѣтамъ, Какія же изъ того будутъ послѣдствія, обнаружитъ время, конечно, очень недальнее. Теперь можно сказать только одно, именно, что вслѣдствіе ложной, непатріотической политики у насъ доселѣ нѣтъ прочныхъ границъ на юговостокѣ отъ Красноводска, и намъ ежегодно приходится дѣлать дорогіе походы въ туркменскую степь для поддержанія тамъ нашего вліянія. Отъ того нельзя и сказать, какъ великъ нашъ теперешній Закаспійскій Отдѣлъ. Стрѣльбицій опредѣлилъ его площадь въ 5,940 кв. миль; но это опредѣленіе— чисто фиктивное.

Основаніе Красноводска, соединенное съ передачею всего закаспійскаго края изъ оренбургскаго вѣдомства въ кавказское, принесло однако свою пользу въ смыслѣ утвержденія нашего вліянія на пространствѣ между Каспіемъ и Араломъ. Отряды кавказскихъ войскъ не разъ ходили по Усть-Урту и по долинѣ стараго Окса, а въ 1873 году одинъ изъ нихъ успѣлъ побывать и въ Хивѣ, отправясь туда изъ Кендерли. Но эти военныя движенія, внушая жителямъ закаспійксихъ степей страхъ, а слѣд., по азіатски, и уваженіе къ Россіи, имѣли и свои слабыя стороны. Слѣдуя кавказскимъ служебнымъ нравамъ, распоряжавшійся въ 1872—73 годахъ этими движеніями армянинъ, полковникъ Маркозовъ, не упустилъ случая пограбить туркменъ, и не только въ смыслѣ вымогательствъ, сопровождавшихся употребленіемъ нагаекъ, но и въ смыслѣ прямаго грабежа мирныхъ купеческихъ каравановъ. Другая невыгода зависимости закаспійскихъ киркизовъ и туркменъ отъ кавказскихъ начальствъ состояла въ томъ, что пріемы кавказской администраціи не совсѣмъ тѣ же, что туркестанской и оренбургской, въ вѣдѣніи которыхъ состоитъ большинство номадовъ, почему часть этихъ номадовъ, напр. адаевцы, находилась въ двусмысленномъ положеніи, не смотря даже на примѣненіе въ 1875 году къ Закаспійскому Отдѣлу

общихъ степныхъ уставовъ. Наконецъ замѣтимъ, что рознь во взглядахъ тифлисскихъ и ташкентскихъ властей отражалась даже на внѣшнихъ отношеніяхъ нашихъ къ васальному съ 1873 года государству, Хивѣ. Хивинскій ханъ безъ труда замѣтилъ это, и, зависимый отъ туркестанскаго генералъ-губернатора, пробовалъ жаловаться на нѣкоторыя дѣйствія туркестанской администраціи кавказскому намѣстнику, какъ брату императора. И какъ туркестантскія власти, хотя и покровительствуемыя въ Петербургѣ военнымъ министромъ, не могли не опасаться послѣдствій подобныхъ жалобъ, то напр. въ 1876 и 77 годахъ ими употреблялись всѣ мѣры, чтобы представители кавказской администраціи, Ломакинъ и Петрусевичъ, въ бытность свою въ хивинскихъ предѣлахъ, не могли имѣть отдѣльныхъ свиданій съ ханомъ или съ его сановниками.

Со стороны Оренбурга внутрь Средней Азіи движеніе было направлено двояко: по западному берегу Арала, къ сторонѣ Хивы, гдѣ ходилъ въ 1873 году отрядъ генерала Веревкина, и, гораздо болѣе, по восточной сторонѣ этого озера, на низовья Сыра и оттуда къ югу и востоку, въ хивинскія и коканскія земли. 1865 годъ засталъ насъ на Сырѣ всего у Акмечети; черезъ пять лѣтъ наши войска уже ходили къ сторонѣ Дау-Кары и въ

Каратаускія горы, подъ управлененіемъ Мейера, а черезъ десять лѣтъ покорили Ташкентъ, подъ начальствомъ Черняева, который командовалъ уже соединенными отрядами оренбургскимъ и сибирскимъ. Энергическій Черняевъ, штурмовавшій Ташкетъ съ какими нибудь 1600 человѣками и овладѣвшій имъ, думалъ безотлагательно покорить и все Коканское ханство, но въ этомъ ему воспрепятствовала зависть генералъ-губернатора Крыжановскаго и начальника азіятскаго отдѣленія въ главномъ штабѣ Романовскаго, изъ которыхъ первый хотѣлъ отнять у него лавры, а второй и самое мѣсто военнаго губернатора Туркестанской области. Интрига удалась, и Романовскій успѣлъ даже покорить Ходжентъ и Джизакъ (1866), а войска его, безъ всякаго съ его стороны участія, нанесли сильное пораженіе эмиру бухарскому подъ Ирджаромъ. Но неумѣнье поставить себя въ новомъ краѣ, гдѣ онъ вооружилъ противу себя духовенство и вошелъ въ складчину съ русскими купцами для торговыхъ операцій, вынудили правительство отозвать Романовскаго черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ назначенія, при чемъ обнаружилось, что этотъ фаворитъ военнаго министра не затруднялся обманывать въ глаза даже наслѣдника престола, за что и былъ высланъ за границу. Правительство же, для положенія предѣла

оренбургскимъ, омскимъ и ташкентскимъ интригамъ рѣшилось образовать въ бассейнахъ Сыръ-дарьи, Иссыкъ-куля и Балхаша новое генералъ-губернаторство или даже вице-королевство, потому что новому генералъ-губернатору, Кауфману, опять ставленнику военнаго министра, дано было право самостоятельныхъ сношеній съ среднеазіатскими ханствами, право объявлять имъ войну и миръ. Новый правитель прибылъ въ Ташкентъ осенью 1867 года, а черезъ восемь мѣсяцевъ уже воевалъ опять съ бухарскимъ эмиромъ и отнялъ у него Самаркандъ, относительно котораго хотя и говорилось потомъ, для иностранцевъ, что его возвратятъ бухарскому эмиру, но о которомъ императоръ Александръ въ самую минуту полученія извѣстія о завоеваніи сказалъ, что Тамерлановой столицы онъ не отдастъ. Легкость побѣдъ и щедрость слѣдовавшихъ за ними наградъ повели къ тому, что вмѣсто безотлагательнаго покоренія самихъ Бухары и Кокана Кауфманъ рѣшился растянуть дѣло завоеванія Туркестана на многіе годы, подъ благовиднымъ предлогомъ необходимости заняться мирнымъ устройствомъ края [1]), на самомъ же дѣлѣ, что бы подольше держать этотъ

[1]) Которое никогда не было осуществлено, такъ что край и понынѣ управляется «въ видѣ опыта» по положенію 1868 года, составленному степною коммиссіею Гирса и Ко. Собственные же проэкты Кауфмана оказались никуда негодными.

край на исключительно военномъ положеніи и сдѣлать побольше походовъ, которые доставляли ему и офицерамъ награды. Разумѣется, ни какой политической или стратегической программы при этомъ начертано не было, и военныя дѣйствія открывались по обстоятельствамъ, всегда, впрочемъ, подъ условіемъ, что самъ Кауфманъ находится въ краѣ, а не внѣ его [1]). Изъ такихъ военныхъ экспедицій назовемъ: въ 1870 году на Искендеръ-куль, въ 1871 году—въ Кульджу, въ 1872 г.—въ Кизылкумы, въ 1873—въ Хиву, въ 1875—въ Коканъ, при чемъ покорители послѣдняго такъ разлакомились, что въ слѣдующемъ году, за недостаткомъ внѣшнихъ враговъ, стали дѣлать походы противу смирно сидѣвшихъ собственныхъ подданныхъ, лишь бы писать побѣдныя реляціи. Когда-нибудь правдивая исторія этихъ завоеваній будетъ написана и покажетъ, какую грубую систему обмана не непріятелей, а собственнаго народа представляли они. Между прочимъ, для приданія большей важности этимъ побѣдамъ, т. е. подъ предлогомъ трудности ихъ одерживать, безпрестанно требовались изъ Россіи подкрѣпленія войсками, и число ихъ доведено въ 1877 го-

[1]) Такъ въ 1874 г. недозволено было генералу Колпаковскому воспользоваться безпорядками въ Коканѣ для завоеванія этого ханства, потому что находившійся въ то время въ Петербургѣ Кауфманъ берегъ этотъ подвигъ для себя.

ду до 38,000 человѣкъ, такъ что если бы въ той же пропорціи къ покоренному населенію была сформирована англо-индійская армія, то ея числительность достигла бы до 4,560,000 человѣкъ, вмѣсто существующихъ 192,000.....

Отсутствіе общаго политическяго и стратегическаго плана дѣйствій въ Туркестанѣ, сверхъ медленности и безсистемности самаго завоеванія и огромности потребовавшихся черезъ то расходовъ, привело еще и къ другимъ вреднымъ послѣдствіямъ. Именно, медленность движенія впередъ, къ естественнымъ предѣламъ Россіи у Гиндукуша, дала время Англіи близко познакомиться съ положеніемъ Россіи въ Туркестанѣ и вмѣшаться въ ходъ нашихъ среднеазіятскихъ дѣлъ. Что первоначально Англія не считала себя въ правѣ касаться этихъ дѣлъ, доказательствомъ служитъ то, что въ 1869 году она рѣшилась послать въ Россію лишь мелкаго чиновника остъ-индской службы, Форсита — да и то подъ видомъ частнаго путешественника, — чтобы изложить нѣсколько замѣчаній объ опасностяхъ русскаго движенія для британскихъ интересовъ въ Индіи. Она боялась, что мы не станемъ слушать оффиціальныхъ представленій ея посла. И если бы у насъ былъ ясно начертанный планъ дѣятельности въ Туркестанѣ и твердая рѣшимость исполнить его съ наименьшими

пожертвованіями и съ соблюденіемъ достоинства Россіи, то конечно мы не замедлили бы дать понять не только Форситу, но и рекомендовавшему его англійскому послу Бюханану, что они мѣшаются не въ свои дѣла. Но этого не случилось, а, напротивъ, Форситъ былъ превосходно принятъ директоромъ азіятскаго департамента Стремоуховымъ и военнымъ министромъ Милютинымъ, которые, въ силу особаго высочайшаго повелѣнія, были совмѣстными руководителями среднеазіятской политики Россіи [1]). Такое неожиданное вниманіе, оказанное тамъ, гдѣ англичане ожидали рѣзкаго отпора, разумѣется, показало имъ, что можно открыть цѣлую дипломатическую компанію противу Россіи для заторможенія ея среднеазіятскаго движенія, и компанія была открыта. Напрасно при этомъ русскій посланникъ въ Лондонѣ, нѣмецъ Брунновъ, хлопоталъ, чтобы не допустить признанія съ нашей стороны Бадакшана и Вахана частію вассальнаго Англіи Афганистана: онъ за это получилъ отставку, а заботы его о средне-

1) Самъ министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, до такой степени былъ мало знакомъ съ Азіею, что, напутствуя Кауфмана въ Хиву, просилъ его «не ходить туда (изъ Ташкента) *черезъ Кашгаръ!*» А когда по улыбкѣ Кауфмана замѣтилъ, что сказалъ глупость, то наивно прибавилъ: «я, можетъ быть, сказалъ какой нибудь вздоръ; вы извините. Я азіятскими дѣлами не занимаюсь; на это у меня есть Стремоуховъ. Я смотрю только за тѣмъ, чтобы намъ изъ-за средней Азіи не поссориться съ Англіею.»

азіятскихъ интересахъ Россіи возложены на графа Шувалова, который до такой степени не стоялъ на высотѣ своего призванія, что въ переговорахъ съ лордомъ Гранвилемъ обнаружилъ незнаніе, что Оксъ и Амударья—одно и то же. Разумѣется, что такому дипломату изъ жандармовъ ничего не стоило уступить афганцамъ, т. е. Англіи, не только Бадакшанъ и Ваханъ, но и Маймене, о которомъ въ то время, (1873 г.) даже русская оффиціальная печать поворила, что оно независимо, и о которомъ сами англичане, какъ бы въ насмѣшку надъ нами, поспѣшили въ 1875 году сообщить, что оно *наконецъ* покорено эмиромъ афганскимъ. Признавъ же эти землицы подвластными Афганистану, мы этимъ самимъ лишали себя въ будущемъ возможности безъ большихъ жертвъ замкнуть съ юга Туркестанъ линіею собственныхъ военно-земледѣльческихъ постовъ, а англичанамъ дали средство постоянно вмѣшиваться въ наши среднеазіятскія дѣла. Кромѣ того, въ результатѣ дипломатической компаніи оказалась теперешняя совершенно нелѣпая граница русскаго Туркестана съ юга, которая осуждаетъ насъ на непрерывное содержаніе въ этомъ краѣ огромнаго числа войскъ и слѣд. на постоянные дефициты въ четыре милліона рублей.

Со стороны Сибири въ теперешнемъ Русскомъ

Туркестанѣ въ 1855 году только что было основано укрѣпленіе Вѣрное, теперешній городъ, [1]) но уже въ 1859 году изъ него ходили отряды въ коканскіе предѣлы, на Чу. Затѣмъ въ 1860 году взятъ былъ Пишпекъ, а въ слѣдующіе годы мало по-малу отряды наши проникли до Куртки и Аульеата и наконецъ сошлись съ оренбургскими войсками около Туркестана и Чемкента. Трудовъ и лишеній для войскъ и тутъ было много; начальники же и здѣсь нерѣдко отличались поведеніемъ безсовѣстнымъ, направленнымъ лишь къ увеличенію передъ правительствомъ своихъ заслугъ и къ полному пренебреженію интересовъ народа русскаго, оплачивавшаго ихъ подвиги. Циммерманъ, напримѣръ, прославился тѣмъ, что въ 1860 году нарочно производилъ передъ Пишпекомъ осадныя инженерныя работы, чтобы показать, что это была важная крѣпость. Получивъ за взятіе его ленту, онъ еще добивался Георгія, а между тѣмъ взятая имъ, но и немедленно оставленная, крѣпостца была вновь отстроена и занята коканцами, такъ что въ слѣдующемъ году ее пришлось покорять вторично. Донесеніе о первомъ взятіи было написано такъ великолѣпно, что военный министръ Сухозанетъ телеграфировалъ о немъ

[1]) Собственно укрѣпленіе основано въ 1854 году, но станицы поселены въ 1855.

государю за границу, точно объ измаильскомъ штурмѣ; а между тѣмъ крѣпостца была такъ ничтожна, что въ 1859 году ее запрещено было брать отряду въ 550 человѣкъ только потому, что генералъ-губернаторъ Гасфордъ берегъ этотъ трофей для себя, въ надеждѣ получить потомъ титулъ графа Заилійскаго. Ключей у крѣпостцы не было, а ворота е подпирались извнутри жердью, такъ что Циммерману пришлось отправить въ Петербургъ, въ удостовѣреніе взятія, ключъ отъ комендантской конюшни..... Къ счастію для Россіи, въ преданіяхъ сибирскихъ властей, руководившихъ завоеваніемъ нынышней Семирѣченской области, сохранялась идея колонизаціи вновь пріобрѣтенныхъ земель, и потому даже за Чу скоро возникли русскія поселенія, а съ ними и прочный покой, котораго не достаетъ областямъ Сыръ-дарьинской, Ферганской, отдѣламъ Самаркандскому и Аму-дарьинскому, завоеваннымъ по оренбургской системѣ, безъ водворенія колоній. Этимъ нормальнымъ ходомъ завоеванія объясняется также скорое отысканіе естественной границы для Семирѣчья на югѣ, къ сторонѣ Восточнаго Туркестана, гдѣ мы остались въ рѣчной системѣ Нарыма, не увлекаясь переходомъ въ Кашгаръ.

Со стороны Джунгаріи 1855 годъ засталъ русскую границу въ слѣдующемъ видѣ. Начиная отъ

верховьевъ Каркары въ Небесныхъ горахъ она шла внизъ по этой рѣчкѣ и потомъ по Чарыну до Или, пересѣкала эту рѣку и тянулась потомъ по вершинамъ хребта Джунгарскаго Алатау до меридіана Чугучака, вдоль по которому пересѣкала Тарбагатай и достигала западнаго конца озера Зайсана. Лучше этого государственнаго рубежа трудно было желать, ибо на значительномъ протяженіи онъ обозначенъ естественными урощищами, иногда очень трудно переходимыми, что служило облегченіемъ при охранѣ нашихъ предѣловъ отъ вторженія кочевыхъ хищниковъ. Озеро Зайсанъ почти все лежало въ китайскихъ предѣлахъ, а граница ка сѣверу отъ него шла по Иртышу до устья Нарыма, а потомъ по этой рѣчкѣ и по вершинамъ Алтая. Такъ какъ сосѣдями нашими у этихъ рубежей были китайцы, то не было ни надобности, ни прямой возможности переходить эту границу, вдоль которой уже устанавливалась значительная торговля, достигавшая напр. въ Чугучакѣ до 1,200,000 р. въ годъ. Но въ 1860 году былъ заключенъ въ Пекинѣ трактатъ, по которому вся эта граница подлежала передѣлкѣ или по крайней мѣрѣ пересмотру и точному обозначенію на мѣстахъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовамись мѣстныя власти Омскѣ, чтобы потребовать отъ китайцевъ уступки всѣхъ земель по обѣимъ сторонамъ Зайсана.

Для чего это дѣлалось — трудно понять, развѣ для полученія пограничными коммиссарами пожизненныхъ пенсій за присоединеніе новыхъ земель, потому что самыя эти земли были—степи, а населеніе ихъ —кочевники. Тогда въ бюрократическихъ сферахъ нашихъ не еще додумались до той простой истины, что владѣніе степями есть тягость для государства, и вѣроятно присоединители около-зайсанскаго края, да и ихъ покровители въ Омскѣ и въ самомъ Петербургѣ, полагали, что 600—700 кв. миль, населенныхъ киргизами, есть важное пріобрѣтеніе для Россіи. Уступка ихъ китайцами была сдѣлана, при чемъ однако же, по буквѣ пекинскаго трактата, восточный конецъ Зайсана, т. е. единственная мѣстность на что-нибудь годная по обширнымъ рыбнымъ ловлямъ, осталась за Китаемъ. Въ 1864 году вновь присоединенныя земли были правильно разграничены, но лишь между Шабинъ-дабагомъ и Хабаръасу; далѣе же къ югу разграниченія не продолжалось, по случаю начавшихся въ Джунгаріи смутъ. И прежняя граница наша въ восточной части Семирѣчья уважалась нами до 1871 года, когда непріязнь возникшаго въ Кульджѣ мусульманскаго государства понудила насъ завоевать этотъ округъ и оставить его за собою на неопредѣленное время, объявивъ впрочемъ китайцамъ, что землю эту мы

признаемъ частію ихъ имперіи и потому возвратимъ ее имъ, какъ только они возстановятъ свою власть въ другихъ окрестныхъ мѣстностяхъ. Возвращеніе это однако до сихъ поръ (1878) не состоялось, да и все дѣло о Кульджѣ велось такъ, что безчестило Россію. Именно, уже въ 1871 году Стремоуховъ приглашалъ пекинское правительство выслать уполномоченныхъ для пріема отъ насъ Кульджинскаго округа, и въ то же время изъ Петербурга былъ посланъ въ Кульджу генералъ Богуславскій, который на площади увѣрялъ кульджинцевъ, что „они никогда снова не подпадутъ подъ власть ненавистнаго имъ Китая.“ Посланникъ нашъ въ Пекинѣ, генералъ Влангали, былъ поставленъ этимъ поведеніемъ собственнаго правительства въ такое нелѣпое положеніе, что прятался отъ переговоровъ съ китайскими министрами въ городѣ Чифу и наконецъ вышелъ въ отставку.[1]) Въ 1876 году туркестанскій генералъ-губернаторъ, Кауфманъ, громко говорилъ, что „возвращеніе Кульджи китайцамъ есть вопросъ чести для Россіи,“ и однако съ того времени прошло два новыхъ года, а дѣло не подвинулося впередъ. Подъ вліяніемъ перваго страха отъ завоеванія семирѣчен-

[1]) Эта отставка Влангали и была впрочемъ пѣлью всѣхъ махинацій Стремоухова, который видѣлъ въ почтенномъ генералѣ скораго преемника себѣ по званію директора азіятскаго департамента и потому старался его «утопить».

скому губернатору Колпаковскому удалось собрать отъ кульджинцевъ нѣсколько адресовъ, упрашивавшихъ о невозвращеніи ихъ подъ власть Китая и заявлявшихъ о желаніи ихъ стать русскими подданными: отвѣта по этимъ адресамъ дано не было, но они хранятся какъ будто на случай, чтобы показать пекинскимъ властямъ, что ихъ домогательства не согласны съ желаніемъ самого населенія Кульджи, большею частію магометанскаго. Словомъ, все дѣло ведено и ведется доселѣ недобросовѣстно, и развѣ только теперь, когда китайцы овладѣли не только Урумци и Манасомъ, но Аксу и Кашгаромъ, будетъ поставлено на болѣе прямую и честную дорогу. И какъ у насъ съ Китаемъ есть важный территоріальный вопросъ въ другой мѣстности, ни Амурѣ, то было бы лучше всего удовлетворить всѣ китайскія домогательста въ Джунгаріи, лишь бы добиться исправленія границъ въ Усурійскомъ краѣ.

Обозрѣвая теперь въ общемъ видѣ наши среднеазіятскія пріобрѣтенія съ 1855 года, мы видимъ, что онѣ очень обширны, простираясь приблизительно до 19,000 кв. миль. Но одинъ взглядъ на карту показываетъ, что цѣна этихъ пріобрѣтеній не велика, потому что среди ихъ едва ли найдется 400 кв. миль годныхъ для осѣдлой крьтуры, да и тѣ большею частію заняты магометанскимъ на-

селеніемъ, которое едва ли когда будетъ искренно предано Россіи. Соотвѣтственно этому можно бы признать, что эти пріобрѣтенія вовсе невыгодны для Россіи, даже болѣе—убыточны для нея, такъ какъ одно туркестанское генералъ-губернаторство даетъ ежегодно $4\frac{1}{2}$ милліона рублей дефицита. Но у новыхъ окраинъ есть будущность, и въ ней оправданіе ихъ теперешней убыточности. Именно, когда они будутъ доведены до своихъ естественныхъ предѣловъ, Альбурса и Гиндукуша, тогда мы станемъ въ довольно угрожающее положеніе относительно нашего главнаго врага на земномъ шарѣ—Англіи, и это искупитъ до нѣкоторой степени теперешніе убытки отъ завоеванія Средней Азіи. Опасаясь за потерю Индіи, англичане станутъ гораздо сговорчивѣе, чѣмъ теперь, по всѣмъ вопросамъ европейской политики. Кромѣ того, покоривъ весь Туркестанъ, мы въ состояніи будемъ вывести изъ него часть содержимыхъ тамъ войскъ и черезъ это сократимъ теперешнія издержки на эту страну. Но когда все это случится—предвидѣть нельзя, потому что плана завоеванія, подобнаго тому, какой былъ составленъ для покоренія Кавказа, нѣтъ, а — судя по совершавшимся доселѣ событіямъ, и по упорству, съ какимъ Англія вмѣшивается въ каждый нашъ шагъ на почвѣ Турана, — его и не будетъ

составлено. Будущія русскія поколѣнія, стало быть, въ правѣ будутъ подвергнуть тяжелому упреку наше за его неумѣлость вести важное историческое дѣло. Къ сторонѣ Китая, въ Джунгаріи, мы сдѣлали пріобрѣтенія объемомъ до 1,600 кв. миль, но зачѣмъ —неизвѣстно. Захваты эти, не приносящіе намъ существенной пользы, способны только раздражать китайцевъ, которыхъ дружба однако же очень важна для насъ, а потому чѣмъ скорѣе захваченныя земли, — по большей части степи — будутъ возвращены, тѣмъ будетъ лучше для насъ, особенно если при этомъ мы успѣемъ добиться рѣшенія въ нашу пользу территоріальнаго же вопроса въ южно-усурійскомъ краѣ.

Переходя отъ западной Сибири къ восточной, мы можемъ прежде всего сказать, что на обширномъ протяженіи границъ послѣдней съ Монголіею не произошло никакихъ перемѣнъ противу тѣхъ условій, которыми были опредѣлены государственные рубежи Россіи и Китая въ 1728 году. Тѣ же столбы означаютъ границу отъ Шабинъ дабага до Аргуни, какіе были поставлены въ 1728 г. Колычевымъ, Глазуновымъ и другими спутниками графа Рагузинскаго. И хотя въ 1857 году золотопромышленникъ Пермыкинъ предлагалъ присоединить къ Иркутской губерніи бассейнъ Косогола, какъ непринадлежащій

будто-бы китайцамъ, но этого не случилось. И Аргунь отъ Абагайту до Стрѣлки осталась государственнымъ рубежемъ въ Даурiи, какъ было условлено еще въ 1689 году Головинымъ въ Нерчинскѣ, Но на Амурѣ намъ удалось достигнуть отмѣны нерчинскаго трактата и присоединить нетолько весь лѣвый его берегъ, но и обширную страну по правому, между Усури и Японскимъ моремъ. Это пріобрѣтеніе было послѣдствіемъ воли императора Николая, еще въ генварѣ 1854 года, по представленію генералъ-губернатора восточной Сибири Муравьева, рѣшившаго занять Амурскій край, который, не смотря на свои природныя богатства, оставленъ былъ въ небреженіи китайцами и заселенъ ими всего въ одномъ мѣстѣ да и то очень слабо. Въ 1854-55 годахъ заселены были низовья рѣки, вовсе не подвергавшіеся наблюденію китайцевъ, а въ 1857 году и верховья ея, отъ Стрѣлки до Хингана. Затѣмъ 16 мая слѣдующаго 1858 года заключенъ былъ Муравьевымъ айгунскій договоръ, по которому Китай фирмально призналъ лѣвый берегъ Амура нашимъ владѣніемъ, а черезъ два года, въ Пекинѣ, Игнатьевъ добился утвержденія за нами и Усурійскаго края. Это пріобрѣтеніе, величиною въ 11,000 кв. миль, есть важнѣйшее изъ всѣхъ, сдѣланныхъ русскимъ народомъ не только во второй половинѣ XIX вѣка, но и во-

обще въ этомъ столѣтіи, и если еще нашимъ современникамъ можетъ казаться, что Кавказъ, Польша и Финляндія важнѣе, то потомки, конечно, скажутъ противное. Ни Финляндія, ни Польша, ни Закавказье никогда не станутъ чисто-рускими землями, между тѣмъ какъ для Амура достаточно было бы 25—50 лѣтъ, чтобы составить одну изъ самыхъ цвѣтущихъ, вполнѣ русскихъ, провинцій, когда бы онъ былъ поставленъ въ условія столь же благопріятныя для заселенія, какъ напр. Калифорнія или Австралія. И если этого доселѣ не случилось, не смотря на то, что съ перваго появленія нашего на амурскихъ водахъ прошло уже 24 года, то о причинахъ такой неудачи мы упомянемъ ниже. Здѣсь же замѣтимъ, что во всякомъ случаѣ до настоящей минуты (1878) у насъ еще никто не оспоривалъ ни сполна, ни даже частію, тѣхъ 11,000 кв. миль, которыя мы пріобрѣли въ 1854-60 годахъ.

Присоединеніе Амура такъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ завоеваній, совершенныхъ Россіею въ XIX вѣкѣ, что заслуживаетъ особой характеристики, какъ примѣръ того, что можетъ сдѣлать одна сила ума и воли, безъ большихъ матеріальныхъ пожертвованій. Во первыхъ, завоеваніе это было *безкровнымъ*. Ни одинъ выстрѣлъ не раздался за все время дѣйствія нашихъ войскъ въ новомъ краю;

напротивъ, занятіе шло при непрерывныхъ мирныхъ сношеніяхъ съ китайцами и туземцами. Даже число войскъ было чрезвычайно ограничено, никогда не превосходя трехъ батальоновъ, такъ что теперь для охраны новыхъ владѣній мы употребляемъ вдвое болѣе солдатъ, чѣмъ ихъ было при завоеваніи. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ государственнаго ума Муравьева, умѣвшаго понять слабость Китая и искусно воспользоваться ею. Во вторыхъ, завоеваніе это ничего не стоило Россіи деньгами до самаго заключенія айгунскаго договора. Амурскій капиталъ, на который падали расходы по экспедиціямъ, весь составленъ былъ изъ экономіи по управленію восточной Сибирью, въ чемъ опять нельзя не видѣть важной заслуги Муравьева. Въ третьихъ, идея о занятіи Амура привела къ освобожденію болѣе 70,000 человѣкъ изъ горнозаводскаго рабства потому что, подъ предлогомъ усиленія стостава забайкальскаго казачьяго войска на случай войны съ китайцами, Муравьевъ еще въ 1851 году успѣлъ выпросить у императора Николая увольненіе изъ горнаго вѣдомства всѣхъ крестьянъ, приписанныхъ, къ кабинетскимъ заводамъ Нерчинскаго округа. Изъ этихъ людей вышли потомъ первые поселенцы Амурскаго края. Въ четвертыхъ, занятіе Амура совершилось во время войны Россіи съ сильною коалиціею

европейскихъ державъ и было ведено такъ искусно, что плававшій въ Тихомъ океанѣ англо-французскій флотъ нисколько не повредилъ совершавшемуся дѣлу заселенія далекаго отъ Россіи края и даже получилъ отпоръ, когда попробовалъ сдѣлать высадку въ заливѣ Декастри. Воспомнимъ при этомъ, что у главнаго дѣятеля во всѣхъ этихъ событіяхъ, Муравьева, были сильные враги въ Петербургѣ, въ родѣ графа Нессельроде, противившагося самой идеѣ присоединенія Амура, или графа Путятина, громко увѣрявшаго, что Амуръ-болото. Эти внутренніе враги были для Муравьева опаснѣе внѣшнихъ, и потому неразъ говорилось, что Амурскій край завоеванъ не на Амурѣ, а въ Петербургѣ. Замѣтимъ, что у императора Александра II достопамятный генералъ-губернаторъ восточной Сибири не пользовался тѣмъ личнымъ расположеніемъ, какъ у его отца, и, наградивъ Муравьева лично титуломъ графа Амурскаго за айгунскій трактатъ, онъ сильно оскорбилъ его, не давъ должныхъ наградъ его подчиненнымъ, которыхъ этотъ энергическій, честный и дальновидный человѣкъ могъ удерживать на службѣ въ дикомъ краю только цѣною вниманія къ ихъ трудамъ и лично самъ называлъ не подчиненными, а сотрудниками.

Впрочемъ и въ ходѣ занятія Амура были темныя стороны, не воровство въ родѣ кавказскаго, не на-

глое шарлатанство и эксплуатація казны и туземцевъ, въ родѣ туркестанскихъ, а военный произволъ, безконтрольность полицейской власти и тяжелыя натуральныя повинности, наложенныя на первыхъ поселенцевъ и ставшія какимъ то эндемическимъ зломъ Амурскаго края. О нихъ обстоятельнѣе мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же упомянемъ объ одномъ эпизодѣ, составляющемъ трагическую сторону завоеванія Амура и показывающемъ, что, пока лица власть имѣющія стоятъ внѣ контроля гласности, онѣ способны совершать злодѣянія изъ самаго усердія къ дѣлу, нисколько не опасаясь какой бы то ни было отвѣтственности. Въ 1856 году, за отсутствіемъ изъ восточной Сибири Муравьева, который тогда былъ на коронаціи въ Москвѣ, ходомъ амурской экспедиціи управлялъ Корсаковъ, который предписалъ возвращавшимся съ низовьевъ Амура частямъ войскъ дѣлать по 40 верстъ въ день противу теченія рѣки и еще рубить на ночлегахъ дрова для пароходовъ и соотвѣтственно этому распредѣлилъ продовольствіе на постахъ вдоль рѣки. Между тѣмъ всякому военному извѣстно, что трехмѣсячный походъ возможенъ лишь подъ условіемъ дѣлать въ сутки не болѣе 25 верстъ и еще имѣть по крайней мѣрѣ пять дневокъ въ мѣсяцъ. Люди при этомъ должны на ночлегахъ пользоваться безусловнымъ отдыхомъ и быть хорошо

продовольствуемы. Корсаковъ всѣмъ этимъ пренебрегъ, чтобы отличиться скоростью и дешевизною похода. Результатомъ вышло, что изъ 600 человѣкъ возвращавшихся солдатъ 270 умерли отъ изнуренія и голода, который между Кумарою и Кутомандою дошелъ до того, что солдаты ѣли ранцовые ремни, подошвы и даже былъ случай, что съѣли одного юнкера, которому выпалъ жребій быть съѣденнымъ! И Корсаковъ нетолько не былъ судимъ за это, но еще произведенъ за отличіе въ генералы, а упрекъ — впрочемъ лишь нравственный, такъ какъ оффиціальнаго сдѣлать не смѣли — палъ на подчиненнаго ему подполковника Сблеухова, самоотверженно дѣлившаго всѣ лишенія солдатъ и съѣвшаго на находѣ собственную собаку.

Впрочемъ этотъ случай, какъ ни печаленъ онъ, не имѣлъ существеннаго вліянія на ходъ завоеванія Амурскаго края. Гораздо вреднѣе были послѣдствія отъ назначенія въ 1859 году подполковника Будогоскаго на развѣдочныя работы въ Южноусурійскомъ краѣ, долженствовавшія послужить основаніемъ проэкта государственной границы между устьями Усури и Кореей. Этотъ ограниченный, злой и низкій человѣкъ нетолько засѣкъ до смерти одного солдата въ Хабаровкѣ (разумѣется, безнаказанно), но хотѣлъ уморить голодомъ одного своего сослуживца,

генеральнаго штаба капитана Ельца, который былъ спасенъ отъ голодной смерти лишь случайно встрѣченнымъ въ гавани Ольги англійскимъ судномъ. Съ другими сотрудниками по изслѣдованію усурійскаго края, напр. съ Гамовымъ, обращался онъ также грубо, и въ результатѣ получилось весьма поверхностное изслѣдованіе мѣстности въ бассейнахъ Ханкая и Суйфуна, по которой должна была установиться граница съ Китаемъ. А отъ этого пришлось въ слѣдующемъ 1860 году провести эту границу очень невыгодно для насъ, такъ что теперь драгоцѣннѣйшія русскія владѣнія на сѣверозападѣ отъ залива Петра Великаго представляютъ лишь узкую полосу, которую очень легко отнять у насъ нападеніемъ съ моря и изъ Маньчжуріи. Вотъ этотъ то промахъ исправить очень желательно при переговорахъ съ Китаемъ о возвращеніи Кульджи, и кажется, что это не должно быть очень трудно, потому что мѣстность въ какіенибудь 120 кв. миль по верховьямъ Суйфуна и къ сѣверу отъ Ханкая почти ненаселена китайцами и слѣд. не особенно для нихъ дорога.

Мы не можемъ здѣсь входить въ большія подробности о ходѣ занятія Амурскаго края и о дѣятеляхъ, самоотверженно трудившихся на этой отдаленной окраинѣ Россіи. Но если ужъ упомянуты Корсаковъ и Будогосскій, вредившіе великому дѣлу, то

нельзя пройти молчаніемъ достойнаго дѣятеля, Невельскаго. Онъ былъ первымъ по времени изслѣдователемъ устья Амура и основателемъ Николаевска. Ему же мы обязаны открытіемъ выхода изъ Амура въ Японское море, гдѣ прежде вмѣсто пролива предполагался перешеекъ, а также учрежденіемъ первыхъ постовъ на Сахалинѣ. Человѣкъ отъ природы пылкій, онъ не могъ долго оставаться въ краѣ, когда тотъ сталъ наводняться бюрократіею; но на немъ и его спутникахъ, водворившихся еще въ 1849 году на берегу Охотскаго моря, въ Петровскомъ зимовьѣ, съ удовольствіемъ остановится позднѣйшій изслѣдователь судебъ Амурскаго края. Замѣтимъ, что первый шагъ къ занятію низовьевъ Амура онъ сдѣлалъ самовольно, и ему предстояло бы надѣть матросскую куртку, если бы императоръ Николай, вопреки мнѣнію своихъ совѣтниковъ, не нашелъ его поступка патріотическимъ.

Упомянувъ о Сахалинѣ, мы назвали другое немаловажное пріобрѣтеніе Россіи, сдѣланное послѣ 1855 года. Островъ этотъ, величиною въ 1,200 кв. миль, лежитъ противъ устья Амура и запираетъ входъ въ него. По завладѣніи Амурскимъ краемъ мы по необходимости должы были присоединить и его. И къ этому не было бы серьезныхъ препятствій, такъ какъ населеніе острова, какихъ нибудь 5—6,000 бѣд-

ныхъ звѣролововъ, не могло само по себѣ оказать сопротивленія утвержденію русскихъ постовъ и селеній. Но тутъ стояла на дорогѣ дипломатическая исторія этой земли. Именно, еще въ 1813 году мы заявили японцамъ, что сдѣланная незадолго предъ тѣмъ попытка нашихъ морскихъ офицеровъ, Хвостова и Давыдова, объявить Сахалинъ русскимъ владѣніемъ была своевольною и потому не имѣющею никакого значенія, такъ что новое появленіе наше тамъ было бы противно данному слову. Не смотря на это заявленіе, въ 1851—3 годахъ тамъ основаны были наши посты, и только восточная война съ Англіею и Франціею заставила ихъ снять. Въ генварѣ же 1855 года, т. е. въ самомъ концѣ царствованія Николая, нашъ посланникъ въ Японіи, адмиралъ Путятинъ, заключая первый договоръ съ этимъ государствомъ, ввелъ въ него условіе, что „Сахалинъ остается еще неразграниченнымъ между Россіею и Японіею,“ чѣмъ какъ бы признаны были права на него обѣихъ этихъ державъ, хотя и Японія имѣла этихъ правъ немногимъ развѣ больше Россіи. Условіе это, поставившее островъ въ странное положеніе совмѣстнаго владѣнія, было еще развито и подтверждено въ 1867 году конвенціею, заключенною Стремоуховымъ съ японскимъ посольствомъ, пріѣзжавшимъ въ Петербургъ, и тогда Сахалинъ сдѣлался

чѣмъ то невиданнымъ во всемірной исторіи, землею, которая принадлежала двумъ государствамъ, но которой туземные жители оставались независимыми. Это нелѣпое положеніе не мѣшало, конечно, существованію нашихъ постовъ въ Анивѣ, въ Дуэ, у Кусуная и пр., но не мѣшало также и японцамъ имѣть рыбацкія селенія по всему прибрежью южной части острова, до 48° широты. Необходимо было выйдти изъ этого положенія, и вотъ въ 1875 году удалось намъ наконецъ заключить договоръ съ Японіею, которымъ Сахалинъ признанъ исключительною собственностью Россіи, а японцамъ взамѣнъ того уступлены Курильскіе острова да еще предоставлено право ловить у сахалинскихъ береговъ рыбу. Территоріальное пріобрѣтеніе сдѣлано окончательно; но насколько выгодно послѣднее условіе,—покажетъ будущее.

Уступка Курильскихъ острововъ, вполнѣ добровольная, служитъ хорошимъ примѣромъ сознательнаго отношенія современной Россіи къ территоріальнымъ вопросамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не владѣя большимъ флотомъ въ Тихомъ океанѣ, она могла бы лишиться Курильскаго архипелага и безъ вознагражденія, при первой войнѣ съ большою морскою державою; а теперь въ замѣну его пріобрѣтенъ островъ, очень важный по своему положенію и естественнымъ богатствамъ. Но этотъ примѣръ разсудительнаго

отношенія къ свойствамъ русской государственной области не одинокъ за наше время. Напротивъ, еще въ 1867 году нами едѣлана гораздо важнѣйшая уступка въ другой мѣстности, прилежащей также къ Тихому океану — въ сѣверозападной Америкѣ. Бывшія наши владѣнія тамъ собственно не были достояніемъ государства, а принадлежали частной торговой компаніи; но какъ защита ихъ въ случаѣ войны падала на государство и по необходимости должна была обходиться дорого, то явилась мысль уступить ихъ Соединеннымъ Штатамъ, тѣмъ болѣе, что во время восточной войны они уже состояли подъ покровительствомъ этой великой республики. Мысль эта, разумѣется, понравилась американцамъ, которые держатся извѣстной теоріи Монроэ, и сдѣлка состоялась, при чемъ за 23,000 кв. миль, составляющихъ нынѣшнюю территорію Аляску и Алеутскій архипелагъ, мы получили 10,000,000 рублей. Только и здѣсь дѣйствія нашей дипломатіи не отличались предусмотрительностью. Имѣя дѣло съ такимъ алчнымъ народомъ, какъ янки, мы согласились передать имъ землю прежде полученія за нее денегъ и потомъ имѣли немало хлопотъ о выручкѣ ихъ, такъ что давали даже взятки вожакамъ партій въ конгрессѣ, напр. 15,000 долларовъ сенатору Бутлеру.

Таковы главные факты изъ исторіи территоріаль-

ныхъ перемѣнъ, совершившихся въ Россіи съ 1855 года. Разсматривая ихъ въ общихъ чертахъ, мы находимъ, что :

1. Нами пріобрѣтено болѣе 34,400 кв. миль и уступлено 23,300 кв. миль, такъ что въ общемъ итогѣ Россія увеличилась на 11,100 кв. миль. Большая часть этихъ пріобрѣтеній и уступокъ сдѣлана сознательно и по доброй волѣ, другія невольно или съ малымъ сознаніемъ ихъ значенія, но всѣ вообще въ направленіи къ югу отъ прежнихъ русскихъ границъ, что значительно улучшаетъ физико-географическія условія существованія народа русскаго.

2. Изъ пріобрѣтенныхъ 34,400 кв. миль однако-же болѣе половины степей, негодныхъ для осѣдлой жизни и присоединенныхъ отчасти вслѣдствіе исторической необходимости дойдти до прочныхъ окраинъ ихъ, отчасти въ видахъ позднѣйшаго воздѣйствія на главнаго политическаго соперника нашего — Англію. Изъ остальныхъ пріобрѣтеній весьма важенъ Амурскій край и особенно южная его часть, къ сторонѣ Кореи, гдѣ сверхъ большихъ естественныхъ богатствъ страны имѣются еще превосходныя гавани для флота на Тихомъ океанѣ.

3. Пріобрѣтеніе анклавовъ на Кавказѣ и теперешнихъ границъ къ сторонѣ Восточнаго Туркестана, Монголіи и большей части Маньчжуріи не оста-

вляетъ желать ничего болѣе въ этихъ направленіяхъ; но въ Западномъ Туркестанѣ необходимо еще движеніе впередъ. Оно даже неизбѣжно, не смотря на то, что мы имѣли слабость связать себя въ этомъ вопросѣ сношеніями съ Англіей. Такое же движеніе впередъ желательно въ Южноусурійскомъ краѣ для исправленія промаха 1859 г. Напротивъ, къ сторонѣ Джунгаріи было бы полезно сдѣлать уступки Китаю, по силѣ того закона, что въ степяхъ чѣмъ больше ихъ будетъ отдано сосѣду, заинтересованному держать номадовъ въ порядкѣ, тѣмъ выгоднѣе для насъ, лишь бы подобныя уступки не разрывали связи между различными частями нашей собственной, годной для культуры, земли.

4. Нѣкоторыя изъ пріобрѣтеній дѣлались по хорошо впередъ обдуманному и расчитанному плану; въ большей же части случаевъ правительство дѣйствовало безсистемно, „по обстоятельствамъ,“ при чемъ къ подобнымъ обстоятельствамъ нужно причислить личныя наклонности и вкусы тѣхъ, кто стоялъ у дѣлъ, иногда даже имѣя смутныя о нихъ понятія:—явленіе неизбѣжное въ неограниченныхъ монархіяхъ, гдѣ политическія дѣла совершаются тайно, безъ всякаго предварительнаго гласнаго ихъ обсужденія.

5. Между дѣятелями событій, обусловившихъ

наиболѣе выгодныя перемѣны въ очертаніи нашихъ границъ, особой благодарности потомства заслуживаютъ графъ Муравьевъ-Амурскій, графъ Евдокимовъ, князь Барятинскій и Черняевъ — всѣ четверо удаленные отъ дѣлъ правительствомъ, которое по самому существу своему не можетъ терпѣть людей самостоятельныхъ. Напротивъ, исторія произнесетъ строгій судъ надъ такими современными любимцами счастія, какъ гр. Путятинъ, гр. Шуваловъ, Кауфманъ, Стремоуховъ и др., которые были недостойны руководить событіями столь большой важности, какъ окончательное опредѣленіе предѣловъ государственной области Россіи.

Заселеніе вновь пріобрѣтенныхъ земель.

Чѣмъ обширнѣе завоеванія, тѣмъ удобнѣе сохранять ихъ посредствомъ водворенія колоній.

Монтескье.

Посмотримъ теперь, что было совершено, чтобы сдѣланныя пріобрѣтенія укрѣпить за Россіею. Вѣрнѣйшее средство для достиженія этой цѣли состоитъ, какъ извѣстно, въ заселеніи вновь занятыхъ странъ, или, если онѣ уже имѣютъ густое туземное населеніе, — въ основаніи среди ихъ колоній господствующей націи на такихъ пунктахъ, которые имѣютъ военную и промышленную важность. Уже римляне при своихъ обширныхъ завоеваніяхъ водворяли на отдаленныхъ границахъ вновь пріобрѣтенныхъ земель опытныхъ воиновъ, и Россія въ этомъ случаѣ издавна слѣдовала той же системѣ. Система эта въ наше время была примѣнена въ трехъ

мѣстностяхъ: на сѣверномъ Кавказѣ, въ юговосточныхъ частяхъ Киргизскихъ степей и на Амурѣ. Что же касается южной стороны Кавказа, бассейна Аральскаго моря и прибрежій Тихаго океана, то здѣсь отъ нея сдѣлано отступленіе, вѣроятно въ виду сбереженія расходовъ казны и въ надеждѣ, что мѣстности эти заселятся добровольными колонистами, чего впрочемъ не случилось. Больше всего правительство обратило вниманіе на западный Кавказъ, конечно благодаря тому, что это—самая близкая изъ всѣхъ новоприобрѣтенныхъ окраинъ, имѣетъ большую стратегическую важность и пользовалась предстательствомъ за себя такого вліятельнаго человѣка, какъ князь Барятинскій, нашедшій притомъ въ графѣ Евдокимовѣ настойчиваго исполнителя въ достиженіи разъ предположенной цѣли. Болѣе 13,000,000 рублей было отпущено государствомъ на помощь переселенцамъ и на другіе расходы по колонизаціи Закубанья, и дѣло это исполнено въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ рѣдкою энергіею и по разумно обдуманному плану. Въ переселенцы-казаки допускались исключительно русскіе люди, казаки же или крестьяне губерній воронежской, рязанской, курской и т. п., а потому закубанскій край нынѣ столько же русская область, какъ и каждая изъ названныхъ губерній. Даже можно сказать, что здо-

ровое, бодрое и смышленное населеніе его, вмѣстѣ съ такимъ же населеніемъ по Тереку, составляетъ физіологически лучшую часть народа русскаго. И потому можно только пожалѣть, что югозападная окраина Кубанской области, т. е. восточный берегъ Чернаго моря, не занята имъ же, а, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, отдана частію въ руки румынъ, болгаръ и грековъ, частію подарена или уступлена за ничтожныя деньги разнымъ офицерамъ и чиновникамъ, вовсе не думающихъ водворяться въ ней и неспособныхъ устроить прочную осѣдлость.

Но если, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о заселеніи черноморскаго прибрежья, мы должны воздать хвалу закубанской колонизаціи, то нельзя пройдти молчаніемъ цѣлаго ряда злоупотребленій, которыми она сопровождалась и которыя отзываются своими послѣдствіями доселѣ. Прежде всего надобно вспомнить о насиліяхъ, къ которымъ прибѣгало правительство по отношенію къ переселеннымъ за Кубань казакамъ хоперскимъ и черноморскимъ. Первыхъ изъ нихъ князь Барятинскій хотѣлъ въ 1861 году переселить поголовно, лишивъ такимъ образомъ возможности продать свои дома и сады кому бы то ни было. Это вызвало сопротивленіе казаковъ. Они собрались въ свой полковой штабъ, станицу Але-

ксандровскую, присягнули не идти на переселеніе всѣмъ полкомъ и, овладѣвъ полковымъ знаменемъ, приготовились къ вооруженному сопротивленію регулярнымъ войскамъ, ихъ окружившимъ. Только отмѣна переселенія на 1861 годъ вообще, объявленная генераломъ Мірскимъ, предупредила пролитіе крови. На слѣдующій же годъ многіе изъ этихъ самыхъ казаковъ пошли за Кубань добровольно и по жребію безъ всякаго сопротивленія, но въ отмщеніе за свое поведеніе получили худшія мѣста. Въ Черноморіи дѣло было иначе. Тамъ казаки отказались въ томъ же 1861 году выслать 700 переселенцевъ на томъ основаніи, что закубанскія земли не отданы ихъ войску. Они ссылались на грамоту Екатерины II, которая дѣйствительно обѣщала запорожцамъ, переселявшимся въ Черноморію, не трогать ихъ съ данной разъ земли, и требовали въ силу этого, чтобы сначала извѣстная часть Закубанья была присоединена къ ихъ войсковой территоріи, а потомъ обѣщали заселить ее сами. Этого рода взглядъ на свою землю, какъ на status in statu привелъ въ совершенное недоумѣніе кавказскія власти. Множество казачьихъ офицеровъ было схвачено и посажено въ острогъ; переселеніе не состоялось. По счастію осенью 1861 года посѣтилъ западный Кавказъ императоръ Александръ, тогда еще полный

гуманныхъ стремленій, только что выразившихся указомъ объ освобожденіи крестьянъ. Онъ приказалъ предать забвенію оба казачьи „бунта,“ и въ слѣдующіе годы черноморцы шли за Кубань охотно. Но правительство приняло мѣры противъ черноморскаго сепаратизма, слившъ черноморцевъ съ линейными козаками въ одно войско—кубанское, въ которомъ духъ запорожцевъ угасъ вмѣстѣ, конечно, со многими доблестями этихъ вольнолюбивыхъ рыцарей землепашцевъ. Въ ходѣ же колонизаціи Закубанья 1861 и послѣдующіе три года если и не представили столь рѣзкихъ слаучаевъ насилія, какъ первый изъ нихъ, то ознаменовались множествомъ частныхъ злоупотребленій и притѣсненій переселенцовъ со стороны властей, и эта-то начальственная эксплуатація привела къ тому, что доселѣ русскія казачьи поселенія за Кубанью все еще не имѣютъ цвѣтущаго вида, тогда какъ позднѣйшія нѣмецкія колоніи благоденствуютъ.

Колонизація земель за Терекомъ далеко не имѣла тѣхъ размѣровъ, какъ за Кубанью, отчасти потому, что лучшія земли въ Чечнѣ уже ранѣе 1855 года были заселены сунженскими и другими казаками, отчасти, и главное, потому, что правительство, по труднопонятному побужденію, не позволяло послѣ 1859 года горцамъ уходить оттуда и изъ Даге-

стана въ Турцію, какъ многіе изъ нихъ хотѣли того. Результатомъ этой послѣдней мѣры было то, что, хотя чеченцы и лезгины и были собраны въ большіе аулы, удобные для надзора властей, и даже мѣстами выселены изъ горъ на равнины съ тою же цѣлью, но бунты ихъ были нерѣдки. Такъ въ 1871 году, едва императоръ Александръ, проѣхавъ по Кавказу, отдалъ благодарность тамошнимъ властямъ за умиротвореніе края, „превзошедшее всякія ожиданія,“ какъ произошелъ бунтъ ункратльцевъ, которыхъ великій князь Михаилъ Николаевичъ хотѣлъ вслѣдствіе этого сослать поголовно въ Сибирь. Въ 1877 году почти во всей Чечнѣ и въ Дагестанѣ возмущеніе тянулось цѣлое лѣто и отрывало около 30,000 войскъ отъ участія въ войнѣ съ турками. Послѣдствіемъ его было множество казней, нетолько предводителей горцевъ, въ родѣ Уммы Дуева, но и цѣлыхъ десятковъ ихъ сообщниковъ, затѣмъ высылка на поселеніе въ Сибирь 3,400 человѣкъ. Этого рода результаты ложной политики должны, кажется, вразумлять государственныхъ людей, что неправильно понятая гуманность (оставленіе горцевъ на родинѣ) или тщеславное желаніе облагодѣтельствовать и переродить дикарей устройствомъ ихъ быта хотя бы по лучшимъ, но чуждымъ имъ образцамъ, составляютъ за-

блужденіе, если только не преступленіе передъ народомъ завоевателемъ, понесшимъ въ долговременной войнѣ огромныя жертвы и имѣющимъ всѣ средства заселить вновь покоренныя земли, какъ скоро полудикіе туземцы ихъ оставляютъ.

Русская колонизація на югѣ отъ Кавказскаго хребта не сдѣлала ни какихъ успѣховъ съ 1855 года. Даже вдоль границы правительство предпочитало держать кордонъ изъ казаковъ, приводимыхъ посмѣнно съ Дона, Кубани или Терека, чѣмъ заселять такими же казаками хотя бы важнѣйшіе стратегическіе пункты. Отъ чего это произошло, — мы не знаемъ, только очевидно, что не отъ недостатка мѣста въ долинахъ Аракса, Арпачая и верхней Куры. Неменѣе трудно понять, почему не возникло ни какихъ русскихъ селеній въ мѣстностяхъ по южному склону главнаго Кавказскаго хребта и по сѣверному Малаго Кавказа. Теперь во всемъ закавказскомъ краѣ есть лишь нѣсколько колоній разныхъ русскихъ сектантовъ (молоканъ, духоборцевъ), изгнанныхъ изъ Европейской Россіи и хотя тщательно сохраняющихъ свою народность, но теряющихся въ массѣ инородческаго населенія. Слободки же изъ отставныхъ солдатъ при нѣкоторыхъ полковыхъ штабъ-квартирахъ составляютъ явленіе очень жалкое, чтобы на нихъ можно было расчитывать какъ

на нѣчто прочное въ смыслѣ обезпеченія русской власти за Кавказомъ. Между тѣмъ богатая природа края могла бы допустить широкій приливъ туда переселенцевъ изъ коренной Россіи, одно присутствіе которыхъ облегчило бы самому правительству надзоръ за инородческимъ населеніемъ, которое во многихъ мѣстахъ ненадежно, тянетъ къ Персіи и Турціи, либо даже мечтаетъ о политической самостоятельности, какъ армяне. [1]) Вѣдь нашлись же мѣста для нѣмецкихъ колоній.

Водвореніе русскихъ селеній въ закаспійскихъ степяхъ, разумѣется, невозможно, по недостатку воды и непроизводительности степной почвы. Но два пункта на восточномъ берегу Каспійскаго моря, Тюпъ - Караганъ и Красноводскъ, имѣютъ уже болѣе 2,000 русскихъ жителей, изъ нихъ первый до 70 семей постоянныхъ, образующихъ селеніе рыбаковъ. Кромѣ того сдѣланы изысканія для основанія русскихъ осѣдлостей на нежнемъ Атрекѣ и у стараго русла Окса, между Хивою и Красноводскомъ. Если когда либо вдоль этого русла будетъ пущена вода изъ Аму-дарьи, хотя бы только до Сары-Камыша, то конечно тамъ возникнетъ русское поселеніе или хоть крѣпостца съ базаромъ для заѣзжихъ турменъ.

[1]) Не безъ удивленія узнали мы изъ газетъ, что армянами предполагается заселить оставленную жителями Абхазію.

Колонизація юговосточныхъ частей Киргизской степи продолжалась непрерывно съ 1855 года, когда было заселено Вѣрное; но размѣры ея и скорость хода оставляютъ желать. Лучше другихъ мѣстностей колонизировано Семирѣчье, такъ что тамъ уже нѣтъ надобности въ новыхъ русскихъ селеніяхъ. Мало того; существующія селенія отличаются благосостояніемъ, какого не представляютъ напр. колоніи вдоль по Амуру, не смотря на превосходство естественныхъ условій послѣднихъ. Причина этого—умная предусмотрительность генералъ-губернатора Гасфорда, который умѣлъ въ первые годы по возникновеніи заплійскихъ станицъ покровительствовать земледѣлію въ нихъ, скупая въ казну по хорошимъ цѣнамъ весь избытокъ хлѣба у казаковъ, чего не дѣлалось на Амурѣ. Не дурны также новыя поселенія въ призайсанскомъ краѣ и вдоль джунгарской границы. Но бассейны Сыръ и Аму-дарьи едва имѣютъ нѣсколько точекъ, въ которыхъ сгруппировалось русское населеніе, да и то не совсѣмъ постояннаго состава. Казалинскъ, Перовскъ, торгово-чиновничьи слободы подъ Ташкентомъ и Самаркандомъ, да небольшой поселокъ въ Аму-дарьинскомъ отдѣлѣ,—вотъ почти все, что создала дорого-стоющая ташкентская администрація, наслѣдовавъ притомъ два первые пункты отъ орен-

бургской. А между тѣмъ необходимость колонизаціи Туркестана видна еще яснѣе, чѣмъ Закавказья, по самой отдаленности края отъ Россіи. И въ колонистахъ недостатка не было бы, если бы разрѣшили наприм. переселяться туда злополучнымъ казакамъ оренбургскаго войска, живущимъ между старою и новою линіею. Особенно желательно заселеніе мѣстности около Ходжента, въ Мурзарабатской степи, куда можно провести воду изъ Сыръ-дарьи. Работы по проведенію каналовъ и были начаты, но по настоящее время намъ неизвѣстно, къ какому они привели результату; неизвѣстно также, будутъ ли тамъ селиться русскіе или сарты.

Заселеніе Амурскаго края, самаго важнаго изъ русскихъ пріобрѣтеній XIX вѣка, началось съ 1855 года, когда водворено было нѣсколько крестьянъ по низовьямъ рѣки, и продолжалось съ особою дѣятельностью до 1860-го, послѣ котораго сколько нибудь значительнаго прилива русскихъ колонистовъ не было, такъ что теперь на всемъ протяженіи 11,000 кв. миль едва ли есть и 48,000 русскихъ, которые однако же одни обезпечиваютъ этотъ край за Россіею. Такое ничтожество результатовъ, достигнутыхъ имперіею съ восьмидесятимилліоннымъ населеніемъ въ двадцать четыре года, само по себѣ говоритъ очень убѣдительно, что вопросъ о заселеніи

Амура стоялъ и стоитъ доселѣ на ложной почвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не было сдѣлано столько отступленій отъ правилъ здравой политической экономіи, какъ при колонизаціи Амура. Въ 1-хъ число колонистовъ, *обязательно* разселенныхъ на протяженіи слишкомъ четырехъ тысячъ верстъ, совершенно не соотвѣтствовало обширности этого протяженія. Тутъ очевидно было отсутствіе сообразительности со стороны правительства, а можетъ быть и недостатокъ гражданскаго мужества у тѣхъ, которые руководили дѣломъ заселенія и боялись заявлять большія требованія на деньги въ Петербургѣ, чтобы не поколебать собственнаго положенія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Этого рода причины у насъ всегда много значутъ, и нужно имѣть авторитетъ князя Барятинскаго, чтобы не получать отказовъ въ деньгахъ на самыя настоятельныя государственныя надобности. Въ 2-хъ въ составъ переселенцевъ съ самаго почти начала вошли люди, отъ которыхъ нельзя было ожидать никакой пользы новому краю — опороченные и холостые солдаты, прославившіеся на Амурѣ подъ именемъ, „сынковъ,“ потому что ихъ распредѣляли по семьямъ женатыхъ людей въ роли сыновей-работниковъ. Муравьеву, при его умѣ и твердомъ характерѣ, непростительно было допустить эту язву въ новый край, въ угоду Сухозанету и Ла-

уницу, хотѣвшимъ очистить отъ негодяевъ гарнизонные батальоны. Штрафованные солдаты, въ числѣ слишкомъ 13,000, конечно, были не способны ни на что болѣе, какъ ѣсть даромъ казенный хлѣбъ, заниматься воровствомъ у мирныхъ жителей и посѣлять среди ихъ развратъ. Въ 3-хъ заселявшійся пустынный край, въ которомъ нельзя было находить ничего готоваго для удовлетворенія первыхъ потребностей осѣдлаго человѣка, не позаботились обезпечить продовольствіемъ по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ, какъ было напр. за Кубанью, а дали переселенцамъ хлѣба всего на 14 мѣсяцевъ, до первой жатвы, какъ будто было возможно въ одинъ годъ обстроиться, вспахать поля, запастись сѣномъ для скота и пр. Въ 4-хъ мѣста подъ селенія были выбраны по картѣ, на приблизительномъ разстояніи другъ отъ друга 25—30 верстъ, что дѣлалось съ цѣлью не основывать особыхъ почтовыхъ станцій, а наложить на вновь водворенныхъ поселенцевъ отправленіе почтовой гоньбы, что совершенно раззоряло ихъ, особенно въ небольшихъ селеніяхъ, гдѣ очередь возить почту и проѣзжихъ чиновниковъ приходила очень часто каждому переселенцу. Этотъ же выборъ мѣстъ по картѣ, безъ соображенія ихъ хозяйственныхъ удобствъ, привелъ къ тому, что нѣкоторыя селенія, подвергавшіяся наводненіямъ при

разливахъ Амура и Усури, приходилось потомъ переносить на другія мѣста, къ раззоренію колонистовъ. Въ 5-хъ—и самое главное—всѣ первые поселенцы на верхнемъ Амурѣ, до Усури, и вдоль по этой рѣкѣ сразу были подчинены самому скверному изъ всѣхъ русскихъ способовъ управленія — казачьему. Вмѣсто людей свободно трудящихся для устройства своего благосостоянія, получился въ результатѣ народъ, котораго каждый шагъ на этомъ пути парализировался вмѣшательствомъ власти, имѣющей грубо-военный характеръ и нерѣдко вполнѣ незнакомой съ условіями сельскаго быта. Превосходную характеристику этой власти дали переселенцы-сектанты, водворенные на лѣвой сторонѣ Зеи, верстахъ въ 60—70 отъ Благовѣщенска. Когда удивленный ихъ благосостояніемъ, обнаружившимся всего черезъ полтора—два года по водвореніи, губернаторъ Педашенко спросилъ ихъ: „отъ чего они живутъ лучше, чѣмъ казаки по Амуру, которые и поселены раньше, и имѣютъ подъ руками большую рѣку?“ — то эти раскольники отвѣчали: „а, батюшка ваше превосходительство, отъ того, что мы отъ начальства подальше.“ Въ 6-хъ когда наконецъ началось въ 1860 году водвореніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колоній гражданскихъ, то переселенцевъ, шедшихъ изъ за многихъ тысячъ верстъ, безсовѣстно

обманывали и даже водворяли внѣ Амура,, въ степяхъ западной Сибири, чѣмъ совершенно убили популярность Амура, въ народѣ. Въ 7-хъ управленіе важнѣйшею частью вновь присоединеннаго края, именно Приморскою область, ввѣрено было адмиралу, командовавшему портами и флотомъ, но конечно мало понимавшему дѣло колонизаціи. Этотъ администраторъ-морякъ, естественно, подчинялъ интересы края и его населенія интересамъ своего спеціальнаго вѣдомства. А до чего эта наклонность адмираловъ доходила, видно изъ того, что одинъ изъ нихъ, Кроунъ, предлагалъ вовсе бросить Усури и жителей съ нея переселить на морской берегъ, гдѣ бы уже они составили „область морскихъ колоній,“ исключительно подвѣдомственную морскому министерству. Наконецъ въ 8-хъ процвѣтанію амурскихъ поселеній сильно препятствовала ложная экономическая политика правительства. Опасаясь въ теченіе 2—3-хъ лѣтъ платить очень дорого колонистамъ за тотъ хлѣбъ, который они могли бы поставлять для войскъ, правительство стало посылать таковой изъ Забайкалья или даже изъ Кронштадта, кругомъ свѣта, вслѣдствіе чего у переселенцевъ не было никакого интереса развивать свое земледѣліе. Для послѣдняго остался одинъ исходъ: продавать случайные остатки отъ урожаевъ на винокуренный

заводъ, возникшій около Благовѣщенска. Такъ оно и случилось, при чемъ въ то время, когда въ Амурской области изъ амурскаго хлѣба курилось вино въ Усурійскомъ краѣ жителямъ нечего было ѣсть, и они прибѣгали за пособіями къ казнѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ слабыхъ сторонъ амурской колонизаціи не могли не обратить вниманія самаго правительства даже не смотря на то, что оно, уволивъ въ 1861 году Муравьева отъ управленія восточною Сибирью, почти перестало заниматься Амуромъ. Такъ въ видахъ усиленія земледѣльческаго населенія разрѣшено было, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, принимать бѣглыхъ корейцевъ, приходившихъ изъ-за Тумень-улы. Ихъ селили въ южноусурійскомъ краѣ и даже на среднемъ Амурѣ, и они оказались очень полезными, трудолюбивыми колонистами, такъ что напр. основанное ими на Амурѣ село Благословенное считается лучшею изъ всѣхъ колоній Амурскаго края. Но потомъ вдругъ вышло запрещеніе принимать ихъ, и усердіе пограничныхъ начальствъ, исполнявшихъ это распоряженіе, заходило такъ далеко, что они не затруднились сожигать живыми корейскихъ выходцевъ, появлявшихся въ нашихъ предѣлахъ. Другая мѣра къ увеличенію число переселенцевъ собственно въ Приморскомъ краѣ состояла въ основаніи колоній

финляндскихъ, въ мѣстностяхъ къ востоку отъ залива Петра Великаго; но эта мѣра имѣла печальный ходъ и исходъ. Именно, удѣльное вѣдомство, прослышавъ о богатствахъ Южносурійскаго края, вздумало было отобрать у государства въ пользу царской фамиліи лучшія земли въ долинѣ Сучана и на сосѣднихъ берегахъ Японскаго моря, и для того назначило къ отмежеванію себѣ даромъ 480,000 десятинъ. Потомъ купленъ былъ пароходъ Находка и на немъ отправлено изъ Балтійскаго моря нѣсколько переселенцевъ-финновъ, которыхъ, какъ соотечественниковъ, желалъ видѣть около себя тогдашній губернаторъ Приморской области, Фуругельмъ. Люди эти лѣтомъ 1869 года прибыли во Владивостокъ, но скоро увидѣли себя обманутыми. Ни домовъ, ни скота, ни земледѣльческихъ орудій, имъ обѣщанныхъ, они не нашли готовыми, а потому стали разбѣгаться. Пароходъ Находка также вскорѣ погибъ, и вообще колонизація не удалась. Тогда удѣльное вѣдомство возвратило въ казну взятыя было земли, но не даромъ, а за полмилліона рублей. Этимъ попытка императорской колонизаціи и кончилась, хотя за полмилліона государство могло бы перевести на Амуръ, Усури или къ берегамъ Японскаго моря до 1000 душъ со всѣмъ нужнымъ, чтобы ихъ тамъ отлично устроить.

Относительно выбора мѣстъ подъ колоніи съ теченіемъ времени произошли нѣкоторыя улучшенія, впрочемъ купленныя дорогою цѣною для переселенцевъ. Такъ 250 семействъ, водворенныхъ на Амурѣ, ниже Усури, среди болотъ, получили, послѣ трехлѣтнихъ бѣдствій, отъ генералъ-губернатора Корсакова право переселиться куда пожелаютъ,—и тогда ушли на свои теперешнія мѣста въ заханкайскій край, гдѣ наконецъ водворились не безъ удобствъ. Но другія слабыя стороны амурской колонизаціи исправляются не такъ успѣшно, и напримѣръ доселѣ еще не устроено вдоль линіи приамурскихъ селеній колесной дороги на всемъ протяженіи, хотя это могло быть достигнуто напр. помощію штрафныхъ солдатъ или арестантовъ, если уже вольнонаемный трудъ казался слишкомъ дорогимъ. Управленіе Приморскимъ краемъ все еще остается за начальникомъ Сибирской флотиліи, и какъ мѣстопребываніе его перенесено въ 1875 г. изъ Николаевска въ Владивостокъ, то есть на самую южную оконечность страны, простирающейся къ сѣверу до Берингова пролива, то понятно, что административныя условія развитія края не только не улучшились, а ухудшились. Предположеніе, возникшее въ самой правительственной средѣ, сдѣлать средоточіемъ управленія Хабаровку, а Владивостоку придать значеніе

исключительно военнаго и торговаго порта, встрѣтило сопротивленіе въ морскомъ министерствѣ и великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, которымъ естественно хочется удержать разъ полученную исключительную власть въ Приморскомъ краѣ, т. е. не допустить ни отдѣльнаго гражданскаго губернатора, ни отдѣльнаго начальника сухопутныхъ войскъ, которыя теперь сполна служатъ интересамъ морскаго вѣдомства. Передъ такимъ высокимъ авторитетомъ, какъ предсѣдатель государственнаго совѣта и братъ императора, конечно, склонились безмолвно министры военный, внутреннихъ дѣлъ и пр., потому что для нихъ избавленіе себя отъ непріятностей со стороны великаго князя, конечно, важнѣе благоустроенія какого-бы-ни-было края, а тѣмъ болѣе Амурскаго, до котораго такъ далеко и который, притомъ, не имѣетъ средствъ напоминать о себѣ въ Петербургѣ.

Мы съ намѣреніемъ остановились нѣсколько подробнѣе на амурской колонизаціи, потому что она болѣе, чѣмъ всякая другая, показываетъ неразумность исключительно административнго руководства во всякомъ большомъ національномъ предпріятіи. Очевидно, что не таково было бы заселеніе Амура, если бы съ самаго начала обнародованы были о немъ достаточныя свѣдѣнія и затѣмъ предоставленъ свободный доступъ каждому, кто хотѣлъ бы тамъ водвориться, какъ колонистъ

свободный, сполна распоряжающійся своими силами. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы на Амурѣ не было казачьяго управленія, то первые поселенцы благоденствовали бы теперь болѣе, чѣмъ жители какой-либо части Россіи, потому что естественныя богатства страны огромны. Трудно, наконецъ, допустить, чтобы администрація важнѣйшей части Амурскаго края, именно прибрежьевъ Японскаго края и Усури, была хуже, если бы она находилась въ рукахъ не морскаго вѣдомства, вовсе для управленія неподготовленнаго..... Исторія обязана дѣлать подобныя замѣчанія, чтобы быть поучительной.

Но если амурская колонизація имѣетъ много слабыхъ сторонъ, то все же ее нельзя сравнивать по результатамъ, по самому исполненію и тѣмъ болѣе по руководящимъ принципамъ съ печальною колонизаціею Сахалина. Островъ этотъ до настоящаго времени имѣетъ лишь двоякое значеніе: стратегическое въ томъ смыслѣ, что запираетъ входъ въ Амуръ, и экономическое, въ смыслѣ каменноугольныхъ богатстствъ, на немъ находящихся. По климату своему и по растительной и животной природѣ онъ напоминаетъ губерніи архангельскую, олонецкую и вологодскую, отчасти костромскую. Туземное населеніе, которое мы застали тамъ (и которое нынѣ большею частію ушло въ Японію отъ

нашихъ „порядковъ“), занималось исключительно звѣриною и рыбною ловлею, а произведенія земледѣлія и мануфактуръ получало отъ японцевъ. Такимъ образомъ сама природа указывала намъ, что̀ тамъ дѣлать: занять укрѣпленіемъ точку, лежащую у самаго узкаго мѣста Татарскаго пролива, предоставить людямъ промышленнымъ завести каменноугольныя разработки, обезпечивъ имъ на нѣсколько лѣтъ сбытъ добытаго угля во флотъ, который въ немъ нуждается, и не стѣсняя въ выборѣ рабочихъ; вызвать изъ архангельской и др. губерній переселенцевъ-рыболововъ и звѣролововъ и указать имъ для водворенія важнѣйшія мѣстности на островѣ: въ заливѣ Анивскомъ, у Кусуная, Мануэ и т. п. Но ничего этого не случилось, а сдѣлано все совершенно противно. Мѣстность у Погоби, т. е. противу мыса Лазарева, осталась незанятою; каменноугольныя копи стали обработываться казною и притомъ при помощи не вольно-наемныхъ рабочихъ, а каторжныхъ, которыхъ приводили сюда изъ Европейской Россіи черезъ всю Сибирь, такъ что эти изнуренные и стало быть плохіе рабочіе обходились государству дороже потѣшныхъ кавалергардскихъ солдатъ; свободныхъ колонистовъ водворяли не у морскихъ береговъ, а внутри острова, на Такоѣ, гдѣ хотѣли сдѣлать изъ нихъ земле-

пащевъ, сѣящихъ даже пшеницу, хотя на островѣ только что можетъ родиться ячмень или вазаская рожь. Да и этихъ злополучныхъ колонистовъ не надѣлили во время ни сѣменами, ни рабочимъ скотомъ. Когда же опытъ ихъ доказалъ безнадежность свободнаго земледѣлія, то, въ видахъ доставленія хлѣба каторжнымъ и стороживщимъ ихъ солдатамъ, чиновники, пріѣзжавшіе изъ Петербурга, сочинили проэктъ устройства сельско-хозяйственныхъ фермъ, управляемыхъ ими, чиновниками, и обработываемыхъ каторжными же, подъ надзоромъ вооруженныхъ солдатъ! На этихъ фермахъ, для удовольствія гг. управителей, должны были быть заведены, на казенный счетъ, куры, гуси, индѣйки и т. п., для чего были составлены штаты этой дворовой птицѣ и опредѣлены издержки на ея пріобрѣтеніе. Частные люди, попытавшіеся было завести каменноугольныя разработки на Сертунаѣ, были вытѣснены подъ предлогомъ, что они привозятъ на островъ иностранныхъ рабочихъ, китайцевъ, хотя русскихъ тамъ нѣтъ. Мало того; когда опытъ доказалъ, что казенная администрація каменноугольныхъ коней хлопотлива и убыточна, то ее передали — конечно за взятку — откупщику изъ чиновниковъ,[1])

[1]) Надв. сов. Бутковскому, обязавшемуся подвозить каторжнымъ продовольствіе и, конечно, потомъ неисполнившимъ этого

предоставивъ ему въ безусловное распоряженіе и несчастныхъ, безотвѣтныхъ рабочихъ каторжниковъ, которые такимъ образомъ должны были, какъ нѣкогда негры въ Америкѣ, работать въ кандалахъ на корыстнаго эксплуататора, которому жалѣть ихъ было нечего, потому что правительство обязалось не оставлять его безъ рабочаго... очевидно уже не люда, а скота..... Не сомнѣваемся, что потомки наши, даже очень недальніе, съ удивленіемъ и негодованіемъ будутъ читать эти строки; но въ нихъ—одна строгая истина. Объясняется же нелѣпость всѣхъ этихъ фактовъ тѣмъ, что участь Сахалина была сполна въ рукахъ бюрократіи, которая *для себя* и придумала довольно выгодныя комбинаціи, напр. фермы съ безотвѣтными рабочими. Этой бюрократіи, которой девизомъ всегда и вездѣ было знаменитое изрѣченіе одного французскаго короля: après nous le déluge, совѣсть, конечно, ни разу не подсказала, что насаждаемое ею зло будетъ давать себя чувствовать долгое время и Сахалину, и вообще Россіи. Она на столько безсердечна, что назначила къ переселенію на Сахалинъ ежегодно по 800 человѣкъ ссыльныхъ, хотя собственно для ка-

обязательства при первомъ удобномъ случаѣ, почему мука на Сахалинъ и донынѣ (1878) доставляется казною, обходясь ей по 2 р. 10 к. за пудъ!

менноугольныхъ работъ требовалось не болѣе 370-ти:[1]) остальные, очевидно, предполагались для ея личныхъ послугъ, для эксплуатаціи казны при ихъ перевозкѣ на Сахалинъ и содержаніи тамъ, и наконецъ *въ запасъ*, по случаю огромной смертности между рабочими, которыхъ иногда предписивалось кормить червивою солониною, промывъ ее предварительно морскою водой,[2]) и которыхъ часто разсылали по окрестной странѣ добывать въ пищу растительныя коренья!...

Остановимся однако же въ дальнѣйшемъ изображеніи мрачныхъ сторонъ сахалинской колонизаціи, пожалѣемъ, что въ ней нѣтъ ничего свѣтлаго, что бы хоть сколько нибудь уравновѣшивало этотъ мракъ, и заключимъ однимъ выводомъ. При первой войнѣ съ Англіею намъ, вѣроятно, придется оставить Сахалинъ, не имѣющій осѣдлаго русскаго населенія и возможности содержать солдатъ, нужныхъ для его защиты. Тогда, наконецъ, правительство сознаетъ ложность системы, имъ принятой въ этой странѣ; сознаетъ, но будетъ уже поздно. Выходъ изъ Амура, а вѣроятно и господство надъ южно-

[1]) Цифра эта была опредѣлена начальникомъ перчинскихъ горныхъ заводовъ Дейхманомъ, соотвѣственно тому количеству угля, которое могло имѣть обезпеченный сбытъ въ Николаевскѣ и Владивостокѣ.

[2]) Распоряженіе губернатора, адмирала Фуругельма въ 1868 г.

усурійскимъ краемъ помощью занятія одного изъ его портовъ (напр. зал. Посьета), перейдутъ въ руки главнаго, историческаго и безпощаднаго врага народа русскаго.

Колонизація, какъ средство укрѣпленія за страною новыхъ окраинъ, была употребляема нами послѣ 1855 года не въ однѣхъ новоприобрѣтенныхъ земляхъ, а и въ нѣкоторыхъ старыхъ нашихъ владѣніяхъ, гдѣ на необходимость ея указывали обстоятельства. Такъ послѣ восточной войны, которая показала ненадежность татарскаго населенія Крыма, мы пробовали заселить этотъ полуостровъ болѣе надежными людьми; но не только не имѣли успѣха, а понесли большое нравственное пораженіе. Даже пришедшіе въ 1860-61 г. изъ Турціи болгары, познакомясь съ нашими чиновничьими порядками, поспѣшили оставить благодатныя мѣста, которыя указывались имъ для водворенія. Заселенію же Крыма русскими колонистами постоянно противилась плантаторская партія въ Петербургѣ, потому что она боялась и боится больше всего допустить свободный отливъ крестьянъ изъ русскихъ губерній, чтобы не потерять дешевыхъ работниковъ въ своихъ имѣніяхъ. Отговоркою же обыкновенно служило, что русскіе будто бы не умѣютъ заниматься садоводствомъ и винодѣліемъ, которыя со-

ставляютъ главные промыслы въ странѣ, хотя собственно этими промыслами занимаются лишь жители южнаго берега и долинъ Салгира, Алмы, Бельбека и Качи. Что касается до западныхъ окраинъ, населенныхъ поляками, литвинами, нѣмцами и эстами, то здѣсь за исключеніемъ Муравьева, покровительствовавшаго немногочисленнымъ старовѣрамъ, о русской колонизаціи никто и не думалъ. Напротивъ; въ провинціи эти былъ открытъ широкій доступъ инородческимъ элементамъ, особенно нѣмецкому, а чехи призывались даже самимъ правительствомъ. Въ прибалтійскомъ краѣ о русской колонизаціи не могло быть и рѣчи, потому что она была бы противна интересамъ тамошнихъ бароновъ, которые безпрестанно поглядываютъ на Пруссію и больше всего боятся водворенія среди покорныхъ имъ латышей и эстовъ русскаго крестьянства съ его мірскими порядками и общиннымъ землевладѣніемъ. А что до Финляндіи, то тамъ само мѣстное правительство, конечно съ согласія своего великаго князя, т. е. русскаго императора, позаботилось объ изгнаніи изъ страны даже тѣхъ слабыхъ зачатковъ водворенія русскаго элемента, которые тамъ были насаждены Петромъ Великимъ и нѣкоторыми изъ его преемниковъ. Сеймъ ассигновалъ особыя суммы на покупку у русскихъ по-

мѣщиковъ, тѣхъ имѣній, которыми они владѣли на финляндской почвѣ, а въ Гельсингфорсѣ русскіе подвергались и подвергаются оскорбленіямъ за свою національность. До чего же эти оскорбленія достигаютъ, видно изъ того, что русскіе не смѣютъ устроивать на улицахъ церковныхъ процессій безъ того, чтобы студенты университета да и вообще мѣстные жители не сдѣлали демонстраціи скандальнаго характера. Подъ вліяніемъ такого гнета сами водворившіеся на жительство въ этомъ городѣ русскіе купцы говорятъ преимущественно по шведски, и даже называютъ между ними одного такого, который вовсе незнаетъ русскаго языка и ходитъ на исповѣдь къ русскому священнику съ переводчикомъ... Словомъ, на западныхъ окраинахъ, гдѣ Екатерина и Николай такъ заботились о водвореніи русскаго элемента, происходилъ въ наше время отливъ его и водвореніе элементовъ чуждыхъ особенно нѣмецкаго, такъ какъ въ Польшу и югозападный край переселялось ежегодно до 40,000 нѣмцевъ, и только введеніе всеобщей воинской повинности въ 1874 году нѣсколько остановило этотъ наплывъ германизма.

Въ отдѣльно-формулированныхъ выводахъ этотъ обзоръ заселенія окраинъ Россіи едвали нуждается...

Политическое объединеніе окраинъ.

Сдѣлать завоеваніе легко, но удержать его трудно: нужно умѣнье.
Политическая аксіома.

Вопросъ о колонизаціи окраинъ, на которомъ мы остановились въ предыдущей главѣ, приводитъ насъ къ необходимости сдѣлать общій очеркъ и другихъ средствъ прикрѣпленія послѣднихъ къ основному государственному ядру. Этихъ средствъ много, начиная съ самыхъ матеріальныхъ, въ родѣ устройства укрѣпленій и путей сообщенія, и кончая чисто идеальными, въ родѣ установленія единства въ гражданскихъ правахъ, въ образованіи, нравахъ и политическихъ симпатіяхъ населеній. Задача наша, поэтому, очень обширна и могла бы стать предметомъ особаго сочиненія; но мы коснемся здѣсь только самыхъ главныхъ сторонъ ея и притомъ исключительно съ политической точки зрѣнія, отвѣчая на вопросъ: что совершилось, въ теченіе 1855—78

годовъ, важнаго для объединенія или будущаго отпаденія окраинъ? разумѣя при томъ подъ словомъ объединеніе не руссификацію, для многихъ частей государства едва ли возможную, а только болѣе или менѣе тѣсную политическую связь, въ поддержаніи которой есть интересъ и для исконной Россіи, и для страны пріобрѣтенной ею извнѣ.

Начнемъ, въ географическомъ порядкѣ, съ *Финляндіи*. Страна эта, какъ извѣстно, отторгнута русскимъ оружіемъ отъ Швеціи и не имѣетъ для Россіи другаго значенія, какъ стратегическаго гласиса по отношенію къ Петербургу; такъ что не будь послѣдній столицею Россіи, никогда конечно ни одному русскому не пришло бы въ голову присоединять обширный, но бѣдный отъ природы и чуждый по народности край. Петръ Великій, который основалъ Петербургъ, поэтому и не заботился идти къ сѣверозападу отъ него далѣе Выборга; Екатерина, не смотря на побѣды надъ Швеціею, не отняла у нея ни клочка финской земли. Но завоеватели въ родѣ Александра I, честолюбивые романтики, воображавшіе себя великими политиками, но въ сущности не понимавшіе выгодъ своей націи, нашли нужнымъ завоевать Финляндію до Торнео. Мало того; тотъ же Александръ, любившій рисоваться передъ Европой либерализмомъ, создалъ изъ Финляндіи отдѣльное

отъ Россіи государство, котораго только „престолъ нераздѣленъ съ престоломъ Россійской имперіи.“ Онъ, управлявшій по-аракчеевски своимъ собственнымъ народомъ, нашелъ нужнымъ имѣть въ Финляндіи сеймъ народныхъ представителей; и хотя это то же была комедія, потому что скоро сеймъ пересталъ созываться; но тѣмъ не менѣе и въ сознаніи финляндскаго народа, и въ его государственномъ правѣ осталось неизгладимымъ положеніе, что Финляндія только имѣетъ своего великаго князя въ лицѣ русскаго императора, но съ Россіею ничѣмъ другимъ не связана, и по политическимъ правамъ своимъ стоитъ выше ея. Особенно убѣдительнымъ доказательствомъ послѣдняго являлось то, что, смотря на имперію, какъ на крѣпостное имѣніе, Александръ I оторвалъ отъ нея то, что было присоединено Петромъ и его дочерью, и отдалъ въ составъ новаго княжества. Такимъ образомъ вопросъ о прикрѣпленіи Финляндіи къ Россіи былъ въ самомъ началѣ поставленъ на очень своеобразную почву и, можно сказать, что эта почва приготовляла не объединеніе, а распаденіе двухъ государствъ. Николай I, довольный тѣмъ, что финляндцы „сидятъ смирно,“ т. е. не бунтуютъ, какъ поляки, не сдѣлалъ рѣшительно ничего къ измѣненію этого порядка вещей, а Александръ II, черезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи на

престолъ (въ 1863), рѣшился даже, въ подражаніе дядѣ, снова поиграть въ либералы и собрать въ Гельсингфорсѣ финляндскій сеймъ, къ которому отнесся, уважая щекотливость финляндцевъ, съ тронною рѣчью не по русски, а по французски, пообѣщавъ и впредь прибѣгать къ его совѣтамъ. Разумѣется, финнамъ и шведамъ это понравилось; они дѣлали „великому князю“ овацiи; но очарованіе длилось не долго. На важнѣйшія законодагельныя реформы, напр. о свободѣ печати, наложено было veto и тогда „вѣрные“ финляндцы, разумѣется, выразили неудовольствіе. На это имъ отвѣчали новою рѣчью, полицейски-наставительнаго характера и сказанною по-русски, вѣроятно для того, чтобы показать, что на этомъ языкѣ можно только браниться..... Соотвѣтственно такому взгляду на все русское самаго правительства держутъ себя и финляндцы, такъ что даже тѣ изъ нихъ, которые знаютъ русскій языкъ, отказываются говорить на немъ въ предѣлахъ княжества, особливо въ случаяхъ оффиціальныхъ. Бургомистръ города Выборга, напримѣръ, однажды, при проѣздѣ генералъ-губернатора Адлерберга, рапортовалъ ему по шведски, а когда тотъ объявилъ, что не знаетъ этого языка, то по французски, и графу нужно было сказать громко своему адъютанту: „передайте этому господину, что

если онъ къ возвращенію моему изъ Петербурга не выучится по-русски, то будетъ замѣщенъ другимъ лицомъ," — чтобы почтенный сановникъ дѣйствительно выучился по русски..... въ недѣлю! — Сеймъ финляндскій, открытіе котораго въ 1863 году было встрѣчено въ Россіи съ сочувствіемъ, успѣлъ въ первую же сессію возбудить много горечи въ русскихъ. Въ рѣчахъ ландмаршала Норденстама и архіепископа абоскаго Бергенгейма при принятіи присяги, въ проповѣди пастора Берга предъ открытіемъ сейма звучало явное нерасположеніе къ Россіи и желаніе казаться отдѣльнымъ государствомъ, связаннымъ съ имперіею только царствующею династіею. Это стремленіе все ярче выразалось съ постепеннымъ ходомъ занятій сейма. Такъ дворянство съ трудомъ и оговорками допустило къ засѣданію адмирала Шварца, дворянъ Бруна и Углу, даже не допустило ихъ сначала къ засѣданію, на томъ основаніи, что они служатъ *за-границею*, т. е. въ Россіи. Шведы и финны, особенно первые, намѣренно забывали, что финляндскій сеймъ есть созданіе русскаго правительства, что подъ властію Швеціи Финляндія составляла простую провинцію и отдѣльнаго сейма не имѣла. — Позднѣе, въ 1878 году, когда у Россіи готовился разрывъ съ Англіею, финляндцы громко выражали сожалѣніе, что не могутъ остаться нейтральными, что

война за русскіе интересы убьетъ ихъ торговое мореплаваніе и раззоритъ берега. О томъ, какъ относилось финляндское правительство къ русскимъ землевладѣльцамъ въ княжествѣ, мы уже упомянули въ другомъ мѣстѣ; такъ что едва ли можно сомнѣваться, что при первой европейской коалиціи противъ Россіи, съ участіемъ Швеціи, Финляндія возсоединится съ послѣднею... Русскій народъ, по нашему глубокому убѣжденію, можетъ только радоваться этому, потому что съ одной стороны отпадетъ отъ него вассалъ, котораго нерѣдко нужно бываетъ кормить, безъ всякой для Россіи пользы и даже не видя благодарности, а съ другой правительство volens nolens должно будетъ оставить Петербургъ, въ смыслѣ „окна въ Европу,“ замѣненный нынѣ Вержболовымъ, а въ смыслѣ столицы, служащій только къ раззоренію Россіи и къ тому, чтобы имѣть правительство, не знающее своей страны и не любящее ея.

Правительство Александра II, однако, не раздѣляло этого взгляда и заботилось о сохраненіи Финляндіи если не съ Россіею, то „за великимъ княземъ финляндскимъ,“ царствующимъ въ Петербургѣ, для чего постоянно держало тамъ, на счетъ имперіи, до 20,000 войскъ. Крѣпость Свеаборгъ всегда была сильно вооружена и снабжена запасами

опять таки на счетъ Россіи, а не Финляндіи, столицу которой она защищаетъ. Когда въ княжествѣ случался голодъ,—а это было не разъ,—тогда изъ Россіи бывала отправляема помощь хлѣбомъ и деньгами. Финляндскому, т. е. шведскому дворянству былъ широко открытъ доступъ въ ряды офицеровъ и чиновниковъ имперіи, гдѣ они составляли себѣ хорошее общественное положеніе, а иногда и состояніе. Но какъ эти выгоды не дѣлали ихъ приверженцами Россіи, и, напротивъ, именно дворянство Финляндіи постоянно стояло во главѣ партіи, тяготѣющей къ Швеціи; то, чтобы создать противовѣсъ ему, правительство нашло полезнымъ поддержать значеніе собственно народнаго или финскаго элемента, къ которому принадлежатъ всѣ крестьяне и значительнѣйшая часть другихъ обитателей страны. Съ этою цѣлью обращено было особое вниманіе на развитіе финскихъ школъ, на расширеніе сферы употребленія финскаго языка; но другихъ, серьезныхъ, особенно экономически-соціальныхъ, мѣръ къ проведенію принципа divide et impera не принималось, и потому, если финны, т. е. огромное большинство обитателей страны, нынѣ сознаютъ свою національность, т. е. отличаютъ себя отъ шведовъ; то все еще поклоненіе передъ шведской интеллегенціей очень сильно и въ крестьян-

ствѣ, и въ массахъ горожанъ; сочувствія же къ Россіи нѣтъ.

Подготовка къ отпаденію отъ Россіи совершалась и по южную сторону Финскаго залива, т. е. въ *остъ-зейскихъ губерніяхъ;* и какъ явленіе это гораздо важнѣе для русскаго народа здѣсь, чѣмъ въ Финляндіи, то мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Немедленно по вступленіи на престолъ императоръ Александръ II, конечно въ угоду „вѣрной“ остзейской шляхтѣ, особыми грамотами подтвердилъ исключительныя права и привиллегіи трехъ прибалтійскихъ губерній, чѣмъ самымъ призналъ ихъ особое положеніе въ строѣ имперіи, вопреки своей мудрой прабабкѣ, Екатеринѣ, которой однако же обѣщалъ подражать. При этомъ онъ даже не вспомнилъ, что одною изъ сказанныхъ привиллегій было предоставлено остъ-зейскому дворянству не допускать въ свой составъ дворянъ русскихъ и не дозволять имъ пріобрѣтать въ прибалтійскомъ краѣ земель, тогда какъ сами остъзейскіе шляхтичи широко пользовались своими дворянскими правами въ русскихъ губерніяхъ. Не вспомнилъ и о томъ, что въ городахъ прибалтійскаго края, напр. въ Ригѣ, десятки тысячъ жившихъ тамъ русскихъ, т. е. членовъ „господствующей“ націи, не пользовались многими гражданскими правами мѣстныхъ горожанъ нѣмцевъ,

и т. п. Мало того. Не далѣе 5 іюля 1856 года было утверждено положеніе о крестьянахъ эстляндской губерніи, которымъ эти soi-disant свободные люди были совершенно отданы въ руки помѣщиковъ, получившихъ право перегонять ихъ съ одного участка земли на другой по своему усмотрѣнію. Когда же, вслѣдствіе такого „порядка,“ раззоренные эсты попробовали уходить съ родины въ болѣе удобныя мѣста Россіи, то ихъ хватали на дорогѣ и возвращали домой, чтобы не лишить бароновъ дешевыхъ рабочихъ рукъ. Подобное же явленіе, — нѣсколько, впрочемъ, отличавшееся подробностями, — было и въ Лифляндіи, при чемъ, когда латыши отправили въ Петербургъ депутацію съ жалобою на корыстное поведеніе съ ними баронства, то депутаты не только не были допущены, но подверглись публичнымъ оскорбленіямъ. Защитникъ интересовъ прибалтійскаго крестьянства, Шафрановъ, предсѣдатель мѣстной палаты государственныхъ имуществъ, былъ удаленъ со службы въ прибалтійскомъ краѣ за то, что устроивалъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ батраковъ, чрезъ что возвышалъ цѣну на рабочія руки въ помѣщичьихъ хозяйствахъ и, что еще непріятнѣе для нѣмецкихъ бароновъ, внушалъ батракамъ привязанность къ Россіи. — Другой русскій дѣятель, архіерей Платонъ, поплатился такимъ же изгнаніемъ

изъ Риги за то, что былъ усерденъ къ утвержденію въ своей паствѣ православія. Извѣстно, что въ 1840-хъ годахъ, при генералъ-губернаторѣ Головинѣ, многіе латыши и эсты, въ надеждѣ пріобрѣсти серьезное за себя заступничество русскаго правительства противу нѣмецко-лютеранской шляхты, приняли православіе. Движеніе это, поддержанное Головинымъ и самимъ Николаемъ, только что передъ тѣмъ обратившимъ въ православіе уніатовъ, росло довольно сильно и внушало большія опасенія остзейскимъ нѣмцамъ. Силою интригъ они успѣли опрокинуть Головина, и тогда движеніе остановилось. Но разъ перешедшіе въ греческую вѣру лютеране, въ свое время, какъ извѣстно, крещенные огнемъ и мечемъ въ католики, а потомъ экономическими прижимками — въ протестанты, остались православными, и архіерей Платонъ естественно долженъ былъ заботиться какъ о томъ, чтобы они утверждались въ своей новой вѣрѣ, такъ и о томъ, чтобы не совращались ни въ какую другую, какъ того требуетъ положительный законъ имперіи. Мѣстные пасторы и администрація, сплошь составленная изъ лютеранъ, сильно негодовали на такое вторженіе въ ихъ жизнь одного изъ историческихъ элементовъ жизни русской и потому дѣлали все возможное во вредъ дѣятельности Платона. И когда наконецъ ста-

раніями ихъ этотъ архіерей былъ переведенъ въ Новочеркаскъ, тогда торжество ихъ и униженіе значенія Россіи въ глазахъ народныхъ массъ остзейскаго края было полное. [1])

Такъ-какъ сепаратизмъ остъ-зейскихъ нѣмцевъ поддерживается и укрѣпляется воспитаніемъ части ихъ въ Германіи, а большинства въ основанномъ русскимъ правительствомъ семьдесятъ лѣтъ назадъ нѣмецкомъ университетѣ въ Дерптѣ (нѣкогда русскомъ городѣ Юрьевѣ), то министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой пробовалъ-было заняться реформой этого государственнаго учрежденія въ смыслѣ согласованія его правъ и обязанностей съ другими подобными заведеніями въ имперіи. Разумѣется, зная силу нѣмцевъ при санктъ-петербургскомъ дворѣ, русскій министръ и не думалъ отваживаться на какія-нибудь радикальныя мѣры, въ родѣ напр. введенія въ университетъ лекцій на русскомъ языкѣ или прекращенія вызова профессоровъ изъ Германіи; но ему казалось, что кое-что для ослабленія антирусскаго направленія главной остъ-зейской школы

1) Этому торжеству остъ-зейцевъ немало помогъ свиты генералъ-гр. Бобринскій, посланный на дознаніе о томъ, на сколько латыши и эсты тверды въ православіи, и на основаніи одного-двухъ фактовъ донесшій, что общее желаніе народа быть одной вѣры съ «господами,» конечно потому, что послѣдніе систематически притѣсняли православныхъ крестьянъ въ пользу единовѣрцевъ.

можно сдѣлать. Уже одно нахожденіе ея въ маленькомъ уѣздномъ городѣ, когда сосѣдняя Рига, со стотысячнымъ населеніемъ, оставалась безъ высшаго учебнаго заведенія, внушало мысль о переводѣ дерптскаго университета именно въ Ригу, гдѣ атмосфера не такъ баронски-феодальна и гдѣ, кромѣ того, есть 40,000 русскихъ. Были и другія обстоятельства, касавшіяся дерптскаго сѣдалища нѣмецкой науки, о которыхъ графу Толстому казалось не безполезнымъ доложить русскому императору. Онъ и доложилъ; но на докладѣ послѣдовала высочайшая резолюція въ такомъ смыслѣ, что это дѣло одного монарха улаживать интересы разноплеменныхъ его подданныхъ по внушенію его личнаго разума. „Ты государь, или я?“—строго замѣтилъ императоръ Александръ министру, осмѣлившемуся думать, что онъ служитъ Россіи, предлагая мѣры не совсѣмъ во вкусѣ остъ-зейскихъ нѣмцевъ..... Впрочемъ, все-таки пришлось удалить съ кафедры исторіи профессора Ширрена, который внушалъ молодымъ баронамъ, своимъ слушателямъ, что остъ-зейскія „княжества“ не простая составная часть Россіи, а земля, связанная съ послѣднею лишь „капитуляціями“ временъ завоеванія края Шереметевымъ, т. е., что у остъзейцевъ есть свое государственное право, отличное отъ русскаго. Въ виду событій 1864 года въ Да-

ніи, отъ которой на основаніи подобнаго же ученія отторгнуты были нѣмцами Голштинія и даже Шлезвигъ, эта ширреновская теорія получала особое значеніе и не понравилась даже въ Зимнемъ дворцѣ. А сотвѣтственно этому императору Александру пришлось лично напомнить остзейской шляхтѣ и бюргерству, во время пребыванія въ Ригѣ, что они—русскіе подданные.....

Большую и заслуженную извѣстность пріобрѣла полемика по „балтійскому вопросу,“ веденная Юр. Самаринымъ противу упомянутаго сейчасъ Ширрена и другихъ остъ-зейскихъ сепаратистскихъ писателей: Бока, Экгардта, Юнга-Штиллинга и пр. Намъ нѣтъ нужды здѣсь напоминать ея подробности; но довольно сказать, что Самаринъ едва ли не первый раскрылъ русскому обществу серьезную опасность отъ германизаціи прибалтійскаго края, въ наше время совершавшейся съ большимъ успѣхомъ и съ прямою цѣлью подготовить соединеніе этого края съ Германіею, которая тѣмъ временемъ успѣла слиться въ одно грозное цѣлое. Самаринъ же указалъ и ту почву, на которой Россія можетъ разстроить планы нѣмецкихъ бароновъ, именно на необходимость устроить судьбу латышей и эстовъ по образцу крестьянъ русскихъ и польскихъ, надѣленіемъ ихъ землею, съ выкупомъ послѣдней у помѣщиковъ правительствомъ. Но по-

лемика эта скоро была запрещена, по крайней мѣрѣ для одной стороны, русской, потому что остъ-зейскіе бароны продолжали издавать за границею самые непріязненные Россіи памфлеты, находившіе свободный доступъ въ Ригу и пр., тогда какъ самаринскія „Окраины Россіи,“ печатанныя въ Прагѣ и Берлинѣ, были у насъ запрещены.

Будущему историку Россіи въ XIX вѣкѣ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, необходимо будетъ остановиться со вниманіемъ на трудахъ Самарина, т. е. какъ на его „Окраинахъ,“ такъ и на рядѣ мелкихъ статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ. Тамъ найдетъ онъ указанія и на дѣятельность тѣхъ русскихъ сановниковъ (Суворова, Ливена, Шувалова, Альбединскаго и пр.) которые долгое время поставлялись въ Ригѣ по теоріи представителями русской власти, на дѣлѣ — представителями балтійскаго сепаратизма, пока наконецъ правительство не догадалось, со смертію кн. Багратіона, упразднить самую должность прибалтійскаго генералъ-губернатора, къ немалому испугу мѣстныхъ феодаловъ и бюргеровъ. Къ сожалѣнію, Самарину, какъ человѣку частному, были недоступны многіе факты, рѣзко характеризующіе тонъ отношеній прибалтійскихъ генералъ-губернаторовъ къ остъ-зейскимъ баронамъ, столь сильнымъ въ Зимнемъ двор-

цѣ. Мы напомнимъ здѣсь одинъ изъ подобныхъ фактовъ. Однажды, на свѣтлое воскресенье, графъ Шуваловъ принималъ, по обыкновенію, поздравленія отъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ и дворянъ. Бароны, конечно, занимали лучшую залу, и съ ними графъ былъ очень любезенъ. А когда наконецъ ему пришлось снизойдти до принятія поздравленія отъ офицеровъ своихъ войскъ, то онъ оказалъ имъ до такой степени холодный и надменный пріемъ, что начальникъ дивизіи, Лихутинъ, пріѣзжалъ потомъ требовать отъ него удовлетворенія чести своихъ подчиненныхъ и, разумѣется, не получивъ его, долженъ былъ выйдти въ отставку.

Мы сказали сейчасъ, что правительство, видя, куда тянутъ, подъ покровомъ своихъ привиллегій, остзейскіе нѣмцы, рѣшилось лишить ихъ части этихъ привиллегій и на первый разъ уничтожило прибалтійское генералъ-губернаторство. Мѣра эта была собственно отрицательною; но ея значеніе живо было почувствовано баронами, которые немедленно послали къ императору Александру своихъ предводителей требовать объясненій. Императоръ, по возможности, ихъ успокоилъ. Но не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ рѣшено было ввести въ прибалтійскихъ городахъ обще-русское городовое положеніе, которое гораздо либеральнѣе феодальныхъ хартій Риги, Ре-

веля и пр. Возстать открыто нѣмцы не посмѣли; но на произведенныхъ выборахъ гласныхъ въ думы и разныхъ городскихъ властей употребили всѣ усилія провести исключительно своихъ людей. И когда наприм. въ Ревелѣ на первомъ засѣданіи новой думы одинъ гласный вздумалъ заговорить по русски, то предсѣдатель спросилъ его: развѣ онъ не знаетъ по нѣмецки? — О томъ, что магистраты и суды, вопреки многократнымъ распоряженіямъ, отказывались переписываться съ русскими начальствами, даже съ самими губернаторами, по русски, мы уже и не говоримъ: случаи эти слишкомъ обыкновенны. Въ 1878 году правительство предложило курляндскому ландтагу на разсмотрѣніе проэктъ закона о введеніи въ губерніи земскихъ, т. е. всесословныхъ учрежденій: ландтагъ, конечно, забраковалъ проэктъ, и правительство, по видимому, нисколько не обидѣлось. Курляндская шляхта вѣдь не московское дворянство, на которое можно кричать, ударяя кулакомъ по столу, какъ было то сдѣлано въ 1858 году императоромъ Александромъ въ Кремлѣ, по случаю крестьянской реформы.

Словомъ, никакихъ рѣшительныхъ, настойчивыхъ мѣръ къ слитію прибалтійской окраины съ собственно-Россіею въ 23 года, протекшіе со времени крымской войны, принято не было, и трп остъ-зейскія гу-

берніи стоятъ теперь едва ли не дальше отъ всего русскаго, чѣмъ было сто лѣтъ назадъ, при Екатеринѣ II, которая хотя была природная нѣмка, но не забывала, что прежде всего она—русская императрица. Извѣстно, что она на одно изъ ходатайствъ балтійской шляхты о какихъ то привиллегіяхъ отвѣчала въ такихъ выраженіяхъ, что отбила у бароновъ охоту къ повторенію подобныхъ ходатайствъ.*) При ней прибалтійскія губерніи управлялись на основаніи общихъ положеній; при ея дворѣ почти не было вліятельныхъ нѣмцевъ. Нынѣ не то: гвардейскіе полки даются исключительно нѣмцамъ, какъ людямъ „болѣе надежнымъ," которые „лучше служатъ," а въ составѣ государственнаго управленія и двора остъ-зейскимъ баронамъ отведено слѣдующее число мѣстъ:

Членовъ государственнаго совѣта	13	или 24%
Сенаторовъ	55	„ 35%
Генералъ-адютантовъ . . .	46	„ 45%
Геневалъ-губ. и команд. войсками	7	„ 46%
Придворныхъ чиновъ 1 и 2 клас.	22	„ 20%

Если бы балтійскія губерніи доставляли на выс-

*) Просьба остъ-зейцевъ, подапная Екатеринѣ, была только повтореніемъ подобной же, принесенной Петру I, который написалъ лаконическую резолюцію: «не хотятъ ли они...?» А я, какъ женщина, и этого не могу имъ дать, замѣтила игривая пріятельница Вольтера.

шія государственныя должности число людей пропорціональное ихъ населенности, то эти 20—46% были бы сведены на 3—4%. Отсюда понятно, что князь Бисмаркъ былъ въ правѣ не желать отнятія у Россіи остъ-зейскихъ провинцій силою, говоря, что онѣ при теперешнемъ положеніи полезнѣе для германизма, чѣмъ если бы перешли въ составъ Пруссіи. Вѣдь петербургская имперія управляется ими и слѣд. никогда не сдѣлаетъ ничего противнаго интересамъ Германіи. При томъ же гораздо лучше для послѣдней получить остъ-зейскія губерніи даромъ, при удобномъ случаѣ, напр. когда противу Россіи составится общеевропейская коалиція хотя бы по восточному вопросу, чѣмъ проливать кровь въ борьбѣ, которой успѣхъ еще сомнителенъ.

Это присоединеніе Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи къ Пруссіи и состоится при первомъ „удобномъ“ случаѣ, если преемникъ императора Александра II не измѣнитъ кореннымъ образомъ политику петербургскаго правительства по отношенію къ этимъ провинціямъ, не устроитъ силою русской власти, на прочныхъ началахъ, быта остъ-зейскихъ крестьянъ и не очиститъ, прежде всего, ряды русскихъ чиновниковъ и офицеровъ высшихъ ранговъ отъ людей, которые лучше служатъ“... не Россіи, конечно, а петербургскому деспотизму, голштинской династіи

и общегерманскому знамени, на которомъ со временъ Оттона Великаго стоитъ надпись Drang nach Osten, столь удачно уже примѣненная въ Помераніи, на Эльбѣ, на Одерѣ, на Прегелѣ, на Дунаѣ и пр.

Къ югу отъ Курляндіи, по обоимъ сторонамъ Нѣмана, тянется *Литва*, коренные жители которой соплеменны обитателямъ этой провинціи и южной части Лифляндіи, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что издавна подпали подъ власть не германскихъ меченосцевъ, а польской шляхты, пока наконецъ надъ тѣми и другими не стала власть русскихъ. Литовцы въ остзейскомъ краѣ, какъ мы сказали уже, по большей части протестанты, мѣстами же православные, литовцы въ Литвѣ по преимуществу католики. Такимъ образомъ въ обѣихъ частяхъ своей родины они имѣютъ противу себя или надъ собою, кромѣ русскихъ начальствъ, двѣ силы, которыя если и разнородны, то совершенно сходятся въ одномъ — въ систематическомъ притѣсненіи литовской народности, которая притомъ уже на зарѣ своей исторіи носила тяжкое бремя иноземнаго владычества („Романъ, дурно живешь: Литвою орешь,“ т. е. пашешь землю) и съ пятнадцатаго вѣка окончательно утратила возникшую было политическую независимость. На такой почвѣ, казалось бы, русскому правительству нашего времени нечего опасаться народной оппозиціи

и возстаній : достаточно было стать на сторону народа, противъ его эксплуататоровъ — поляковъ и ксендзовъ съ одной, бароновъ и пасторовъ съ другой стороны, — и поставить надъ всѣми ими просвѣшенныхъ и гуманныхъ представителей господствующаго племени, чтобы изъ загнанныхъ, бѣдныхъ литовцевъ создать мирныхъ друзей народа русскаго. Но ничего подобнаго не случилось, и литвины во время польскаго возстанія 1862-63 годовъ сильно сочувствовали и помогали полякамъ, а не Россіи. Даже послѣ 1863 года, когда правительство приняло рѣшительныя мѣры противу польскаго элемента въ Литвѣ, симпатіи литовцевъ къ русскимъ не возрасли, потому что муравьевскій режимъ, введенный въ краѣ какъ національно-русская система управленія, не могъ внушать народу ничего, кромѣ отвращенія. Правда, въ послѣдствіи правительство, въ лицѣ нѣкоторыхъ генералъ - губернаторовъ, искало такой точки опоры въ краѣ, которая дала бы ему средство повернуть дѣла въ Литвѣ къ благопріятному для Россіи исходу; но въ сущности не нашло ея, потому что ни насильственное введеніе въ край русскаго крупнаго землевладѣнія, ни даже расширеніе крестьянскихъ надѣловъ повѣрочными коммисіями, дѣйствовавшими безсистемно и часто съ большимъ произволомъ, не могли же привязать литовскій

народъ къ русскому. Военно-полицейское же управленіе краемъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ и лишеніе его въ теченіе слишкомъ десяти лѣтъ хорошихъ судебныхъ учрежденій могли только усилить существовавшій антагонизмъ.

Впрочемъ, Литва нынѣ все же тѣснѣе привязана къ Россіи, чѣмъ прежде, главнымъ образомъ вслѣдствіе проведенія черезъ нее цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, по которымъ совершается сообщеніе внутреннихъ областей Россіи съ западною Европою. Къ этому экономическому сближенію Вильны, Гродно, Ковно и прибрежій Западной Двины съ Москвою и Петербургомъ присоединяется еще водвореніе въ краѣ русскаго землевладѣнія, устраненіе отъ занятія вліятельныхъ административныхъ постовъ польской шляхты, созданіе значительнаго числа русскихъ училищъ и, наконецъ, возстановленіе, на счетъ правительства, очень многихъ православныхъ церквей, приходившихъ въ сильный упадокъ отъ сосѣдства костеловъ. Впрочемъ, это послѣднее дѣло далеко не имѣетъ той важности, которую придаютъ ему петербургскіе бюрократы и благотворительныя дамы-патріотки въ родѣ графини Антонины Блудовой. Для бывшаго уніата въ западномъ краѣ православная вѣра все же „казенная,“ т. е. навязная, да еще притомъ „холопская,“ тогда какъ костелъ есть

представитель вѣры „панской.“ Гораздо больше, чѣмъ эта религіозно-полицейская мѣра возстановленія православія въ его наружномъ блескѣ, принесетъ, безъ сомнѣнія, дѣлу объединенія литовскихъ губерній съ Россіею введеніе въ нихъ судебныхъ уставовъ 1864 года безъ всякихъ сокращеній, т. е. съ судами присяжныхъ; и можно бы желать, чтобы вслѣдъ за этою, уже возвѣщенною мѣрою, послѣдовала другая: введеніе земскихъ учрежденій, т. е. призывъ населенія къ участію въ общественныхъ дѣлахъ края, въ управленіи мѣстнымъ хозяйствомъ, въ мировомъ судѣ и т. п. Въ Петербургѣ всего этого еще очень боятся.

Отъ Литвы переходъ къ *Польшѣ* совершенно естественъ и въ географическомъ, и въ историческомъ смыслѣ. И если бы намъ приходилось здѣсь разсматривать хотя съ нѣкоторою подробностью то, что принято обыкновенно называть польскимъ вопросомъ, т. е. всю совокупность политическихъ явленій, театромъ или поводомъ которыхъ служила съ 1855 года Польша, то довелось бы написать цѣлое обширное сочиненіе. Но какъ цѣль настоящаго очерка состоитъ только въ разсмотрѣніи успѣховъ, неудачъ и ихъ причинъ въ дѣлѣ объединенія привислянской окраины Россіи съ основнымъ ядромъ русскаго государственнаго организма, то мы и кос-

немся лишь той части обширнаго польскаго вопроса, которая относится сюда. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ рѣзкое противорѣчіе въ дѣйствіяхъ правительства до 1863 года и послѣ его. Императоръ Александръ II началъ свое царствованіе съ обѣщаній полякамъ улучшить ихъ участь, крайне тягостную во все время царствованія его отца. [1]) И хотя онъ при этомъ прибавилъ: point de rêveries, давая тѣмъ понять, что возстановленіе отдѣльной самостоятельной Польши (или даже только автономной, но до Двины и Днѣпра) невозможно; но въ сущности до самаго 1863 года правительство признавало отдѣльность „царства“ отъ „имперіи“ и работало надъ созданіемъ для перваго болѣе или менѣе широкой автономіи. Только 1864 годъ положилъ начало системѣ совершенно противоположной, которая и развивалась потомъ довольно, впрочемъ непослѣдовательно... Съ точки зрѣнія макіавелева Il Principe, а также для ближайшихъ интересовъ народа русскаго, это противорѣчіе между направленіями политики въ первые восемь и въ слѣдовавшіе затѣмъ четырнадцать лѣтъ мало извинительно, особенно для правительства „божіею милостію,“ во-

*) Рѣчь въ Варшавѣ 26 мая 1856 г., произнесенная послѣ очень сочувственнаго пріема, сдѣланнаго поляками, въ среду которыхъ было возвращено множество политическихъ ссыльныхъ и изгнанниковъ

ображающаго себя непогрѣшимымъ и потому не могущаго ссылаться на постороннія вліянія и на желанія націи; но мы не произнесемъ надъ нимъ этой укоризны. Правительство, какъ и значительная часть русскаго общества, до 1863 года думали, что административная автономія, съ довольно либеральными административными учрежденіями, нетолько „заслужена“ четверть-вѣковыми страданіями поляковъ, но и „достаточна“ для того, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми, не дѣлая опасными для Россіи. Это была наивная ошибка, основанная на слабомъ знакомствѣ съ законами исторіи, а такого знакомства при Николаѣ русскимъ людямъ пріобрѣсти было не откуда.

И такъ въ первые восемь лѣтъ послѣ паденія Севастополя дѣло шло не только не о слитіи Польши съ Россіею, а напротивъ, о такомъ обособленіи первой, что имѣй поляки выдержку, они бы теперь были близки къ политической незивисимости, на подобіе румыновъ, сербовъ или хотя венгерцевъ. Въ доказательство этого достаточно привести тотъ фактъ, что, благодаря даннымъ царству въ 1862 году административно - автономнымъ учрежденіямъ, въ теченіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ управленія маркиза Велiопольскаго не осталось во всей Польшѣ болѣе четырехъ русскихъ чиновниковъ, ко-

торыхъ масса была замѣнена туземцами. Землѣдельческое общество, подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Замойскаго, носило всѣ зародыши большаго политическаго сейма, хотя очень односторонняго, потому что оно представляло одну помѣщичью партію, но соотвѣтствовавшаго преданіямъ и, главное, успѣвшаго пустить широкія вѣтви во всей странѣ. Къ невыгодѣ для поляковъ эти два элемента ихъ самоуправленія — земскій и административный — не съумѣли пойдти въ рядъ и потому одинъ за другимъ были обезсилены. Что же касается до элемента демократическаго, т. е. до горожанъ, мелкой шляхты, ея дворни и низшаго духовенства, которые въ 1863 году образовали вооруженныя банды; то этотъ разрядъ людей хотя представлялъ живые элементы національно-польской партіи; но во 1-хъ не съумѣлъ хорошо организоваться, во 2-хъ не находилъ поддержки ни съ верху, въ аристократической партіи бѣлыхъ, ни снизу, изъ среды земледѣльческаго класса, самаго многочисленнаго въ Польшѣ. Насилія повстанцевъ, вызванныя этимъ недостаткомъ полнаго сочувствія двухъ большихъ слоевъ народа, и были одною изъ самыхъ главныхъ причинъ неуспѣха ихъ дѣла. А затѣмъ русскому правительству оставалось только воспользоваться этою рознью въ элементахъ національно-польской жизни, чтобы не безъ

успѣха перейдти къ политикѣ не автономическаго развитія Польши, а возможно-полнаго сліянія ея съ Россіею. Такъ оно и сдѣлало наконецъ.

Главнымъ дѣятелемъ этого важнаго событія слѣдуетъ считать Николая Милютина, быть можетъ, лучшаго изъ русскихъ государственныхъ людей нашего времени, который, разумѣется и кончилъ, какъ многіе другіе благородные современники, тѣмъ, что подвергся опалѣ. Никто въ Россіи XIX вѣка, не исключая и Сперанскаго, не имѣлъ дара такъ обстоятельно подготовлять законодательные проэкты, такъ ясно ихъ излагать, убѣдительно, цифрами и фактами доказывать ихъ пользу и, главное, класть въ основу ихъ такія широкія, гуманныя начала, какъ Н. Милютинъ. Послѣ достойнаго участія въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу въ Россіи, онъ, въ 1863 году, призванъ былъ къ составленію законовъ, которые должны были переродить Польшу, вызвать изъ ничтожества массы ея сельскаго населенія и связать какъ ихъ, такъ, по мѣрѣ возможности, и другія непрямо революціонныя сословія поляковъ съ Россіею. Задача была трудная, почти невозможная, потому кто въ краѣ кипѣло вооруженное возстаніе; но онъ приблизился къ ея рѣшенію, на сколько позволяли обстоятельства. Первымъ дѣломъ его было задавить революцію полити-

ческую, но не жестокими реакціонерными мѣрами, не казнями и ссылками, а революціею экономическою и соціальною. Этому соотвѣтствовали указы 19 февраля 1861 года о надѣленіи крестьянъ землями на счетъ шляхты и объ уствойствѣ самоуправленія въ сельскихъ общинахъ, при чемъ паны-революціонеры, вчера еще распоряжавшіеся поселянами, какъ „быдломъ," очутились въ прямой зависимости отъ этого быдла, успѣвшаго притомъ скоро доказать, что оно способно вести общественныя дѣла. Для проведенія въ жизнь этихъ радикальныхъ законовъ Милютинъ умѣлъ составить надежную фалангу молодыхъ дѣятелей, которые глубоко прониклись величіемъ своего призванія и исполнили свою задачу добросовѣстно и съ энергіею. Ихъ благородною, честною дѣятельностью русское имя впервые было высоко поднято среди поляковъ, которые только что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ унижали все русское. Затѣмъ начались другія реформы, всѣ имѣвшія цѣлью уничтожить рознь между цивилизаціями русской и польской и слѣдовательно сдѣлать возможнымъ такое приращеніе Польши къ Россіи, которое опиралось не на одну военную силу. Важнѣйшими изъ этихъ реформъ были: созданіе въ Варшавѣ университета съ преподаваніемъ предметовъ на русскомъ языкѣ; введеніе того же языка въ преподаваніе на-

укъ во всѣхъ вообще казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ административную переписку и въ суды; переустройство юстиціи на общихъ съ имперіею основаніяхъ, съ уничтоженіемъ мѣстной коммиссіи юстиціи и всѣхъ прежнихъ судебныхъ учрежденій, организованныхъ по старофранцузскимъ образцамъ; возсоединеніе значительной части уніатовъ, бѣло- и мало-руссовъ, въ прибужскомъ краѣ, съ православіемъ; закрытіе множества католическихъ монастырей, бывшихъ центрами изувѣрства; передача значительной части казенныхъ земель въ Польшѣ во владѣніе русскихъ людей; введеніе въ администрацію большаго числа русскихъ чиновниковъ, довольно-удобно обставленныхъ, такъ что они могли не позорить русскаго имени взятками; полное объединеніе финансовъ царства съ имперскими; уничтоженіе намѣстничества и всѣхъ окружавшихъ его центральныхъ учрежденій, замѣненныхъ простымъ генералъ-губернаторомъ съ его канцеляріею, и т. д. Рядъ этихъ объединительныхъ мѣръ вообще довольно великъ; но мы не должны обманываться на счетъ дѣйствительнаго ихъ значенія. На практикѣ многія изъ нихъ вовсе не получили такой важности, какую придавала имъ теорія. Такъ обученіе поляковъ русскому языку и по русски всѣмъ наукамъ облегчило имъ знакомство если не съ Рос-

сію вообще, то хотя съ русскою литературою, но вовсе не привило имъ вкуса къ послѣдней. Напротивъ, нынѣ болѣе чѣмъ когда-нибудь они дорожатъ литературою національною, которая, находясь въ загонѣ отъ цензуры, возбуждаетъ тѣмъ сильнѣйшія симпатіи. Изучать Россію по русскимъ книгамъ поляки не хотятъ, потому что ихъ удовлетворяютъ въ этомъ отношеніи разсказы ихъ соотчичей, возвращающихся изъ ссылки, и знакомство съ живыми образчиками русской жизни, пребывающими среди ихъ самихъ. Да притомъ они умышленно отворачиваются отъ Россіи и всего русскаго, такъ что недалѣе 1875 года генералъ-губернаторъ Коцебу долженъ былъ засвидѣтельствовать, что сближенія русскаго общества съ польскимъ все нѣтъ. Для простолюдиновъ поляковъ знаніе русскаго языка, конечно, небезполезно, потому что облегчаетъ имъ прохожденіе службы въ русской арміи; но далеко не всѣ солдаты-поляки, побывавъ въ этой арміи, утрачиваютъ свою народность; про офицеровъ же можно сказать, что они нерѣдко лишь становятся при этомъ Конрадами Валленродами, такъ что само правительство послѣ 1863 года ограничило ихъ пропорцію въ войскахъ. Русскіе суды и администрація, въ предположеніи даже, что они гораздо выше прежнихъ,

національныхъ, все же для поляковъ „московскій наѣздъ,“ отъ котораго они очень бы не прочь освободиться. Притомъ жандармскій, военно-полицейскій характеръ русской администраціи не въ состояніи внушать кому-либо, а тѣмъ болѣе полякамъ, сочувствія къ Россіи. Русскіе землевладѣльцы въ Польшѣ, генералы и чиновники, обладатели маіоратовъ и подуховныхъ фольварковъ, составляютъ самый безцвѣтный разрядъ людей, разбросанныхъ по краю безъ связи и потому не имѣющихъ ни малѣйшаго вліянія на его политическую окраску. Большею частію они даже и не живутъ въ своихъ имѣніяхъ. Закрытіе католическихъ монастырей было, конечно, мѣрою прогрессивною въ общечеловѣческомъ смыслѣ и небезполезною — въ русскомъ; но оно не ослабило вліянія на народъ католическаго духовенства, которое не въ одной Россіи является противникомъ иновѣрческихъ правительствъ, а въ Польшѣ за послѣднее время очень озлобилось на русскихъ за отнятіе у него земель и за обращеніе части уніатовъ въ православіе. Самое это обращеніе не имѣетъ большаго значенія, потому что для бывшаго уніата греко-русская вѣра есть все таки вѣра „казенная“ и „холопская,“ тогда какъ католицизмъ—вѣра „панская“. Притомъ насилія и обманъ, употребленные правительствомъ при

„возсоединенiи уніатовъ съ православною церковью," не могли заставить ихъ любить новое вѣроученiе.[1]) Извѣстный либералъ изъ жандармовъ, бывшiй сѣдлецкимъ губернаторомъ, Громека, производилъ среди уніатовъ побоища, при посредствѣ пушекъ, сабель и штуцеровъ, чтобы заставить ихъ вынести изъ церкви органы, несогласные съ обрядами православнаго богопоклоненiя, хотя пророкъ-царь Давидъ и завѣщалъ хвалить господа „во кимвалѣхъ и гусляхъ." Среди этихъ же уніатовъ почти на другой день по ихъ возсоединенiи были "волненiя," прямо направленныя противу новой вѣры и также подавшiя поводъ къ военно-полицейскимъ расправамъ. Дѣло принимало столь острый характеръ, что пришлось удалить изъ Варшавы мѣстнаго православнаго архiерея, Іоанникiя, замѣнивъ его другимъ, болѣе мягкимъ...

[1]) Вотъ что разсказывалось въ Петербургѣ, когда, въ 1875 г., туда пріѣзжала уніятская депутацiя заявлять правительству «сочувствiе» по случаю перемѣны вѣры. о которомъ писаны были пышные оффицiальные бюллетени. Одинъ русскiй вступилъ въ разговоръ съ бывшимъ уніатомъ и спросилъ его: откуда вы всѣ? — «А зъ Варсавы, просу пана.» — Но вѣдь не въ Варшавѣ же напр. жилъ ты? — «Такъ, пане, естемъ зе вси, изъ подъ Хелма.» — Сколько же васъ есть тутъ такихъ? — «А двадесци муси быць, просу пана.» — Зачѣмъ же вы пріѣхали сюда? — «А бо я вѣмъ!» отвѣчалъ простодушный крестьянинъ. Для ознакомленiя съ изнанкою уніатскаго дѣла нѣтъ даже нужды читать донесенiе англiйскаго консула въ Варшавѣ, Мансфильда; довольно статей «Правительственнаго Вѣстника».

Такимъ образомъ мы видимъ, что объединительныя мѣры по отношенію къ Польшѣ далеко не достигли цѣли, которая имѣлась въ виду, когда ихъ задумывали. Но за всѣмъ тѣмъ кажется, что нынѣ Польша тѣснѣе привязана къ Россіи, чѣмъ прежде, и даже едва ли можетъ отпасть отъ нея безъ особенныхъ случайностей. Только причина этому лежитъ не столько во внутреннемъ ея переустройствѣ, введенномъ русскимъ правительствомъ (хотя и оно важно), сколько въ опасеніи внѣшняго врага поляковъ, страшнаго имъ гораздо болѣе, чѣмъ Россія. Врагъ этотъ есть Германія, и чтобы не попасть въ руки ея, поляки должны volens nolens мириться съ русскимъ господствомъ, которое доставляетъ имъ по крайней мѣрѣ симпатіи образованнаго міра. Они знаютъ, что станъ ихъ земля пруской провинціей,—полонизму настанетъ конецъ гораздо болѣе рѣшительный, чѣмъ тотъ, который провозгласилъ Костюшко, бросая свою саблю послѣ пораженія подъ Мацейовицами. Это опасеніе прусскаго владычества и удерживало Польшу отъ новыхъ возстаній противъ Россіи даже въ минуты, по видимому, благопріятныя для повстанцевъ. Такъ во все бремя послѣдней русско-турецкой распри, на берегахъ Вислы все было тихо, и ошибаться въ причинѣ этого намъ невозможно. Ее гласно указали сами поляки же

въ родѣ Чарторыйскаго и Любомірскаго, обращавшіеся съ печатными увѣщаніями къ своимъ соотечественникамъ сидѣть смирно, потому что будто бы въ случаѣ возстанія русское правительство предоставитъ Пруссіи занять часть Польши нѣмецкими войсками до новаго, окончательнаго ея раздѣла. Лѣтомъ 1878 г., когда опасенія возможной войны между Россіею и Германіею сдѣлались общеизвѣстными, поляки не затруднились даже дѣлать овапіи русскимъ войскамъ, возвращавшимся изъ Турціи, и мѣстный оффиціальный органъ, *Варшавскій Дневникъ*, поспѣшилъ похвалить поляковъ за ихъ перерожденіе, выразившееся какъ въ этомъ фактѣ, такъ будто бы и въ наклонностяхъ учащейся молодежи.

Упомянемъ еще, въ заключеніе замѣтокъ о способахъ прикрѣпленія Польши къ Россіи, что и устройство желѣзныхъ дорогъ въ Варшавѣ изъ Петербурга, Москвы и Кіева много посодѣйствовало связи привислянской окраины съ внутренними областями Россіи, какъ въ экономическомъ, такъ и въ стратегическомъ смыслѣ. Но за то, съ другой стороны, прямо противоположное этому стратетическое и экономическое значеніе имѣетъ нѣмецкая колонизація западной части Польши, помощью которой подготовляется присоединеніе этой страны къ Герма-

ніи. Съ каждымъ годомъ число прусскихъ помѣщиковъ и нѣмецкихъ промышленниковъ и крестьянъ усиливается въ губерніяхъ калишской, полоцкой, петроковской и варшавской; города Лодзь, Згержъ, Здунска-Воля, Калишъ все больше и больше становятся нѣмецкими, и поляки не безъ горечи замѣчаютъ, что „должно быть, изъ Берлина дано предписаніе петербургской администраціи такъ подготовить западную Польшу къ слитію съ Пруссіей, чтобы послѣдней было потомъ какъ можно меньше хлопотъ.“

О слитіи съ собственною Россіею *югозападнаго края*, т. е. губерній кіевской, волынской, и подольской казалось бы странно и упоминать, потому что вѣдь эти провинціи составляютъ историческое ядро русскаго государства; тѣмъ не менѣе вопросъ о политическомъ объединеніи этой окраины съ остальною Россіею существуетъ. Дѣло, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что въ заднѣпровской Малороссіи очень сильно польское землевладѣніе, какъ остатокъ польскаго господства въ теченіе XVI, XVII и XVIII столѣтій. Для ослабленія польскаго элемента принято было съ 1863 года много мѣръ, которыя впрочемъ привели гораздо менѣе къ замѣнѣ его чисто русскимъ, чѣмъ къ усиленію значенія евреевъ и отчасти нѣмцевъ, въ рукахъ которыхъ теперь на-

ходится значительная часть естественныхъ богатствъ края, лучшаго по своей природѣ изъ цѣлой Россіи, кромѣ Кавказа. Съ другой стороны, Кіевъ, были центромъ украинофильства, и правительство подстрекаемое Катковымъ и К°, вело съ нимъ почти такую же борьбу, какъ и съ польщизною, такъ что кончило изданіемъ постановленій, которыя дѣлаютъ великорусскій языкъ единственнымъ нарѣчіемъ, допускаемымъ въ малорусскихъ школахъ, а малороссійской литературѣ не даютъ возможности развиваться. Югозападный отдѣлъ русскаго географическаго общества, въ Кіевѣ, былъ закрытъ потому, что признавался средоточіемъ украйнофильства.

Переходя теперь отъ западныхъ окраинъ къ южнымъ, упомянемъ прежде всего о *Бессарабіи*. Ея сближеніе съ Россіею выиграло отъ слѣдующихъ мѣръ : во 1-хъ отъ освобожденія и надѣла землями мѣстныхъ крестьянъ или царанъ, чѣмъ значительно ослабилось значеніе боярской, т. е. валашской партіи въ этой странѣ ; въ 2-хъ отъ прекращенія владѣльческихъ правъ на имѣнія въ Бессарабіи разныхъ румынскихъ и турецкихъ монастырей, которыя извлекали оттуда значительные доходы и поддерживали политико-экономическую связь этой провинціи съ чужими и даже враждебными Россіи стра-

нами; въ 3-хъ отъ уничтоженія исключительныхъ областныхъ учрежденій въ Кишиневѣ съ замѣною ихъ общими всей имперіи. По санъ-стефанскому и берлинскому договорамъ отнятая у Россіи въ 1856 г. часть края, по Дунай и Прутъ, возсоединена съ нею, и слѣд. мы опять стали владѣльцами болгарскихъ колоній Болграда и др., созданныхъ въ началѣ нашего вѣка; но на сколько этотъ переходъ болгаръ изъ состава конституціоннаго государства въ составъ абсолютной монархіи привяжетъ ихъ, а слѣд. и занятый ими уголокъ земли, къ Россіи, — объ этомъ трудно пока сказать что либо положительное, а между тѣмъ по составу населенія Бессарабія тяготѣетъ къ Румыніи.

Если позволительно судить о степени объединенія той или другой окраины съ главнымъ ядромъ государства по тому, что само правительство уничтожаетъ административныя учрежденія, свидѣтельствовавшія объ исключительномъ положеніи этой окраины, то мы не безъ удовольствія можемъ замѣтить, что вся *Новороссія*, т. е. страна едва сто лѣтъ тому назадъ пріобрѣтенная и впервые устроенная Потемкинымъ, нынѣ такъ срослась съ Россіею, что правительство нашло возможнымъ уничтожить одесское генералъ-губернаторство и особое управленіе иностранныхъ колонистовъ въ южной Россіи. Это

важный, историческій успѣхъ русскаго племени, и онъ представляется тѣмъ болѣе прочнымъ, что разновременно водворенные въ краѣ нѣмецкіе колонисты, пользовавшіеся разными привиллегіями въ ущербъ господствующей націи, ушли, по большей части, изъ края, который ихъ облагодѣтельствовалъ, но защищать который цѣною крови они не хотѣли, почему русскій народъ является полнымъ хозяиномъ въ странѣ. И кто знаетъ теперешніе Одессу, Николаевъ, Елисаветградъ, Херсонъ, Екатеринославъ, Ростовъ, тотъ не усомнится, что отторженіе этихъ городовъ и окружающихъ ихъ земель отъ Россіи есть дѣло отнынѣ немыслимое.

Нельзя того же сказать съ совершенною увѣренностью о *Крымѣ*. Еще во время войны 1853-56 годовъ татарское населеніе этого полуострова оказалось очень ненадежнымъ; съ того времени оно хотя и уменьшилось вслѣдствіе переселеній въ Турцію, но далеко не въ такой степени, какъ можно бы желать для упроченія Крыма за Россіею. Въ 1876-77 годахъ татары, правда, не дѣлали открытыхъ возстаній, но симпатіи ихъ къ единовѣрнымъ туркамъ не подлежали сомнѣнію. Надобно поэтому сожалѣть, что правительство препятствовало заселенію страны свободными выходцами изъ средней Россіи и ограничивалось только поощреніемъ крупнаго рус-

скаго землевладѣнія въ Крыму. Впрочемъ, должно сказать, что Севастополь, Ялта, Керчь — уже вполнѣ русскіе города, и если того же нельзя сказать про Евпаторію, Балаклаву, Бахчисарай и т. п., то время можетъ и тутъ многое сдѣлать, такъ-какъ теперешній Крымъ все же гораздо болѣе русская земля, чѣмъ онъ былъ нетолько 90 лѣтъ тому назадъ, тотчасъ послѣ присоединенія, но и 25 лѣтъ назадъ, когда уже существовали Алупка, Ливадія и другія южнобережскія дачи богатыхъ русскихъ помѣщиковъ, но въ странѣ было мало русскихъ людей. Желѣзная дорога къ Севастополю, открытая въ 1872 году, много поможетъ этому скрѣпленію Крыма съ Россіею, а сильный упадокъ Турціи облегчитъ это дѣло, особенно если не будутъ препятствовать татарамъ уходить съ полуострова за границу.

О политическомъ объединеніи *Кавказа*, страны обширной, разнородной по составу населенія, отличающейся разнообразіемъ мѣстности и завоеванной не далѣе текущаго столѣтія, можно бы написать обширное изслѣдованіе, гдѣ пришлось бы говорить отдѣльно едва ли не о каждомъ уѣздѣ, не о каждой значительной горной долинѣ. Мы ограничимся здѣсь самыми общими указаніями. Безусловно, неотторжимо приросшими въ Россіи можно считать лишь

ставропольскую губернію, кубанскую область и ту часть терской, которая лежитъ по лѣвую сторону Терека и Малки, т. е. вообще мѣстности по сѣверной сторонѣ Кавказскаго хребта, занятыя русскимъ населеніемъ. Все остальное протяженіе Кавказскаго края въ политическомъ отношеніи ненадежно, хотя и въ разной степени. Дагестанъ и Чечня были въ возстаніи недальше 1877 года; въ другихъ частяхъ Кавказа почти не было года, даже послѣ такъ-называемаго конца войны въ 1864 году, чтобы не случалося возмущеній. Укажемъ здѣсь на нѣкоторые, наиболѣе выдающіеся факты этого ряда событій, доказывающихъ политическую ненадежность кавказской окраины, и на мѣры, которыя принималысь для ослабленія этой ненадежности. И тѣ, и другія характеристичны для русской внутренней политики вообще, такъ что могутъ служить образцами государственнаго искуства петербургскаго правительства, которое, за рѣдкими исключеніями, дѣйствовало если не по той же программѣ, то въ томъ же вкусѣ и направленіи на всѣхъ вообще азіятскихъ окраинахъ. Руководствомъ при этомъ можно избрать даже такой источникъ, который данъ самимъ правительствомъ, именно отчетъ великаго князя главнокомандующаго по военно-народному управленію за 1863-69 года, разумѣется писанный на тэму:

tout va au mieux dans le meilleur des mondes или: честь имѣю донести, что все благополучно. Въ немъ такъ откровенно высказаны основанія правительственной дѣятельности на Кавказѣ съ цѣлью приращенія его къ Россіи, что изъ источниковъ неоффиціальныхъ довольно взять лишь нѣсколько фактовъ, имѣвшихъ мѣсто послѣ 1869 года. Вотъ что говоритъ отчетъ о системѣ управленія горцами:

„Преемнику князя Барятинскаго предстояла задача..... упрочить дѣло покоренія Кавказа съ одной стороны развитіемъ военныхъ мѣръ, для увеличенія нашей матеріальной силы и, такъ сказать, внѣшней власти въ горахъ, а съ другой, что главное, развитіемъ мѣръ для учрежденія надъ горцами нашей нравственной власти и значенія, для покоренія ихъ оружіемъ духовной, внутренней силы. Эти послѣднія мѣры должны были относиться во 1-хъ къ устройству соотвѣтствующаго понятіямъ горцевъ твердаго и, при твердости, доброжелательнаго управленія ими, во 2-хъ къ постепенному преобразованію быта горскихъ населеній, въ видахъ очищенія его отъ отъ всего варварскаго и отжившаго, а также и въ видахъ точнаго опредѣленія и огражденія имущественныхъ и личныхъ правъ горцевъ и поднятіа уровня экономическаго и умственнаго ихъ развитія. Эта категорія мѣропріятій по первенствующей важности своей въ смыслѣ установленія не внѣшняго, насильственнаго, а внутренняго, органическаго единенія горскихъ народностей съ Россіею, служила всегда предметомъ тѣмъ большей заботы высшаго кавказскаго начальства, что въ сущности прочное привлеченіе къ Россіи воинственныхъ горскихъ племенъ можетъ считаться почти вѣрнымъ залогомъ спокойнаго обладанія цѣлымъ Кавказомъ.“

Программа, какъ видимъ, величавая по размѣ-

рамъ и предположенной цѣли; но въ чемъ же состояло ея практическое осуществленіе? Вотъ какъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ великій князь на слѣдующей страницѣ своего „Отчета.“

„Сознавая всю необходимость поставить надъ горцами власть твердую, энергическую и дѣйствующую въ формахъ несложныхъ и понятныхъ уму горца, кн. Барятинскій во 1-хъ оставилъ и послѣ покоренія восточнаго Кавказа управленіе горцами въ вѣдѣніи *военнаго* начальства, представлявшаго, конечно, болѣе элементовъ для организованія такого рода власти и притомъ знакомаго уже (?) съ свойствами и понятіями горцевъ; въ 2-хъ облекъ дѣятелей администраціи значительными правами и полномочіемъ, при которыхъ власть получила дѣйствительную силу и значеніе въ глазахъ населенія; а для того, чтобы избѣжать невыгодъ такого полновластія дѣятелей, привиллегіями службы военно-народной далъ возможность къ строгой разборчивости въ выборѣ и къ привлеченію въ ряды этой администраціи лучшихъ и способнѣйшихъ офицеровъ арміи; въ 3-хъ наконецъ далъ горскимъ населеніямъ судъ понятный имъ и ихъ понимающій, судъ составленный изъ выборныхъ представителей этихъ населеній, рѣшающій дѣла въ духѣ народныхъ воззрѣній, но воззрѣній постепенно смягчаемыхъ и направляемыхъ къ понятію болѣе развитыхъ народностей участіемъ въ постановленіи рѣшеній представителя правительственной власти. Такой взглядъ кн. Барятинскаго на характеръ и условія дѣйствія горской администраціи составляетъ одну изъ важныхъ услугъ, оказанныхъ имъ Кавказскому краю, и со времени моего прибытія въ этотъ край я заботливо старался охранить это начало отъ разрушенія или небрежнаго примѣненія, но напротивъ давалъ ему возможно большое развитіе. Такъ въ первый же годъ моего управленія, послѣ случившагося возмущенія въ закатальскомъ округѣ, я призналъ полезнымъ примѣнить въ

этомъ округѣ духъ и формы военно-народной администраціи, и такое же управленіе ввелъ я среди горскаго населенія кубанской области и въ сухумскомъ отдѣлѣ по изъятіи Абхазіи изъ подъ власти князя Шервашидзе.“

И такъ, вотъ что на самомъ дѣлѣ легло въ основу способовъ укрѣпленія Кавказа за Россіею: военно-полицейское управленіе, то самое, которое дано было въ 1863 году Польшѣ въ наказаніе за бунтъ, съ придачею еще для каввазской военной администраціи права вмѣшиваться въ дѣла судебныя. Ни о томъ, чтобы „отборные“ правители горцевъ изучали предварительно ихъ языкъ, обычаи и понятія, ни о томъ, чтобы туземное населеніе имѣло правильное и постоянное участіе въ дѣлахъ административныхъ и хозяйственныхъ, помогая „отборнымъ,“ но невѣжественнымъ правителямъ, не было и рѣчи. Отборная, т. е. предположительно хоть честная, администрація скоро наполнилась взяточниками, нерѣдко изъ армянъ, издавна презираемыхъ горцами за безчестность, но умѣвшихъ составить сильную партію въ Тифлисѣ, Шурѣ и т. п. Очевидно, что это было далеко отъ идеала хорошей правительственной системы, и потому нечего удивляться, что горское населеніе отвѣчало на такія „просвѣщенныя“ заботы о его судьбахъ:

Убійствомъ полк. Коніара въ Абхазіи, въ 1866 г.
„ „ Пѣтухова въ Дагестанѣ, „ 1868 г.
Побоями гр. Тизенгаузену и кн. Орбельяни въ 1878 г. въ Кахетіи, и такъ далѣе, и такъ далѣе, да слѣдующими возмущеніями:

Въ 1862 году въ Чечнѣ
„ 1863 „ „ Закатальскомъ округѣ
„ 1866 „ „ Абхазіи, Кайтахѣ и Койсубу
„ 1867 „ „ Кабардѣ
„ 1868 „ „ за Лабою, на Ходзѣ
„ 1871 „ „ Ункратлѣ, въ Дагестанѣ
„ 1876 „ „ Сванетіи
„ 1877 „ „ Абхазіи, Чечнѣ и Дагестанѣ
„ 1878 „ „ Кахетіи и Ахалкалакскомъ округѣ.

Но впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что не у однихъ насъ, на Кавказѣ, горскія племена часто возстаютъ съ оружіемъ въ рукахъ противу чужеземнаго владычества. Въ Индіи никто столько не доставляетъ англичанамъ хлопотъ, какъ горцы Гималаи и Солиманова хребта. И если наше военное, т. е. грубо-деспотическое управленіе дѣйствительно способно возбуждать негодованіе, то не упустимъ изъ виду и того, что этимъ же управленіемъ много сдѣлано какъ въ пользу объединенія Кавказа съ Россіею, такъ и въ пользу прочнаго умиротворенія самихъ горцевъ.

Такъ въ Дагестанѣ, Чечнѣ и лѣсистыхъ частяхъ Закубанья, отличавшихся прежде непроходимостью, проведено немало дорогъ, хотя, къ сожалѣнію, черезъ главный Кавказскій хребетъ и доселѣ есть только одинъ колесный путь, черезъ Гудъ-гору, какъ было и до 1855 года (только дорога улучшена). Такъ горцы восточнаго Кавказа водворены правильными селеніями и получили хорошіе земельные надѣлы, при чемъ по стратегическимъ соображеніямъ имъ недозволено лишь заводить осѣдлостей на труднодоступныхъ высотахъ. Заведено много торжковъ и базаровъ для сбыта горскихъ продуктовъ, и нѣкоторые изъ нихъ, напр. Ташъ-кичу, достигли довольно цвѣтущаго состоянія, доказывая тѣмъ, что нынѣ преуспѣваютъ мирные промыслы тамъ, гдѣ еще 15—20 лѣтъ кипѣла опустошительная война. Всѣ горцы обложены правильными податьми, и значительная часть ихъ, кромѣ того, несетъ военную службу въ милиціи. Въ первое время по устройствѣ новыхъ, т. е. большихъ горскихъ ауловъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ служба этой милиціи на постахъ, въ связи съ полицейскимъ усердіемъ аульныхъ старшинъ, сдѣлала то, что въ полосѣ горскихъ земель было меньше случаевъ воровства и грабежа у проѣзжихъ, чѣмъ на земляхъ казачьихъ' и если въ послѣдствіи этотъ выводъ не оправды-

вался, все же и самыя глухія части Кавказа нынѣ могутъ безопасно посѣщаемы путешественниками съ легкимъ конвоемъ или даже совсѣмъ безъ конвоя. Горскія милиціи Дагестана и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей были употреблены и на внѣшнюю службу, въ войнѣ противу турокъ въ 1877 г.; но хотя и нельзя сказать, чтобы онѣ оказались вполнѣ безполезными, однако среди милиціонеровъ были нерѣдки случаи измѣны. Взятіе турками высоты Кизылъ-тепе прямо объясняется такою измѣною, потому что стоявшіе въ передовой цѣпи дагестанцы передали „отзывъ“ турецкимъ солдатамъ и навели ихъ на нашъ слабый отрядъ, занимавшій Кизылъ-тепе. Поэтому, вообще можно сказать, что слова великаго князя : „надежды правительства относительно горцевъ должны лежать на поколѣніи подростающемъ, а не живущемъ,“ вѣрнѣе всего характеризуютъ ту связь, которая нынѣ существуетъ между Россіею и населеніемъ кавказскихъ горъ.

Но Кавказъ населенъ не одними горцами, и отношенія къ Россіи трехъ большихъ народностей Закавказья, грузинъ, армянъ и татаръ, имѣютъ также немалую важность для опредѣленія степени прирощенія этой страны къ русскому государству. Здѣсь можно сказать, что всѣ три названныя народности пользуются значительнымъ преимуществомъ

передъ населеніемъ собственной Россіи, не неся военной службы и слѣд. безпрепятственно размножаясь, въ то время, какъ русскій народъ несетъ въ теченіе каждой четверти вѣка потерю въ 500—600 тысячъ взрослыхъ людей отъ войнъ и болѣзней солдатъ. Это странною привиллегіею съ особымъ искусствомъ пользуются армяне, которые мало-по-малу въ теченіе послѣдняго полувѣка сдѣлались въ Закавказьѣ изъ народности презираемой—господствующею если не по числу, то по богатству и нравственному вліянію, такъ что въ Тифлисѣ они теперь гораздо больше значутъ, чѣмъ мѣстные грузины и даже, пожалуй, сами русскіе. Распространяться объ этомъ послѣднемъ предметѣ было бы неудобно, по обширности его; но вотъ нѣкоторые факты, доказывающіе наше положеніе. Въ послѣднюю турецкую войну наиболѣе видныя мѣста начальниковъ русскихъ войскъ были предоставлены генераламъ изъ армянъ: Лорисъ Меликову, Тергукасову, Лазареву, Алхазову, Шелковникову, а князь Меликовъ продолжалъ начальствомъ въ Дагестанѣ, гдѣ онъ, въ теченіе шестнадцати лѣтъ, успѣлъ предоставить множество выгодныхъ мѣстъ своимъ соплеменникамъ. Пресловутый кавказскій коммерсантъ Мирзоевъ, эта акула на сушѣ и на водахъ, не былъ конечно забытъ при военныхъ подрядахъ, и хотя

оказался, какъ всегда, грабителемъ казны и народа, но продолжаетъ и донынѣ пользоваться сильнымъ вліяніемъ на высшихъ властей въ Тифлисѣ. Армянскій органъ въ этомъ послѣднемъ городѣ, „Тифлисскій Вѣстникъ,“ одинъ имѣетъ извѣстную долю самостоятельности, тогда какъ русская печать представляетъ явленіе жалкое. Въ обществѣ армяне также берутъ верхъ и становятъ законы, такъ что напр. въ 1877 году русскій генералъ Полибинъ былъ исключенъ изъ мѣстнаго клуба за то, что позволилъ себѣ небрежно отнестись объ торговой честности армянъ, притомъ въ разговорѣ не публичномъ, а частномъ и не съ армянами, которые только подслушали бесѣду. Кончится ли когда-нибудь это армянское господство въ Закавказѣ, трудно сказать; но очевидно, что само правительство начинаетъ понимать опасность отъ усиленія армянскаго элемента, потому что при заключеніи сенъ-стефанскаго мира вовсе не заботилось вывести всѣхъ армянъ изъ подъ турецкаго ига, какъ бы имъ того хотѣлось, а въ Берлинѣ даже отказалось отъ части армянскихъ земель, уступленныхъ Турціею въ Сенъ-Стефано. Прирощеніе къ Россіи земель и населеній грузинскихъ значительно сильнѣе, чѣмъ армянскихъ, но оно держится, главнымъ образомъ, на связяхъ мѣстнаго дворянства съ русскимъ офицер-

ствомъ и чиновничествомъ, народныя же массы остаются равнодушными къ Россіи или даже недружелюбными, какъ доказали волненія 1878 г. въ Кахетіи, вызванныя попыткою правительства привлечь грузинъ къ болѣе правильному, чѣмъ прежде, отбыванію воинской повинности. Всячески, грузины, какъ народъ единовѣрный съ русскими и многимъ обязанный Россіи, надежнѣе прочихъ закавказскихъ племенъ.[1]) Что же касается до татаръ, то симпатіи ихъ далеко не на сторонѣ Россіи. Въ одну изъ поѣздокъ великаго князя намѣстника по краю часть ихъ даже подавала просьбу о позволеніи выселиться въ Персію, мотивируя свое желаніе тѣмъ, что мѣстныя русскія власти притѣсняютъ народъ, накладываютъ на него произвольные поборы, и пр. О кочевыхъ или, точнѣе, стенныхъ татарахъ долины Куры нечего и говорить: они открыто занимаются грабежами чуть не подъ самымъ Тифлисомъ, и одинъ изъ нихъ, генералъ русской службы, Едигаровъ, составилъ себѣ громкую извѣстность въ этомъ смыслѣ разбойничьими подвигами его сыновей. Татары, какъ мусульмане, не сближаются съ русскими и другими христіян-

[1]) Вѣроятно въ силу единовѣрія нѣкоторые тифлисскіе архіереи изъ русскихъ пробовали не учить грузинъ-поповъ грузинскому языку, ограничиваясь однимъ русскимъ. Это, разумѣется, было нелѣпо и кончилось въ 1878 году.

скими обитателями Закавказья, и въ отношеніи умственномъ, оставаясь вѣрными послѣдователями ученій корана, тогда какъ грузины и армяне охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ русскія учебныя заведенія, гдѣ они находятся среди русской молодежи и скоро выучиваются по русски. Мусульманскій фанатизмъ закавказскихъ татаръ и персіянъ такъ великъ, что гдѣ нибудь въ Шушѣ доселѣ праздникъ Гуссейна и Гассана справляется кровавымъ образомъ, т. е. при содѣйствіи кинжаловъ, которыми изувѣры наносятъ раны самимъ себѣ. Отсюда до принятія ими европейско-русскихъ обычаевъ, очевидно, очень далеко, и конечно, стоитъ Персіи улучшить бытъ своихъ подданныхъ въ сосѣднемъ Абзербейджанѣ, чтобы возбудить въ закавказскихъ татарахъ стремленіе къ переходу на правый берегъ Аракса или даже къ возстановленію персидской власти въ Карабахѣ, Талышѣ и пр. Замѣтимъ, что нерасположеніе къ Россіи закавказскихъ мусульманъ особенно поддерживается эксплуатаціею армянъ, которые умѣютъ всегда находить покровительство въ русскихъ властяхъ: — фактъ, на который обратилъ вниманіе еще въ началѣ нашего вѣка извѣстный Шопенъ, и который не устраненъ до настоящаго времени.

Вотъ главнѣйшія изъ замѣчаній, которыя можно

сдѣлать по вопросу о политическомъ сліяніи Кавказа съ Россіею; но мы упустили бы очень важное обстоятельство, если бы не упомянули о трехъ правительственныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ той же общей цѣли и принесшихъ существенную пользу. Разумѣетъ проведеніе ростовско-владикавказской желѣзной дороги, введеніе на Кавказѣ новыхъ судебныхъ учрежденій и устройство русскихъ училищъ въ нѣкоторыхъ городахъ страны, гдѣ туземная молодежь знакомится съ русскимъ языкомъ и получаетъ на немъ нѣкоторое образованіе. Ростовско-владикавказская дорога привязала Кавказъ къ Россіи въ экономическомъ и стратегическомъ смыслѣ надежнѣе, чѣмъ могло бы даже это сдѣлать водвореніе ста тысячъ новыхъ колонистовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя она проходитъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ черноморскаго и каспійскаго пароходства она окрыла возможность снабжать Закавказье русскими произведеніями, не опасаясь особенно конкурренціи западоевропейскихъ мануфактуръ, для которыхъ устройство поти-тифлисской дороги открыло доступъ нетолько въ Тифлисъ, но и на берега Каспійскаго моря. Новые суды, далеко болѣе совершенные, чѣмъ азіатскіе судилища временъ турецко-персидскихъ и даже русскихъ первой половины нашего вѣка, настолько показали превосходство русскаго гос-

подства надъ всякимъ другимъ, что теперь стоитъ напр. армянину побывать въ Эрзерумѣ или Таврисѣ, чтобы не желать выхода изъ русскаго подданства. О полезномъ вліяніи русскихъ училищъ нечего и говорить; можно только пожалѣть, что эти училища недовольно многочисленны.

Переходя теперь отъ Кавказа къ *Туркестану*, замѣтимъ прежде всего, что на этой далекой окраинѣ всякія объединительныя мѣры очень трудны сами по себѣ, потому что страна по большей части непроизводительна и населена народами нетолько чуждыми европейской цивилизаціи, но часто и прямо враждебными ей. Ничего почти общаго нѣтъ между природою и населеніемъ арало-каспійскаго водоема и землями собственно-русскими; стало быть, нѣтъ прочной точки опоры для начала приращенія Турана къ Россіи. Притомъ значительная часть туранской окраины покорена оружіемъ едва лишь нѣсколько лѣтъ назадъ. Но какъ ни сильны эти „облегчительныя“ причины, передъ лицомъ исторіи тяжелый упрекъ ложится на русское правительство нашего времени за тѣ мѣры, которыми оно ознаменовало свою дѣятельность въ Туркестанѣ и которыя способны привести скорѣе къ отпаденію этой окраины, чѣмъ къ объединенію ея съ Россіею. Величайшею ошибкою было, конечно, то, что военная власть въ

краѣ не отдѣлена отъ гражданской и что все управленіе ввѣрено военнымъ начальникамъ, незнающимъ и неисполняющимъ нетолько мусульманскихъ, но и русскихъ законовъ и привыкшимъ, въ силу военной дисциплины, предписанія ближайшихъ властей ставить выше статей кодекса, утвержденнаго властью верховною. Слѣдствіемъ этого ложнаго шага было повтореніе тѣхъ же явленій, что на Кавказѣ, то есть страшно произвольныхъ дѣйствій начальствъ и соотвѣтственныхъ тому возстаній народа и развитія въ немъ непріязни къ русскимъ, не смотря на то, что сначала туземное населеніе встрѣчало послѣднихъ какъ избавителей отъ ига хановъ и бековъ. Слово „ташкенцъ," т. е. членъ туркестанской администраціи, стало техническихъ для обозначенія чиновника-самодура и хищника, и существованіе цѣлаго поколѣнія этихъ людей продолжается вотъ уже одинадцать лѣтъ, т. е. съ самаго начала управленія генерала Кауфмана. Въ русской литературѣ образовался цѣлый отдѣлъ извѣстій о позорныхъ ташкентскихъ „порядкахъ;" но правительство оставалось глухимъ къ этимъ заявленіямъ общественнаго мнѣнія, а лица, „выносившія соръ изъ избы," подвергались даже гоненіямъ, въ Туркестанѣ самаго генерала Кауфмана, а въ Петербургѣ его покровителя, военнаго министра Милютина. Единственною правительственною

мѣрою если не для искорененія, то хоть для дознанія зла была посылка въ 1876 году въ Туркестанѣ полковника кн. Долгорукаго; но и она осталась безплодною. Поэтому на исторіи лежитъ обязанность занести на свои страницы то, къ чему намѣренно глухи современники и что отзовется тяжело на потомкахъ. Мы укажемъ только на такіе факты, которыя были приведены въ печати или извлечены изъ оффиціальныхъ источниковъ, такъ какъ и ихъ достаточно, чтобы вѣрно оцѣнить характеръ ташкентскаго управленія, призваннаго, разумѣется, объединить Туркестанъ съ Россіею, но на самомъ дѣлѣ работающаго въ направленіи прямо противоположномъ.

Вотъ во 1-хъ, что мы находимъ въ донесеніи американскому правительству его агента въ Россіи, Скайлера, которому принадлежитъ лучшее и пользующееся европейскою извѣстностью сочиненіе о Туркестанѣ:

„Уѣздное начальство, т. е. то, которое стоитъ ближе всего къ народу, такъ сказать, удалено отъ глазъ и контроля администраціи центральной. По назначеніи на должность, офицеры вступаютъ на путь азіятскихъ порядковъ и злоупотребляютъ своею властью, считая себя почти внѣ всякой отвѣтственности. Поразительный тому примѣръ мы видимъ въ дѣлѣ управленія кураминскимъ уѣздомъ, который прилегаетъ къ Ташкенту. Начальникъ его, полковникъ Колзаковъ, собралъ въ одинъ годъ 90,000 рублей разными неза-

конными налогами и всѣ ихъ прожилъ, кромѣ другихъ еще, казенныхъ денегъ. Онъ былъ однако же въ восьми верстахъ отъ дома генералъ-губернатора и всѣмъ было извѣстно, что онъ живетъ открыто, даетъ обѣды и ужины, играетъ въ карты, однимъ словомъ живетъ такъ, какъ было бы невозможно жить на одно жалованье въ 2,400 рублей. Въ числѣ прочихъ нововведеній, въ видахъ благосостоянія края, открыты были сберегательныя кассы; но послѣдовавшимъ распоряженіемъ генералъ губевнатора деньги эти разрѣшено обратить на административныя нужды уѣзда. Фондъ, состоявшій приблизительно изъ 22,000 рублей, исчезъ совершенно и неизвѣстно куда; въ отчетѣ объ этой суммѣ упоминается лишь отдѣлка дома мѣстнаго уѣзднаго начальника. Деньги выжимаются у туземцевъ во всякое время и подъ всякими предлогами; такъ напр. вполнѣ нелегальнымъ образомъ запрещено кому бы ни было переѣзжать черезъ Сыръ-даою въ какомъ бы ни было мѣстѣ, кромѣ указанныхъ, подъ угрозою ссылки въ Сибирь. А указанныя переправы находились на откупу у пріятелей уѣзднаго начальника. Когда же наконецъ дѣло это слишкомъ огласилось, губернаторъ вынужденъ былъ обратить на него вниманіе и удалилъ начальника изъ уѣзда; но вмѣсто всякаго взысканія онъ перевелъ его въ другую мѣстность, на томъ основаніи, что считаетъ его за весьма полезнаго офицера. Начальникъ перовскаго уѣзда (Соболевъ?) былъ смѣщенъ за взятки и разнаго рода вымогательства, но переведенъ оттуда въ Аулье-ата, а отсюда опять удаленъ за нелегальное требованіе отъ туземцевъ денегъ, будто бы на заготовку верблюдовъ для хивинской экспедиціи. Такимъ образомъ многіе были удаляемы съ постовъ за нечестныя дѣйствія по службѣ; но ихъ немедленно назначали на другія должности. Съ другой стороны, если кто либо пытался извѣстить публику о настоящемъ положеніи дѣлъ, того постигала неминуемая кара. Такъ начальникъ уратюбинскаго уѣзда былъ смѣненъ и высланъ изъ округа за отправку въ Петербургъ письма съ заявленіемъ о томъ, что нерасполо-

женіе къ русскимъ и безпорядки въ Ходжентѣ возникли вслѣдствіе чрезмѣрнаго повышенія налоговъ сравнительно съ тѣмъ, что было обѣщано русскими въ началѣ, а не вслѣдствіе предписанія прививать туземцамъ оспу, какъ увѣряли."

„Подобныхъ примѣровъ множество. Когда генералъ-губернатору представляютъ письменныя доказательства виновности одного изъ служащихъ лицъ, онъ обыкновенно рветъ бумагу, не прочитавъ ее. „Я коротко знаю этого человѣка, говоритъ онъ, и такъ убѣжденъ въ его честности, что не считаю такихъ вещей возможными." Бываютъ случаи нетолько противозаконные сами по себѣ, но и влекущіе за собою чрезвычайно важныя послѣдствія; совершаются они не столько изъ желанія личной наживы, какъ ради цѣли выказать усердіе по службѣ или въ видахъ интриги. Замѣчателенъ случай, бывшій въ прошломъ (1873) году. Офицеръ, по имени Эммансъ, имѣвшій въ рукахъ значительныя казенныя деньги, донесъ о похищеніи у него этой суммы киргизами. Ближайшіе къ мѣсту происшествія киргизы были, вслѣдствіе этого, арестовзны и послѣ долгаго допроса нѣкоторые изъ нихъ сознались въ преступленіи, хотя деньги у нихъ и не были найдены. Пока продолжался допросъ ихъ, Эммансъ застрѣлился, оставивъ письмо, которымъ заявилъ, что онъ не тотъ честный человѣкъ, какимъ его считали, что онъ самъ прокутилъ казенныя деньги и сослался на киргизовъ лишь для того, чтобы выгородить себя. Киргизамъ, естественно, возвращена была свобода; но при чтомъ возникъ вопросъ: почему же они въ такомъ случаѣ сознались? По изслѣдованіи оказалось, что офицеръ, производившій допросы въ Вѣрномъ, баронъ Гревеницъ, вынуждалъ у нихъ сознаніе пыткой, что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ основами русскаго законодательства и дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на вліяніе русскаго элемента среди киргизовъ. Неподалеку отъ этой мѣстности, именно въ Капалѣ. былъ еще такой случай: мѣстный уѣздный начальникъ, справедливо ненави-

димый туземцами за всѣ его вымогательства, однажды найденъ избитымъ, израненнымъ и ограбленнымъ. До шестидесяти киргизовъ обвинялись въ этомъ преступленіи, и во главѣ ихъ султанъ Тезекъ, имѣющій чинъ майора, аристократъ и личность вполнѣ уважаемая киргизскими старѣйшинами. Главною противу него уликою служилъ, фактъ что нѣкоторыя изъ вещей, украденныхъ у уѣзднаго начальника, найдены въ его кибиткѣ. Разслѣдованіе продолжалось, и наконецъ одинъ изъ казаковъ сознался, что подбросилъ эти вещи въ юрту Тезека по приказанію самого слѣдователя. Это было сдѣлано, какъ говорятъ, потому, что слѣдователь желалъ угодить одному высокопоставленному сановнику, [1]) обвинивъ въ кражѣ и попыткѣ къ бунту Тезека. Въ бумагахъ слѣдственной коммиссіи найдено письмо отъ уѣзднаго начальника къ слѣдователю съ указаніемъ средствъ, какъ найдти улику. По многимъ причинамъ оказалось невозможнымъ довести слѣдствія до конца, и судья былъ переведенъ на такое же мѣсто въ Ходжентъ... Такія продѣлки естественно внушаютъ туземцамъ сильное недовольство русскими судами. Еще случай неудовлетворительнаго вмѣшательства властей, не обращающихъ никакого вниманія на дѣйствіе, производимое ихъ поступками на туземцевъ, былъ нынѣшнимъ (1873 г.) лѣтомъ. При открытіи хивинскаго похода понадобилось 14,000 верблюдовъ, и было условлено, что за каждаго павшаго верблюда правительство заплатитъ по 50 рублей. Каждый уѣздъ обязался выставить соотвѣтствующее количество вербдюдовъ. Трудности похода были такѣ вели ки, что всѣ почти верблюды пали въ пути, и приходилось, слѣдовательно, выплатить туземцамъ до 700,000 рублей. Одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ, полагая, что представился какъ разъ подходящій случай доказять свое административное усердіе а также и преданность всего уѣзда, заявилъ подвластному населенію, что правительство никогда ему не заплатитъ за вер-

[1]) Генералу Колпаковскому, которому хотѣлось получить отъ Тезека что нибудь въ родѣ золотаго бурхана.

блюдовъ и что гораздо было бы лучше „пожертвовать“ ихъ. Онъ столько потратилъ при этомъ краснорѣчія, что туземцы согласились. Примѣру этого начальника послѣдовали другіе, въ большей части уѣздовъ; а въ результатѣ оказалось въ туземцахъ убѣжденіе, что правительство просто украло у нихъ верблюдовъ, и если бы со временемъ потребовались еще верблюды, на другую экспедицію, то можно ожидать весьма сильнаго выраженія неудовольствія.“ [1])

Это факты; а вотъ и послѣдствія ихъ изложенныя тѣмъ же Скайлеромъ все на основаніи сообщеній самихъ же русскихъ ташкентцевъ:

„Не видя ни въ чемъ перемѣны къ лучшему, среднеазіатское населеніе естественно начинаетъ предпочитать рус-

[1]) Насильственный захватъ верблюдовъ случался неразъ въ разныхъ частяхъ среднеазіятскихъ степей, и особенно знамениты въ этомъ случаѣ дѣйствія полковника Маркозова въ Закаспійскомъ краѣ. Въ 1872 г., собираясь сдѣлать походъ на Усть-Уртъ, Маркозовъ потребовалъ отъ чикишлярскихъ туркменъ верблюдовъ, и какъ они дали мало, то онъ окружилъ войсками ихъ аулъ и началъ быть людей нагайками, требуя большаго числа верблюдовъ. На вторичный отказъ несчастныхъ, онъ отвѣчалъ приказаніемъ нагрузить ихъ самихъ казенною кладью, пуда по три на каждаго, и объявилъ, что въ такомъ видѣ погонитъ ихъ до самой Хивы. Тогда туркмены уступили. Но за то въ слѣдующемъ 1873, не было почти возможности напять верблюдовъ у туркменъ, что и было причиною неудачнаго похода красноводскаго отряда на Хиву. Замѣчательно, что Маркозовъ въ 1872 г. еще ограбилъ въ степи мирный торговый караванъ, хвалился всѣмъ этимъ передъ начальствомъ въ Тифлисѣ и Петербургѣ и продолжалъ считаться отличнымъ офицеромъ, а когда принужденъ былъ оставить генеральный штабъ, потому что слишкомъ усердно набивалъ свой кармавъ, то получилъ въ командованіе полкъ... Такъ кавказская правительственная система сходна съ ташкентскою.

скому владычеству господство своихъ хановъ, какъ бы забывая всѣ бѣды, которыя терпѣло отъ нихъ. Вѣдь какъ ни произвольно дѣйствовали туземные правители, ихъ произволъ ограничивался шаріатомъ, и населеніе было увѣрено въ существованіи извѣстныхъ принциповъ, которыхъ не осмѣлился бы нарушить даже самый самовольный изъ тирановъ-бековъ. Относительно же русской администраціи туземцы, незнакомые съ особенностями русскаго законодательства, крайне тяготятся нѣкоторыми мотивами дѣйствій, и столько недовольны поборами чиновниковъ, сколько и неожиданными перемѣнами въ цифрахъ налога и въ составѣ администраціи, хотя бы все это совершалось не иначе, какъ по буквѣ закона. Налоги прежде распредѣлялись по шаріату, а теперь они постоянно измѣняютъ свою норму такъ какъ никакого принципа еще не выработано по этому предмету. Что неудовольствіе однакоже существуетъ, это очевидно изъ взаимныхъ отношеній съ туземцами; еще очевиднѣе изъ трехъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ 1872 году въ Ходжентѣ произошли сильные безпорядки, вынудившіе содѣйствіе войскъ, помощью которыхъ волненіе прекратилось и главные его зачинщики были казнены. Поводомъ былъ приказъ объ оспопрививаніи, главною же причиною недовольство цифрою налоговъ, которую русскіе подняли вмѣсто того, чтобъ опустить, какъ обѣщали. Въ томъ же году было сдѣлано нападеніе на станцію Кара-су, вблизи Ташкента. Убитъ былъ офицеръ Колесниковъ и зданіе станціи разрушено. Сначала преступленіе было приписано просто грабительству, но потомъ открылось, что это было дѣломъ политическаго заговора, въ которомъ участвовать приглашались многіе знатнѣйшіе изъ ташкентцевъ. Въ началѣ весны 1873 года большая часть киргизовъ, заселяющихъ чемкентскій уѣздъ, вышла изъ него, предпочитая русскому владычеству пески кизылъ кумской пустыни“.....

Всѣ эти замѣчанія принадлежатъ человѣку, ко-

тораго сочувствія къ Россіи доказывается многими мѣстами его сочиненій, а безпристрастіе извѣстно цѣлому свѣту послѣ донесеній о событіяхъ 1876 г. въ Болгаріи. Но онъ — иностранецъ; защитники ташкентскихъ порядковъ, въ родѣ Гейнса и К°, пробовали этимъ обстоятельствомъ ослаблять силу его доводовъ. Поэтому обратимся къ другимъ источникамъ, и всего лучше къ оффиціальнымъ. Не далѣе 1876 года генералъ Кауфманъ долженъ былъ удалить правителя своей канцеляріи Гомзина, его помощника Савенкова и вообще до тридцати человѣкъ служащихъ въ самомъ Ташкентѣ, въ томъ числѣ губернатора сыръ-дарьинской области Головачева. За что? А за такія злоупотребленія, которыя марали русское имя: за мошенническую продажу вакуфныхъ земель, за расходы денегъ на конскій заводъ, существовавшій только на бумагѣ, за постройку мостовъ такимъ образмъ, чтобъ они какъ можно скорѣе разрушались и т. п. Генералу Кауфману не мѣшало бы при этомъ вспомнить, что главный источникъ зла—онъ самъ и его система управлять краемъ по проконсульски, изъ Петербурга. Ему не мѣшало бы не забывать, что собственные его взгляды на задачи туркестанскаго управленія были и есть до такой степени странны, что правительство отвергло два его проэкта объ устройствѣ

этого управленія. Одинъ изъ нихъ, относящійся къ 1871 году и представленный Кауфманомъ непосредственно императору Александру при письмѣ, въ которомъ авторъ увѣрялъ, что все написанное есть плодъ добросовѣстнаго узученія дѣйствительныхъ нуждъ края, до такой степени нелѣпъ, что мы приведемъ здѣсь извлеченіе изъ него, какъ образчикъ того, до чего можетъ додуматься военная бюрократія и чѣмъ собственно она руководствуется въ своихъ пріемахъ, имѣющихъ будто бы цѣлью привязать къ государству вновь завоеванныя области, а на самомъ дѣлѣ достигающая прямо противнаго.

По одному изъ первыхъ параграфовъ новаго проэкта правительственныя учрежденія, предназначавшіяся для края съ населеніемъ не болѣе одной русской губерніи (1,700,000 д.), суть: главное управленіе, областныя управленія, уѣздныя и городскія, волостныя и общинныя. Главное управленіе состоитъ изъ генералъ-губернатора и совѣта, и притомъ генералъ-губернаторъ, какъ представитель высшаго надзора, непосредственно, т. е. единолично вѣдаетъ весьма важныя дѣла, какъ напр. всѣ пограничныя дѣла, командованіе войсками, опредѣленіе и перемѣщеніе чиновниковъ. Въ случаяхъ экстренныхъ и не терпящихъ отлагательства, онъ имѣетъ право удалять отъ должности всѣхъ служа-

щихъ въ краѣ, до губернаторовъ включительно, и допускать къ исправленію ихъ должностей лицъ по своему избранію, доводя о томъ до свѣдѣнія высшаго правительства и испрашивая утвержденіе сдѣланнаго имъ выбора или присылку новаго лица. Какъ высшій же блюститель порядка и спокойствія въ странѣ, генералъ-губернаторъ воленъ высылать изъ предѣловъ края всѣхъ лицъ, которыхъ пребываніе кажется ему вреднымъ, и никакія мѣста и лица, даже правительствующій сенатъ, не могутъ входить въ расмотрѣніе жалобъ на такую высылку, не могутъ даже принимать жалобъ этого рода. Въ предѣлахъ края генералъ-губернаторъ можетъ высылать каждаго неслужащаго подъ надзоръ полиціи, куда ему заблагоразсудится, и даже можетъ передавать эту власть губернатору. Ему предоставляется предавать полевому уголовному суду всѣхъ тѣхъ, кто по закону подлежитъ собственно простому военному суду или даже обыкновенному уголовному. Какъ мѣстному высшему блюстителю порядка, ему предоставллется право, подъ личною впрочемъ отвѣтственностью (?), пріостанавливять приведеніе въ исполненіе всякаго постановленія своего совѣта, донося однако объ этомъ немедленно въ Петербургъ. При поѣздкахъ по краю генералъ-губернаторъ въ правѣ брать съ собой столько чиновниковъ, сколько по-

желаетъ. Правитель его канцеляріи есть вмѣстѣ и членъ совѣта, который составляется изъ чиновниковъ всѣхъ министерствъ, не имѣющихъ впрочемъ права сноситься съ министрами. Совѣтъ есть не только высшая административная, но и судебная (въ смыслѣ кассаціи) и даже учредительная власть въ краѣ. Онъ имѣетъ право дополнять и разъяснять положеніе объ управленіи страною, онъ указываетъ порядокъ, сроки и способъ примѣненія общихъ законовъ имперіи къ туркестанскому генералъ-губернаторству. Онъ комментируетъ даже шаріатъ, т. е. мусульманское право, и, въ довершеніе всего, служитъ главнымъ въ странѣ учрежденіемъ по поземельнымъ и земскимъ дѣламъ, при чемъ подъ именемъ земства разумѣется въ каждомъ уѣздѣ исправникъ и два или три становыхъ. Дополненія и разъясненія совѣта къ положенію объ управленіи краемъ принимаются немедленно къ руководству всѣми властями края, и только черезъ годъ послѣ введенія ихъ въ дѣйствіе представляются на высочайшее усмотрѣніе, послѣ чего, если будутъ удостоены одобренія верховной власти, издаются особымъ сборникомъ, обязательнымъ для всѣхъ мѣстъ и лицъ туркестанскаго генералъ-губернаторства и уступающимъ въ силѣ только законамъ. Областныя управленія и губернаторы оставлены проэктомъ на

второмъ планѣ, потому что они, будучи близко знакомы съ положеніемъ отдѣльныхъ мѣстностей, могли бы составлять оппозицію генералъ-губернатору и его канцеляріи, именуемой совѣтомъ. Въ проэктѣ не нашлось даже мѣста для особыхъ судовъ, а судебная власть всецѣло предоставляется совѣту въ Ташкентѣ и областнымъ управленіямъ въ областяхъ. Такимъ образомъ распорядители по дѣламъ, нерѣдко разрушительнымъ для частныхъ лицъ, становятся и судьями по этимъ дѣламъ. Впрочемъ, при областныхъ правленіяхъ полагаются прокуроры, какъ блюстители правосудія; но при совѣтѣ и этого нѣтъ. Уѣздное управленіе лежитъ на уѣздномъ начальникѣ, который опредѣляется и увольняется генералъ-губернаторомъ. Затѣмъ въ поземельномъ, полицейско-административномъ и судебномъ отношеніяхъ уѣзды раздѣляются на участки, управляемые участковыми начальниками (становыми), опредѣляемыми ташкентскимъ совѣтомъ. Поземельный съѣздъ состоитъ, какъ уже упомянуто, изъ уѣзднаго начальника и 2-3 становыхъ; онъ дѣйствуетъ по инструкціямъ ташкентскаго главнаго управленія, которому подчиняется непосредственно, минуя областныя управленія и губернаторовъ.

Доходы по генералъ-губернаторству и расходы по содержанію управленій вносятся въ государствен-

ную смѣту однимъ параграфомъ, при чемъ совѣту въ Ташкентѣ предоставляется перемѣщать статьи смѣты, лишь бы не выйдти изъ общей суммы. Такимъ образомъ смѣтныя правила, такъ сильно стѣсняющія финансовый произволъ бюрократіи въ Европейской Россіи, уничтожаются для господъ ташкенцевъ. Штатные расходы по управленію провинціею съ населеніемъ въ 1,700,000 душъ опредѣляются проэктомъ г. г. Кауфмана и Савенкова въ 996,000 рублей, т. е. въ 8 или 9 разъ болѣе, чѣмъ расходуется на управленіе такимъ же населеніемъ въ Россіи.

Въ высшей степени любопытно, какъ проэктъ, подписанный лицомъ пяти-десяти-шестилѣтняго возраста, занимающимъ притомъ высокую государственную должность, трактуетъ вопросы объ общественномъ и поземельномъ устройствѣ обширнаго края, имѣющаго свою многовѣковую исторію. Въ средней Азіи, особенно среди кочеваго населенія издавна существуютъ волости и аулы, какъ мельчайшія общественныя группы, почти недѣлимыя и связанныя между собою не только географическою совмѣстностью, но и историческимъ происхожденіемъ. Ихъ безусловно признавали и русскіе законы съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Россія овладѣла степями. Но проэктъ гг. Кауфмана и его фаворита Савенкова, по-

павшагося потомъ въ столь неблаговидныхъ продѣлкахъ, что для избѣжанія тюрьмы и Сибири онъ прикинулся сумасшедшимъ, не признаютъ ауловъ, т. е. естественныхъ историко-географическихъ группъ, а замѣняютъ ихъ искуственными округами съ населеніемъ не менѣе 500 душъ. При этомъ въ мѣстахъ земледѣльческихъ онѣ слагаются изъ поземельныхъ общинъ, какъ бы артелей, которыхъ особенность состоитъ въ томъ, что онѣ должны состоять не менѣе какъ изъ десяти лицъ. Чуть осталось девять — община распадается, законъ не признаетъ ея, и членамъ ея остается лишь пристроиться къ другимъ поземельнымъ общинамъ или бросать земледѣліе. Причисленіе лица къ округу удостовѣряется билетомъ, выдаваемымъ старшиною, причемъ взыскивается въ пользу казны 20 копѣекъ съ души. Съ этимъ билетомъ всякій житель туркестанскаго генералъ-губернаторства можетъ свободно проживать въ краѣ, гдѣ хочетъ, до самой своей административной высылки или отдачи подъ надзоръ полиціи. Но если онъ такого билета не имѣетъ, то почитается неимѣющимъ никакихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, почему и всякое дѣйствіе, сдѣланное ему во вредъ, не можетъ быть обжаловано никакому административному или судебному мѣсту. Округа, нужно замѣтить, образуются изъ населенія, причисленнаго къ извѣ-

стной территоріи, такъ что киргизы, для осуществленія проэкта, должны бы были перестать вести кочевую жизнь, т. е. вымереть въ теченіи 3 — 4 недѣль...

Населеніе туркестанскаго генералъ-губернаторства освобождается вовсе отъ *государственныхъ* земскихъ повинностей. Но это не значитъ, чтобы такихъ повинностей не было; напротивъ, ихъ очень много, но всѣ онѣ *мѣстныя*, т. е. отбываются не въ пользу государства и не подъ наблюденіемъ верховнаго правительства, а только по указаніямъ и подъ руководствомъ ташкентскаго совѣта. Къ этимъ мѣстнымъ повинностямъ, отбываемымъ безконтрольно со стороны верховной власти, относятся, между прочимъ, поставка подводъ для войскъ въ случаѣ военныхъ дѣйствій, никогда въ краѣ не прекращающихся, содержаніе почтовыхъ, водяныхъ и торговыхъ дорогъ, мостовъ и спусковъ, устройство и ремонтъ станцій, возведеніе тюремъ, присутственныхъ мѣстъ, отопленіе домовъ начальниковъ областей и генералъ-губернатора, отводъ квартиръ и юртъ для чиновниковъ, проѣзжающихъ по дѣламъ службы, и даже штатное содержаніе цѣлаго межеваго вѣдомства.

Всѣ земли Туркестанскаго края объявляются государственною собственностью и никому впредь не

могутъ быть отчуждаемы безъ особаго каждый разъ высочайшаго разрѣшенія. Впрочемъ, онѣ отводятся лицамъ и обществамъ на правѣ постояннаго пользованія и съ правомъ собственности на всѣ воздвигнутыя на нихъ строенія. Но въ случаѣ государственныхъ или земскихъ надобностей право пользованія можетъ быть прекращено административнымъ порядкомъ, съ вознагражденіемъ владѣльца по положенію. За постоянное пользованіе землею вносится оброкъ, просрочка въ уплатѣ котораго ведетъ къ прекращенію поземельнаго права. На земляхъ, не отведенныхъ въ постоянное пользованіе кому-нибудь, запрещается вообще нетолько возводить постройки, но даже разводить сады, пашни и огороды. Нѣкоторыя земли могутъ быть даны въ наслѣдственное пользованіе, но не болѣе, 83 десятинъ. Вакуфы, т. е. земли мусульманскаго духовенства, также объявляются государственными; но доходы съ нихъ идутъ въ пользу самого духовенства и школъ, впрочемъ черезъ мѣстное „земство,“ т. е. черезъ становыхъ и исправниковъ.

Наконецъ, мусульманская вѣра, общая всѣмъ среднеазіатцамъ, въ предѣлахъ туркестанскаго генералъ-губернаторства только терпится, но не охраняется. Всякое ея постановленіе, противорѣчащее русскому (то есть православному?) закону, по-

читается ничтожнымъ. Каждый мусульманинъ воленъ исповѣдывать свою вѣру, какъ онъ ее понимаетъ, воленъ возводить мечеть; но ей не придается никакого особаго значенія противу другихъ зданій (напр. сараевъ). Правительство мусульманской вѣры не вѣдаетъ, чистоты ея не охраняетъ и никакого уклоненія отъ ней, никакого раскола — до тѣхъ поръ пока онъ не выразится во вредной для спокойствія общества проповѣди — не преслѣдуетъ. Бракъ лицъ мусульманскаго вѣроисповѣданія считается законнымъ лишь тогда, когда онъ совершенъ на основаніи „Проэта,“ и разсматривается не болѣе, какъ договоръ съ цѣлью сожитія. При этомъ, хотя мусульманамъ дозволяется многоженство, но вторичный бракъ мужчины не можетъ быть совершенъ иначе, какъ по согласію жены. Въ случаѣ несогласія ея, мужъ можетъ вступить въ новый бракъ не иначе, какъ расторгнувъ первый въ присутствіи судьи и расчитавшись сполна съ прежнею супругою. Жена имѣетъ право покинуть своего мужа; но мужъ, за исключеніемъ случая формальнаго развода, можетъ удалить жену лишь по суду... Совѣту въ Ташкентѣ, составленному изъ однихъ христіанъ, предоставлено дать на подобные случаи толкованіе къ шаріату, т. е. къ корану.

Таковы основныя положенія административно-

законодательнаго проэкта, представленнаго мѣстною властью черезъ пять лѣтъ по завоеваніи края, который имѣетъ свою исторію, свои преданія, нравы, законы, обычаи, словомъ свою цивилизацію. Объяснительная записка къ проэкту съ наглостью увѣряла, что все изложенное можно безъ труда ввести, потому что Туркестанскій край tabula rasa Ясно, что если бы подобный проэктъ представилъ напр. британскому правительству какой-нибудь даже мелкій чиновникъ Индіи, то онъ былъ бы если не посаженъ въ Бедламъ, то ужъ непремѣнно уволенъ отъ службы, особенно въ Индустанѣ. Генералъ же Кауфманъ съ 1871 г. осыпанъ наградами и почестями и продолжаетъ вотъ уже двѣнадцатый годъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, покровительствуемый военнымъ министромъ Милютинымъ и даже уважаемый императоромъ Александромъ за „умъ и честность.[1]) Каковы послѣдствія выходятъ изъ этого для достиженія цѣли — сближенія съ Россіею Туркестана,— видно изъ того, что каждый годъ генералъ губернаторъ требуетъ усиленія въ краѣ войскъ и что теперь число ихъ перешло за 40,000. Сила,

[1]) Что генералъ Кауфманъ не вымогаетъ для себя лично бакшишей, это вѣрно. Но, построивъ при помощи солдатъ для себя домъ, въ Ташкентѣ, онъ продалъ его въ казну за прозвольную цѣну для того, чтобы въ немъ же самому жить и ремонтировать его на казенный счетъ.

одна грубая, матеріальная сила гарантируетъ русскую власть въ краѣ, гдѣ такъ легко было бы замѣнить ее могуществомъ цивилизаціи, гумманностью пріемовъ администраціи, строгою правдивостью независимаго суда и уваженіемъ ко всѣмъ тѣмъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, которые непрямо противорѣчамъ началамъ гражданственности. Всеобщее возстаніе въ краѣ при первомъ удобномъ случаѣ весьма вѣроятно.

По отношенію къ *Киргизскимъ степямъ*, лежащимъ сѣвернѣе Туркестана, напротивъ, успѣхи объединительной политики были довольно-значительны и привели къ результатамъ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ. На сколько можно связать судьбы кочеваго народа съ судьбою осѣдлаго,— эта связь достигнута, или, по крайней мѣрѣ, ей положено прочное основаніе. Наибольшая заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ степной коммиссіи 1865-67 годовъ, которая хорошо изучила бытъ и нужды киргизовъ и умѣла, не нарушая — подобно генералу Кауфману — условій кочеваго быта, дать населенію степей устройство, которое обезпечитъ ему миръ и даже прогресъ. [1]) Коммиссія при этомъ не явилась

[1]) Слѣдуя правилу, котораго будемъ держаться и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, назовемъ членовъ этой почтенной коммиссіи. Это были : Гирсъ, Гутковскій, Гейнсъ и Проценко, изъ которыхъ

подражательницею китайцевъ, которые той же цѣли достигаютъ въ Монголіи, ублажая, т. е. привлекая на свою сторону мѣстную знать—давящихъ народъ князей и тайцзіевъ, — а напротивъ, сквозь всю степную организацію провела демократическое начало, вызывающее народъ къ новой жизни. Всюду управленіе номадами и судъ надъ ними и особенно между ними ввѣрены людямъ выборнымъ, въ замѣнъ прежнихъ потомственныхъ султановъ, манаповъ и біевъ. Это выдвинуло народъ и положило конецъ — если еще не de facto то de jure—съ одной стороны многимъ злоупотребленіямъ родоправителей по отношенію къ народнымъ массамъ, а съ другой ихъ сепаратистскимъ стремленіямъ, которыя были довольно естественны у людей, считавшихъ себя потомками Чингизъ-хана, Аблая и пр. Но отдавая должную справедливость „Степному Положенію“ 1868 года, мы должны замѣтить, что самое введеніе его въ жизнь, по крайней мѣрѣ въ Оренбургскомъ краѣ, сопровождалось такими обстоятельствами, которыя способны были вызвать среди киргизовъ ненависть къ Россіи и дѣйствительно произвели возмущеніе. Вотъ нѣкоторые изъ относящихся сюда фактовъ:

Оренбургскіе киргизы издавна стояли гораздо

особенно второй былъ глубокимъ знатокомъ степей и ихъ населенія.

дальше отъ русскихъ, чѣмъ сибирскіе. Причинъ тому было нѣсколько. Во 1-хъ недалѣе 1835 года у нихъ отнята часть лучшихъ кочевокъ подъ станицы оренбургскаго казачьяго войска; во 2-хъ среди ихъ степей вовсе не было русскихъ торговыхъ пунктовъ, гдѣ бы они могли пріучиться къ личнымъ сношеніямъ съ русскими, въ 3-хъ степями эти управлялись родовымы султанами, а не приказами, какъ въ Сибири; въ 4-хъ всякій безпорядокъ легче возникалъ и труднѣе прекращался, въ Оренбургскомъ краѣ; потому что агитаторы всегда находили поддержку и убѣжище въ сосѣдней труднодоступной Хивѣ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, особенно при совершенномъ незнакомствѣ киргизовъ съ русскою администраціею, — доходившемъ напр. до того, что адаевцы никогда не видали ни одного русскаго чиновника, — и при прямой опасности для мѣстныхъ султановъ утратить власть надъ народомъ, нужно было проводить новый законъ съ большою осмотрительностью и тактомъ. Между тѣмъ оренбургская администрація отличилась крутостью мѣръ и безтактностью, которыя даже у генерала Крыжановскаго неповседневны. Слухи о введеніи новаго управленія силою взволновали киргизъ еще на зимовкахъ 1868-69 года; съ началомъ весны эти волненія мало по малу перешли въ бунтъ. Киргизы

начали откочевывать отъ уральской линіи въ глубь степей и тѣмъ лишили даже возможности употребить противу нихъ военную силу, потому что не было больше верблюдовъ, необходимыхъ для перевозки за войсками продовольствіи. Не сообразивъ того, что либеральный, демократическій законъ не могъ нравиться степнымъ консерваторамъ-мусульманамъ, Крыжановскій вздумалъ прибѣгнуть, для усмиренія волненій, къ содѣйствію мѣстной аристократіи и духовенства. Киргизы Баядиль Кекинъ и султанъ Бай-Мухамедъ Айчуваковъ и мулла Ишанъ были призваны повліять своимъ авторитетомъ на мятежниковъ, но конечно напрасно, тѣмъ болѣе, что одновременно съ тѣмъ пришлось арестовать семейство Айчувакова по подозрѣнію въ измѣнѣ. Цѣлую весну 1869 г. въ степи господствовало полное безначаліе. Русскимъ туда нельзя было показываться. Наконецъ въ маѣ начали выдвигаться съ линіи отряды, изъ которыхъ одинъ былъ подъ начальствомъ гражданскаго чиновника, д. ст. сов. Юрковскаго: такъ потеряли голову оренбургскіе администраторы. Отрядъ этотъ, пробравшись сначала довольно далеко, былъ однако же скоро остановленъ ложнымъ слухомъ, что сосѣдняя колонна потерпѣла неудачу противу киргизовъ, и потому вернулся назадъ, а штатскій начальникъ его даже заболѣлъ

отъ страху и бѣжалъ въ Оренбургъ. Это отступленіе было принято въ степи за результатъ побѣды киргизовъ и очень воодушевило послѣднихъ; но мало-по-малу новыя войска, подходившія съ линіи, усмирили мятежъ, только средствами, гибельными для края. Большая часть реляцій отрядныхъ начальниковъ формулировалась такъ, что „отрядъ не нагналъ непріятеля, но за то отбилъ много скота," или что „мятежническая партія скрылась, но за то отрядомъ захваченъ весь скотъ, лошади, бараны и другое имущество, брошенное киргизами." Этотъ отбитый скотъ, по дорогѣ на линію, падалъ тысячами, и въ результатѣ вышло обѣдненіе степи, которое, примѣрно простиралась на сумму до $4^1/_2$ милліоновъ рублей. А съ обѣдненіемъ киргизовъ упала и вся русская торговля съ ними. Купецъ Лебедевъ потерялъ за степными должниками 130,000 рублей; купцы Дюковъ и Веснинъ совсѣмъ отказались отъ степной торговли въ 1872 г., и т. д. Такимъ образомъ неудачныя административныя мѣры оренбургскихъ властей по введенію новыхъ положеній вредно отозвались на всѣхъ связяхъ, существовавшихъ между киргизами и русскими и вызвали ненависть и ожесточеніе первыхъ противу русской власти. Это ожесточеніе было такъ велико, что, какъ мы уже упоминали, на Мангышлакѣ киргизы убили русскаго

штабъ-офицера, Рукина, съ частью его конвоя, а другихъ казаковъ, захваченныхъ въ плѣнъ, продали въ плѣнъ въ Хиву, откуда тѣ вернулись нераньше 1873 года.

Сибирская степь была еще со временъ Сперанскаго устроена такъ, что для нея переходъ къ новымъ порядкамъ былъ почти неощутителенъ, а потому тамъ не только безпорядковъ не было, но народъ, въ массѣ, былъ доволенъ нововведеніями. Благодаря миру, многіе сибирскіе киргизы предались занятію, которое болѣе всякихъ другихъ отучаетъ номадовъ отъ хищничества, —земледѣлію, разумѣется, гдѣ оно возможно по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. То же самое произошло и въ Семирѣчьѣ, не смотря на то, что большая его часть завоевана лишь въ 1850-хъ годахъ. Семирѣченская область привлекла къ себѣ даже выходцевъ изъ Китая, калмыковъ и сибо, которые на мирной почвѣ ея искали спасенія отъ безпорядковъ въ Джунгаріи и не затруднились принять не только русское подданство, но православную вѣру и даже казачій мундиръ.

Окраины Сибири къ сторонѣ Монголіи ни въ чемъ существенномъ не измѣнились противу того состоянія, въ которомъ ихъ оставилъ при смерти императоръ Николай. Правда, въ видахъ вящаго объ-

единенія ихъ православные монахи занимались распространеніемъ христіанства между калмыками и бурятами; но это религіозное объединеніе инородцевъ съ русскими было въ большей части случаевъ чисто номинальнымъ. Буряты крестились, чтобы добиться сложенія податныхъ недоимокъ, иногда, чтобъ получить чистую рубашку при крещеніи и потомъ скрыться въ своихъ гористыхъ степяхъ или въ лѣсахъ Саяна, пока личность ихъ будетъ забыта и они въ состояніи будутъ снова повторить ту же исторію. Алтайская миссія прославилась разными нечистыми дѣлами и взаимною ненавистью своихъ членовъ, что, разумѣется, не говоритъ особенно много въ пользу ея объединительной дѣятельности. Забайкальскіе же миссіонеры составили себѣ извѣстность вѣчными жалобами на полицію за слабое содѣйствіе или даже за противодѣйствіе ихъ пропагандѣ: безъ полиціи вѣдь они едва ли въ состояніи бороться съ противудѣйствующими имъ ламами.

Экономическое сближеніе всѣхъ сибирскихъ окраинъ съ Россіею сдѣлало значительные успѣхи, вслѣдствіе развитія на сибирскихъ рѣкахъ пароходства; но за то оно же многое утратило съ уничтоженіемъ кяхтинской монополіи по чайной торговлѣ. Огромные обозы съ чаемъ тянулись до 1861 года постоянно по всей Сибири отъ Кяхты до Тюмени, и

этимъ доставлялось немало заработковъ всему придорожному населенію большаго сибирскаго тракта. Теперь этого нѣтъ совсѣмъ, потому что кяхтинская торговля очень упала, а какіе чаи и привозятся черезъ Кяхту, то на значительномъ протяженіи они слѣдуютъ черезъ Сибирь по рѣкамъ, на пароходахъ, Сибирскій житель - извощикъ теперь менѣе заинтересованъ въ торговыхъ связяхъ съ Россіей, чѣмъ 25 лѣтъ назадъ. Для оживленія этихъ экономическихъ связей Сибири съ европейскою Россіею весьма важно было бы устройство желѣзной дороги черезъ Уралъ, между бассейнами Иртыша и Камы; но объ этомъ лишь были толки и довольно многочисленныя заявленія передъ правительствомъ сибирскаго купечества, до проведенія же дороги не дошло. Занятое устройствомъ стратегическихъ линій въ западномъ краѣ, правительство какъ бы отворачивалось отъ линіи сибирской. Моло того; оно боялось желѣзныхъ дорогъ въ Сибири, которыя бы дали этой странѣ самостоятельную жизнь экономическую, а съ нею, конечно, и политическую. Въ 1857 году американцы, увлеченные богатствами Амурскаго края, предлагали устроить желѣзную дорогу между верховьями Амура и Байкаломъ; но правительство отклонило этотъ проэктъ, при чемъ государственный секретарь Бутковъ передалъ, черезъ чиновника Беклемишева,

генералъ-губернатору Муравьеву, что „мы ие можемъ допустить общенія Сибири, черезъ Тихій океанъ и Амуръ, съ Америкою: американцы разовьютъ въ странѣ республиканскій духъ и она отпадетъ отъ имперіи.“

Что касается до политическаго закрѣпленія за Россіею отдаленнѣйшихъ *восточныхъ окраинъ Азіи*, то нельзя не замѣтить, что эти окраины — земля Чукчей, Камчатка, Охотскій край и даже вновь пріобрѣтенные Сахалинъ и Амурскій край почти забыты правительствомъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ теперь менѣе тяготѣютъ къ Россіи, чѣмъ при Николаѣ и Александрѣ 1. Таковы въ особенности страны на сѣверъ отъ устья Амура, гдѣ уже начинаетъ сказываться вліяніе американцевъ въ ущербъ русскому, и гдѣ сношенія съ Россіею поддерживаются лишь двумя рейсами въ годъ: сухопутнымъ черезъ Якутскъ зимою и пароходнымъ изъ Владивостока лѣтомъ. Въ Амурскомъ краѣ, для прочнаго объединенія этой драгоцѣнной мѣстности съ имперіей, не сдѣлано почти ничего, кромѣ водворенія крайне малочисленныхъ колонистовъ-піонеровъ, которые притомъ поставлены въ самыя отвратительныя экономическія и нравственныя условія черезъ подчиненіе ихъ военно-казачьей и военно-флотской администраціи. Не проведено даже сухопутныхъ дорогъ, кото-

рыя бы связывали Амурскій край съ Забайкальемъ, сунгарійскую низменность съ буреинскою и Владивостокъ съ бассейномъ рѣки Усури ..... Въ виду всего этого какъ же не опасаться, что при первой войнѣ съ Англіею или даже съ какою нибудь другою, менѣе сильною, но морскою державою или же съ Китаемъ, Россія лишится Амура?

Таковы наиболѣе выдающіяся замѣчанія, которыя, на основаніи фактовъ, можно сдѣлать относительно успѣховъ объединенія государственной области русскаго народа за время, отдѣляющее смерть императора Николая отъ заключенія берлинскаго договора. Какіе же общіе выводы истекаютъ изъ всего здѣсь изложеннаго? — Они немногочисленны, но поучительны, и ихъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

1. Прикрѣпленіе нѣкоторыхъ окраинъ къ Россіи сдѣлало съ 1855 года значительные успѣхи. Особенно это можно сказать про сѣверный Кавказъ и отчасти про Крымъ и сѣверную половину среднеазіятскихъ степей. Екатериненскія завоеванія въ западной Россіи также теперь прочнѣе слились съ Россіею, чѣмъ при Николаѣ, благодаря ослабленію въ нихъ польскаго элемента и возвышенію русскаго.

2. Гораздо слабѣе успѣхи приращенія къ Россіи двухъ завоеваній александровскихъ—Бессарабіи и Польши. Первая, особенно теперь, послѣ созданія независимой Румыніи, будетъ доставлять Россіи немало хлопотъ, которыя могутъ прекратиться лишь со введеніемъ у насъ конституціи столь же либеральной, какъ румынская, и съ усиленіемъ въ краѣ русскаго землевладѣнія. Вторая, т. е. Польша, едва ли когда прпростетъ къ Россіи, но можетъ еще долго сохраниться за нею, потому что возстановленіе ея независимости не въ интересахъ сосѣднихъ Австріи и Пруссіи, не говоря уже про Россію. Во всей Польшѣ, особенно же въ западной ея половинѣ, сдѣлалъ за наше время большіе успѣхи германскій элементъ, почему можно опасаться, что при первой войнѣ съ Германіею этотъ край будетъ отнятъ ею у Россіи.

3. Еще больше вѣроятности осуществиться имѣетъ это послѣднее предположеніе по отношенію къ прибалтійскому краю, отъ Нѣмана до Наровы и Чудскаго озера, гдѣ вся мѣстная нѣмецкая интеллегенція работаетъ прямо въ антирусскомъ духѣ, подъ покровительствомъ царствующей въ Россіи династіи, вполнѣ нѣмецкой по происхожденію и симпатіямъ.

4. Финляндія имѣетъ всѣ вѣроятности отпасть отъ Россіи при первой неудачной войнѣ ея съ коа-

лиціею, въ которой приметъ участіе Швеція. Связь ея съ Россіею за время съ 1855 года нетолько не усилилась, но ослабла, а сепаратистскія стремленія возрасли.

5. Въ Закавказьѣ вмѣсто русскаго элемента усилился особенно армянскій, котораго вліяніе очень пагубно для Россіи и должно быть по возможности сокращено, если Россія желаетъ удержать за собою закавказскія земли. Прирощеніе этихъ земель къ русской государственной области не сдѣлало съ 1855 года почти ни какихъ успѣховъ, за исключеніемъ мѣстностей, занятыхъ грузинскимъ племенемъ, да и то въ слабой степени.

6. Изъ вновь завоеванныхъ въ Азіи земель Амурскій край можетъ быть отнятъ у Россіи вслѣдствіе его географическаго положенія, крайне слабой заботливости объ усиленіи въ немъ числа русскихъ и отвратительной системы управленія, уже поведшей къ тому, что всякое добровольное переселеніе въ эту богатую страну прекратилось; въ Туркестанскомъ краѣ къ этому послѣднему обстоятельству, т. е. къ скверной администраціи, присоединяются, къ невыгодѣ Россіи: слабость русской колонизаціи (кромѣ Семирѣчья), ненадежность мусульманскаго населенія, еще недавно составлявшаго самосостоятельныя государства, и враждебныя намъ

вліянія изъ-за Гиндукуша и изъ Константинополя. Поэтому Россіи долго еще придется дѣлать большія усилія для прочнаго прирощенія обѣихъ названныхъ здѣсь окраинъ, при чемъ первымъ условіемъ успѣха въ обоихъ случаяхъ является измѣненіе въ составѣ и направленіи дѣятельности администраціи, а вторымъ: по отношенію къ Амуру — привлеченіе туда русскихъ колонистовъ, а по отношенію къ Туркестану — скорѣйшее завоеваніе всей арало-каспійской низменности до Гиндукуша и Хорасана, безъ чего немыслимо въ краѣ спокойствіе.

7. Наконецъ, единственно прочною мѣрою для сохраненія за русскимъ народомъ его современной государственной области является созданіе одного, общаго для всѣхъ провинцій, представительства, при чемъ значительный перевѣсъ собственно русскаго населенія въ имперіи обезпечиваетъ соблюденіе національно-русскихъ интересовъ, а присутствіе въ парламентѣ инородцевъ обезпечиваетъ успѣхъ всякихъ мѣръ, полезныхъ для экономическаго, общественнаго и умственнаго развитія окраинъ, которые тогда сами увидятъ пользу отъ принадлежности къ составу сильнаго государства. Произволъ же дѣйствій нынѣшней абсолютистской системы, который нигдѣ такъ не чувствителенъ, какъ именно на отдаленныхъ окраинахъ, и при которомъ даже благожелательное цен-

тральное правительство рѣдко знаетъ истинныя нужды провинцій и дѣлаетъ потому ложные шаги, этотъ произволъ есть вѣрнѣйшее ручательство, что чѣмъ дальше мы пойдемъ въ будущее при нынѣшнихъ порядкахъ, тѣмъ скорѣе совершится отпаденіе отъ Россіи почти всего того, что ею пріобрѣтено цѣною огромныхъ усилій съ конца XVI столѣтія.

Имѣющій уши слышати да слышитъ!

Отношенія къ иностраннымъ государствамъ, войны, мирные договоры.

Отношенія государства къ сосѣдямъ составляютъ главное мѣрило его могущества.
Макіавель.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, какъ Россія росла, или, точнѣе, какъ устанавливалась, въ теченіе послѣднихъ 23 лѣтъ, ея государственная область, ея международная географическая позиція. Посмотримъ теперь, каково было ея международное положеніе въ политическомъ смыслѣ. 1855 годъ засталъ русское государство въ самыхъ тягостныхъ условіяхъ. Берега его морей были блокированы, а сдѣланная въ сентябрѣ 1854 г., вопреки предположеніямъ нашихъ военныхъ бюрократовъ, [1]) высадка въ Крымъ союзныхъ войскъ англійскихъ, французскихъ, турецкихъ и сардинскихъ обратилась

[1]) Въ самый день высадки дир. канц. воен. мин. баронъ Вревскій, за обѣдомъ у себя, увѣрялъ, что она невозможна, что больше 30,000-го десанта не было примѣра въ исторіи, а такой силы союзный корпусъ былъ бы разбитъ Меньшиковымъ, и пр.

черезъ мѣсяцъ въ осаду Севастополя, исхода которой, то есть потери города съ находившимися въ немъ адмиралтейскими учрежденіями и всего черноморскаго флота, непредвидѣть было нельзя. Войска, т. е. солдаты, матросы и низшіе офицеры, къ числу которыхъ принадлежалъ и знаменитый инженеръ Тотлебенъ, дѣлали свое дѣло честно, геройски; но способныхъ полководцевъ не было, и императоръ Александръ II, едва вступивъ на престолъ, долженъ былъ удалить изъ Крыма распоряжавшагося тамъ, положимъ умнаго, но въ военномъ смыслѣ неспособнаго и уже хилаго старика, князя Меньшикова. Къ сожалѣнію, удаляя одну неспособность, онъ не нашелъ возможныхъ замѣнить ее ничѣмъ инымъ, какъ другою такою же, или даже еще большею, неспособностью, княземъ Горчаковымъ, слабымъ, безхарактернымъ старикомъ, который, по собственному выраженію, былъ, „измятъ великимъ моголомъ, Паскевичемъ,“ всегда смотрѣвшимъ на бывшаго своего начальника штаба, какъ на старшаго писаря. Найдти Марсо, Гоша или Бонапарта въ русской арміи, конечно, было нельзя по самому роду ея военнаго воспитанія, при которомъ уважались и повышались только генералы-ремешки, актеры вахтъ-парадовъ, и ничто такъ не преслѣдовалось, какъ самостоятельность или „умничанье,“ по выраженію

императора Николая. Горчаковъ въ военномъ дѣлѣ былъ настолько ограниченъ, что, отправляясь въ Крымъ, составилъ курьезный планъ осады самихъ союзниковъ подъ Севастополемъ и изгнанія ихъ оттуда помощію послѣдовательнаго выдвиганія передовыхъ нашихъ редутовъ, забывая, что физически невозможно было исполнить хотя часть этого плана по условіямъ мѣстности, превосходству непріятельскаго вооруженія и численности союзныхъ войскъ, уже одушевленныхъ побѣдами подъ Альмой и Инкерманомъ. Совершить же то, что сдѣлалъ въ 1812 году Кутузовъ съ Москвою, т. е. отдать союзникамъ южную сторону Севастополя, безъ дальнѣйшихъ безполезныхъ потерь, и потомъ увлечь непріятеля внутрь страны, гдѣ побѣда не была невѣроятною для насъ, Горчаковъ не смѣлъ и думать, такъ какъ на это у него не было нравственнаго авторитета ни въ Петербургѣ, ни даже среди подчиненныхъ войскъ. Поэтому, ставъ главнокомандующимъ, онъ влачилъ печальное состояніе маріонетки, управляемой отчасти изъ Петербурга, т. е. за 2,100 верстъ, отчасти своими штабными интриганами. За время его командованія русскимъ удалось, правда, отбить нѣсколько штурмовъ на севастопольскія укрѣпленія; но этимъ отрицательнымъ и притомъ дорого стоившимъ успѣхомъ все и ограничилось. Въ Петербургѣ не-

знакомая съ войной военная бюрократія, окружавшая министра, князя Долгорукова, конечно, думала, что этого мало, и потому рѣшилась подбодрить „измятаго“ старика внушеніями свыше. Съ этою цѣлью изъ состоявшаго при военномъ министерствѣ ареопага бумажныхъ стратеговъ, Вревскаго, Милютина, Карцова, Лебедева, Аничкова и пр. былъ выбранъ первый, какъ генералъ-адъютантъ, и отправленъ въ Крымъ, гдѣ и вынудилъ у Горчакова сраженіе на Черной рѣчкѣ, достопамятное, кончено, не успѣхомъ, а слѣдующею безсмертною характеристикою николаевскихъ генераловъ:

Какъ четвертаго числа
Насъ нелегкая несла
  Горы отбирать,
  Горы отбирать!
Баронъ Вревскій генералъ
Къ Горчакову приставалъ,
  Когда подъ-шефе,
  Когда подъ-шефе,
„Князь, возьми ты эту гору,
„Не входи со мною въ ссору,—
  „Не то донесу!“ (2)
Собирались на совѣты
Всѣ большіе эполеты,
  Даже Плацъ-Бекокъ! (2)
Полицмейстеръ Плацъ-Бекокъ
Ни какъ выдумать не могъ,
  Что ему сказать! (2)
Долго думали-гадали,
Топографы все писали
  На большихъ листахъ! (2)

Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,
А по нимъ ходить! (2)
Князь сказалъ: „ступай Липранди!“
А Липранди: „нѣтъ-съ, атанде!“
Молвилъ: „не пойду!“ (2)
„Туда умнаго не надо,
„Ты пошли туда Реада,
„А я посмотрю!“ (2)
Выѣзжали князья-графы,
А за ними топографы
На большой редутъ. (2)
Глядь: Реадъ возьми да спросту
И повелъ насъ прямо къ мосту:
„Нутка на ура!“ (2)
На ура мы зашумѣли,
Да разервы не поспѣли:
Кто-то перевралъ! (2)
Веймарнъ плакалъ, умолялъ,
Чтобъ резервовъ обождалъ:
„Нѣтъ, ужъ пусть идутъ!“ (2)
Генералъ же Ушаковъ,
Тотъ ужъ вовсе не таковъ:
Все чего то ждалъ! (2)
Онъ все ждалъ да дожидался,
Пока съ духомъ не собрался
Рѣчку перейдти! (2)
А Бѣлявцевъ генералъ
Все лишь знаменъ потрясалъ:
Во все не къ лицу! (2)
На Ѳедюхины высоты
Насъ пришло всего три роты,
А пошли полки! (2)
Наше войско небольшое,
А французовъ было вдвое,
И секурсу нѣтъ! (2)
Ждали выйдетъ съ гарнизона
Къ намъ на выручку колонна:
Подали сигналъ! (2)

А тамъ Сакенъ-генералъ
Все акафисты читалъ
Богородицѣ! (2)
П пришлось намъ отступать...
Р . . . . . ть,
Кто туда водилъ! (2)

Къ этой стихотворной легендѣ о битвѣ на Черной рѣчкѣ нечего прибавить, чтобы охарактеризовать вообще крымскую войну. Довольно будетъ напомнить, что едва она была написана, какъ 27 августа 1855 г. палъ Севастополь, и стало ясно для каждаго знакомаго съ внутреннимъ состояніемъ Россіи и тогдашнимъ положеніемъ ея среди европейскихъ государствъ, что продолжать неравную борьбу съ коалиціею было бы безуміемъ. Армія, конечно, не упала духомъ, какъ имѣлъ случай убѣдиться самъ императоръ Александръ, посѣтивъ ее осенью 1855 года; но надеждъ на побѣды быть не могло. И хотя мы еще въ ноябрѣ имѣли нѣкоторый успѣхъ, потому что принудили къ сдачѣ гарнизонъ Карса; но за то неудачи преслѣдовали насъ въ другихъ мѣстностяхъ: на устьяхъ Днѣпра, въ Азовскомъ и Балтійскомъ моряхъ. Денегъ для веденія войны не было, и производить новые наборы рекрутъ послѣ того, какъ, по несчастной мысли Николая, было сформировано ополченіе, становилось затруднительнымъ. На западной границѣ Ав-

стрія, занимавшая въ то время войсками и Румынію, готовилась пристать къ коалиціи, а Пруссія сообщала, что ей лишь съ трудомъ удается отстаивать свой нейтералитетъ передъ Наполеономъ. Словомъ, заключить миръ во-что-бы-ни-стало сдѣлалось необходимостью, и потому въ Петербургѣ еще въ срединѣ зимы 1865-6 г. начались совѣщаніа высшихъ представителей государственной власти: Орлова, Блудова, Нессельрода, Долгорукова и Константина Николаевича, изъ которыхъ только послѣдній являлся защитникомъ продолженія войны. Но когда и эта оппозиція была сломлена угрозою, которую сдѣлалъ Орловъ, призвавъ къ себѣ адъютантовъ великаго князя и объявивъ имъ, что они дорого поплатятся за подзадориванье ихъ начальника, тогда состоялось перемиріе, и Орловъ отправился въ Парижъ, гдѣ „вручилъ честь Россіи“ авантюристу Наполеону, а $^{18}/_{30}$ марта, въ годовщину взятія въ 1814 г. столицы Франціи русскими войсками [1]), подписалъ договоръ, въ которомъ, между прочимъ, находились слѣдующія унизительныя для Россіи статьи:

[1]) Для любителей интересныхъ сближеній можно замѣтить, что сдача Парижа въ 1814 году состоялась въ силу капитуляціи, составленной и заключенной братомъ Орлова; но только этотъ Орловъ не служилъ въ жандармахъ, а состоялъ подъ ихъ надзоромъ.

„7-я. Договаривающіяся стороны (Россія, Англія, Франція, Италія, Австрія и Пруссія) обязуются каждая съ своей стороны уважать независимость и цѣлость имперіи Отоманской, обезпечиваютъ совокупнымъ своимъ ручательствомъ точное соблюденіе сего обязательства и вслѣдствіе того будутъ почитать всякое въ нарушеніе сего дѣйствіе вопросомъ, касающимся общихъ правъ и пользы.“

„8-я. Если между Портою и одною или нѣсколькими изъ другихъ заключившихъ сей трактатъ державъ, возникнетъ какое-либо несогласіе, могущее угрожать сохраненію дружественныхъ между ними сношеній, то и Порта, и каждая изъ сихъ державъ, не прибѣгая къ употребленію силы, имѣютъ доставить другимъ договаривающимся сторонамъ возможность предупредить всякое дальнѣйшее столкновеніе черезъ свое посредничество.“

„11. Черное море объявляется нейтральнымъ: открытый для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ входъ въ порты и воды онаго формально и навсегда воспрещается военнымъ судамъ какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ державъ съ тѣми только исключеніями, о которыхъ постановляется въ статьяхъ 14 и 19 настоящаго договора.“

„13-я. Въ слѣдствіе объявленія Чернаго моря нейтральнымъ не можетъ быть нужно содержаніе или учрежденіе военно-морскихъ на берегахъ онаго арсеналовъ, какъ не имѣющихъ уже цѣли, а потому Россія и Турція обязуются не заводить и не оставлять на сихъ берегахъ никакого военно-морскаго арсенала. [1])

„14-я. Русскій императоръ и турецкій султанъ заключили особую конвенцію, опредѣляющую число и силу судовъ, которые они предоставляютъ себѣ содержать въ Черномъ морѣ для нужныхъ по прибрежью распоряженій... Это кон-

1) Это относилось къ Севастополю и Николаеву, но послѣдній былъ отстоянъ русскими уполномоченными, въ томъ вниманіи, что онъ, какъ и Константинополь, лежитъ хотя и близко Чернаго моря, но не у самаго его берега.

венція не можетъ быть ни уничтожена, ни измѣнена безъ согласія державъ, заключившихъ настоящій трактатъ."

„20-я. Въ замѣнъ возвращаемыхъ Россіи городовъ, портовъ и земель и для вящаго обезпеченія свободы судоходства по Дунаю, императоръ всероссійскій соглашается на проведеніе новой граничной черты въ Бессарабіи. Началомъ этой черты постановляется пунктъ на берегу Чернаго моря въ разстояніи на одинъ километръ къ востоку отъ соленаго озера Бургаса; она примкнетъ перпендикулярно къ Аккерманской дорогѣ, по коей будетъ слѣдовать до Трояновa вала, пойдетъ южнѣе Болграда и потомъ вверхъ по рѣкѣ Ялпуху до высоты Сарацика и до Каташори на Прутѣ. Отъ сего пункта вверхъ по рѣчкѣ прежняя между обѣими имперіями граница остается безъ измѣненія."

„21-я. Пространство земли уступленное Россіею будетъ присоединено къ княжеству Молдавскому подъ верховною властью Порты."

„22-я. Княжесгва Валахское и Молдавское будутъ подъ верховною властью Порты при ручательствѣ договаривающихся державъ пользоваться преимуществами и льготами, коими пользуются нынѣ. Но ни которой изъ ручающихся державъ не предоставляется исключительнаго надъ онными покровительства" (До 1854 г. такое покровительство принадлежало Россіи).

„33-я. Заключенная сего числа конвенція относительно Аландскихъ острововъ (Россія обязалась по этой конвенціи не строить тамъ укрѣпленій) будетъ имѣть таковую же силу и дѣйствіе, какъ и настоящій трактатъ."

По особой конвенціи между Россіей и Турціею обѣ эти державы предоставили себѣ содержать каждая въ Черномъ морѣ по шести судовъ средняго размѣра (50 метровъ длины и 800 тоннъ вмѣсти-

мости) и по четыре легкихъ парохода, не свыше 200 тоннъ вмѣстимости.

Условіями этими отмѣнялись не только многія изъ тѣхъ правъ, которыя были пріобрѣтены Россіею въ 1829 и 1812 годахъ, по окончаніи двухъ кровавыхъ войнъ съ Турціею, но даже нѣкоторыя существенныя условія Кайнарджійскаго договора, остававшагося безспорнымъ болѣе восьмидесяти лѣтъ и дававшаго Россіи возможность постоянно вмѣшиваться въ дѣла Турціи. Бо̀льшаго униженія огромной, первоклассной державѣ, еще недавно распоряжавшейся судьбами Европы, сдѣлать было нельзя, а потому естественно, что со стороны ея такъ сказать въ самый день подписанія оскорбительнаго договора начались заботы о возвращеніи потеряннаго. И это относилось не только къ переустройству военныхъ и морскихъ силъ, отсталость которыхъ доказала война, но и къ измѣненію самыхъ началъ внѣшней политики, которыми Россія руководствовалась съ самаго Вѣнскаго конгресса 1815 года и которыя доставили ей общую ненависть образованнаго міра. Не касаясь здѣсь арміи и флота, о которыхъ будетъ упомянуто особо, скажемъ, въ чемъ же состояли новыя основанія политики и какъ они примѣнялись на дѣлѣ по отношенію къ разнымъ государствамъ Европы, Азіи и Америки.

Прежде всего, и въ общечеловѣческомъ смыслѣ важнѣе всего, было то, что послѣ 1856 года Россія перестала быть столбомъ европейской реакціи. Ни о конгрессахъ въ родѣ лайбахскаго и веронскаго, послѣ которыхъ, съ ея благословенія, войска Австріи и Франціи ходили на подавленіе народныхъ возстаній въ Италію и Испанію, ни о манифестахъ въ родѣ 14 марта 1848 года, за которымъ слѣдовали занятіе русскими войсками Румынскихъ княжествъ и усмиреніе ими же Венгріи, не могло быть болѣе и рѣчи. Зная это, либеральная Европа свободнѣе вздохнула, и первыми слѣдствіями этого были: объединеніе Молдо - Валахіи, созданіе итальянскаго единства въ ущербъ другой представительницѣ реакціи, Австріи, и, наконецъ, подготовка единства германскаго, съ изгнаніемъ нѣсколькихъ мелкихъ тирановъ, въ родѣ курфюрста гессенскаго и герцога нассаускаго, изъ ихъ владѣній, на которыя они смотрѣли, какъ на крѣпостныя имѣнія. Многихъ изъ подобныхъ явленій не случилось бы, если бы Россія послѣ 1856 года держалась тѣхъ же принциповъ, какъ въ 1818, 1821 и 1849 годахъ. И хотя можно замѣтить, что соединеніе Молдавіи и Валахіи въ одно государство вызвало съ ея стороны протестъ, а итальянское единство было признано ею лишь какъ совершившійся фактъ, безъ одо-

бренія его юридическихъ основъ; но эти были лишь послѣдніе и притомъ чисто формальные отголоски того легитимизма, котораго держался русскій кабинетъ въ теченіи предшествовавшаго полустолѣтія. Это отступленіе отъ началъ европейской реакціи если не примирило внолнѣ съ Россіею европейскіе умы, то по крайней мѣрѣ ослабило ту злобу, которая была единственнымъ чувствомъ къ ней со стороны всей западной Европы въ періодъ времени съ 1818 по 1856 годъ. Сочувствіе же, которое было показано нами сѣверо-американцамъ въ ихъ борьбѣ съ плантаторами южныхъ штатовъ, въ то время какъ Англія и Франція готовы были стать за плантаторовъ, а также поддержка христіянъ Сиріи, Кандіи и Балканскаго полуострова въ ихъ борьбѣ съ турками, доставили намъ если не союзниковъ, то, по крайней мѣрѣ, людей склонныхъ въ извѣстныхъ случаяхъ поддерживать насъ.

Другое важное послѣдствіе новаго направленія русской политики состояло въ томъ, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ стало больше заниматься собственно-русскими интересами, чѣмъ общеевропейскими, на которыхъ было сосредоточено все вниманіе графа Нессельрода, тридцать пять лѣтъ управлявшаго русскою политикою, не зная Россіи и даже презирая ее. „La Russie ne boude pas;

elle se recueille," сказалъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, вскорѣ послѣ парижскаго мира смѣнившій Нессельрода, — и въ этомъ короткомъ изрѣченіи заключалось много глубокой правды. Со времени Екатерины и ея славныхъ сотрудниковъ, Панина, Потемкина, Безбородко, едва ли не впервые русскій министръ-дипломатъ вспомнилъ, что у него есть много заботъ не тамъ, вдали, за Рейномъ, Альпами и Пиренеями, а у порога своего дома, заботъ, подобныхъ тѣмъ, которыя имѣли политики екатериненскаго двора въ Бѣлоруссіи, Литвѣ, въ Крыму, на Кубани и пр. Результатомъ этого перехода отъ космополитической политики къ чисто національной были огромные успѣхи Россіи въ дѣлѣ исправленія ея государственныхъ рубежей въ Азіи, о чемъ мы говорили въ предыдущихъ главахъ. Кромѣ того, князю Горчакову довелось испытаться свои силы въ борьбѣ съ дипломатами трехъ западныхъ государствъ — Австріи, Франціи и Англіи—по вопросу вполнѣ домашнему для Россіи, польскому, и выйдти изъ этой борьбы побѣдителемъ, а въ 1870 году имъ же положено первое начало къ уничтоженію трактата парижскаго отказомъ отъ той статьи его, которая ограничивала морскія силы Россіи на Черномъ морѣ.

Но не станемъ пока распространяться болѣе объ

общихъ результатахъ дѣятельности избраннаго въ 1856 г, императоромъ Александромъ министра. „Счастливецъ, пріятный лжецъ, язвительный болтунъ," какъ называлъ его еще въ лицеѣ товарищъ по воспитанію, Пушкинъ, обязанъ этимъ счастіемъ конечно, прежде всего, многимъ личнымъ достоинствамъ: ясному уму, изящной, слегка ироническої рѣчи и привѣтливости, вообще пріемамъ кровнаго дипломата, и, что всего важнѣе, горячему, хотя не всегда просвѣщенному, патріотизму, котораго вовсе не доставало его предмѣстнику и который Горчаковъ выказалъ на конференціяхъ 1855 года въ Вѣнѣ. Но перворазряднымъ политическимъ геніемъ онъ не родился, и въ настоящемъ очеркѣ намъ не разъ придется отмѣчать его ошибки и слабости, приведшія, въ концѣ концовъ, къ потерѣ имъ авторитета и къ униженіямъ, которыя онъ лично испыталъ въ 1878 г. на конгрессѣ въ Берлинѣ [1]).

Перейдемъ уже прямо къ *частностямъ* политическихъ отношеній между Россіею и другими державами въ Европѣ, Азіи и Америкѣ.

Ближайшій нашъ сосѣдъ, *Швеція*, воспользовал-

[1]) «Князъ Горчаковъ сегодня не можетъ быть на засѣданіи; онъ объѣлся земляники (des fraises),» заявилъ однажды Бисмаркъ собранію.—«Des phrases plutôt,» замѣтилъ при этомъ Андраши.—Любопытная біографія Горчакова находится у Клячко, въ книгѣ: « Les deux chanceliers».

ся въ 1854—56 годахъ нашими неудачами, чтобы обезопасить себя не только отъ угрозы, которую представляли для него аландскія укрѣпленія, но и отъ возможности территоріальныхъ потерь въ будущемъ, для чего заключилъ договоръ съ Англіею и Франціею, гарантирующій цѣлость теперешнихъ скандинавскихъ владѣній. Кромѣ того, у Россіи съ Швеціею возникали мелкія недоразумѣнія относительно земель, прилежащихъ къ Варангерской бухтѣ и Шпицбергена. Въ 1877 году шведское правительство было такъ ревниво по отношенію къ своему нейтралитету, что не допускало къ вызову въ Россію даже одиночныхъ охотничьихъ ружей, составляющихъ будто бы военную контрабанду. Но всѣ эти обстоятельства нисколько не нарушили наружно добрыхъ сосѣдскихъ отношеній двухъ государствъ; торговыя же связи между ними очень разширились, такъ что пароходство между Петербургомъ и Стокгольмомъ въ лѣтнюю пору совершалось по три и болѣе разъ въ недѣлю. Но былъ и остается одинъ вопросъ, серьезно раздѣляющій Россію съ ея забалтійскимъ сосѣдомъ, финляндскій. Издавна на южныхъ и западныхъ берегахъ Финляндіи водворилось немало шведовъ, которые и составили въ ней дворянство и большую часть другихъ высшихъ классовъ. Люди эти естественно тянутъ къ Швеціи и, конечно, на-

ходятъ сочувственный отголосокъ въ шведской націи, если не въ правительствѣ. Въ 1877 году ихъ представители торжественно заявили объ этомъ на празднествѣ четырехсотлѣтія упсальскаго университета. И потому естественно, что Россія принимаетъ нѣкоторыя мѣры къ ограниченю ихъ вліянія въ странѣ, т. е. къ нѣкоторому стѣсненію шведскаго элемента туземнымъ, финскимъ, что не можетъ нравиться Швеціи, военное сословіе которой напр. не разъ заявляло надежду рано или поздно возвратить потерянную въ 1809 году страну. Что выйдетъ изъ этихъ политическихъ симпатій шведовъ, живущихъ по ту и другую сторону Балтики, теперь трудно сказать; но самыя эти симпатіи созрѣли преимущественно въ наше время, и въ случаѣ большихъ политическихъ затрудненій у Россіи стокгольмское правительство можетъ ими воспользоваться. Въ 1878 г. населеніе Финляндіи, въ виду возможности войны съ Англіею, открыто говорило, что будь оно свободнымъ въ выборѣ политики, оно осталось бы нейтральнымъ, и даже финскій гвардейскій стрѣлковый батальонъ кололъ глаза Россіи потерями, которыя онъ, ради ея, понесъ въ турецкой войнѣ.

Отношенія Россіи къ *Даніи* съ 1855 года можно назвать наилучшими. Дочь датскаго короля стала наслѣдницею русскаго престола, а сынъ, избран-

ный королемъ Греціи, женился на одной изъ русскихъ великихъ княженъ, Ольгѣ Константиновнѣ, и потому правительства въ родственной связи. Но Россія не помогла Даніи въ 1864 году, при разгромѣ ея нѣмцами, и это можетъ отозваться въ будущемъ, когда горячая датская патріотка, принцесса Дагмара, сдѣлается русскою императрицею, въ томъ смыслѣ, что ея усердіе къ датскимъ интересамъ будетъ развивать непріязненныя отношенія къ Германіи. Впрочемъ, областъ гипотезъ — не наша; изъ дѣйствительныхъ же фактовъ, выражающихъ политическія связи между Россіею и Даніею, можно замѣтить только одинъ сколько нибудь значительный — отмѣну зундскихъ пошлинъ въ 1866 году, при чемъ Россія выплатила Даніи 6,855,795 рублей.

Слѣдуя въ географическомъ порядкѣ далѣе къ западу, мы встрѣчаемъ *острова Британскіе.* Нѣтъ на земномъ шарѣ націи, которая бы такъ систематически вредила успѣхамъ Россіи, какъ англійская, которая, захвативъ Индію и зная, что одни русскіе могутъ лишить ее этого владѣнія, съ неумолимою послѣдовательностью стремится разстроить всѣ планы Россіи, ослабить ее матеріально и умалить ея нравственное и политическое значеніе въ средѣ европейскихъ и азіатскихъ націй. Особенною же подозрительностью у враждебностью отличается

политика Англіи по двумъ вопросамъ: о свободѣ морскаго пути изъ южной Россіи въ Средиземное море, на перерѣзъ ея собственнаго морскаго сообщенія съ южною Азіею, и о разширеніи русскихъ владѣній въ средней Азіи. Къ этому еще присоединяются опасенія англичанъ лишиться исключительныхъ торговыхъ выгодъ въ Левантѣ, если бы Турція такъ или иначе впала въ зависимость отъ Россіи. Но какъ всѣ эти поводы ко враждѣ Англіи съ Россіею имѣютъ со стороны первой чисто эгоистическій характеръ, и высказывать ихъ открыто, предъ лицомъ цѣлаго свѣта, невсегда удобно, то англичане пользуются всякими другими случаями, чтобы наносить намъ вредъ подъ разными, не чисто британскими предлогами. Такъ въ 1863 г. Англія вступилась за Польшу, забывая даже, что имѣетъ у себя Ирландію, въ которой цѣлые вѣка искореняла нетолько политическія права націи, но самую націю. Такъ въ 1874 году она разстроила предложенную Россіею кодификацію законовъ войны, принятую на брюссельской конференціи всѣми европейскими державами, но отвергнутую Англіею собственно для того, чтобы парализировать русское вліяніе на Европу. О мелкихъ оскорбленіяхъ мы и не говоримъ: они безчисленны. Въ 1869 году, напр. пароходъ англійскаго посла смѣло пошелъ впереди

русскаго при открытіи суезскаго канала, не смотря на церемоніалъ, опредѣлявшій противоположный порядокъ и заранѣе оповѣщенный всѣмъ иностранцамъ, находившимся въ Портъ-Саидѣ. Въ 1874 году, во время пріѣзда русской императрицы въ Лондонъ, англійская королева намѣренно уѣхала въ Шотландію, а когда наконецъ явилась на крестины общаго имъ обѣимъ внука, то отнеслась болѣе чѣмъ надменно къ своей родственницѣ. Но не касаясь мелочей, болѣе оскорбительныхъ, чѣмъ вредныхъ остановимся на вопросахъ существенной важности. Опасеніе Англіи видѣть въ рукахъ Россіи Босфоръ и Дарданеллы, въ связи съ стремленіемъ англичанъ къ исключительному господству на всѣхъ моряхъ привело ко внесенію въ парижскій договоръ 1856 г. наиболѣе стѣснительныхъ для насъ условій относительно Чернаго моря. Когда же эти условія были наконецъ отмѣнены въ 1871 году, тогда Англія связала Россію обязательствомъ впредь не позволять себѣ нарушенія договоровъ, для нея невыгодныхъ. Но этого мало. Едва въ 1877 году русскія войска, пройдя побѣдоносно всю Турцію, стали приближаться къ Мраморному морю, какъ англійскій флотъ, вопреки тому же парижскому трактату 1856 года, вошелъ въ Дарданеллы и сталъ передъ Константинополемъ съ цѣлью явно враждебною

Россіи. Когда же наконецъ, принеся огромныя жертвы людьми и деньгами, Россія добилась отъ Турціи почетнаго и небезвыгоднаго договора, сенъ-стефанскаго, тогда Англія объявила, что она этого договора не признаетъ, а требуетъ его пересмотра отъ альфы до омеги на европейскомъ конгрессѣ. И едва конгрессъ собрался, англійскій уполномоченный лордъ Биконсфильдъ объявилъ, что онъ требуетъ нетолько возвращенія султану южной Болгаріи, какъ было уже условлено между гр. Шуваловымъ и лордомъ Салисбюри, но занятія турками балканскихъ проходовъ, грозя, въ случаѣ отказа, оставить конгрессъ. Въ концѣ концовъ, Англія сдѣлала изъ побѣдоносной Россіи подсудимую передъ „европейскимъ ареопагомъ,“ въ сущности же передъ одною собою и Австріею. Мало того: связавъ Россію унизительными условіями на балканскомъ полуостровѣ, англичане незадумались открыто принять подъ свой протекторатъ Малую Азію съ прямо заявленною цѣлью положить предѣлъ возможнымъ пріобрѣтеніямъ Россіи въ этой странѣ съ теченіемъ времени. Оставаясь при этомъ оффиціально въ мирѣ съ Россіею, Англія нетолько снабжала Турцію оружіемъ во время войны, но и возбудила возстаніе въ Родопскихъ горахъ и около Батума уже по заключеніи мира. Неменьшимъ нахальствомъ отли-

чалась англійская политика въ вопросѣ среднеазіятскомъ. Можно сказать, что съ 1865 года не было ни одного сколько-нибудь серьезнаго шага нашего въ Туркестанѣ безъ того, чтобы правительство Англіи не вмѣшалось такъ или иначе. Оно требовало, напримѣръ, чтобы наше министерство иностранныхъ дѣлъ „понудило туркестанскаго генералъ-губернатора поспѣшить доставленіемъ свѣдѣній о сѣверныхъ границахъ Афганистана," при чемъ дважды обмануло нашихъ дипломатовъ о принадлежности кабульскому эмиру Бадакшана и Майменэ. Оно поддерживало хищничества враждебныхъ намъ туркменъ, снабжало ихъ деньгами и оружіемъ въ силу гласно заявленнаго принципа, что „нужно защищать Индію помощью туркменскихъ шаекъ, хорошо вооруженныхъ и руководимыхъ искусными офицерами." Оно всячески склоняло Персію объявить себя повелительницею Мерви и туркменскихъ земель на сѣверѣ отъ Кепетъ-дага, такъ что въ 1875 г. шахъ готовился уже выступить въ походъ на сѣверъ отъ Хорасана. А черезъ два года послѣ этого, англійскій агентъ, Непиръ, цѣною золота, успѣлъ склонить нѣсколькихъ туркменъ явиться въ Тегеранъ на поклоненіе шаху. Оно старалось возстановить противу насъ и владѣльца Восточнаго Туркестана, Якубъ-бека, котораго снабжало оружіемъ и инструкторами

для войскъ. Оно вынудило у насъ въ 1873 году обѣщаніе не завоевывать Хивы. Наконецъ, оно прямо перешло въ наступленіе къ сторонѣ Россіи, занявъ въ 1877 году Кветту, на полудорогѣ отъ Инда къ Герату. О безпрерывныхъ запросахъ, зачѣмъ производится нами такое-то движеніе войскъ въ Закаспійскомъ краѣ или въ другихъ мѣстахъ Арало Каспійской низменности, нечего и говорить... И все это выносилось нашею дипломатіею, которая ни разу даже не попыталась сказать англійскимъ министрамъ и посланникамъ: „господа, да это до васъ столь же мало касается, какъ до насъ ваши дѣла въ Индіи.“

Гдѣ же причина этой уступчивости русской политики по отношенію къ Англіи, уступчивости, переходившей очевидно въ слабость? Если бы факты не доказывали противнаго, можно бы думать, что Россія боялась за свои новыя владѣнія у Тихаго океана, которыя могутъ быть безнаказанно атакованы англійскимъ флотомъ. Но русское правительство такъ мало заботилось объ устройствѣ этихъ владѣній, что конечно *эта* причина, дѣйствительно серьезная, не имѣла никакого вѣса въ глазахъ нашей дипломатіи. Опасенія ли, что Англія опять составитъ противу насъ коалицію изъ европейскихъ державъ, какъ въ 1854 году? Но по

ходу событій въ Европѣ, которая послѣдовательно была поглощена и раздѣлена вопросами итальянскимъ, австро-прусскимъ и франко-германскимъ, составленіе такой коалиціи имѣло мало вѣроятности, а если бы наши дипломаты были проницательнѣе, дѣятельнѣе и исуснѣе, то и думать о ея составленіи было бъ нельзя. Не помѣшай напр. въ 1875 г. наше правительство второй франко-германской войнѣ и даже постарайся втянуть въ нее Австрію, — всѣ эти три державы были бы къ концу того года истощены, и Россія могла бы спокойно расправиться съ Турціею. Или, быть можетъ, это правительство боялось, что Англія сильно повредитъ нашимъ заграничнымъ займамъ, въ которыхъ мы часто имѣли надобность? Но это такой мелкій доводъ, что о немъ не стоитъ и говорить, ибо для русскихъ займовъ открыта не одна лондонская биржа..... Повторяемъ: истинная причина уступчивости нашей политики передъ Англіею не довольно понятна, чтобъ не сказать темна. Ее можно бы объяснить общею программою князя Горчакова: la Russie ne boude pas, elle se recueille, конечно для того, чтобы позднѣе, въ болѣе удобный моментъ отмстить Англіи за все ея поведеніе. Но тогда позволительно спросить: когда же наступитъ подобный моментъ и наступитъ ли когда? такъ какъ вліяніе

Англіи въ цѣломъ мірѣ отнюдь не падаетъ, а растетъ. Да и допустивъ подобное перенесеніе расчетовъ на болѣе отдаленное время, не въ правѣ ли каждый русскій спросить: зачѣмъ же заявляющій себя горячимъ патріотомъ канцлеръ до такой степени мало знакомъ съ русскими интересами, что въ 1873 году, поздравляя генерала Кауфмана съ походомъ въ Хиву, просилъ его не ходить туда черезъ Кашгаръ (изъ Ташкента!) потому что затрогиваніе Кашгара не понравилось бы Англіи? Или зачѣмъ имъ допущенъ бракъ дочери императора съ сыномъ королевы Викторіи, бракъ, которымъ англійское правительство воспользовалось, чтобы опутать насъ разными невыгодными условіями относительно Средней Азіи? Неужели знакомый съ государственнымъ устройствомъ Англіи министръ могъ расчитывать на серьезное и выгодное для Россіи политическое значеніе этого семейной сдѣлки?... Быть можетъ скажутъ, что въ неограниченной монархіи государственный канцлеръ есть все-таки подданный своего монарха, не смѣющій вмѣшиваться въ его домашнія дѣла; но тогда ему слѣдовало бы, какъ государственному человѣку и патріоту, видя заблужденіе своего монарха, оставить свой постъ, предоставивъ устроять семейныя сдѣлки въ ущербъ государственнымъ интересамъ какому-нибудь Шува-

лову, который, взявшись вести переговоры съ Гренвилемъ о Средней Азіи, не зналъ, что Оксъ и Аму-дарья одно и то же, но за то привелъ къ концу уговоры о свадьбѣ. Государственный человѣкъ тѣмъ и отличается отъ придворнаго, что онъ на событія смотритъ не изъ дворцовой аванзалы, а изъ министерскаго кабинета.

Оставимъ теперь Англію и перейдемъ на югъ отъ Ламанша, во *Францію*. Парижскій міръ сполна удовлетворилъ національное самолюбіе французовъ, помнившихъ походы 1812 — 14 годовъ и взятіе ихъ столицы русскими войсками. Поэтому немедленно послѣ него возстановились самыя лучшія отношенія не только между Тюйльери и Зимнимъ дворцомъ, но между націями русскою и французскою. Наполеонъ назначилъ въ Петербургъ посломъ своего брата и правую руку по 2-му декабря, Морни; Александръ посылалъ весною 1857 г. своего брата же, Константина, разсыпать любезности не только самому тюйльерійскому сфинксу, но и его женѣ, которую по ея католически-клерикальнымъ наклонностямъ трудно было предполагать способною поддерживать въ мужѣ симпатіи къ Россіи. Осенью того же года свидѣлись въ Штутгардтѣ и сами Наполеонъ и Александръ. Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ни одинъ серьезный вопросъ не раздѣ-

лялъ Россію съ Франціею, и положеніе нашего посла въ Парижѣ, графа Киселева, было блистательнымъ. А Парижъ при Наполеонѣ былъ главнымъ политическимъ центромъ не только Европы, но цѣлаго свѣта. Собственно національныя симпатіи между Франціею и Россіею поддерживались совершавшимися у насъ реформами, которымъ сочувствовало либеральное общественное мнѣніе Парижа, и между двумя націями установились даже такія связи, которыя были немыслимы напр. при Николаѣ. Множество русскихъ проживало въ столицѣ Франціи, и наоборотъ, немало французовъ наѣхало въ Россію по случаю передачи постройки большой русской желѣзнодорожной сѣти французской компаніи, во главѣ которой стоялъ факторъ Наполеона III, банкиръ Перейра. И хотя эти французскіе аффериcты скоро оттолкнули отъ себя общественное мнѣніе русскихъ своими беззастѣнчиво-хищническими наклонностями; но самый пріѣздъ ихъ въ Россію далъ возможность французамъ вообще ближе узнать Россію и отказаться отъ многихъ предубѣжденій о ней, господствовавшихъ издавна. Въ такомъ видѣ существовали отношенія между Россіею и Франціею до начала польскаго возстанія, когда естественно было французамъ вспомнить ихъ старинныя симпатіи къ полякамъ. Свирѣпый у себя

дома, но кичившійся ролью освободителя угнетенныхъ націй, Наполеонъ вздумалъ поддержать поляковъ, если не оружіемъ, то дипломатическою перепискою, враждебною Россіи, и съ этой поры отношенія между Парижемъ и Петербургомъ стали замѣтно холодными. Чувствуя это, Наполеонъ спѣшилъ посѣтить императора Александра въ Ниццѣ, куда тотъ пріѣзжалъ въ 1864 году, чтобы устроить леченіе старшаго сына; но эти внѣшнія любезности не могли уже возстановить прежнихъ добрыхъ отношеній. Даже когда императоръ Александръ, отвѣчая на приглашеніе Наполеона посѣтить парижскую выставку 1867 года, рѣшился ѣхать въ Парижъ, то въ оффиціальныхъ журналахъ нашихъ было возвѣщено, что „его величество надѣется тамъ встрѣтить короля Вильгельма,“ точно будто онъ ѣхалъ на свиданіе съ послѣднимъ, а не съ Наполеономъ, что, конечно, не могло быть пріятно послѣднему. Выстрѣлъ Березовскаго и послѣдовавшій затѣмъ судебный процессъ, при которомъ этотъ полякъ былъ почти оправданъ французскими судьями, нашедшими, что его поступокъ противу русскаго императора былъ естественнымъ отвѣтомъ на жестокости русскаго правительства въ Польшѣ, окончательно оттолкнулъ Россію отъ Франціи, и потому во время открывшейся въ 1870 году франко-германской вой-

ны всѣ симпатіи первой стали на сторонѣ Пруссіи. Напрасно являлся въ Петербургъ Тьеръ съ мольбою о заступничествѣ за разгромленную Францію: отвѣтъ князя Горчакова былъ любезный, но совершенно отрицательный. Правда, для приличія была отправлена изъ Петербурга въ Версаль телеграмма, какъ бы съ призывомъ Вильгельма къ великодушію, но это не помѣшало нѣмцамъ продолжать свое дѣло подъ Парижемъ и привести его къ блистательному концу. Мало того, когда Вильгельмъ заявилъ телеграммою благодарность Россіи за ея содѣйствіе Германіи, выразившееся тѣмъ, что русское правительство не допустило Австрію стать союзницею французовъ, то императоръ Александръ отвѣчалъ поздравленіями съ побѣдой и заявленіемъ, что радъ былъ оказать сдѣланную услугу. Основаніе во Франціи республики, конечно, не могло нравиться въ Петербургѣ, но какъ въ то же время результатомъ франко-германской войны получился неудобный, сильный сосѣдъ, относительно котораго нужно было принимать мѣры предосторожности, то дипломатическія отношенія между кабинетами петербургскимъ и парижскимъ стали по прежнему дружественными. Нелюбящій нѣмцевъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ зашелъ въ своихъ симпатіяхъ къ французамъ даже столь далеко, что, бывъ въ 1872 г. въ Парижѣ, далъ 10,000

франковъ враждебному Германіи альзасскому комитету, за что, впрочемъ, по телеграфической жалобѣ Вильгельма, былъ немедленно по телеграфу же вызванъ изъ Парижа. Въ 1877 году, на константинопольской конференціи, французскій уполномоченный, Шодорди, горячо поддерживалъ русскаго посланника въ его жалобахъ на варварства турокъ, и потомъ во все время русско-турецкой войны Франція держалась самаго строгаго нейтралитета, въ противоположность Англіи, съ которою вмѣстѣ сражалась за турокъ въ 1854—56 годахъ. Бытовыя національныя отношенія русскихъ къ французамъ возстановились послѣ 1871 года опять въ дружественномъ видѣ. Русское общество открыто сочувствовало несчастіямъ французскаго народа, ограбленнаго нѣмцами, и Парижъ сталъ опять постояннымъ мѣстопребываніемъ множества русскихъ людей, между которыми находились и генералъ-адъютанты, въ родѣ Муравьева-Амурскаго, и ученые—Чихачевъ, Ханыковъ, Яблочковъ, и литераторы — Тургеневъ, и художники—Верещагинъ, Боголюбовъ, Сѣряковъ, — и банкиры—Гинцбургъ, Рафаловичъ, и пр. До чего это общество стало многочисленно (до 2,700 человѣкъ постоянно живущихъ, а съ заѣзжими гораздо болѣе) видно изъ того, что III отдѣленіе соб. е. в. канцеляріи нашло нужнымъ содержать въ сто-

лицѣ Франціи цѣлую массу соглядатаевъ, отъ княгини .....кой, назначенной для высшаго класса, до мелкихъ гадовъ, наблюдавшихъ за русскою молодежью въ латинскомъ кварталѣ. Французы съ своей стороны, въ виду возможной пользы отъ сближенія съ Россіею для облегченія будущихъ своихъ расчетовъ съ Германіею, стали серьезно знакомиться съ русскимъ народомъ и государствомъ, изучать русскій языкъ, статистику Россіи, ея бытъ и пр. Появился цѣлый рядъ писателей—Ан. Леруа-Болье, Рамбо, Леже, Молинари, Баррандъ, Генри Гревиль и пр., которые издали на французскомъ языкѣ много хорошихъ сочиненій о Россіи. Даже въ театрахъ стали появляться піесы, заимствованныя изъ русской жизни и не враждебныя Россіи, какъ напр. l'Hetman. На бывшемъ въ 1875г. парижскомъ географическомъ конгрессѣ больше всего почетныхъ наградъ было дано русскимъ ученымъ, и даже на заключительномъ засѣданіи конгресса музыка играла вмѣсто національнаго французскаго гимна русскій, при чемъ по командѣ русскаго полковника Пуликовскаго парижскій ученый и политическій міръ слушалъ этотъ гимнъ стоя... Но, впрочемъ, уже въ 1877 году эти зародыши симпатіи къ Россіи значительно ослабѣли, когда французы увидѣли, что русскіе пользуются ихъ слабостью, чтобы обдѣлать безъ участіи Франціи дѣла

на Востокѣ. Въ 1878 же году глава господствующей политической партіи, Гамбетта, открыто высказался за союзъ съ Англіею, но отнюдь не съ Россіею.

Сосѣдняя Франціи съ сѣверо-востока *Бельгія*, по самымъ своимъ размѣрамъ и международному положенію вѣчнаго нейтралитета, конечно, не могла играть замѣтной роли въ русской политикѣ; но именно ея нейтральность послужила поводомъ къ основанію въ столицѣ ея русскаго журнала на французскомъ языкѣ, извѣстнаго Сѣвера (le Nord), который былъ призванъ защищать интересы Россіи передъ западною Европою. Но допустивъ изданіе на бельгійской почвѣ русскаго оффиціознаго журнала, брюссельское правительство отказало въ подобномъ же дозволеніи независимому Колоколу, который думалъ печатать въ Бельгіи Герценъ, утомленный пребываніемъ въ Англіи. Это, конечно, было заслугою передъ III отдѣленіемъ и вообще передъ петербургскимъ правительствомъ, которое по этому и благоволило къ клерикально-буржуазной Бельгіи, заказывая ея мастерамъ оружіе для войскъ. Въ 1875 году Брюссель былъ избранъ русскимъ правительствомъ для обсужденія на международной конференціи вопроса о правахъ войны, поднятаго по почину Россіи.

Такимъ же политическимъ ничтожествомъ отличались отношенія между Россіею и *Голландіею*, которая впрочемъ была не безполезна при частыхъ заграничныхъ займахъ русскаго правительства. Одно время (1871 г.) зашла было рѣчь о свадьбѣ дочери императора Александра съ наслѣднымъ принцемъ голландскимъ, который для этого пріѣзжалъ въ Петербургъ. Но на одномъ придворномъ обѣдѣ княжна-невѣста замѣтила, qu'elle aime tous les fruits outre les Oranges, и дѣло разстроилось, хотя конечно избалованная молодая женщина была бы счастливѣе княгинею Оранскою и потомъ королевою нидерландскою, чѣмъ герцогинею эдинбургскою, если уже она не могла слѣдовать внушенію сердца и стать княгиней .....ной.

Германія, къ которой намъ слѣдуетъ теперь перейдти, представлялась въ 1855 году разъединенною на 36 государствъ, а потому естественно, что съ ней какъ съ цѣлымъ было немного дѣловыхъ политическихъ отношеній. И хотя Россія содержала особое посольство во Франкфуртѣ, при союзномъ сеймѣ; но значеніе этого посольства было очень не важно и имѣло въ себѣ нѣчто отрицательное, потому что всѣ его заботы ограничивались поддержаніемъ нелѣпаго положенія, придуманнаго для Германіи въ 1815 г. дипломатами вѣнскаго

конгресса и выгоднаго только для сильныхъ ея сосѣдей. Поэтому на мѣсто Германіи мы поставимъ здѣсь *Пруссію*, которая и на самомъ дѣлѣ стала наконецъ ея представительницею съ 1866 и особенно съ 1870 года. Пруссія соединена болѣе чѣмъ вѣковыми пріязненными отношеніями съ Россіею, пользовалась ея помощью въ тяжелые годы наполеоновскихъ войнъ и связана съ нею множествомъ узъ экономическихъ, политическихъ и наконецъ династическихъ. Поэтому понятно, что и нынѣ она осталась наиболѣе дружелюбною къ Россіи, если не въ смыслѣ націи, то въ смыслѣ правительства. Во время крымской войны она снабжала насъ оружіемъ и порохомъ, а по окончаніи этой войны хотя и подписала, по приглашенію Наполеона, унизительный для насъ парижскій договоръ, но никогда не заботилась объ исполненіи нами его условій. Мало того, побуждаемая желаніемъ поскорѣе окончить германизацію своихъ польскихъ областей, она прямо явилась союзницею Россіи въ дѣлѣ усмиренія польскаго возстанія, относительно котораго съ самаго его начала приняла строгія мѣры, тогда какъ сосѣдняя Австрія играла нѣкоторое время въ либерализмъ и была сильно враждебна Россіи. За эту услугу Россія отплатила тремя подобными же и даже еще большими. Именно, въ 1864 году она допустила

Пруссію овладѣть Голштиніею и Шлезвигомъ, до чего не допускалъ пруссаковъ еще въ 1849 г. Николай; въ 1866 г. облегчила разрушеніе германскаго союза и созданіе прусской гегемоніи на сѣверѣ Германіи, а въ 1870 г. спасла ее отъ нападенія Австріи и такимъ образомъ помогла прусскому королю стать германскимъ императоромъ. Послѣдняя услуга была особенно важна, потому что управлявшій въ 1870 г. дѣлами Австріи ставленникъ Наполеона, графъ Бейстъ, готовился уже мстить Пруссіи за пораженіе подъ Садовою, какъ изъ Петербурга было дано знать, что всякій шагъ Австріи, враждебный Германіи, поведетъ къ войнѣ съ Россіею. Отъ того и императоръ Вильгельмъ не затруднился тотчасъ по окончаніи побѣдоносной войны съ Франціею послать благодарственную телеграмму Александру съ увѣреніемъ, что „Германія никогда не забудетъ услугъ, имъ оказанныхъ“ и, кромѣ того, связалъ себя честнымъ словомъ, что при жизни его Россія ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть войны съ Германіею и потому можетъ свободно распоряжаться на Востокѣ. И какъ для послѣдней цѣли казалось нужнымъ возстановить хоть сколько нибудь пріязненныя отношенія между Россіею и Австріею, то Пруссія взялась за это дѣло и устроила въ 1872 году свиданіе императоровъ Александра и

Франца-Іосифа въ Берлинѣ, послѣ котораго сдѣлался возможнымъ даже такъ называемый „союзъ трехъ императоровъ,“ имѣвшій впрочемъ со стороны Германіи цѣлью облегчить австрійскимъ нѣмцамъ ихъ захватъ славянскихъ земель Турціи, но вовсе не сдѣлать Австрію союзницею Россіи. Въ 1877 году Германія приняла на себя защиту интересовъ русскихъ подданныхъ въ Турціи на время войны и исполняло это добросовѣстно, а въ февралѣ 1878 г. князь Бисмаркъ произнесъ въ берлинскомъ парламентѣ рѣчь, увѣрявшую, что дружбы Германіи не можетъ поколебать ничто...

Но за этими доказательствами взаимной пріязни между Германіею и Россіею скрываются такія обстоятельства, которыя въ недалекомъ будущемъ несомненно возбудятъ яркую вражду между русскими и нѣмцами. Во 1-хъ Россія въ 1875 году помѣшала Германіи начать новую войну съ Франціею для окончательнаго ея униженія, и князь Бисмаркъ громко заявилъ, [1]) что именно этому обстоятельству мы обязаны тѣми униженіями, которыя вынесли на берлинскомъ конгрессѣ, что онъ своимъ скрыто-враждебнымъ Россіи положеніемъ на этомъ конгрессѣ

[1]) См. объ этомъ предметѣ корреспонденцію въ Times'ѣ 7 сентября 1878 г. г. Бловица, бесѣдовавшаго съ кн. Бисмаркомъ въ самомъ началѣ Берлинскаго конгресса.

мстилъ князю Горчакову, за его циркуляръ, въ которомъ Бисмаркъ въ 1875 г. былъ представленъ какъ нарушитель мира Европы. Во 2-хъ пангерманизмъ послѣ успѣховъ 1866 и 1870 годовъ настолько обуялъ нѣмцевъ, что они даже независимо отъ событій 1875 года и прежде ихъ открыто заявляли желаніе „ощипать Россію, пока Франція не оперилась," т. е. отнять у насъ прибалтійскій край, въ которомъ если не масса населенія, то высшіе классы — нѣмцы, а господствующая вѣра лютеранская. Въ этихъ же видахъ „ощипанія" они стали усиленно колонизировать Польшу, чтобы подготовить изъ нея нѣмецкую провинцію. Въ 3-хъ, Россія есть то государство, которое больше всѣхъ можетъ воспрепятствовать Германіи разшириться въ направленіи къ сѣверу, въ Данію, къ сѣверо-западу, въ Голландію, къ западу, въ Бельгію и Францію, къ югу, въ Щвейцарію, Богемію и пр., то есть вообще помѣшать осуществленію извѣстной пангерманистской теоріи, что „отечество вездѣ, гдѣ слышится нѣмецкая рѣчь." Это побуждаетъ нѣмцевъ изыскивать средства къ отвлеченію силъ Россіи на разныя предпріятія, гдѣ бы она безполезно истощалась, какъ напр. на завоеваніе Турціи. Въ 4-хъ нѣмцы употребляютъ всѣ старанія обратить Россію въ рынокъ своихъ мануфактурныхъ издѣлій, не мо-

гущихъ конкуррировать съ англійскими и французскими въ другихъ частяхъ свѣта. Для этой цѣли они постоянно добиваются перемѣнъ въ нашемъ тарифѣ и въ таможенныхъ правилахъ, чему естественно противятся наши промышленники и купцы, такъ что непріязнь двухъ народовъ поддерживается тѣми именно классами, которые, какъ принято обыкновенно говорить, предназначенны для сближенія націи. [1]) Непріязнь же эта идетъ издавна и поддерживалась постоянно тѣмъ исключительно выгоднымъ положеніемъ, которое голштинская династія предоставила въ Россіи балтійскимъ нѣмцамъ. Обнимая всю совокупность этихъ причинъ взаимнаго нерасположенія Россіи и Германіи и предвидя въ будущемъ неизбѣжное ихъ столкновеніе, берлинское правительство тотчасъ по полученіи въ свои руки милліардовъ французской контрибуціи озаботилось усиленіемъ крѣпостей, расположенныхъ вблизи русской границы: Кенигсберга, Данцига, Торна, Познани, и стало внимательно изучать приграничныя русскія земли, такъ что въ 1872 году въ Ковно

[1]) Германія и не упустила случая поднять вопросъ объ измѣненіи русскихъ таможенныхъ условій какъ только увидѣла, что Россія имѣетъ въ ней нужду, именно въ 1877-78 годахъ, когда германскіе уполномоченные жили для этой цѣли въ Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Не успѣвъ добиться желаемаго, Бисмаркъ повторилъ попытку при замѣнѣ министра финансовъ Рейторна Грейгомъ; но то же безуспѣшно.

были пойманы на съемкѣ переодѣтые прусскіе офицеры генеральнаго штаба. Крѣпости же наши въ западномъ краѣ — Новогеоргіевскъ, Брестъ, Ивангородъ и пр., стали извѣстны пруссакамъ едва ли не лучше чѣмъ намъ самимъ, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками. [1]) Въ виду этого и наше военное вѣдомство начало заботиться объ изученіи военныхъ силъ и средствъ Германіи, посылало туда офицеровъ на маневры и другія военныя упражненія прусскихъ войскъ, а у себя дома подумывало о созданіи новыхъ крѣпостей: у Гоніонда, на дорогѣ изъ Кенигсберга въ Брестъ, и у Зегржа, невдалекѣ отъ Варшавы, гдѣ наши стратеги, особенно Обручевъ, думали создать „треугольникъ,“ въ которомъ бы русская армія могла спастися въ случаѣ ея пораженія на лѣвомъ берегу Вислы. Но крѣпости эти, разумѣется, построены не были, какъ потому, что на нихъ требовалось 28,000,000 рублей, которыхъ у насъ не было, такъ и потому, что основанію ихъ—и справедливо —воспротивился генералъ Тодтлебенъ, признавшій несостоятельность крѣпостей въ наше время. Затѣмъ войны между Россіею и Германіею пока можно

1) « Скажите, что вы перестроили въ Брестѣ, во рву такой то капониръ, стрѣляющій по своимъ»?» спрашивали прусскіе офицеры одного изъ нашихъ инжинеровъ, г. Ц., въ бытность его въ Берлинѣ.

не ожидать лишь потому, что престарѣлый императоръ Вильгельмъ далъ *за себя* слово никогда не воевать съ русскимъ императоромъ, а первый министръ его, Бисмаркъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, въ 1873 году, увѣрялъ, что „онъ сталъ бы злодѣемъ, если бы вздумалъ быть враждебнымъ къ Россіи.“ Но когда тотъ и другой сойдутъ въ могилу,[1]) тогда русско-нѣмецкая война станетъ очереднымъ вопросомъ въ Европѣ, и если не намъ, то слѣдующему поколѣнію придется вынести тяжелый напоръ германизма, уже со временъ Оттона Великаго упорно оттѣсняющаго славянъ къ востоку. Тогда, быть можетъ, пожалѣютъ и о томъ, что въ 1870 геду не позволили Австріи вмѣшаться въ франко-прусскую распрю и не воспользовались этимъ случаемъ, чтобы съ одной стороны не дать усилиться Пруссіи, а съ другой отторгнуть отъ Австріи русскія земли, т. е. восточную Галицію, о которой

[1]) Или даже только одинъ Вильгельмъ, потому что Бисмаркъ такой же пангерманистъ, какъ всѣ современные нѣмцы, и не побоится упрека въ неблагодарности и двуличіи. Онъ даже будетъ найлучшимъ руководителемъ всякого предпріятія противу Россіи во 1-хъ потому, что хорошо ее знаетъ, во 2-хъ потому, что былъ въ 1873 году обиженъ наслѣдникомъ русскаго престола, весьма нелюбезно его принявшимъ у себя въ аничковомъ дворцѣ и находящимся подъ вліяніемъ жены, ненавистницы нѣмцевъ, въ 3-хъ потому, что Германія уже привыкла слушаться его голоса и, пока, только его одного.

еще Богданъ Хмѣльницкій говорилъ: „Знай Ляше, — по Санъ наше.....“

Этотъ вопросъ о Галиціи переводитъ насъ изъ Германіи въ *Австрію*. Изъ исторіи XVIII столѣтія извѣстно, какимъ образомъ была раздѣлена Польша. Политики того времени, да и начала нашего вѣка, всего менѣе заботились о національности покоряемыхъ или отчуждаемыхъ областей, а потому случилось, что, не смотря даже на исправленіе трактатовъ XVIII столѣтія въ 1815 г. въ Вѣнѣ, нѣкоторыя чисто русскія зелми, входившія въ составъ Россіи еще при Владимірѣ и Ярославѣ, остались за Австріею, а къ русскому государству присоединены чисто польскія провинціи, которыя умною Екатериною II отданы были въ руки нѣмецкихъ державъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы такого ненормальнаго раздѣла земель бывшей Рѣчи-Посполитой не было, то отношенія Россіи къ Австріи были бы во многомъ иныя. Польскій вопросъ не существовалъ бы для первой, а слѣдовательно не было бы одной изъ самыхъ важныхъ причинъ того антагонизма, кокорый обнаружился между двумя сосѣдними государствами напр. въ 1863 году. Впрочемъ, Польша и Галиція не были главными яблоками раздора между Австріей и Россіею. Гораздо важнѣе вопросовъ о нихъ были и есть четыре другія обстоятель-

ства: 1, что Австрія имѣетъ въ составѣ своего населенія болѣе 50% славянъ, которые если и не тяготѣютъ къ Россіи, то естественно склонны искать въ ней опору противъ притѣсненій нѣмцевъ и венгровъ; 2, что болѣе 3/4 поверхности Австріи лежитъ въ басейнѣ Дуная, котораго устья до 1856 г. принадлежали однакожъ Россіи; 3, что въ области нижняго Дуная живутъ также славянскія племена, которыя искали возстановленія своей иезависимости отъ Турціи, опираясь на русскій народъ, и по достиженіи этой иезависимости, конечно, станутъ притягательными центрами для австрійскихъ славянъ, такъ что Австрія должна будетъ распасться; наконецъ, 4, что Россія есть главная соперница габсбургской монархіи въ ея вѣковыхъ домогательствахъ на пріобрѣтеніе исключительнаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Подъ вліяніемъ этихъ-то причинъ совершились слѣдующія событія:

Со стороны Австріи:

1) Принужденіе Россіи, угрозой войны, принять условія мира, предложенныя побѣдоносною англо-франко-турецкою коалиціею, при чемъ Австрія въ своихъ личныхъ интересахъ настояла на отнятіи у насъ придунайской части Бессарабіи, что дало австрійцамъ возможность монополизировать дунай-

ское пароходство и вообще торговлю по Дунаю, сдѣлало затруднительными сношенія наши съ землями турецкихъ славянъ и отозвалось вредно на нашихъ отношеніяхъ къ румынскимъ княжествамъ, цѣною русской крови спасеннымъ отъ порабощенія ихъ турками, но не желавшимъ въ 1878 допустить насъ снова на лѣвый берегъ нижняго Дуная.

2. Открытая поддержка Австріею польскаго возстанія въ 1863 году, доходившая до того, что австрійскія власти позволяли инсургентамъ, остановясь на пограничной чертѣ (напр. вблизи Тарнограда), стрѣлять въ наши войска и требовали, чтобы послѣднія не отвѣчали на огонь, потому что русскія пули залетали бы въ австрійскія владѣнія. О снабженіи инсургентовъ оружіемъ, военными и продовольственными припасами нечего и говорить: до самаго объявленія въ Галиціи осаднаго положенія эта страна была главнымъ источникомъ боевыхъ средствъ повстанцевъ. Но вѣнское правительство не ограничилось этими мѣстными способами причинять вредъ Россіи; перенеся польскій вопросъ на международную почву, оно предложило, чтобы судьба Польши стала предметомъ особаго договора между Россіею съ одной стороны и Австріею, Франціею и Англіею съ другой, договора, который долженъ былъ имѣть слѣдующія основанія: 1) всеоб-

щую полную амнистію для поляковъ, 2) устройство въ Польшѣ народнаго представительства, которое бы участвовало въ законодательствѣ страны и располагало дѣйствительными средствами контроля, 3, назначеніе поляковъ въ общественныя должности, такъ, чтобы въ Польшѣ составилась администрація отдѣльная, національная и внушающая къ себѣ довѣріе страны, 4, полную и совершенную свободу совѣсти и отмѣну всѣхъ ограниченій, стѣсняющихъ католическое исповѣданіе, 5, исключительное употребленіе польскаго языка, какъ оффиціальнаго, въ администраціи, судопроизводствѣ и народномъ обученіи, и 6, установленіе правильной и законной системы рекрутскихъ наборовъ. Основанія эти, если бы были приняты Россіею, обратили бы ее въ вассальное владѣніе трехъ западныхъ государствъ, ей враждебныхъ, а потому естественно были отвергнуты нашимъ правительствомъ въ извѣстныхъ депешахъ князя Горчакова отъ 1 іюля 1863 года; но для приданія значенія этимъ депешамъ пришлось войдти въ большія издержки на вооруженія.

3. Систематическое стремленіе унизить значеніе славянскаго элемента въ Австро-Венгерской монархіи и воспрепятствовать возрожденію его въ Турціи, при чемъ нерѣдко употреблялись угрозы относительно Сербіи и Черногоріи, пользовавшихся по-

кровительствомъ Россіи. Въ 1878 году эта антиславянская политика Австріи сильно уменьшила размѣры Болгаріи и Черногоріи, опредѣленные сенъ-стефанскими условіями, и, мало того, успѣла добиться занятія австрійскими войсками Босніи съ очевидною цѣлью начать германизацію этой земли и подчинить сербскія княжества австрійскому вліянію вмѣсто русскаго.

5. Арестованіе, въ предѣлахъ Австро-Венгріи русскихъ, нетолько имѣвшихъ политическія цѣли, какъ напр. было съ добровольцами, слѣдовавшими на подкрѣпленіе сербовъ,—но и простыхъ ученыхъ, въ которыхъ австрійское правительство всегда склонно было заподозривать панславистскихъ агентовъ, какъ напр. было въ 1862 г. съ Бергомъ, въ 1877 — съ Иловайскимъ и т. п.

Со стороны Россіи :

1. Совершенное оставленіе на произволъ судьбы Габсбургской монархіи при ея неудачныхъ столкновеніяхъ съ Франціею и Италіею въ 1859 году и съ Пруссіею и Италіею въ 1866-мъ.

2. Угроза войны въ 1870 году, когда Австрія думала-было отомстить за свое пораженіе Пруссіи нападеніемъ на нее одновременно съ Франціею.

3. Поддержка славянскаго движенія въ придунайскихъ областяхъ Австро-Венгріи, дошедшая до

того, что въ 1867 году, по прямому приглашенію изъ Россіи, австрославянскія земли высылали своихъ представителей въ Москву, на этнографическую выставку, при чемъ эти депутаты были принимаемы императоромъ Александромъ и другими лицами царскаго дома, говорили и слушали панславистскія рѣчи и пр. Въ Галиціи нами усердно поддерживался русскій элементъ противу польскаго, а уніатство противу католицизма, при чемъ на русскія деньги былъ основанъ русскій журналъ Слово и т. п.

Въ виду этихъ и многихъ другихъ подобныхъ фактовъ едва ли можно сомнѣваться, что между Россіею и Австріею не только за все время съ 1855 года не было дружбы, не смотря на варшавское (1860) и другія свиданія ихъ императоровъ, но что такая дружба и невѣроятна, пока Австрія существуетъ въ теперешнемъ своемъ составѣ. Въ одномъ только случаѣ дружественныя отношенія стали бы вѣроятными, именно, если бы Габсбургская имперія изъ нѣмецко-венгерской сдѣлалась славянскою, соотвѣтственно большинству своего населенія; но это явленіе возможно лишь въ будущемъ, когда Германія поглотитъ нѣмецкія провинціи Австріи, и послѣдняя вынуждена будетъ перенести свой центръ къ юговостоку отъ Вѣны. Только тогда едва ли оснуется въ бассейнѣ средняго Дуная одна славян-

ская монархія, а скорѣе федерація мелкихъ государствъ, изъ которыхъ только большинство будетъ имѣть славянское населеніе. Теперь же и въ близкомъ будущемъ славяне въ Австріи осуждены на подчиненную роль передъ нѣмцами и венграми, болѣе ихъ развитыми политически, а отсюда, какъ неизбѣжный пока выводъ, является непріязнь между Австріей и Россіей...

Впрочемъ, нѣчто подобное идеѣ о славянской имперіи, или по крайней мѣрѣ о славяно-нѣмецкой, въ противуположность венгро-нѣмецкой, приходило уже на умъ императору Францу - Іосифу, когда, удрученный неудачами 1859, 66 и 70 годовъ, онъ рѣшился, по совѣту Пруссіи, и по настояніямъ своей придворно-военной свиты, съ эрцгерцогомъ Альбертомъ во главѣ, сблизиться съ Россіею, побывалъ въ Берлинѣ одновременно съ Александромъ II въ 1872 году и обмѣнялся съ нимъ визитами въ 1873 и 1874 годахъ въ Вѣнѣ и Петербургѣ. По крайней мѣрѣ, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить поведенія Австріи въ 1876 и 77 годахъ, когда австрійское правительство прямо покровительствовало славянскимъ возстаніямъ въ Турціи, дозволяя напр. русскимъ офицерамъ покупать оружіе и порохъ въ вѣнскомъ арсеналѣ и отправлять ихъ черезъ Тріестъ и Катарро въ Черногорію. Если

даже оно дѣйствовало такъ въ виду полученія Босніи и Герцоговины изъ развалинъ Турціи, то все-таки, значитъ, дѣло шло объ усиленіи въ составѣ австрійской монархіи элемента славянскаго, а это до нѣкоторой степени въ интересахъ Россіи, что хорошо понимаетъ напр. мадьярская партія, всѣми силами противящаяся присоединенію Босніи и работающая у себя дома надъ искорененіемъ славянства.

Отъ Австріи естественнъ и географически, и исторически переходъ на Балканскій полуостровъ м въ частности въ Турцію; но какъ послѣдняя представляетъ собою державу не только европейскую, но и азіятскую, то, чтобы не выходить пока изъ предѣловъ Европы, вернемся къ тѣмъ западнымъ государствамъ, о которыхъ еще не говорили доселѣ, и прежде всего къ сосѣдней съ Австріею *Швейцаріи*. Мирная республика эта очень любима русскими и стала особенно популярна между молодыми поколѣніями съ тѣхъ поръ, какъ въ ней нашли себѣ убѣжище многочисленныя жертвы русскаго деспотизма. Здѣсь, именно въ Женевѣ, издавалъ многія изъ своихъ сочиненій Герценъ; здѣсь же трудились и многочисленные русскіе соціалисты, менѣе его даровитые, но болѣе близкіе по складу понятій къ русской радикальной молодежи 1860—70-хъ годовъ. Множество русскихъ юношей и дѣвушекъ

получили свое образованіе въ Женевѣ и Цюрихѣ, и въ первомъ изъ этихъ городовъ русская колонія была всегда многочисленна, заключая притомъ въ составѣ своемъ не только радикаловъ, но и людей аристократическаго происхожденія, даже высокаго служебнаго положенія... Но что нравилось націи, и особенно ея образованнѣйшимъ классамъ, то было крайне непріятно русскому правительству, которое поэтому не разъ пыталось дѣлать насиліе надъ швейцарскими властями въ Бернѣ, Цюрихѣ, Лозаннѣ и Женевѣ, при чемъ иногда достигало своей цѣли, т. е. успѣвало сдѣлать непріятность какому-нибудь бѣдному изгнаннику, особенно ненравившемуся жандармамъ. Въ 1873 году русскому посланнику, князю Горчакову 2, удалось даже заключить съ федеральнымъ правительствомъ договоръ о взаимной выдачѣ преступниковъ; и хотя швейцарцы постыдились внести въ него статью объ эмигрантахъ политическихъ, но въ сущности открыли широкую дверь русскому деспотизму на свободную почву республики, такъ-какъ нѣтъ особенной трудности обвинить всякаго политическаго эмигранта въ какомъ-нибудь преступленіи неполитическомъ. Были даже случаи постыднаго служенія швейцарской полиціи требованіямъ русскихъ властей, напр. при арестованія Веретенникова, при отнятіи дѣтей у княгини Оболенской и т. п. Но за

то можно сказать, что нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такъ мало поклонниковъ у петербургскаго правительства какъ въ Швейцаріи, и когда въ 1876 г. по князю Горчакову стрѣляла одна полька, Домбровская, дѣлу объ этомъ былъ данъ такой ходъ, что посланникъ не рѣшился добиваться серьезной кары этой преступницы, объявившей, что она мстила за лишеніе ея варшавскими властями ея имущества, и нашедшей поэтому сочувствіе въ швейцарцахъ. Польская эмиграція, сама по себѣ не особенно популярная въ Швейцаріи, безъ труда поддерживала эту нелюбовь къ русскому деспотизму и, конечно, не къ особому удовольствію русскаго правительства основала свой центръ въ Рапершвилѣ, гдѣ у нея есть музей, библіотека и т. п.

Спустясь съ швейцарскихъ альповъ на югъ, мы вступаемъ въ *Италію*. 1855 годъ засталъ насъ въ войнѣ съ королевствомъ Сардинскимъ, которое поэтому и стало одною изъ сторонъ, подписавшихъ тягостный для насъ парижскій договоръ, а черезъ четыре года послѣ того обратилось въ большую европейскую державу. Признаніе этой державы, созданной революціею на развалинахъ столькихъ легитимныхъ монархій, было конечно одною изъ умныхъ мѣръ политики князя Горчакова; но какъ не признать было нельзя, подъ опасеніемъ остаться въ одиноче-

ствѣ и запереть Италію для русскихъ, то итальянское правительство никогда не придавало значенія этой дешевой услугѣ, и отношенія Петербурга съ Туриномъ, Флоренціею и Римомъ не были никогда особенно дружественны. Все, что дѣлалъ Re galantuomo, Викторъ Эммануилъ, по отношенію къ русскому императору состояло въ любезностяхъ, оказанныхъ женѣ послѣдняго, когда она проживала въ Италіи; но никогда этотъ революціонный король не помышлялъ сдѣлать визитъ „опорѣ европейскихъ троновъ“ въ Петербургѣ, хотя пріѣзжалъ въ сосѣдній Берлинъ и даже помирился съ вѣковымъ врагомъ Италіи, императоромъ австрійскимъ.

Замѣчательно, что эта холодность въ отношеніяхъ къ вновь созданному королевству Итальянскому не сблизила Россіи и съ главнымъ врагомъ послѣдняго, папою: такъ всѣ элементы европейской жизни противны началамъ русскаго быта. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ и юридическая справедливость, и гуманность очевидно были на сторонѣ Россіи. Управляемый іезуитами, папа Пій IX такъ неразсудительно держалъ сторону поляковъ, смѣшивая съ ними вообще всѣхъ католиковъ въ Россіи, что конечно на мѣстѣ послѣдней всякое государство поступило бы точно также, какъ она. „Ваше святѣшество, говорилъ Пію нашъ повѣренный въ дѣлахъ, Мей-

ендорфъ, не вина русскаго правительства, что католицизмъ отожествляетъ съ собою въ Россіи революцію; католическая же вѣра у насъ пользуется такою же терпимостью, какъ и всѣ прочія.“ Папа выгналъ за эту „дерзость“ Мейендорфа изъ кабинета, и мудрено ли, что русское правительство расторгло всякія оффиціальныя сношенія съ Ватиканомъ. Но какъ совершенно отказаться отъ подобныхъ сношеній не могутъ державы, имѣющія католическихъ подданныхъ, то уже въ 1868 году мы видимъ въ Римѣ ех-министра Валуева подготовляющимъ почву для новыхъ сближеній. Полуоффиціальныя сношенія скоро были возобновлены, и въ Римѣ водворился русскій агентъ, а папа сталъ по прежнему поставлять католическихъ епископовъ, рекомендуемыхъ ему русскимъ правительствомъ. Но упрямый Пій IX никогда не могъ вполнѣ примириться съ русскимъ императоромъ, не смотря на то, что они оба—представители деспотизма, одинъ духовнаго, другой свѣтскаго. Особенно раздражило его возсоединеніе съ православіемъ польскихъ уніатовъ, что отняло у папскаго стада до 120,000 овецъ, а, слѣдовательно, и долю руна, попадавшаго въ бездонныя римскія сокровищницы. Такъ Пій IX и умеръ врагомъ Россіи. Преемникъ же его, Левъ XIII, видя, что въ Петербургѣ, какъ и въ Берлинѣ, волчьимъ зубомъ немно-

го сдѣлаешь, предпочелъ показать лисій хвостъ, но пока ничего въ отвѣтъ не получилъ, кромѣ дешевыхъ любезностей.

Суровый поклонникъ легитимизма, императоръ Николай, не признавалъ королевою *Испаніи* Изабеллы II, а стоялъ на сторонѣ Донъ-Карлоса; поэтому, конечно, и всѣ сношенія Россіи съ этою страною въ 1855 году ограничивались полученіемъ изъ нея купцомъ Елисеевымъ большихъ партій апельсиновъ и хереса; русская же военая эскадра адмирала Путятина, когда вздумала зайдти въ одинъ изъ испанскихъ колоніальныхъ портовъ, Манилу, была встрѣчена очень недружелюбно. Но преемникъ Николая не былъ уже такъ упрямъ, и потому скоро послѣдовало возобновленіе сношеній между двумя дворами, такъ что въ 1856 г., на коронаціи Александра въ Москвѣ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ иностранныхъ пословъ былъ герцогъ Осунья „восьмикратный грандъ Испаніи.“ Послѣ того установились обычныя, но очень ничтожныя дипломатическія сношенія и продолжались до самаго низверженія Изабеллы въ 1868 году. Когда потомъ наступила въ Испаніи царствованіе Амедея итальянскаго, то тутъ связи поддерживались; но республики Серрано въ Петербургѣ не хотѣли признать, конечно потому, что она, вмѣстѣ съ швейцарскою и французскою,

нравилась русскимъ либераламъ, гласно возвѣщавшимъ о томъ въ Новомъ Времени и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ, а можетъ быть и потому, что признаніе ея навязывалъ Бисмаркъ. За то, когда императоръ Александръ получилъ извѣстіе, что республика въ Мадритѣ смѣнена монархіею Альфонса, то поспѣшилъ поздравить послѣдняго, говоря, что „на этотъ разъ мы можемъ и не дожидаться мнѣнія нашего друга Бисмарка.“ Полною безцвѣтностью отличались все время 1855—78 г. отношенія Россіи и къ *Португаліи*.

Упомянувъ такимъ образомъ вкратцѣ о государствахъ югозападной Европы, перейдемъ къ югозападной или къ тому разнородному политическому міру, который помѣщается на Балканскомъ полуостровѣ и причиняетъ столько заботъ Россіи вотъ уже 170 лѣтъ. Ближайшая къ югозападной Европѣ часть его есть *Грецiя*, которую 1855 годъ засталъ подъ эгидою Англіи и Франціи, занимавшихъ своими войсками Пирей. Это, можно сказать, былъ послѣдній намекъ на симпатіи, нѣкогда связывавшія грековъ съ Россіею, которая понесла столько жертвъ для освобожденія ихъ и много лѣтъ уплачивала долгъ, сдѣланный Греціею въ эпоху ея возрожденія. Со времени парижскаго міра, увидавъ, что Россія обезсилена, греки обратили всѣ свои симпа-

тіи на западъ, къ русскимъ же стали относиться открытой съ враждою во 1-хъ какъ къ націи, управляемой деспотически и во 2-хъ, какъ къ союзницѣ балканскихъ славянъ, которыхъ они ненавидятъ, какъ соперниковъ на господство въ Византіи или, по крайней мѣрѣ, во Ѳракіи и Македоніи. Напрасно въ 1866—67 году Россія поддерживала домогательства Греціи на Кандію, гдѣ произведено было возстаніе противу турокъ; напрасно заявлялось русскимъ правительствомъ сочувствіе къ судьбамъ Эллады, выразившееся, между прочимъ, въ отдачѣ за греческаго короля племянницы императора Александра, Ольги Константиновны: антипатія не уменьшалась, а росла. Главною причиною этого было политическое пробужденіе, при содѣйствіи Россіи, турецкихъ славянъ, которыхъ греки долго эксплуатировали и которыхъ не любятъ больше, чѣмъ турокъ. Въ 1867 году посланнику нашему въ Константинополѣ удалось добиться основанія особаго болгарскаго экзархата, т. е. вывода болгаръ изъ зависимости отъ константинопольскаго греческаго патріарха и фанаріотовъ: это страшно озлобило греческое духовенство, а съ нимъ и всѣхъ грековъ. Англійское вліяніе, особенно усилившееся въ Афинахъ съ тѣхъ поръ, какъ англичане уступили уступали Греціи Іоническія острова, также, разумѣется, раздувало не-

пріязнь эллиновъ къ русскимъ, и вотъ мы видимъ, что когда въ 1877 г. вспыхнула война между Россіею и Турціею, ситпатіи грековъ были скорѣе на сторонѣ послѣдней. По заключеніи санъ-стефанскаго договора, Греція, при посредствѣ Англіи, стала добиваться, чтобы ее допустили на конгрессъ, имѣвшій заняться устройствомъ Балканскаго полуострова, при чемъ она заявляла и цѣль этого домогательства—противудѣйствовать разширенію области, славянства, вопреки Росіи... Должно замѣтить, что всѣ эти результаты легко было предвидѣть по краймѣрѣ со времени польскаго возмущенія 1863 г., когда *вся* либеральная Европа вознегодовала на насъ; но наша дипломатія все еще вѣрила въ могущество старинныхъ политическихъ пріемовъ, въ родѣ заключенія брачныхъ союзовъ между царствующими домами, и, выдавъ Ольгу Константиновну за Георга, думала, что Греція стала вассаломъ Россіи. Между тѣмъ греки такъ мало церемонились съ русскими, что даже королевѣ своей не позволили имѣть домашняго секретаря изъ русскихъ, пока этотъ секретарь,—по непонятной впрочемъ причинѣ,—считался на службѣ въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. И еще болѣе: положеніе самой королевы, по крайней мѣрѣ въ первые годы ея брака, было такъ не вѣрно, что въ Пиреѣ посто-

янно находились два русскія военныя судна на случай ея бѣгства изъ Греціи. Впрочемъ, въ самое послѣднее время[1]) Грецiя если не стала сближаться съ Россіею, то по крайней мѣрѣ значительно удалилась отъ Англіи, такъ какъ ясно увидѣла, что англичане сами стараются отнять у Турціи то, на что претендуютъ греки, именно острова восточной части Средиземнаго моря.

Не лучше, если не хуже чѣмъ въ Греціи, было положеніе Россіи въ другой части Балканскаго полуострова, добившейся своей свободы также благодоря вѣковымъ усиліямъ и жертвамъ народа русскаго—въ *Румыніи*. Парижскій миръ 1856 г. вывелъ Валахію и Молдавію изъ подъ исключительнаго покровительства надъ ними Россіи и даже увеличилъ Молдавію на русскій счетъ присоединеніемъ придунайской части Бессарабіи. Обѣ мѣры эти были расчитаны прямо на то, чтобы сдѣлать румыновъ врагами Россіи, и цѣль эта была въ совершенствѣ достигнута, особенно послѣ того, какъ князь Горчаковъ, неизвѣстно для чего и забывая мудрое правило политики: одобрять то, чему не *мо-*

[1]) Греческій министръ ин. дѣлъ, Деліанисъ, послѣ берлинскаго конгресса ѣздилъ въ Петербургъ просить заступничества Россіи по вопросу о присоединеніи къ Греціи Ѳессаліи и Эпира, и хотя подвергся упреку въ неблагодарности, но получилъ увѣреніе, что Россія въ данномъ вопросѣ будетъ поддерживать грековъ.

жемъ воспротивиться, протестовалъ противу слитія обоихъ княжествъ въ одно, подъ властію Кузы. Почти полуторавѣковое вліяніе Россіи въ Бухарестѣ и Яссахъ было совершенно уничтожено, а напротивъ вліяніе Австріи, Франціи и Англіи очень усилилось. До чего это паденіе дошло, видно изъ того, что мы не могли въ 1876 г., даже цѣною обѣщанія завоевать румынамъ свободу, добиться ихъ союза, и, чтобы не быть встрѣченными ими непріязненно, должны были выплатить имъ предварительно доходы съ молдавскихъ монастырскихъ имѣній, существующихъ въ Бессарабіи, доходы, которые долгое время были, не безъ основанія, удерживаемы нами. И все-таки, когда русскія войска въ апрѣлѣ 1877 г. перешли Прутъ, они уже въ Яссахъ встрѣтили открытую непріязнь, доходившую до того, что румынскія власти не дали вагоновъ для перевозки войскъ безъ уплаты за каждаго солдата какъ за обыкновеннаго пассажира. Во все время пребыванія русскихъ войскъ въ Румыніи они подвергались разнымъ униженіямъ и самой безсовѣстной эксплуатаціи. Когда подъ Плевной мы встрѣтили неудачи, и румыны явились къ намъ на подмогу, тогда они говорили, что русская ярмія обязана имъ своимъ спасеніемъ и что затѣмъ всѣ счеты кончены и что Румынія завоевала свою независимость сама.

Наконецъ, послѣ заключенія санъ-стефанскаго договора, которымъ эта независимость была впервые оффиціально признана Турціею, бухарестское правительство прямо объявило, что оно не желаетъ принимать свободы изъ рукъ Россіи и не признаетъ трактата, заключеннаго безъ его участія. А какъ въ трактатѣ было упомянуто о возможности обмѣна, уступленной Турціею Россіи, Добруджи на южную часть Бессарабіи; то румыны, двукратнымъ приговоромъ палатъ, отвергли всякую возможность подобной сдѣлки и отвели свою армію за Алюту, чтобы съ одной стороны предохранить ее отъ исполненія нелѣпой угрозы князя Горчакова обезоружить ее, а съ другой приготовиться, опираясь на Австрію, къ открытой войнѣ съ русскими, которые тѣмъ временемъ заняли всю Молдавію и восточную половину Валахіи, чтобы обезпечить себѣ пути черезъ нижній Дунай въ Булгарію. За множество убытковъ, неизбѣжныхъ при войнѣ, напр. за потоптанныя поля и разширенныя дороги, румыны заставили русское правительство заплатить чистыми деньгами. Наконецъ, когда берлинскій конгрессъ рѣшилъ возвратить Россіи Бессарабію, а румынамъ присудилъ въ замѣнъ того Добруджу, то и тутъ еще послѣдніе заявляли о своемъ желаніи „сохранить историческія права на Бессарабію.“

Въ значительно лучшихъ отношеніяхъ была Россія съ *Сербіею*, другимъ вассаломъ Турціи по договорамъ адріанопольскому и парижскому. Смыслъ этихъ отношеній состоялъ въ томъ, что Сербія постоянно искала покровительства и матеріальнаго содѣйствія Россіи для своего освобожденія отъ турецкаго ига и успѣвала достигать этой цѣли, отнюдь не склоняясь признать себя зависимою отъ русскаго правительства. Сербы послѣ 1859 года гласно заявили, что ихъ маленькая страна есть, „славянскій Піемонтъ“ т. е. зародышъ будущей большой славянской монархіи на Дунаѣ и у Адріатическаго моря, и въ этомъ смыслѣ они, конечно, возбуждаютъ большую подозрительность Австріи, которой при осуществленіи подобнаго панславистскаго проэкта пришлось бы лишиться Далмаціи, Кроаціи, Славоніи и Баната. Конечно, если принципъ національностей имѣетъ „неодолимое“ могущество, то рано или поздно это должно случиться; но только Сербіи до этого момента еще далеко, и Россія, конечно, не могла поддерживать въ ней такихъ честолюбивыхъ надеждъ. [1]) За то все, что нужно было

*) Замѣтимъ однако же, что наравнѣ съ австрійскими славянами пріѣзжали въ 1867 г. на этнографическую выставку въ Москву и бѣлградскіе сербы. До самаго послѣдняго времени русское правительство снабжало сербское деньгами для поддержанія панславистской пропаганды въ Австріи, какъ напр. обнаружилось по отношенію къ газетѣ «Сербскій Народъ», издававшейся въ Нейзацѣ.

сдѣлать для ея освобожденія отъ турецкаго господства, по возможности, было сдѣлано. Во 1-хъ при дѣятельномъ участи Россіи Сербія добилась въ 1867 году очищенія своихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ. Во 2-хъ только благодаря поддержкѣ Россіи она въ состояніи была начать исполненіе своей панславистской миссіи вооруженною поддержкою боснійскаго возстанія въ 1876 году, при чемъ хотя турки и нанесли пораженіе сербамъ, но не могли воспользоваться плодами свей побѣды въ виду ультиматума, предложеннаго имъ, по прямому повелѣнію императора Александра, генераломъ Игнатьевымъ, потребовавшимъ, чтобы въ теченіе 48 часовъ военныя дѣйствія были прекращены и турки не смѣли бы двигаться къ Бѣлграду. Въ этой войнѣ 1876 г. поддержка сербовъ русскими зашла такъ далеко, что въ рядахъ сербской адміи сражались до 3,000 русскихъ волонтеровъ и арміею этою командовали отставные русскіе генералы, Черняевъ и Новоселовъ, которые, наравнѣ съ прочими „добровольцами“ не подверлись ни малѣйшей карѣ за такое нарушеніе международныхъ и даже русскихъ законовъ. Сенъ-стефанскій договоръ выговорилъ Сербіи независимость и разширеніе на югѣ; но послѣднимъ Сербы остались недовольны и требовали большихъ пріобрѣтеній, находя, что они

недовольно вознаграждены за жертвы, принесенныя по внушенію Россіи. Справедливость требуетъ замѣтить, что требованія эти были преувеличены и отзывались самымъ жесткимъ эгоизмомъ и неблагодарностью. Но таково ужъ свойство самодержавной политики: она не можетъ найдти друзей искреннихъ и признательныхъ, потому что относится къ народамъ, какъ и къ частнымъ лицамъ, деспотически, не уважая въ людяхъ ихъ человѣческаго достоинства. Сербы были оскорблены императоромъ Александромъ въ публичной рѣчи, сказанной имъ въ Москвѣ, гдѣ онъ противоставилъ ихъ трусливости геройство черногорцевъ. Притомъ отвратительное поведеніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ „добровольцевъ“ настолько оттолкнуло отъ Россіи самую сербскую націю, что лишь цѣною большихъ денегъ правительству нашему можно было купить союзъ Сербіи въ 1877-78 г., союзъ даже безполезный въ военномъ смыслѣ, потому что онъ состоялся лишь тогда, когда силы турокъ уже были сокрушены взятіемъ Плевны. Какъ только сербское правительство увидѣло себя, по сенъ-стефанскому договору, независимымъ, оно стало едва ли не больше дорожить симпатіями Австріи, чѣмъ Россіи, которая однако же продолжала посылать въ Бѣлградъ груды золота. Каковы будутъ отношенія къ Россіи независимой

Сербіи, созданной берлинскимъ трактатомъ, мы не можемъ еще сказать.

Большимъ постоянствомъ и искренностью дружбы отличались отношенія Россіи къ *Черногоріи*, единственной части Балканскаго полуострова, умѣвшей въ теченіи вѣковъ отстоять свою независимость отъ турокъ и издавна покровительствованной Россіей, которая въ 1849 г. пыталась даже, хотя неудачно, доставить ей портъ Катарро. Черногорскій князь постоянно получалъ по 25,000 рублей ежегодной субсидіи изъ Петербурга; нѣкоторые черногорцы, и въ томъ числѣ собственныя дочери князя, воспитывались въ Россіи; его ратникамъ доставлялись оттуда оружіе и порохъ. Въ 1862 году при открытомъ содѣйствіи черногорцевъ происходило востаніе противу турокъ въ Герцеговинѣ; и хотя оно окончилось полною побѣдою Омера-паши, но тѣмъ не менѣе Черногорія сохранила свое политическое существованіе и лишь была обязана допустить турокъ къ сооруженію блокгаузовъ въ долинѣ, разрѣзывающей страну на двое. Но князь черногорскій никогда не былъ вынужденъ признавать себя вассаломъ Порты и въ этомъ званіи являться на поклонъ къ султану, какъ это было напр. съ княземъ сербскимъ въ 1874 году. Тутъ, какъ и въ другіе трудные моменты исторіи черногорцевъ, спасительницею ихъ являлась

Россія. гдѣ князь Николай былъ принимаемъ какъ владѣтельная особа, не смотря на то, что еще его отецъ громко заявлялъ, что безъ сопротивленія станетъ подданнымъ сербскаго князя, если сербамъ сѣверо-западныхъ провинцій Турціи удастся объединиться. Въ концѣ 1875 года вспыхнуло новое возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, и на этотъ разъ черногорцы опять явились въ рядахъ своихъ утѣсняемыхъ соплеменниковъ, притомъ съ большимъ противу 1862 года успѣхомъ. Кѣмъ собственно данъ былъ толчекъ этому возстанію, поведшему къ столь важнымъ послѣдствіямъ, трудно сказать; кажется' что Германіею, потому что въ снабженіи инсургентовъ оружіемъ, по весьма настойчивымъ слухамъ, принималъ дѣятельное участіе германскій консулъ въ Рагузѣ, а у выходцевъ изъ Босніи въ Австрію находили нѣмецкое золото [1]). Но во всякомъ случаѣ оно поддержано было не только черногорцами, какъ

[1]) Какъ ни страннымъ можетъ показаться это замѣчаніе, но оно имѣетъ за себя большую вѣроятность. Чтобы господствовать надъ Россіею Бисмарку нужно ее ослабить, храня въ то же время видъ дружбы. Лучшимъ для этого средствомъ являлось—вовлечь Россію въ войну на Балканскомъ полуостровѣ и притомъ въ такое время, когда она еще не была готова къ этой войнѣ, которая, разумѣется, должна была вооружить противу нея коалицію. Въ этомъ возбужденіи трудностей для Россіи, конечно, играла также роль месть Бисмарка за то, что весною 1875 г. русское правительство наложило veto на готовившійся новый разгромъ Франціи нѣмцами.

соплеменниками инсургентовъ, но и Австріею, доказательствомъ чему можетъ служить слѣдующій фактъ. Ранней весною 1877 въ Вѣнѣ находился русскій артиллерійскій офицеръ Ховенъ, которому поручено было закупить для черногорцевъ порохъ, оружіе и даже пушки. Все это было пріобрѣтено изъ австрійскихъ казенныхъ складовъ и отправленно черезъ Тріестъ и Катарро, при чемъ министръ Андраши лично, въ присутствіи Ховена и русскаго посланника Новикова, приказалъ далматскому губернатору Родичу не препятствовать выгрузкѣ этой военной контрабанды въ Катарро, что и было исполнено. Значительная масса боснійскихъ инсургентовъ нашла себѣ убѣжище также въ Австріи, которая даже отпускала деньги на ихъ прокормленіе, разумѣется, съ цѣлью устроить въ свою пользу сильную партію между босняками вообще, такъ чтобы потомъ присоединеніе Босніи имѣло видъ добровольнаго. Черногорцы во все время войны 1876—78 годовъ были побѣдоносны, и, благодаря пушкамъ, которыхъ у нихъ прежде не бывало, успѣли даже покорить турецкія крѣпости Никшичъ, Подгорицу и Антивари, черезъ что стали прочной ногою не только въ Бѣлопавличской долинѣ, раздѣляющей Черногорію на двое, но на Скутатрійскомъ озерѣ, а, главное, у моря. Эти пріобрѣтенія и были оставлены

за ними по санъ-стефанскому договору, при чемъ, для показанія къ нимъ особаго уваженія, генералъ Игнатьевъ сдѣлалъ изъ условія о Черногоріи первую статью трактата. Но берлинскій конгрессъ значительно сократилъ размѣры вновь созданнаго Черногорскаго государства, разумѣется въ угоду и по настояніямъ Австріи. Портъ Антивари еще оставленъ за черногорцами; но Спица присоединена къ Австріи, и Россія была не въ состояніи отстоять въ іюнѣ 1878 года то, что было ею создано въ февралѣ.

Указавъ на отношенія Россіи къ Греціи, Румыніи, Сербіи и Черногоріи, и упомянувъ вкратцѣ объ основаніи болгарскаго экзархата, мы исчислили уже часть всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые входили въ сферу нашихъ отношеній къ *Турціи* и которые, какъ видимъ, способны были только раздѣлять, а не сближать Петербургъ съ Константинополемъ. Но вопросы эти далеко не исчерпываютъ всей области русско-турецкой политики, потому что область эта очень обширна. Чтобы сколько-нибудь разумно найдтися въ ней, намъ необходимо припомнить здѣсь обстоятельства и событія, предшествовавшія войнѣ 1853—56 годовъ и парижскому миру. Турція начала быть тѣснима Россіею со времени Петра Великаго, отнявшаго у турокъ

Азовъ, и цѣль этого поступательнаго движенія была постоянно одна: получить господство на Черномъ морѣ и, если можно, то даже сдѣлать это море исключительно русскимъ, а потомъ пріобрѣсти свободный доступъ въ Средиземное море. Такъ-какъ эта цѣль постоянна и обусловливается географическимъ положеніемъ Россіи, то нѣтъ сомнѣнія, что пока существуетъ русское государство, оно будетъ всегда во враждебныхъ отношеніяхъ ко всякой націи, которая одна будетъ владѣть Босфоромъ и Дарданеллами, все равно, будутъ ли то турки, греки, англичане, австрійцы или даже такъ-называемые наши славянскіе братья. Россія можетъ успокоиться вполнѣ лишь тогда, когда разные берега проливовъ будутъ въ рукахъ, если не ея самой, то разныхъ, и притомъ слабыхъ и соперничающихъ націй, напр. грековъ на сѣверѣ и турокъ на югѣ отъ Мраморнаго моря. Ускорить образованіе подобной политической комбинаціи очевидно въ интересахъ Россіи, и съ этой точки зрѣнія понятно, почему она въ теченіе 165 лѣтъ имѣла семь большихъ войнъ съ Турціею и должна было въ 1877 г. начать новую. Но ходъ исторіи и политическая географія научаютъ насъ также, что интересы Россіи въ этомъ случаѣ отнюдь не сходятся съ выгодами многихъ западоевропейскихъ націй, именно Австріи, владѣющей $^2/_3$ бассейна Дуная, всѣхъ

при-средиземныхъ державъ [1]) и особенно Англіи, у которой по Средиземному морю проходитъ главный путь въ Индію. Слѣдствіемъ же этого является оппозиція Россіи по такъ-называемому „восточному“ вопросу со стороны почти всей Европы, и вотъ почему болѣе чѣмъ полуторавѣковыя ея усилія добиться своей цѣли остаются если не совсѣмъ тщетными, то все еще недостигнувшими ея и — скажемъ прямо — едва ли могущими достигнуть при нынѣшнемъ политическомъ строѣ Европы и при господствующихъ въ ней понятіяхъ о международномъ равновѣсіи. Разумѣется, если, за всѣмъ тѣмъ, Россія хочетъ не отказывается отъ своей цѣли, то политика ея должна быть очень искусна: неутомима въ подготовкѣ успѣха, осторожна въ выборѣ времени и обстоятельствъ, благопріятныхъ для дѣйствія, и наконецъ рѣшительна, когда благопріятный моментъ наступилъ. А чтобы эти теоретическія условія не были фразами, которыя каждый можетъ толковать по своему,

[1]) Т. е. Италіи Франціи, Испаніи и особенно Греціи, для которыхъ присутствіе русскаго военнаго флота въ Средиземномъ морѣ было бы всегда обстоятельствомъ осложняющимъ ихъ политику. Есть, конечно, писатели, которые смотрятъ на событія шире, дальновиднѣе, и готовы думать, что присутствіе русской морской силы на ихъ водахъ было бы полезно для самихъ Италіи, Греціи и пр., потому что вырывало бы ихъ изъ подъ исключительной зависимости отъ Англіи; но эти писатели, въ родѣ Петручелли-делла Гатина, немногочисленны и неавторитетны.

то скажемъ, что для рѣшенія „восточнаго“ вопроса въ смыслѣ благопріятномъ для Россіи, необходимы: 1, большая война въ Европѣ, гдѣ бы по крайней мѣрѣ одинъ изъ ея главныхъ противниковъ, Австрія или Англія, принималъ дѣятельное участіе, а остальныя заинтересованныя стороны были отвлечены отъ вниманія къ Турціи, моментъ въ родѣ того, который представлялся въ 1866 или 1870 году; 2, такое обезсиленіе Турціи, чтобы она не въ состояніи была оказать сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія ни въ Европѣ, ни въ Азіи; 3, довѣріе къ видамъ Россіи со стороны христіянскихъ населеній Балканскаго полуострова и Малой Азіи; 4, совершенная готовность силъ и средствъ самой Россіи на большую, рѣшительную войну; 5, полное политическое спокойствіе внутри ея и на разноплеменныхъ ея окраинахъ, чтобы ненужно было отвлекаться усмиреніемъ бунтовъ; наконецъ 6, очень полезно имѣть сильнаго внѣшняго союзника, серьезно заинтересованнаго въ поддержкѣ Россіи, а не связаннаго съ ней какими-нибудь платоническими обѣщаніями.

Становясь на эту точку зрѣнія, посмотримъ, что сдѣлано было Россіею для подготовки возмездія Турціи и ея союзникамъ за парижскій миръ, возмездія, которое имѣлось въ виду, такъ-сказать, въ самую минуту подписанія этого мира. Во 1-хъ въ

замѣну военнаго черноморскаго флота, уничтоженнаго въ Севастополѣ, уже въ 1857 году приступлено было къ созданію частнаго, который бы въ мирное время занимался торговлею въ Черномъ и другихъ моряхъ, а въ военное былъ бы готовъ на службу правительству. Флотъ этотъ былъ созданъ и въ 1877 году состоялъ уже не менѣе какъ изъ 70 судовъ, изъ которыхъ иныя приспособлены были даже къ боевой службѣ, другія же оказали пользу перевозкою военныхъ тяжестей тотчасъ по заключеніи перемирія въ генварѣ 1878 года. Во 2-хъ мы успѣли покончить съ покореніемъ западнаго Кавказа и даже выгнали изъ большей его части безпокойное мусульманское населеніе, что обезпечило насъ отъ вредныхъ послѣдствій вторженія турокъ въ эту страну. Въ 3-хъ мы укрѣпили Керченскій проливъ и тѣмъ обезопасили отъ нападеній непріятеля прибрежья Азовскаго моря. Въ 4-хъ нашъ генеральный штабъ занялся изученіемъ обоихъ театровъ войны съ Турціею, въ Европѣ и Азіи, и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи значительные успѣхи, такъ что въ 1877 году мы уже имѣли порядочныя карты Балканскаго полуострова и Малой Азіи и спеціальныя описанія Эрзерумскаго виляйетва и отчасти Аджаріи и Булгаріи, не говоря про общее военно-статистичеекое обозрѣніе всей Турціи, не совсѣмъ удовлетворитель-

ное. Куплены были топографическія работы француза Лежана, нѣмцевъ Прессля и Каница; сняты многіе маршруты собственными топографами и вообще сдѣлана стратегическая подготовка къ новой войнѣ, для которой въ общихъ чертахъ составленъ даже планъ. Но самымъ важнымъ залогомъ успѣха приготовлявшейся борьбы съ Турціей была политика генерала Игнатьева, назначеннаго посланникомъ въ Константинополѣ 1863 г. Молодой дипломатъ этотъ, снискавшій уже нѣкоторую извѣстность посольствомъ въ 1860 г. въ Китай, вѣрно понялъ свою задачу въ Турціи: не доводя ее раньше желаннаго момента до открытаго разрыва съ Россіею и даже по возможности разыгрывая роль друга, разшатать весь строй Отоманской Имперіи такимъ образомъ, чтобы изъ нея сдѣлался если не трупъ, то дѣйствительно „больной человѣкъ,“ неспособный къ энергическому сопротивленію. Цѣль эта и достигалась имъ, на сколько было возможно въ его положеніи, т. е. при постоянномъ противодѣйствіи Англіи, Австріи и Франціи, при томъ составѣ консуловъ, которымъ его снабжало министерство иностранныхъ дѣлъ, и притомъ личномъ нерасположеніи, которое это министерство питало къ нему самому. Говоря о Сербіи, Булгаріи, Греціи, мы уже коснулись нѣкоторыхъ актовъ его дѣятельности, изъ которыхъ особенно за-

мѣтенъ выводъ болгаръ изъ подъ зависимости отъ фанаріотовъ; но это далеко не все. Игнатьевъ понималъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ залоговъ успѣха въ предстоявшей борьбѣ съ Турціею было ослабленіе турокъ въ самомъ средоточіи ихъ могущества — въ Азіи; поэтому въ сферу его соображеній и связей входили не только армяне, издавна уже связанные съ Россіею, но аджарцы, курды, халдеи и сирійскіе христіяне, изъ которыхъ можно было надѣяться создать враговъ султану. И онъ добился того, что въ 1875 году жители Ливанскихъ горъ спрашивали у одного русскаго путешественника: „когда же придетъ *московъ*, чтобы устроить у насъ порядки?“—Благодаря кажущейся откровенности и даже болтливости, иностранные дипломаты въ Константинополѣ, — какъ публично высказалъ одинъ изъ нихъ, Мутье, — долгое время считали его соперникомъ легковѣснымъ и, слѣдовательно, неопаснымъ, пока не увидали наконецъ, что симпатическія черты характера Игнатьева, его общительность, постоянно ровное расположеніе духа и тонкое знаніе окружавшей среды привлекли къ нему особое расположеніе султана Абдулъ-Асиза, которое было такъ велико, что сами турецкіе сановники спрашивали у русскаго посла: гдѣ секретъ постояннаго къ нему довѣрія султана? Когда въ 1874 г. прибылъ въ

Константинополь теперешній австрійскій посланникъ, Зичи, и появился на одномъ султанскомъ выѣздѣ въ мечеть вмѣстѣ съ Игнатьевымъ, то Абдулъ-Асизъ сказалъ ему, что „лучшаго ментора онъ не могъ бы найдти въ Константинополѣ.“ Губернаторы, министры и сами великіе визири смѣнялись по настояніямъ Игнатьева, и одинъ изъ послѣднихъ, Махмудъ-Недимъ-паша такъ и остался извѣстнымъ у самихъ турокъ подъ именемъ „Московъ-паши-Махмудова.“ Турцію Игнатьевъ зналъ лучше, чѣмъ самъ султанъ и его сановники. Между русскими, жившими въ этой странѣ или только случайно ее посѣщавшими, онъ пользовался большою и заслуженною популярностью. Словомъ, друзья и враги Россіи признавали огромность его вліянія на ходъ дѣлъ въ Стамбулѣ, обаятельную власть надъ султаномъ и пользу, которую онъ приносилъ Россіи, находясь на своемъ постѣ. Отъ своихъ западныхъ противниковъ и поклонниковъ онъ поэтому получилъ прозвище „Мефистофеля Востока. Но именно эта огромная популярность снискала ему враговъ въ бюрократической грязи манистерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, особенно же въ лицѣ большаго интригана, директора азіятскаго департамента, Стремоухова, которому было досадно, что Игнатьевъ не считаетъ себя его подчиненнымъ и который

низкимъ угодничествомъ передъ Горчаковымъ умѣлъ раздражать противу Игнатьева и этого общаго ихъ главу. До чего низость интриги доходила, можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ фактовъ, которыхъ достовѣрность не подлежитъ сомнѣнію. Въ 1870 г. осенью Игнатьевъ, по обыкновенію, былъ въ кратковременномъ отпуску въ Россіи и находился въ Петербургѣ. Когда онъ наконецъ откланивался государю, тотъ спросилъ его: былъ ли уже онъ у Горчакова?—"Нѣтъ, в, в-о., я буду у него передъ самымъ отъѣздомъ, т. е. сейчасъ."—„Ну, такъ ступай: онъ тебѣ скажетъ новость." И перекрестивъ посла, императоръ отпустилъ его къ министру. У Горчакова недолго было договориться и до „новости," о которой упомянулъ монархъ. „Какую же бы это новость разумѣлъ государь? отвѣчалъ лицемѣрно министръ. А! вѣроятно, ноту, которую мы отправили въ Константинополь и которою отказываемся отъ части парижскаго договора"..... Завистливое министерство не допустило Игнатьева не только участвовать въ обсужденіи вопроса, прямо до него относившагося, но и передало исполненіе важнаго шага второстепенному чиновнику въ Константинополѣ, Кумани, котораго непріязнь къ послу была при томъ ему извѣстна. Мало того; когда Игнатьевъ вернулся въ Турцію, то ему при-

шлось вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть того сумбура, который происходилъ зимою 1870—71 въ Петербургѣ подъ вліяніемъ Австріи и Англіи и безпрестанно сопровождался такими инструкціями для Игнатьева, которыхъ исполненіе было бы унизительнымъ для Россіи..... Другой крупный фактъ низости министерства случился нѣсколькими годами позднѣе. Узнавъ, что посолъ хлопочетъ о пріобрѣтеніи расположенія къ Россіи нѣкоторыхъ курдскихъ вождей, Стремоуховъ составилъ мемуаръ, обвинявшій Игнатьева въ нарушеніи высочаше утвержденныхъ миролюбивыхъ инструкцій, въ созданіи собственной политики. По счастію императоръ Александръ догадался, въ чемъ дѣло, и передалъ доносъ самому Игнатьеву, пріѣзжавшему въ Ливадію, прося его объяснить дѣло. Результатомъ вышло высочайшее обозваніе Стремоухова довольно крѣпкимъ словцомъ и удаленіе его изъ службы, при чемъ, однако, на мѣсто его поступилъ зять князя Горчакова..... Легко понять, какъ при подобныхъ условіяхъ патріотическому дипломату было затруднительно преслѣдовать его національныя цѣли.

Но недостатокъ однообразія или согласія въ политическихъ видахъ по отношенію къ Турціи не былъ единственной слабой стороной русской политики въ столь важномъ вопросѣ, какъ восточный.

Мы выше привели шесть условій, которыя необходимы для пріобрѣтенія Россіи *прочныхъ* успѣховъ надъ Турціею; изъ нихъ до нѣкоторой степени, какъ видимъ, были подготовлены только два: изученіе географіи и статистики Отоманской имперіи и ея разшатыванье,—и то, и другое, впрочемъ, въ очень несовершенной степени. Что же касается до четырехъ прочихъ, то правительство или не понимало ихъ важности, или обманывалось на счетъ своего положенія. О степени довѣрія къ Россіи въ народахъ Балканскаго полуострова, мы можемъ судить теперь, когда эти народы, видя уже пролитую за нихъ русскую кровь, все-таки отворачивались отъ русскихъ; да могли судить и раньше, когда, въ шестидесятыхъ годахъ, переселенные-было въ Крымъ болгары ушли оттуда назадъ, въ Турцію, говоря, что тамъ лучше; греки же и румыны стали открыто враждебными Россіи еще того ранѣе и притомъ благодаря нашей политикѣ. Относительно политическаго спокойствія собственныхъ окраинъ, особенно заселенныхъ мусульманами, можно сказать, что именно тѣ, которыя ближе всего къ Турціи, представили цѣлый рядъ возстаній. не смотря на то, что въ 1859—64 годахъ намъ удалось цѣною страшныхъ усилій окончить покореніе Кавказа. Возмущенія абхазцевъ, сванетовъ, лез-

гинъ, чеченцевъ и пр. происходили даже внѣ вліянія Турціи; а если бы послѣдняя хотѣла, то мола безъ большаго труда поддерживать ихъ постоянно, потому что гнуснѣе администраціи, какъ русская на Кавказѣ, трудно и придумать; слѣдовательно, бунты подготовляются и возникаютъ очень легко. Надежныхъ и сильныхъ союзниковъ въ Европѣ мы не пріобрѣли, и, напротивъ, потеряли тамъ то послѣднее вліяніе, которымъ пользовались въ Германіи, благодаря ея разрозненности. Воспользоваться удобными моментами для разрушенія Австріи въ 1859, 1866 и 1870 годахъ мы не умѣли, а съ 1872 года позволяли ей постоянно дурачить себя. Готовыми къ войнѣ, способной разгромить нашихъ внѣшнихъ противниковъ, мы во всѣ 20 лѣтъ, 1856—76, не были ни разу, потому что одинъ военный министръ, Сухозанетъ, все думалъ объ экономіи, а другой, Милютинъ, гораздо больше о разширеніи своей власти и о благоустроеніи своихъ канцелярій, чѣмъ напр. о хорошемъ и своевременномъ вооруженіи арміи и о снабженіи ея порядочнымъ обозомъ. Эта неготовность открыто признана была еще весною 1876 г. самимъ княземъ Горчаковымъ, который на предложеніе императрицы сдѣлать что-нибудь рѣшительное въ пользу турецкихъ славянъ отвѣчалъ: „я готовъ бы идти впе-

редъ, но по несчастію обѣ мои ноги худо подкованы: у Рейтерна нѣтъ денегъ, а у Милютина не готова армія.“—Наконецъ, въ выборѣ момента для начала новой борьбы съ Турціею, мы поступили совершенно вопреки здравому смыслу, потому что начали распрю тогда, когда у всѣхъ европейскихъ державъ, за исключеніемъ развѣ Франціи, руки были свободны, когда въ Англіи стояло у дѣлъ торійское министерство, очень желавшее заняться внѣшней политикой, чтобы съ одной стороны не дѣлать внутреннихъ реформъ, а съ другой упрочить положеніе своей партіи униженіемъ враговъ Великобританіи, когда, наконецъ, Австрія не только успокоилась отъ пораженія 1866, но и вошла въ дружескія связи съ побѣдившею ея Германіею, конечно для того, чтобы продолжать вѣковой Drang nach Osten.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что въ теченіе слишкомъ года отъ начала герцеговинскаго возстанія императоръ Александръ уклонялся отъ поддержки его и дѣлалъ внушенія сербскому правительству за участіе въ инсуррекціи; но это разумное настроеніе мало-по-малу изчезло. Какъ человѣкъ недальновидный, не-энергическій, привыкшій подчиняться вліяніямъ своихъ приближенныхъ, хотя въ то же время самолюбивый и ревнивый къ своей власти и славѣ, онъ, незамѣтно для себя, за-

путался въ трудномъ вопросѣ и вмѣсто головы сталъ жить сердцемъ. Съ одной стороны его подзадаривали славянофилы — увѣнчать царствованіе освобожденіемъ братьевъ-славянъ отъ ига политическаго, какъ освободилъ онъ у себя дома крѣпостныхъ отъ ига соціальнаго. Съ другой ему стало казаться, что и внѣшнія обстоятельства довольно благопріятны, такъ - какъ Германія будто бы прямо на нашей сторонѣ, Франція — безсильна, Австрія — побоится вмѣшиваться, а Англія одна—не рѣшится стать за турокъ, такъ что парижскій трактатъ удастся разорвать безъ серьезнаго сопротивленія Европы. Наконецъ, съ третьей стороны, едва ли можно сомнѣваться, что императоръ Александръ взглянулъ на войну какъ на средство отвлечь вниманіе русскаго общества отъ внутреннихъ дѣлъ, ходомъ которыхъ оно было недовольно, и возвратить своей династіи, сильно упавшей въ глазахъ націи, то обаяніе, которымъ держатся неограниченныя монархіи. Кромѣ того, его задѣла за живое конституція, дарованная султаномъ Турціи и оставлявшая Россію единственнымъ деспотическимъ государствомъ въ Европѣ! Что же касается до приписываемаго царю нѣкоторыми пессимистами злодѣйскаго умысла отмстить русскому народу кровопролитіями и раззоренніемъ за то, что

онъ пересталъ сочувствовать царскому управленію и увлекся революціонными стремленіями; то подобное подозрѣніе составляетъ гипотезу, которая хотя не представляетъ психологической невозможности, какъ показалъ опытъ Наполеона III, но въ данномъ случаѣ доказана быть не можетъ. Мы упоминаемъ здѣсь о ней лишь потому, что молва не затруднялась дѣлать даже столь мрачныя объясненія для войны, которой *русскій народъ не желалъ*...

„Но будто русскій народъ не желалъ войны?“— скажутъ, вѣроятно, многіе въ отвѣтъ на послѣднее замѣчаніе и въ оправданіе правительства, неразумно вдавшагося въ предпріятіе, котораго удовлетворительный для Россіи исходъ, по изложеннымъ выше причинамъ, представлялся совершенно невѣроятнымъ. „А добровольцы, тысячами отправлявшіеся въ Сербію сражаться за славянское дѣло? А горячія статьи множества газетъ, взывавшія къ бою? — развѣ это не доказательства, что виновато въ войнѣ вовсе не правительство, а сама пація?“ — Что касается до послѣдняго факта, то лучшій на него отвѣтъ былъ данъ, такъ-сказать, наканунѣ войны въ послѣднихъ частяхъ знаменитаго романа графа Л. Толстаго „Анна Каренина,“ гдѣ очень ясно обрисована жалкая и гнусная роль части русской журналистики въ этомъ дѣлѣ, которая вмѣсто того,

чтобы отражать мнѣнія людей просвѣщенныхъ и потому благоразумныхъ, раздувала національные предразсудки и страсти, чтобы увеличить число подписчиковъ. Притомъ наиболѣе умные изъ русскихъ журналовъ: Вѣстникъ Европы, Отечественныя Записки, Дѣло, Голосъ, Биржевыя Вѣдомости, въ 1876—77 г. были противъ войны, и то же, конечно, было бы со всѣми остальными, если бы изъ главнаго управленія цензуры имъ поданъ былъ знакъ, какъ подавался онъ во множествѣ другихъ случаевъ. А что до 3—4000 добровольцевъ, которые будто бы служатъ представителями общественнаго мнѣнія русскаго народа, то во 1-хъ самая ничтожность ихъ числа доказываетъ, что увлеченіе ихъ было далеко не общимъ, во 2-хъ нужно вспомнить, кто были эти люди? большею частію отставные военные, ни къ чему ненужные и потому скучавшіе,—чтобы понять, что ихъ стремленіями нельзя мѣрить желаній всей націи. Да и правительству стоило только не давать добровольцамъ заграничныхъ паспортовъ, чтобы положить конецъ ихъ, въ лучшихъ случаяхъ, славянофильскимъ, по просту же авантюристскимъ затѣямъ. Наконецъ, повторимъ еще разъ: *неограниченное правительство не имѣетъ никакого права ссылаться на желанія націи*, которую оно никогда не спрашиваетъ ни

прямо, ни чрезъ представителей.[1]) Царствуя „божіею милостію“, оно одно отвѣтственно за всѣ несчастія націи уже потому, что управляетъ ею, какъ стадомъ. Вѣдь не по желанію же націи императоръ Александръ II сказалъ 29 октября 1876 г. рѣчь, которая обязала его къ войнѣ, рѣчь, за которую его упрекали даже нѣкоторые изъ его министровъ.....

Будущему историку „второй восточной войны“ предстоитъ изобразить въ связи ходъ событій отъ этой рѣчи до Сапъ-Стефанскаго договора. Современникамъ нашимъ событія эти слишкомъ извѣстны, и потому мы ограничимся лишь общею ихъ оцѣнкою. Когда въ ноябрѣ 1876 г. русская армія была приведена на военное положеніе и сосредоточена въ Бессарабіи, тогда казалось бы, что не было надобности запутываться въ дипломатическія тенета согласіемъ на участіе въ константинопольской конференціи, которой безрезультатностъ нетрудно было предвидѣть. Этимъ способомъ мы сберегли бы деся-

[1]) «Государи, сказалъ три съ половиною вѣка тому назадъ Макіавели, не имѣютъ права жаловаться ни на какую ошибку, совершенную народомъ, правленіе которымъ находится въ ихъ рукахъ, потому что эти ошибки происходятъ всегда отъ ихъ недосмотра или вслѣдствіе того, что сами они виноваты въ тѣхъ же заблужденіяхъ. Если прослѣдить исторію народовъ, которые отличались грабительствами и другими подобными пороками, то можно увидѣть, что все произошло отъ тѣхъ, которые ими управляли.» — Эти слова нигдѣ въ наше время такъ не справедливы, какъ въ Россіи.

тки милліоновъ, потраченные на содержаніе арміи по 12 апрѣля 1877 г., а, главное, къ веснѣ 1877 г. были бы властителями всѣхъ земель къ сѣверу отъ Балканъ, потому что Турція была вовсе не готова защищать ихъ. Не было бы Плевны, не было бы страшныхъ лишеній для войскъ при зимнемъ переходѣ черезъ Балканы, и война, вѣроятно, кончилась бы вмѣсто февраля 1878 въ маѣ или іюнѣ 1877. — Во вторыхъ, начиная войну, нужно было не обманывать себя на счетъ дѣйствительныхъ силъ противника. Значительная часть неудачъ нашихъ лѣтомъ 1877 зависѣла отъ того, что мы считали турокъ слабѣе, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Наша военная бюрократія вздумала - было, послѣ перваго пораженія подъ Плевной взваливать вину этой предварительной неточности свѣдѣній о турецкой арміи на Игнатьева и Зеленаго (бывшаго военнымъ агентомъ въ Константинополѣ); но это не совсѣмъ точно. Вина болѣе всего падаетъ на оффиціальнаго стратега военнаго министерства, генерала Обручева, который, напримѣръ, получилъ донесеніе консула Обермюллера о составѣ и числительности турецкихъ силъ въ Арменіи, увѣрялъ, что цифры его преувеличены и требовалъ отъ г-на Обермюллера объясненій, откуда онъ получилъ столь крупныя величины? Какъ составитель плановъ войны, Обру-

чевъ былъ заинтересованъ уменьшать силы турокъ, чтобы не испугать правительство предстоявшими трудностями и расходами. На основаніи подобныхъ доводовъ было военнымъ министерствомъ отказано кавказскимъ властямъ въ присылкѣ дивизіи, которую, однакожъ, пришлось туда наконецъ отправить, но только послѣ зивинскаго пораженія. На основаніи же соображеній Обручева была составлена недостаточно сильною и дунайская армія, потому что, предложивъ обойдти Силистрію, Рущукъ, Шумлу и Варну съ запада, онъ увѣрялъ, что турки, по малочисленности ихъ силъ, уже не въ состояніи будутъ занимать всѣ эти четыре крѣпости, а тѣмъ болѣе дѣйствовать, подъ прикрытіемъ ихъ, въ полѣ къ сторонѣ нижняго Дуная, или же, если будутъ сильны въ четыреугольникѣ и въ Добруджѣ, то не окажутъ серьезнаго сопротивленія въ западныхъ Балканахъ.—Въ третьихъ, ничиная войну, долженствовавшую разгромить Турцію на подобіе того, какъ пруссаки разгромили въ 1866 г. Австрію, а въ 1870 Францію, нужно было поставить во главѣ арміи людей съ военными дарованіями, съ боевою опытностью, съ именемъ въ войскахъ. Между тѣмъ главнокомандующими очутились два императорскія ничтожества, изъ которыхъ одно, какъ показалъ опытъ, смотрѣло на войну отчасти какъ на средство

поправить свои денежныя дѣла и для того входило въ сдѣлки съ жидами, а въ военномъ отношеніи прославилось тѣмъ, что не участвовало лично ни въ одномъ дѣлѣ и бѣжало изъ арміи въ самую трудную минуту, когда та могла быть атакована вдали отъ своей базы. Мы не будемъ здѣсь разбирать постыдной дѣятельности великаго князя Николая Николаевича, отъ любовныхъ подвиговъ его съ Числовой въ Кишеневѣ до троекратныхъ пораженій подъ Плевною, за которыя онъ получилъ георгіевскую ленту, отъ знаменитой депеши къ князю румынскому, гдѣ онъ умолялъ румынъ придти на выручку русской арміи подъ какими-бы ни было условіями, до нерѣшительнаго образа дѣйствій въ окрестностяхъ Константинополя: все это описано если не въ русскихъ, то въ европейскихъ журналахъ. Но замѣтимъ, что его отношенія къ компаніи Грегора, Кагана и Горвица заставили, по окончаніи похода, само правительство удалить его въ Воронежъ [1])... Далѣе; позволительно, во имя Россіи, спросить: зачѣмъ множество важнѣйшихъ мѣстъ въ арміи предоставлено было разнымъ князьямъ им-

[1]) Когда было назначено, лѣтомъ 1878, слѣдствіе о злоупотребленіяхъ названныхъ поставщиковъ арміи, тогда скоро открылось, что всѣ эти злоупотребленія «прикрываются одною бумажкою,» какъ выразилась газета Голосъ, и предсѣдатель слѣдственной коммиссіи попросилъ уволить его отъ безплоднаго труда.

ператорскаго дома, безотвѣтственнымъ за неудачи и даже неслушавшимся главнокомандующаго? Что этимъ ничтожествамъ хотѣлось составить себѣ военную извѣстность, въ родѣ той, которую пріобрѣли нѣкоторые германскіе принцы въ войну 1870—71 года, такъ русскому народу, русскому государству до этого нѣтъ никакого дѣла, и напротивъ, русская нація была въ правѣ желать, чтобы интересы ея не страдали отъ передачи ихъ въ неискусныя руки людей, которые на битвы и другія военныя операціи смотрѣли какъ на военныя прогулки, долженствовавшія доставить имъ георгіевскіе кресты и прикрыть военною славою разные гражданскіе грѣшки, любовные, денежные и др. Зачѣмъ, наконецъ, находился на дунайскомъ театрѣ войны самъ императоръ Александръ, котораго мѣсто было, на время военныхъ дѣйствій, если не въ Москвѣ, истинномъ сердцѣ народа русскаго, то въ Петербургѣ, средоточіи управленія? Если для того, чтобы не допускать разлада между своими сыновьями и братомъ [1]),

[1]) Разлада, доходившаго до того, что командовавшій рущукскимъ отрядомъ наслѣдникъ отказался дать помощь отряду плевненскому, когда этого требовалъ главнокомандовавшій, Николай Николаевичъ. Этотъ разладъ между двумя ближайшими къ императору родственниками, не смотря на его присутствіе на театрѣ войны, дошелъ до того, что по возвращеніи въ Петербургъ, наслѣдникъ не затруднялся называть дядю - главнокомандующаго подлецомъ.

то для этого лучше всего было не пускать ни одного изъ нихъ на войну; если же для того, чтобы подъ личнымъ надзоромъ водворить новую, лучшую гражданственность въ освобождаемой Болгаріи; то почему же князь Черкасскій и всѣ его подчиненные, управлявшіе болгарами помощью нагаекъ, не были, при первыхъ же опытахъ административной дѣятельности, удалены со службы и не отданы подъ судъ? О дѣятельности этой вѣдь извѣщала даже полунѣмая по-неволѣ русская печать?

Отъ предпріятія, неразумно начатаго и неудовлетворительно веденнаго, разумѣется, нельзя было ожидать большихъ результатовъ, не смотря на огромныя жертвы людьми и деньгами.[1]) И въ самомъ дѣлѣ, если войска наши, послѣ трудной борьбы, сломили наконецъ сопротивленіе турокъ; то они не могли и думать о новой борьбѣ съ коалиціею англо-австро-румыно-турецкою, которая готова была сформироваться къ веснѣ 1878 года и за которою въ тылу стояла Германія, ждавшая случая „ощипать Россію, пока Франція не оперилась.“ Между тѣмъ коалиція эта такъ естественна, что не предвитѣть ея могли только люди, намѣренно рѣшавшіеся закрывать глаза или слѣпые умственно

[1]) Около 150,000 чел. убитыми, ранеными и умершими отъ болѣзней, да 850,000,000 рублей.

отъ природы. Отсюда—рядъ униженій для Россіи во все время, отъ появленія нашихъ войскъ подъ стѣнами Царьграда, проникнуть въ которыя имъ не удалось по причинамъ дипломатическимъ, до подписанія берлинскаго договора, который гораздо болѣе выгоденъ для Австріи и Англіи, чѣмъ для Россіи. Мы не будемъ здѣсь излагать этихъ событій весны и начала лѣта 1878 года; но приведемъ въ приложеніи тѣ историческіе акты, которыми заключилась „вторая восточная война“ и которые, по сознанію самаго правительства, обусловливаютъ неизбѣжность третьей, кто знаетъ, болѣе ли счастливой для русскаго народа?

Оставимъ теперь европейскую почву и перейдемъ въ Азію. Слѣдуя географическому порядку, намъ прежде всего приходится остановиться на *Персіи*. Съ нею во все время поддерживались совершенно дружескія отношенія, которыя можно назвать даже покровительственными со стороны Россіи. Такимъ образомъ въ 1856—61 годахъ русскія комиссары по разграниченію между Персіею и Турціею старались по возможности защищать выгоды персіянъ передъ напоромъ коммиссаровъ англійскихъ и турецкихъ. Въ 1878 г. Россія выговорила для Пер-

сіи возвратъ отъ Турціи Котура съ его округомъ. Но она не могла помочь персіянамъ въ 1856 г. въ ея стремленіи занять и удержать за собою Гератъ, который шахъ долженъ былъ оставить, вслѣдствіе неудачной войны съ Англіею, заботящеюся, чтобы эта крѣпость не попала, рано или поздно, изъ слабыхъ персидскихъ рукъ въ русскія. Затѣмъ, въ 1869 году русское правительство оказало персидскому вниманіе, которое даже не было согласно съ интересами Россіи. Именно, оно добровольно обязалось признать за сѣверную границу Пирсіи на востокѣ отъ Каспійскаго моря рѣку Атрекъ, тогда какъ собственно персидскія владѣнія никогда не распространялись ни на одну часть Туркменіи, южный предѣлъ которой обозначается рѣкой Карасу. Въ 1875 году, поощряемая этимъ и подстрекаемая Англіею, Персія вздумала было даже завоевать Мервь; но эта война не состоялась вслѣдствіе veto изъ Петербурга. Равнымъ образомъ и попытки англичанъ устроить добровольное подчиненіе туркменъ Персіи пока не имѣли успѣха, а потому дружескія сношенія между Тегеранноъ и Петербургомъ не прекращались и даже скрѣплены двумя свиданіями шаха Насръ-Эддина съ императоромъ Александромъ въ 1873 и 1878 годахъ.

Съ сосѣднимъ Персіи *Афганистаномъ* Россія по-

чти не имѣла сношеній до самаго послѣдняго времени. Въ видѣ исключенія можно назвать посѣщеніе въ 1832 г. Кабула нашимъ агентомъ Виткевичемъ и въ 1858 г. Герата учено-политическою миссіею Ханыкова, имѣвшею цѣлью изучить пути по Хорасану къ сторонѣ Индіи. Но съ 1868 года Афганистанъ начинаетъ мало-по-малу входить въ сферу русской политики. Именно, въ этомъ году мы дали убѣжище претенденту на афганскій престолъ, Абдеррахману, который и жилъ послѣ того въ Самаркандѣ на русскомъ жалованьѣ. Затѣмъ въ слѣдующемъ году Афганистанъ сдѣлался предметомъ переговоровъ Россіи съ Англіею, которая хотѣла сдѣлать изъ него „нейтральную“ будто бы зону между русскими и англійскими владѣніями въ Азіи, въ сущности оплотъ Индіи съ сѣверо-запада. Вѣроятно, что-нибудь подобное и удалось бы, такъ-какъ Англія много облегчила афганскому эмиру разширеніе его владѣній на сѣверѣ отъ Гиндукуша, именно присоединеніе Бадакшана, Майменэ и Герата, и, кромѣ того, долго платила ему ежегодную субсидію въ 120,000 ф. ст. Но, на счастье Россіи, коварство англичанъ, занятіе ими Кветты и Хайберскаго прохода, а затѣмъ отнятіе субсидіи успѣли оттолкнуть отъ нихъ эмира Ширъ-Али, который и не замедлилъ высказать свою ненависть къ Англіи въ письмѣ къ султану турецкому.

Въ 1878 году онъ уже настолько сблизился съ Россіею, что въ Кабулъ было отправлено наше посольство, которое и было хорошо принято, къ большомд неудовольствію англичанъ. Что изъ всего этого выйдетъ—трудно сказать; но вѣроятно англичане вновь предпримутъ покореніе Афганистана, какъ они это сдѣлали-было уже въ 1830—40 годахъ. Если имъ это удастся, то Россіи ничего не останется желать, потому что этимъ рѣшеніе великаго „восточнаго вопроса,“ т. е. вопроса о преобладаніи въ передней Азіи, значительно приблизится къ благопріятному для нея концу. Именно, Англія либо вынуждена будетъ, изъ боязни подпасть нашимъ ударамъ съ сухаго пути, жить съ нами въ честномъ мирѣ, либо для нея настанетъ минута потери остъ-индскихъ владѣній, составляющихъ источникъ ея богатствъ и могущества.

Находящіеся по сѣверѣ отъ Персіи и Афганистана, *Хива* и *Бухара* стали въ послѣдніе десять лѣтъ прямыми вассалами Россіи, а потому объ отношеніяхъ къ нимъ нѣтъ надобности распространяться. Достаточно сказать, что Хива долгое время поддерживала безпорядки среди нашихъ киргизовъ, перекупала въ рабство нашихъ плѣнниковъ и наконецъ поплатилась за это въ 1873 году утратой самостоятельности. Она была бы даже про

сто обращена въ русскую провинцію, если бы не обѣщаніе, данное отъ имени императора Александра графомъ Шуваловымъ — въ видѣ приданаго за вел. кн. Марьей Александровной—не покорять ее, а только наказать. Но, разумѣется, отъ вассальной зависимости до перехода въ прямое подданство для хивинскаго хана одинъ только шагъ. Онъ уже понимаетъ неизбѣжность такого шага.

Что до Бухары, то ея преобладающее значеніе въ средней Азіи потрясено въ 1866 и особенно въ 1868г., когда она послѣдовательно лишилась Ходжента, Ура-Тюбе, Джизака и, наконецъ, Самарканда. Съ этого времени бухарскій эмиръ сталъ смирнымъ и даже покорнымъ сосѣдомъ. Для приличія съ нимъ заключены, какъ бы на правахъ равенства, договоры, торговый и объ уничтоженіи невольничества; но въ сущности это лишь узы, которыми мало-по-малу связываютъ его. Такова же и щедрость, показанная нами въ 1873 г., когда эмиръ, за снабженіе туркестанскаго отряда продовольствіемъ, получилъ часть отнятыхъ нами у Хивы песковъ съ обязательствомъ устроить на южной окраинѣ ихъ, у берега Аму-дарьи два укрѣпленія противъ туркменъ. Эмиръ понимаетъ готовящуюся ему участь, ту самую, какая постигла коканскаго хана въ 1875 году; поэтому онъ уже задобриваетъ наше прави-

тельство и даже воспитываетъ одного изъ своихъ сыновей въ Россіи. Съ своей стороны наше правительство помогаетъ ему въ трудныхъ случаяхъ, какъ было напр. въ 1870 г., при возмущеніи его старшаго сына и шехрисябскихъ бековъ.

Сосѣднія Бухарѣ съ востока мелкія владѣнія Памирскаго нагорья, *Вохань*, *Шигнань*, *Дарвазъ*, *Каратегинъ*, *Сарыколь*, долго были оставляемы нами безъ всякаго вниманія; но наконецъ очередь дошла и до нихъ, особенно послѣ того, какъ англичане стали стараться о присоединеніи ихъ къ Афганистану или даже о подчиненіи болѣе непосредственному своему вліянію. Экспедиціи 1878 г. имѣли цѣлью подготовить подчиненіе ихъ Россіи, и оно, конечно, такъ или иначе, состоится, при чемъ мы примкнемъ на Памирѣ къ старымъ, испытанно-мирнымъ сосѣдямъ, китайцамъ, которымъ, наконецъ, послѣ многолѣтней войны, удалось возстановить свое господство въ бассейнѣ Тарима.

Въ отношеніяхъ нашихъ къ этой націи, т. е. къ *Китаю*, по сложности ихъ, естественно различать нѣсколько вопросовъ, которые мы и разсмотримъ здѣсь съ нѣкоторою подробностью. Прежде всего, разумѣется, слѣдуетъ замѣтить, что нынѣ эти отношенія совсѣмъ не тѣ, что были до 1855 года, и по существу, и по формѣ. Тогда почти

единственною точкою прикосновенія между двумя обширными имперіями была торговая слобода Кяхта (отчасти еще Чугучакъ и Кульджа), и представителемъ Россіи въ Пекинѣ былъ простой монахъ, начальникъ православного монастыря. Теперь сношенія всякаго рода возникли и развиваются болѣе или менѣе на всемъ обширномъ протяженіи русско-китайскихъ границъ, и русское правительство представлено при дворѣ богдыхана особымъ постояннымъ посольствомъ, а русская торговля имѣетъ представителями, во многихъ городахъ Китая, консуловъ и купцовъ. Эта перемѣна была слѣдствіемъ общаго движенія европейцевъ на Востокъ въ 1857—60 годахъ.—Затѣмъ, въ 1855 году единственными регуляторами отношеній русской націи къ китайской были старинные договоры, нерчинскій 1689 г. и кяхтинскій 1728, въ которыхъ многія стороны международной связи между двумя сосѣдями опредѣлялись условіями совершенно несогласными съ духомъ нашего вѣка, и хотя сдѣланъ былъ опытъ договора на болѣе современныхъ началахъ, но этотъ договоръ (кульджинскій, 1851 г.) имѣлъ слишкомъ мѣстное и исключительное значеніе, потому что касался только торговли въ двухъ городахъ. Съ 1855 года, напротивъ, нами заключено съ Китаемъ нѣсколько новыхъ трактатовъ

и конвенцій на совершенно новыхъ основаніяхъ, и отъ старыхъ трактатовъ осталось почти только одно условіе о государственной границѣ между Пабинъ-дабагомъ и Аргунью. Торговыя и дипломатическія связи развивались все болѣе и болѣе и возникло немало важныхъ политическихъ вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ измѣнилась или должна будетъ измѣниться судьба значительной части Азіи. Перечислимъ здѣсь важнѣйшіе изъ этихъ вопросовъ.

Первымъ, въ географическомъ порядкѣ, нами вообще принятомъ, является мало-бухарскій. Китайцы покорили Восточный Туркестанъ въ половинѣ прошлаго вѣка, но никогда не успѣвали прочно утвердиться въ этой странѣ. Въ 1857 и потомъ въ 1863 г. два возмущенія вовсе было лишили ихъ власти надъ ней, и большинство мало-бухарскихъ городовъ образовало даже особое мусульманское государство съ ловкимъ коканскимъ выходцемъ, Якубъ-бекомъ, во главѣ. Государствомъ этимъ вздумала было воспользоваться Англія, чтобы создать опаснаго врага въ Средней Азіи и намъ, и Китаю; но наконецъ въ 1877 году эфемерная монархія Якубъ-бека пала подъ ударами китайцевъ, и мы, очевидно, могли только радоваться этому, такъ какъ отнынѣ общій у насъ съ Китаемъ врагъ, кочевые и другіе мусульмане бассейна Тарима, должны будутъ сидѣть

смирно и не поддаваться враждебнымъ вліяніямъ ни изъ-за Памира, ни изъ-за Гималаи. Но справедливость требуетъ замѣтить, что въ достиженіи такого счастливаго результата мы не только не помогали китайцамъ, но, напротивъ, мѣшали, признавъ въ 1872 г, Якубъ-бека законнымъ государемъ Восточнаго Туркестана и заключивъ съ нимъ, въ силу этого, торговый договоръ. Этотъ фактъ уже доказываетъ, что, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ общей, сознательно выработанной политической программы по отношенію къ Средней Азіи и даже къ такому обширному государству какъ Небесная имперія.

Этотъ же выводъ съ еще большею ясностью вытекаетъ изъ отношеній нашихъ къ китайцамъ въ Джунгаріи. Открытіе для нашей торговли Кульджи и Чугачака и основаніе Копала и Вѣрнаго обѣщали было развитіе мирныхъ связей между двумя имперіями въ пространствѣ между Алтаемъ и Тянь-шанемъ, и, разумѣется, связи эти могли быть только выгодны для обѣихъ. Но вотъ въ 1864 году вспыхиваетъ возстаніе противъ Китая дунганъ, и мы не только не помогаемъ ему въ возстановленіи порядка, для насъ же полезнаго, но допускаемъ рѣзню на глазахъ нашихъ войскъ (въ Чугучакѣ и Борохудзирѣ), опустошеніе края и даже основаніе въ бассейнѣ Или мусульманскаго государства. Нако-

нецъ въ 1871 г., подъ предлогомъ уничтоженія послѣдняго, мы захватываемъ часть китайскихъ владѣній и не возвращаемъ ихъ по принадлежности, не смотря на трактаты 1860 1864 годовъ и даже на добровольный вызовъ, сначала обращенный къ китайцамъ, чтобы они пришли и взяли свое достояніе... Этого рода двуличіе никогда и нигдѣ не приносило пользы, а въ данномъ случаѣ принесло намъ уже двойной вредъ: съ одной стороны китайцы вознегодовали на насъ, и этимъ искусно воспользовалась Англія для ослабленія нашего вліянія въ Пекинѣ [1]), а съ другой развитіе нашей торговли на джунгарской границѣ остановилось.

Въ той же Джунгаріи мы отняли у китайцевъ еще участокъ земли, вовсе намъ непринадлежащій ни по преданію, ни по трактату 1860 года, которымъ вообще установлены русско-китайскіе рубежи. Участокъ этотъ, около 400 кв. миль, составляетъ степь къ югу отъ озера Зайсана. Трудно сказать, зачѣмъ понадобилась намъ эта степь, въ которой едва есть 3—4 вв. м. годной для культуры почвы,

[1]) Что и обнаружилось въ 1876 году, когда нашъ посланникъ въ столицѣ Китая, Вюцовъ, требовалъ разрѣшенія «возвысить тонъ въ сношеніяхъ съ китайскимъ правительствомъ,» переставшимъ его уважать. Впрочемъ, это неуваженіе несомнѣнно зависитъ и отъ личныхъ качествъ посланника, человѣка совершенно пустаго, раздражительнаго и притомъ нелюбящаго Россіи.

и присоединеніе которой удлиннило государственную границу на 250 верстъ, а, слѣдовательно, и увеличило расходы на ея охраненіе. Единственное объясненіе факта присоединенія состоитъ въ томъ, что послѣ айгунскаго договора объ Амурѣ, у всѣхъ нашихъ мѣстныхъ властей въ Азіи разгорѣлась страсть къ захватамъ, за которые правительство, вмѣсто отданія виновныхъ подъ судъ, раздавало имъ пенсіи. И мы говоримъ это безъ малѣйшей ироніи, совершенно серьезно.

Упоминаніе объ Амурѣ приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса амурскаго. Мы уже разсказали въ другомъ мѣстѣ, какъ состоялось занятіе Амура, и здѣсь можемъ только присовокупить, что хотя китайцы позволили себѣ по этому поводу называть насъ обманщиками [1]); но въ сущности сдѣлали уступку обширной страны довольно благодушно и безъ всякой тайной мысли о ея возвращеніи при удобномъ случаѣ. Въ 1858 году ихъ положеніе было таково, что они и не могли думать иначе, потому что извнѣ богдыханское правительство громили англичане и французы, а внутри — тайпинги. Чиновники, сопровождавшіе тестя императора, князя И-шаня, подписавшаго айгунскій договоръ, призна-

[1]) Въ письмѣ цицикарскаго цзянь-цзюня къ Муравьеву, которое поэтому было возвращено.

вались даже, что домогательства Россіи имъ показались очень умѣренными. Оставалось намъ, слѣдовательно, пользоваться этимъ дружески-сосѣдскимъ расположеніемъ, чтобы тѣснѣе и тѣснѣе связывать наши отношенія къ Китаю, устраняя по возможности все то, что способно возбудить щекотливое самолюбіе націи, имѣющей слишкомъ сорокъ вѣковъ славнаго историческаго существованія. По вопросамъ о Восточномъ Туркестанѣ и Джунгаріи мы уже видѣли, что въ дѣйствительности было не такъ. То же замѣчаніе можно сдѣлать и по вопросу амурскому. Едва мы успѣли установить границу въ новомъ краѣ, какъ наши пріамурскіе жители стали переходить на правый берегъ рѣки для рубки лѣсовъ и для охоты, наши суда начали безъ позволенія китайскихъ властей плавать по маньчжурскимъ рѣкамъ и т. п. Зная, что русскіе имѣютъ обычай осматривать чужія земли чрезъ соглядатаевъ, чтобы потомъ захватывать что можно, китайцы, разумѣется, недовѣрчиво относились къ такимъ фактамъ, и вотъ почему на Амурѣ доселѣ нѣтъ такихъ оживленныхъ связей между Россіею и Китаемъ, какихъ можно бы ожидать по географическимъ условіямъ края.

Но если не завязалось тѣсныхъ, торговыхъ узъ Россіи въ Небесной имперіи тамъ, гдѣ, казалось бы

онѣ всего естественнѣе; то въ замѣнъ того возникла коммерческая связь чрезъ основаніе многихъ русскихъ купеческихъ домовъ въ Китаѣ и даже нѣсколькихъ китайскихъ въ Россіи. Уничтоженіе въ 1861 году кяхтинской монополіи по торговлѣ чаемъ заставило нѣсколькихъ кяхтинскихъ торговцевъ переселиться внутрь Срединнаго царства и даже завести тамъ собственные чайные заводы. Это былъ важный экономическій шагъ, потому что дѣлалъ нашу торговлю съ Китаемъ активной, тогда какъ по отношенію къ большей части другихъ народовъ эта торговля обыкновенно является пассивною. Мало-помалу къ этимъ постояннымъ торговымъ домамъ присоединились для оборотовъ въ предѣлахъ китайскихъ владѣній нѣкоторые русскіе купцы, временно наѣзжающіе въ разные города Монголіи и Джунгаріи, и такимъ образомъ сѣть мирныхъ узъ постепенно росла. Но должно замѣтить, что, разширяясь по объему охваченнаго пространства, русско-китайская торговля въ то же время уменьшалась по размѣру оборотовъ. Чай, напр., сталъ къ намъ идти изъ вторыхъ рукъ, черезъ Лондонъ или Кенигсбергъ; русскія ткани, особенно сукна, нѣкогда весьма любимыя китайцами, будучи перевозимы сухопутно, не въ состояніи были выдерживать конкурренціи съ дешевыми сукнами европейскими, привозимыми мо-

ремъ, и потому наши купцы вмѣсто нихъ вынуждены были предлагать китайскимъ чистыя деньги, что, при постоянномъ колебаніи русской валюты, дѣлало торговлю рискованною и часто невыгодною. Впрочемъ, этотъ количественный упадокъ — дѣло поправимое, особенно когда въ застѣнныхъ китайскихъ владѣніяхъ водворится прочное спокойствіе. Тогда для русской торговли откроются новые рынки, въ родѣ Урумци, Хами, Долонъ-нора, быть можетъ даже городовъ Гань-су, Шень-си, Гириньулы и пр. Китайское правительство нынѣ не противится проникновенію иностранцевъ въ свои земли, лишь бы эти иностранцы не были католическими миссіонерами, за которыми стоятъ французскіе штыки, или продавцы опіума, за которыми слѣдуютъ англійскія пушки, морскія и сухопутныя. Оно не затруднилось даже само войдти въ торговыя условія съ русскимъ офицеромъ, Сосновскимъ, когда тотъ, слѣдуя изъ Хань-коу въ Семипалатинскъ, нашелъ возможнымъ предложить китайскому генералъ-губернатору Цзо-цзунъ-тану поставку хлѣба изъ Сибири въ Джунгарію. Объ простыхъ купцахъ, а равно и объ ученыхъ изслѣдователяхъ, въ родѣ Бутина, Палладія, Фричше, и говорить нечего: этого рода піонеры встрѣчаются нынѣ китайцами миролюбиво; и если нѣкоторые путешественники, какъ напримѣръ

извѣстный географъ - натуралистъ Пржевальскій, жаловались въ этомъ случаѣ на китайцевъ, то, конечно, отчасти для оправданія самихъ себя.

Въ общемъ выводѣ о связахъ Россіи съ Китаемъ можно сказать, что эти связи въ теченіе послѣднихъ 23 лѣтъ усилились и, притомъ, за немногими частными исключеніями,[1]) остались совершенно мирными и дружественными. Но мы должны замѣтить, что правительство наше не умѣло подняться до той высоты политической мудрости, которая называется выработанною системою политики по отношенію къ той или другой націи, и эта система начала вырабатываться помимо оффиціальныхъ сферъ и частію даже вопреки имъ. Она состоитъ въ томъ, что Россія должна поддерживать тѣсный союзъ съ Небесной имперіей во 1-хъ для того, чтобы держать въ мирѣ среднеазіятскихъ варваровъ, которыхъ волненія были бы одинаково вредны для той и другой страны (при чемъ для облегченія Россіи исторической ея тяги въ Средней Азіи полезно оставлять за Китаемъ всякую территорію, которая намъ не безусловно нужна); во 2-хъ для того, чтобы въ случаѣ столкновенія съ Китаемъ не лишиться драгоцѣннѣйшихъ своихъ владѣній на Амурѣ и

[1]) Доходившими, впрочемъ, въ 1862 году до вооруженнаго столкновенія на джунгарской границѣ.

у Тихаго океана, и въ 3-хъ для того, чтобы на почвѣ Востока вынести побѣдоносно тяжелую борьбу съ однимъ общимъ, неумолимымъ и нынѣ подавляющимъ врагомъ, Англіею.

Такъ-какъ съ *Кореею* у насъ почти не возникало сношеній, кромѣ того, что нѣкоторое время мы принимали къ себѣ корейскихъ выходцевъ и въ 1869 году, по ничтожному поводу, бомбардировали одну корейскую деревню, то здѣсь можно обойти эту страну и перейдти прямо къ сношеніямъ съ *Японіею*. До 1855 года эти сношенія почти не существовали или были совершенно случайными, иногда, притомъ, непріязненными. Въ этомъ году, еще при жизни Николая, заключенъ былъ въ Симодѣ трактатъ, открывшій Японію для русскихъ и въ тоже время опредѣлившій предѣлы обоихъ сосѣднихъ государствъ, при чемъ островъ Сахалинъ остался неразграниченнымъ. Въ 1858 г. трактатъ этотъ развитъ въ нѣкоторыхъ частяхъ договоромъ въ Іеддо, послѣ чего, въ 1859 г., Іеддоскій заливъ былъ посѣщенъ большою русскою эскадрою, подъ начальствомъ генералъ-губернатора Муравьева, имѣвшею цѣлью показать японцамъ могущество Россіи. Затѣмъ посѣщеніе японскихъ гаваней русскими судами стало явленіемъ обыкновеннымъ и мало-по-малу установились даже пароходство между

Японіею и Приморскимъ краемъ и телеграфныя между ними сношенія, впрочемъ безъ большаго участія во всемъ этомъ русской торговли. Странное положеніе Сахалина, созданное адмираломъ Путятинымъ, было усилено еще болѣе конвенціею Стремоухова, заключенною въ Петербургѣ, куда пріѣзжало въ 1867 году японское посольство, но наконецъ въ 1875 году дѣло это, къ удовольствію Россіи, рѣшено было договоромъ петербургскимъ, по которому весь Сахалинъ сталъ собственностью Россіи, а Японія въ замѣнъ того получила Курильскіе острова. Отнынѣ между двумя государствами нѣтъ никакихъ серьезныхъ поводовъ къ столкновеніямъ, хотя нѣтъ между ними и особенно тѣсныхъ связей. Японцы ловятъ рыбу на сахалинскихъ прибрежьяхъ, русскіе держутъ въ Іеддо православную миссію и высылаютъ въ Японію ежегодно нѣсколько судовъ, военныхъ и купеческихъ; тѣмъ дѣло и кончается. Обоюднымъ посольствамъ обоихъ государствъ, въ Іеддо и Петербургѣ, почти нечего дѣлать.

Такъ-какъ ни съ какими другими странами въ Азіи (напр. съ государствами Инду-Китая, Аравіею, даже Индіею) Россія сношеній не имѣетъ, то намъ нечего ихъ касаться, и можемъ перейдти въ *Америку*. Но и здѣсь замѣтки наши будутъ коротки,

потому что кромѣ Соединенныхъ Штатовъ ни съ какимъ американскимъ государствомъ у Россіи серьезныхъ связей нѣтъ. Что же до великой заатлантической республики, то объ одномъ фактѣ изъ исторіи сношеній съ нею мы уже упомянули: это о продажѣ нашихъ сѣвероамереканскихъ колоній въ 1867 году. Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что еще въ 1863 году, когда въ Штатахъ происходила междуусобная война и западныя державы, Англія и Франція, готовились признать Союзъ распавшимся, нами сдѣлана была манифестація въ противоположномъ смыслѣ, посылкою эскадры въ сѣверныя порты федераціи, что очень понравилось въ Вашингтонѣ. Пользуясь случаемъ отвѣтить на это заявленіе сочувствія подобнымъ же, конгрессъ 1866 года вотировалъ поздравленіе императору Александру съ избавленіемъ отъ опасности, которой тотъ подвергался отъ Каракозова, принятаго американцами за представителя помѣщичьей партіи, недовольной освобожденіемъ крестьянъ. Поздравленіе это доставлено было въ Петербургъ съ особымъ посольствомъ; но тѣмъ собственно дружественныя отношенія Штатовъ съ Россіею и кончились, а когда черезъ годъ рѣшалось дѣло о продажѣ колоній, то чуть было не дошло до дипломатическаго разрыва, потому что американцы желали уклониться отъ уплаты какъ можно

дольше. Послѣ того сношенія двухъ странъ продолжали существовать; но это были самыя обыкновенныя международныя связи. Сѣверная Америка снабжала Россію оружіемъ и патронами, Россія выслала ей нѣсколько тысячъ эмигрантовъ — и только. Соединенные Штаты даже позволили себѣ однажды очень нелюбезный поступокъ съ нашимъ посланникомъ, Катакази, который имъ не понравился, потому что громко говорилъ о продажности ихъ администраціи и котораго потому не пожелали долѣе держать въ Вашингтонѣ.

Вотъ мы и у конца обзора внѣшнихъ отношеній Россіи за время съ 1855 по средину 1878 года. Какіе же общіе выводы изъ всего изложеннаго можно сдѣлать для опредѣленія международнаго политическаго положенія русскаго государства среди другихъ цивилизованныхъ націй? Кажется, что не будетъ никакой натяжки, если мы признаемъ справедливыми слѣдующіе:

1. Россія со времени крымской войны умалилась по своему значенію въ *Европѣ*, и хотя успѣла въ 1877—78 г. вернуть матеріальныя потери, обусловленныя въ 1856 г. парижскимъ трактатомъ, но нравственно стоитъ нынѣ ниже, чѣмъ пятьдесятъ

лѣтъ назадъ. Быстро ушедшіе впередъ европейскія націи смотрятъ нынѣ на нее не только съ негодованіемъ, какъ прежде, но даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, особенно усилившимся вслѣдствіе безсилія, обнаруженнаго ею на берлинскомъ конгрессѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ, что у нея нѣтъ союзниковъ въ цѣлой Европѣ.

2. Причина этого нерасположенія *всей* Европы состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что Россія имѣетъ отсталое государственное устройство и служитъ по прежнему опорой деспотизму, несовмѣстному съ цивилизаціею. Кромѣ того, важнымъ поводомъ къ непріязни западныхъ націй къ русской служитъ вопросъ о предстоящемъ раздѣлѣ европейской Турціи, при чемъ народамъ германскимъ и латинскимъ не хочется допустить Россію дойдти до Средиземнаго моря.

3. Благодаря такому положенію, Россія не можетъ расчитывать на успѣхъ какого-бы ни было, хотя самаго благороднаго международнаго предпріятія, въ которомъ она беретъ на себя починъ, будетъ ли то вопросъ объ уменьшеніи жестокостей войны или даже освобожденія отъ варварской зависимости угнетенныхъ племенъ.

4. Мало того; ей начинаетъ грозить постоянно возрастающая опасность лишиться значительной ча-

сти своихъ владѣній на западѣ (Финляндіи, Прибалтійскаго края, Польши, Бессарабіи) и на востокѣ (Усурійскаго края, Сахалина), вслѣдствіе напора западо-европейскихъ націй, преимущественно германскаго племени и особенно Англіи. И отвратить эту опасность, которая можетъ имѣть роковыя послѣдствія для народа русскаго, можно только крутою перемѣною внутренней политики въ либеральномъ духѣ, такъ чтобы инородческія окраины государства плотно припаялись къ его ядру, не имѣли надобности тянуть къ сосѣдямъ и, напротивъ, дорожили бы принадлежностью къ составу Россіи.

5. Русское правительство сдѣлало капитальную политическую ошибку, поддержавъ въ 1870 г. Германію, т. е. не допустивъ до войны съ нею Австріи. Теперь приходится ему слушаться совѣтовъ изъ Берлина, тогда какъ еще 25 лѣтъ назадъ было противное. И эта зависимость безъ коренной перемѣны въ русской политикѣ все будетъ расти, такъ какъ германизмъ, имѣющій съ юга Австрію въ авангардѣ, очевидно, вступилъ нынѣ въ періодъ преобладанія во всей средней Европѣ и прежде всего стремится поглотить слабѣйшія изъ сосѣднихъ національностей — славянскія. Соотвѣтственно этому цѣлью европейской политики Россіи, вѣроятно, на долгое время будетъ ослабленіе Германіи при посредствѣ

латинскихъ и славянскихъ племенъ, ибо 1) дорога къ Константинополю нынѣ проходитъ уже не черезъ Вѣну, а черезъ Берлинъ, и 2) разстояніе отъ послѣдняго до Варшавы и даже Риги чуть ли стратегически не меньше, чѣмъ двухъ этихъ городовъ отъ Москвы[1]); а что Германія будетъ пытаться оттѣснить насъ отъ Балтійскаго моря и съ Вислы,—въ этомъ сомнѣваться едва ли можно.

6. Русское правительство поступило нелѣпо, пытаясь въ 1870-хъ годахъ сблизиться съ Англіею цѣною азіятскихъ своихъ интересовъ и устройствомъ брака, который связываетъ только русскаго самодержца, но не англійскій народъ. Войну съ Англіею можно отсрочить, но избѣжать ея нельзя, и обязанностью русскаго правительства отнынѣ становится подготовлять, на сколько можно, ея успѣхъ заключеніемъ прочныхъ союзовъ съ естественными врагами Великобританіи, изученіемъ ея положенія въ Индіи и въ колоніяхъ, созданіемъ большаго наступательнаго флота и т. п.

7. Вліяніе Россіи въ *Азіи* возросло, но почти лишь на столько, на сколько разширились ея азіят-

[1]) Во избѣжаніе упрека въ томъ, что мы стратегіи придаемъ больше значенія, чѣмъ политикѣ мира, скажемъ разъ навсегда, что борьба разъ намъ представляется *естественнымъ закономъ*, котораго нельзя обойдти никакими сантиментальностями и самообольщеніями дипломатіи или соціализма.

скія владѣнія. Нравственный авторитетъ ея немногимъ сильнѣе теперь, чѣмъ былъ двадцать пять лѣтъ назадъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ итогѣ, потому что если этотъ авторитетъ возросъ въ Средней Азіи, то ослабѣлъ въ Турціи и Китаѣ

8. За то Россія, достигнувъ на азіятскомъ материкѣ такихъ предѣловъ, которые, вѣроятно, останутся, на большей части протяженія, ея всегдашними предѣлами, получила возможность устроить свои отношенія къ азіатскимъ государствамъ, кромѣ Турціи и Англіи, на совершенно дружественныхъ началахъ.

9. Къ сожалѣнію, опытъ доказываетъ, что прочной системы политики въ Азіи нами доселѣ не выработано и отъ того подобныя дружественныя отношенія еще не установилися окончательно. Это особенно слѣдуетъ замѣтить относительно Китая и Средней Азіи. Съ первымъ связи наши недовольно пріязненны; во второй мы держимся политики нерѣшительной, тратимъ время на исполненіе дѣла, которое, по существу своему, могло и должно было быть исполненнымъ быстро, съ энергіею, и постоянно колеблемся въ выборѣ союзниковъ.

10. Причина этой неудовлетворительности азіятской политики состоитъ въ невѣдѣніи правительствомъ его азіятскихъ интересовъ и въ крайнемъ

предпочтеніи имъ европейскихъ, часто притомъ ложно разумѣемыхъ. Люди, понимающіе истинное значеніе азіятской политики для всей будущности Россіи, устраняются правительствомъ отъ дѣлъ и въ замѣнъ ихъ являются лица неподготовленныя, способныя только портить дѣла. Такъ постепенно удалены: Ковалевскій — умнѣйшій, наиболѣе знающій Азію и патріотическій директоръ азіятскаго департамента; Муравьевъ-Амурскій — умный, энергическій завоеватель Амура; Игнатьевъ — умный, патріотическій дипломатъ, десять лѣтъ повелѣвавшій турецкимъ султаномъ Абдулъ-Асизомъ; Влангали — достойный представитель Россіи въ Китаѣ; Остенъ-Сакенъ — человѣкъ, добросовѣстно изучившій большую часть Азіи на мѣстахъ; Захаровъ — отличный знатокъ Китая, заключившій два выгодные съ нимъ договора; Хрулевъ и Черняевъ — энергическіе и способные генералы, которые давно бы окончили покореніе Туркестана, и пр., и пр. За то выдвинуты впередъ: гр. Шуваловъ, не знавшій, что Оксъ и Аму-дарья одно и тоже, хотя уполномоченный вести переговоры о среднеазіятскихъ дѣлахъ съ Англіею и вѣроятно поэтому рекомендуемый на мѣсто русскаго министра иностранныхъ дѣлъ двумя врагами Россіи, Биконсфильдомъ и Бисмаркомъ; князь Лобановъ, прозѣвавшій заключеніе англо-турецкаго

союза 4 іюня 1878 г.; Кауфманъ, вообразившій, что онъ въ 4 года сдѣлалъ изъ многовѣковой исторіи Туркестана чистую страницу, и струсившій передъ трудностями похода на Хиву до того, что у него на Алты-Кудукѣ тряслись челюсти; Бехеръ, по истеченіи пятилѣтнихъ переговоровъ о Гюргени и Атрекѣ, не знавшій, которая изъ двухъ рѣкъ течетъ сѣвернѣе, и т. п.

11. Вообще о свойствахъ нашихъ дѣятелей на международномъ поприщѣ можно замѣтить, что въ убѣжденіяхъ, взглядахъ и пріемахъ ихъ замѣтны такое разногласіе, такая неспѣтость, что иностранцы выражаютъ удивленіе, говоря, что у русскихъ, что ни дипломатъ, то и политика. Причина этого — въ зависимости *общаго* направленія государственной политики не отъ истинныхъ, хорошо сознанныхъ національныхъ интересовъ, а отъ случайныхъ взглядовъ случайныхъ, преходящихъ личностей. И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока самодержавіе не замѣнится такимъ образомъ правленія, при которомъ политическая дѣятельность правительства будетъ поставлена подъ контроль націи. Тогда, но и только тогда, выработаются прочныя начала политики, установятся традиціи, послѣдовательность въ выборѣ союзовъ, удобныхъ моментовъ для дѣйствій, самихъ дѣйствующихъ лицъ и пр. Тогда ста-

нутъ невозможны предпріятія дурно расчитанныя и неподготовленныя, и международное положеніе Россіи сдѣлается на столько высокимъ, на сколько это возможно по географическимъ, естество-историческимъ, экономическимъ, соціальнымъ и интеллектуальнымъ особенностямъ государства, въ которомъ и нынѣ есть уже 85,000,000 жителей, которое занимаетъ шестую часть всей земной суши, въ одной межѣ, и которое имѣетъ важныя преимущества: быть недоступнымъ на трети или даже на половинѣ своихъ границъ и распространяться въ двухъ частяхъ свѣта, изъ которыхъ одну русская политика можетъ, въ интересахъ своихъ, противопоставлять другой.

12. Ни для Африки, ни для Австраліи, ни для большей части Америки Россія въ теченіе послѣднихъ 23 лѣтъ какъ бы не существовала; вліяніе ея ни въ одной изъ этихъ частей свѣта ничѣмъ не сказывалось, и потому названіе большой *міровой* державы нынѣ идетъ къ ней менѣе, чѣмъ при Екатеринѣ второй и Александрѣ первомъ. Одни завоеванія, какъ бы они ни были обширны, въ наше время міроваго значенія націямъ не даютъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Нѣкоторые изъ договоровъ, заключенныхъ Россіею послѣ окончанія Крымской войны и опредѣляющихъ ея международное положеніе.

А. Въ Европѣ.

1. *Берлинскій договоръ* 1/13 іюля 1878, между Россіею, Англіею, Австріею, Германіею, Италіею, Турціею и Франціею, съ указаніями на перемѣны, которыя имъ введены въ договоръ между Россіею и Турціею, заключенный 19 февраля 1878 года въ Санъ Стефано.

Статья I.

Болгарія образуетъ изъ себя княжество самоуправляющееся и платящее дань, подъ главенствомъ его императорскаго величества султана; она будетъ имѣть христіанское правительство и народную милицію. (*Согласно со статьею 6-ю С. Стеф. догов.*)

Статья II.

Болгарское княжество будетъ заключать въ себѣ нижеслѣдующія территоріи: (*Границы опредѣлены такъ, что Болгарія потеряла 60% тѣхъ земель, которыя были назначены въ составъ ея по ст. 6-й С. Стефанскаго договора*).

Это разграниченіе будетъ установлено на мѣстѣ европейскою коммиссіей, въ которой державы, подписавшія трактатъ, будутъ имѣть своихъ представителей. Само собою разумѣется:

1) Что эта коммиссія приметъ во вниманіе необходимость для его величества султана быть въ состояніи защитить границы Балкановъ въ Восточной Румеліи.

2) Что въ районѣ 10 километровъ вокругъ Самакова не могутъ быть воздвигаемы укрѣпленія (*оба условія новыя*).

Статья III.

Князь Болгаріи будетъ свободно избираемъ населеніемъ и утверждаемъ Блистательною Портою съ согласія державъ. Ни одинъ изъ членовъ династій, царствующихъ въ великихъ европейскихъ державахъ, не можетъ быть избираемъ княземъ Болгаріи.

Въ случаѣ, если званіе князя болгарскаго остается незамѣщеннымъ, избраніе новаго князя будетъ произведено при тѣхъ же условіяхъ и въ той же формѣ. (*Согласно съ ст. 7 дог. С. Стеф.*)

Статья IV.

Собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Трновѣ, выработаетъ, до избранія князя, органическій уставъ княжества.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгары перемѣшаны съ населеніями: турецкимъ, румынскимъ, греческимъ и другими, будутъ приняты во вниманіе права и интересы этихъ населеній по отношенію къ выборамъ и выработкѣ органическаго устава. (*Согласно съ ст. 7 дог. С. Стеф.*)

Статья V.

Въ основу государственнаго права Болгаріи будутъ приняты слѣдующія начала:

Различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то мѣстности ни было.

Всѣмъ болгарскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ, обезпечиваются свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть также дѣлаемы какія-либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіоз-

ныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ духовными главами. (*Статья новая, которою отчасти измѣнены условія ст. 11 дог. С. Стеф.*)

Статья VI.

Временное управленіе Болгаріи до окончательнаго составленія органическаго устава Болгаріи будетъ находиться подъ руководствомъ россійскаго императорскаго коммисара. Для содѣйствія ему, съ цѣлью наблюденія за ходомъ временнаго управленія, будутъ призваны императорскій отоманскій коммисаръ и консулы, для сего назначенные прочими державами, подписавшими настоящій трактатъ. Въ случаѣ разногласія между консулами, оно будетъ разрѣшаться большинствомъ голосовъ, а при несогласіи этого большинства съ императорскимъ россійскимъ коммисаромъ или съ императорскимъ отоманскимъ коммисаромъ, представители въ Константинополѣ державъ, подписавшихъ трактатъ, собравшись на конференцію, постановляютъ рѣшеніе. (*Изм. ст. 7 дог. С. Стеф.*)

Статья VII.

Временное управленіе не можетъ быть продолжено болѣе срока девяти мѣсяцевъ отъ дня размѣна ратификацій настоящаго трактата. (*вопреки ст. 8-й дог. С. Стеф.*)

Когда органическій уставъ будетъ оконченъ, немедленно послѣ сего будетъ приступлено къ избранію князя Болгаріи. Какъ только князь будетъ водворенъ, новое управленіе будетъ введено въ дѣйствіе и княжество вступитъ въ полное пользованіе своею автономіей. (*Статья новая.*)

Статья VIII.

Трактаты о торговлѣ и судоходствѣ, а равно всѣ конвенціи и отдѣльныя соглашенія, заключенныя между иностранными державами и Портою, и нынѣ дѣйствующія, сохраняютъ свою силу въ княжествѣ Болгаріи и въ нихъ не будетъ сдѣлано никакого измѣненія по отношенію къ какой бы то ни было державѣ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ на то согласія съ ея стороны.

Никакихъ транзитныхъ пошлинъ не будетъ взиматься въ Болгаріи съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ княжество.

Подданные и торговля всѣхъ державъ будутъ пользоваться въ ней совершенно одинаковыми правами.

Льготы и привиллегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ права консульской юрисдикціи и покровительства, въ той мѣрѣ, какъ они были установлены капитуляціями и обычаями, останутся въ полной силѣ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ измѣнены съ согласія заинтересованныхъ сторонъ. (*Статья новая.*)

Статья IX.

Размѣръ ежегодной дани, которую Болгарское Княжество будетъ платить верховному правительству, внося ее въ банкъ, имѣющій быть указаннымъ впослѣдствіи времени Блистательною Портою, будетъ опредѣленъ, по соглашенію между державами, подписавшими настоящій трактатъ, къ концу перваго года дѣйствія новаго управленія. Эта дань будетъ исчислена по расчету средней доходности княжества.

Болгарія будетъ обязана нести на себѣ часть государственнаго долга имперіи; державы, при опредѣніи дани, примутъ въ расчетъ ту часть долга, которая должна будетъ пасть на долю княжества по справедливому распредѣнію. (*Въ замѣну ст. 9 дог. С. Стеф.*)

Статья X.

Болгарія заступаетъ императорское отоманское привительство въ его обязанностяхъ и обязательствахъ по отношенію къ обществу рущукско-варнской желѣзной дороги со времени обмѣна ратификацій настоящаго трэктата. Сведеніе прежнихъ счетовъ предоставляется соглашенію между Блистательною Портою, правительствомъ княжества и управленіемъ этого общества. (*Согласно со ст. 9 дог. С. Стеф.*)

Равнымъ образомъ Болгарское Княжество заступаетъ, въ соотвѣтственной долѣ, Блистательную Порту въ обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Турціи по окончанію, соединенію и эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій, нвходящихся на его территоріи.

Конвенціи, необходимыя для окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ, будутъ заключены между Австро-Венгріей, Портою, Сербіей и Болгарскимъ Княжествомъ немедленно послѣ заключенія мира. (*Условія новыя.*)

Статья XI.

Отоманская армія не будетъ болѣе пребывать въ Болга-

ріи; всѣ старыя крѣпости будутъ срыты на счетъ княжества, по истеченіи года или раньше, если можно; мѣстное правительство приметъ немедлено мѣры къ ихъ уничтоженію и не можетъ сооружать новыхъ. Блистательная Порта будетъ имѣть право располагать по своему желанію военнымъ матерьяломъ и другими предметами, принадлежащими отоманскому правительству, которые остались въ дунайскихъ крѣпостяхъ, уже очищенныхъ войсками въ силу перемирія 31 января, равно какъ и тѣми, которые найдутся въ крѣпостяхъ Шумлѣ и Варнѣ. (*Изм. ст .12.*)

Статья XII.

Собственники-мусульмане или другіе, которые поселятся внѣ княжества, могутъ сохранить въ немъ свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или въ управленіе другимъ лицамъ.

На турецко-болгарскую коммиссію будетъ возложено окончательное рѣшеніе въ теченіи двухъ лѣтъ всѣхъ дѣлъ, касающихся способа отчужденія, эксплуатаціи или пользованія за счетъ Блистательной Порты какъ государственными имуществами, такъ и принадлежащими духовнымъ учрежденіямъ (вакуфы), равно какъ и вопросовъ, касающихся до могущихъ быть замѣшанными въ нихъ интересовъ частныхъ лицъ.

Уроженцы Болгарскаго Княжества, путешествующіе или проживающіе въ другихъ частяхъ Отоманской Имперіи, будутъ подчинены властямъ и законамъ отоманскимъ. (*Изм. ст. 11.*)

Статья XIII. (*новая*)

На югъ отъ Балкановъ образуется провинція, которая получитъ наименованіе „Восточной Румеліи„ и которая останется подъ непосредственною политическою и военною властью его императорскаго величества султана на условіяхъ административной автономіи. Она будетъ имѣть генераломъ-губернаторомъ христіанина.

Статья XIV. (*новая*)

Восточная Румелія граничитъ къ сѣверу и сѣверозападу съ Болгаріей и вмѣщаетъ въ себѣ территоріи, заключающіяся въ слѣдующемъ очертаніи: (*Половину изъ тѣхъ забалканскихъ земель, которыя были назначены по дог. С. Стеф.)*

Статья XV.

Его величеству султану предоставляется право заботиться о защитѣ морскихъ и сухопутныхъ границъ области, воздвигая укрѣпленія на этихъ границахъ и содержа въ нихъ войско.

Внутренній порядокъ охраняется въ Восточной Румеліи туземною стражею при содѣйствіи мѣстной милиціи.

При формированіи какъ стражи, такъ и милиціи, коихъ офицеры назначаются султаномъ, будетъ принято во вниманіе, смотря по мѣстностямъ, вѣроисповѣданіе жителей. (*Всѣ эти условія новыя.*)

Его императорское величество султанъ обязуется не употреблять въ пограничныхъ гарнизонахъ иррегулярныхъ войскъ, какъ то: башибузуковъ и черкесовъ. Регулярныя же войска, назначаемыя для этой службы, ни въ какомъ случаѣ не будутъ размѣщаться по обывательскимъ домамъ. При переходѣ черезъ область, войска эти не будутъ дѣлать въ ней остановокъ. (*Согласно ст. 10 дог. С. Стеф.*)

Статья XVI. (*новая*)

Генералъ-губернатору предоставляется право призывать отоманскія войска въ случаѣ, еслибъ внутреннему или внѣшнему спокойствію области угрожала какая-либо опасность. Въ данномъ случаѣ Блистательная Порта обязана поставить въ извѣстность представителей державъ въ Константинополѣ о принятомъ ею рѣшеніи и о причинахъ, его вызвавшихъ.

Статья XVI. (*новая*)

Генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи будетъ назначаемъ Блистательною Портою, съ согласія державъ, на пятилѣтній срокъ.

Статья XVIII. (*новая*).

Немедленно послѣ обмѣна ратификацій настоящаго трактата, будетъ назначена европейская коммиссія для разработки, совмѣстно съ Портою Отоманскою, устройства Восточной Румеліи. На коммиссіи этой будетъ лежать обязанность опредѣлить, въ трехмѣсячный срокъ, кругъ власти и атрибуты генералъ-губернатора, а также образъ административнаго, судебнаго и финансоваго управленія области, принимая въ основу его различныя узаконенія о вилайетахъ и предложенія, внесенныя въ 8-е засѣданіе кон-

стантинопольской конференціи. Собраніе постановленій относительно Восточной Румеліи послужитъ содержаніемъ для императорскаго фирмана, который будетъ обнародованъ Блистательною Портою и сообщенъ ею державамъ.

Статья XIX. (*новая*)

На европейскую коммиссію будетъ возложена обязанность завѣдывать, вмѣстѣ съ Блистательною Портою, финансами области, впредь до окончательнаго устройства новой организаціи.

Статья XX. (*новая*)

Трактаты, конвенціи и международныя соглашенія, какого бы они ни были свойства, заключенные или имѣющіе быть заключенными между Портою и иностранными державами, будутъ примѣняться въ Восточной Румеліи, какъ и во всей Отоманской Имперіи. Льготы и привилегіи, предоставленныя иностранцамъ, къ какому бы состоянію она ни принадлежали, будутъ уважаемы въ этой провинціи. Блистательная Порта принимаетъ обязательство наблюдать въ этой области надъ исполненіемъ общихъ законовъ имперіи относительно религіозной свободы въ примѣненіи ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ.

Статья XXI. (*новая*)

Права и обязательства Блистательной Порты по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ въ Восточной Румеліи остаются неизмѣнными.

Статья XXII. (*Изм. ст. 8-й*)

Русскій окупаціонный корпусъ въ Болгаріи и Восточной Румеліи будетъ состоять изъ шести пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій и не превзойдетъ 50,000 человѣкъ. Онъ будетъ содержаться на счетъ занимаемой имъ страны. Окупаціонныя войска сохранятъ сообщенія съ Россіей не только черезъ Румунію, въ силу соглашенія, имѣщаго быть заключеннымъ между обоими государствами, но и чрезъ черноморскіе порты Варну и Бургасъ, въ которыхъ имъ предоставлено будетъ право устроить на все продолженіе занятія необходимые склады.

Срокъ занятія Восточной Румеліи и Болгаріи императорскими войсками опредѣляется въ девять мѣсяцевъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата.

Императорское россійское правительство обязуется окончить въ послѣдующій трехмѣсячный срокъ проведеніе своихъ войскъ чрезъ Румунію и совершенное очищеніе этого княжества.

Статья XXIII. (*Развитіе ст. 15 дог. С. Стеф.*)

Блистательная Порта обязуется ввести добросовѣстно на Критѣ органическій уставъ 1868 года, съ измѣненіями, которыя будутъ признаны справедливыми,

Подобные же уставы, примѣненные къ мѣстнымъ потребностямъ, за исключеніемъ, однако, изъ нихъ льготъ въ податяхъ, предоставленныхъ Криту, будутъ также введены и въ другихъ частяхъ Европейской Турціи, для коихъ особое административное устройство не было предусмотрѣно настоящимъ трактатомъ.

Разработка подробностей этихъ новыхъ уставовъ будетъ поручена Блистательною Портою каждой въ области особымъ коммиссіямъ, въ коихъ туземное населеніе получитъ широкое участіе.

Проекты организаціи, которые будутъ результатомъ этихъ трудовъ. будутъ представлены на разсмотрѣніе Блистательной Порты.

Прежде обнародованія распоряженій, которыми они будутъ введены въ дѣйствіе, Блистательная Порта посовѣтуется съ европейскою коммиссіей, назначенною для Восточной Румеліи.

Статья XXIV. (*новая*)

Въ тѣхъ случаяхъ, когда между Блистательною Портою и Греціей не послѣдуетъ соглашенія, относительно исправленія границъ, указаннаго въ тринадцатомъ протоколѣ берлинскаго конгресса, Германія, Австро-Венгрія, Франція, Великобританія, Италія и Россія предоставляютъ себѣ предложить обѣимъ сторонамъ свое посредничество для облегченія переговоровъ.

Статья XXV. (*новая*)

Провинціи Боснія и Герцеговина будутъ заняты и управляемы Австро-Венгріей. Австро-Венгерское правительство, не желая принять на себя управленіе Новибазарскимъ санджакомъ, простирающимся между Сербіей и Черногоріей, по направленію на юговостокъ за Митровицу, отоманское

управленіе останется въ немъ въ дѣйствіи по прежнему. Но для того, чтобъ обезпечить существованіе новаго политическаго строя, а также свободу и безопасность путей сообщенія, Австро-Венгрія предоставляетъ себѣ право содержать гарнизоны, а также имѣть дороги военныя и торговыя на всемъ протяженіи этой части прежняго Босній-скаго вилайета.

Съ этою цѣлью правительства Австро-Венгрія и Турціи предоставляютъ себѣ условиться о подробностяхъ.

Статья XXVI.

Независимость Черногоріи признается Блистательною портою и всѣми тѣми высокими договоривающимся сторонами, которыя еще ея не признавали. *(Ст. 2 дог. С. Стеф.)*

Статья XXVII. *(новая)*

Высокія договаривающіяся стороны условились о слѣдующемъ:

Въ Черногоріи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-нибудь или непризнанію за кѣмъ-нибудь правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ, въ какой бы то мѣстности ни было.

Всѣмъ черногорскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ, обезпечиваютъ свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть дѣлаемы также какія-либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ обществъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Статья XXVIII.

Новыя границы Черногоріи опредѣлены слѣдующимъ образомъ: *(Объемъ Черногоріи уменьшается на* 50 % *противу С. Стеф. условій.)*

Статья XXIX. *(новая.)*

Антивари и его территорія присоединяются къ Черногоріи на слѣдующихъ условіяхъ:

Мѣстности, лежащія къ югу отъ этой территоріи, согла-

сно вышеизложенному разграниченію, до рѣки Бояны, включая Дульциньйо, будутъ возвращены Турціи.

Община Спицы до сѣверной границы территоріи, обозначенной въ подробномъ описаніи границъ, будетъ включена въ составъ Далмаціи.

Черногоріи предоставляется полная свобода судоходства по рѣкѣ Боянѣ. Никакія укрѣпленія не будутъ воздвигаемы на протяженіи этой рѣки, за исключеніемъ необходимыхъ для мѣстной защиты скутарской крѣпости, каковыя не могутъ простираться далѣе шести километровъ разстоянія отъ этого города.

Черногорія не можетъ имѣть ни военныхъ судовъ, ни военнаго флага.

Портъ Антивари и всѣ вообще воды Черногоріи останутся закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй.

Укрѣпленія, находящіяся между озерами и прибрежьемъ на черногорской территоріи, будутъ срыты, и никакія новыя не могутъ быть возводимы въ этой чертѣ.

Полицейскій надзоръ, морской и санитарный, какъ въ Антивари, такъ и вдоль всего черногорскаго побережья, будетъ производить Австро-Венгрія, посредствомъ легкихъ сторожевыхъ судовъ.

Черногорія введетъ у себя дѣйствующія нынѣ въ Далмаціи морскія узаконенія. Австро-Венгрія, съ своей стороны, обязуется оказывать чрезъ своихъ консуловъ покровительство черногорскому торговому флагу.

Черногорія должна войти въ соглашенія съ Австро-Венгріей касательно права постройки и содержаніе дороги и рельсоваго пути чрезъ новую черногорскую территорію.

Полная свобода сообщеній будетъ обезпечена на этихъ путяхъ.

Статья XXX. (*Въ замѣнъ ст.* 4 *дог. С. Стеф.*)

Мусульмане и другія лица, владѣющія недвижимою собственностью въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Черногоріи, которыя пожелали бы поселиться внѣ княжества, могутъ сохранить за собою свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или управляя ими при посредствѣ другихъ лицъ.

Ни у кого не можетъ быть отчуждена недвижимая соб-

ственность иначе, какъ законнымъ порядкомъ, ради общественной пользы и за предварительное вознагражденіе.

На турецко-черногорскую коммиссію будетъ возложено окончательное устройство въ трехлѣтній срокъ всѣхъ дѣлъ касающихся порядка отчужденія, эксплуатаціи и пользованія, за счетъ Блистательной Порты, имуществъ, принадлежащихъ государству, богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронутыми въ помянутыхъ дѣлахъ.

Статья XXXI. (*новая*)

Княжество Черногорія войдетъ въ прямое соглашеніе съ Блистательною Портою касательно назначенія черногорскихъ агентовъ въ Константинополь и въ другія мѣстности Отоманской Имперіи, глѣ это будетъ признано необходимымъ.

Черногорцы, путешествующіе или пребывающіе въ Отоманской Имперіи, будутъ подчинены турецкимъ законамъ и властямъ, согласно общимъ принципамъ международнаго права и обычаямъ, установившимся относительно черногорцевъ.

Статья XXXII. (*Изм, ст. 2.*)

Черногорскія войска будутъ обязяны очистить въ двадцатидневный срокъ со дня обмѣна ратификаціи настоящаго трактата, или же прежде, буде возможно, тнрриторію, занимаемую ими нынѣ внѣ новыхъ предѣловъ княжества.

Отоманскія войска очнстятъ уступленныя Черногоріи территоріи въ тотъ же двадцатидневный срокъ. Имъ, однакожъ, будетъ данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для составленія описи снарядовъ и предметовъ, не могущихъ быть немедленно вывезенными.

Статья XXXIII. (*новая*)

Такъ какъ Черногорія обязана нести на себѣ часть отоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя ей мирнымъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополѣ опредѣлятъ, вмѣстѣ съ Отоманскою Портою, размѣръ этой части на справедливомъ основаніи.

Статья XXXIV. (*Согласная со ст. 3-ю.*)

Высокія договаривающіяся стороны признаютъ независимость Сербскаго Княжества при условіяхъ, изложенныхъ въ нижеслѣдующей статьѣ.

Статья XXXV. (*новая*)

Въ Сербіи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то ни было мѣстности.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми сербскими уроженцами, такъ и за иностранцами, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Статья XXXVI.

Сербія получаетъ территоріи, заключающіяся въ нижеслѣдующихъ границахъ: (*Границы Сербіи нѣсколько измѣнены противу условленныхъ въ С. Стефано, но впрочемъ не къ невыгодѣ Сербіи.*)

Статья XXXVII. (*новая*)

Впредь до заключенія новыхъ соглашеній въ Сербіи, никакихъ измѣненій не послѣдуетъ въ нынѣ существующихъ условіяхъ коммерческихъ сношеній княжества съ иностранными государствами.

Никакой транзитной пошлины не будетъ взиматься съ товаровъ, провозимыхъ черезъ Сербію. Льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ и права консульской юрисдикціи и покровительства, останутся, какъ онѣ нынѣ существуютъ, въ полной силѣ, пока не будутъ измѣнены съ общаго согласія княжества и заинтересованныхъ державъ.

Статья XXXVIII. (*новая*)

Княжество Сербія заступаетъ въ соотвѣтственной долѣ Блистательную Порту въ обязательствахъ, принятыхъ ею какъ

относительно Австро-Венгріи, такъ и относительно общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ Европейской Турціи, по окончанію, соединенію, а также по эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій, имѣющихъ быть проведенными на вновь пріобрѣтенной княжествомъ территоріи.

Необходимыя для разрѣшенія этихъ вопросовъ конвенціи будутъ заключены немедленно по подписаніи настоящаго трактата между Австро-Венгріей, Сербіей и княжествомъ Болгаріи въ границахъ его компетентности.

Статья XXXIX. (*Измѣненная ст. 4-я.*)

Мусульмане, владѣющіе недвижимою собственностью въ присоединенныхъ къ Сербіи территоріяхъ, и которые пожелали бы избрать мѣстожительство внѣ княжества, будутъ имѣть право сохранить въ княжествѣ свои недвижимыя имущества, отдавая ихъ въ аренду, или же поручая управленіе ими другимъ лицамъ.

На турецко-сербскую коммиссію будетъ возложено окончательное устройство въ опредѣленный срокъ всѣхъ дѣлъ, касающихся порядка отчужденія, эксплуатаціи или пользованія за счетъ Блистательной Порты имуществъ, принадлежащихъ государству и богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронутыми въ этихъ дѣлахъ.

Статья XL. (*часть ст. 4 С. Стеф. дог.*)

До заключенія трактата между Турціей и Сербіей, сербскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Турецкой имперіи будутъ пользоваться правами, согласно основнымъ началамъ международнаго права.

Статья XLI. (*новая*)

Сербскія войска будутъ обязаны очистить въ пятнадцатидневный срокъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата мѣстности, не включенныя въ новыя границы княжества.

Отоманскія войска очистятъ въ тотъ же пятнадцатидневный срокъ территоріи, уступленныя Сербіи. Имъ будетъ, однакожъ, данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для со-

ставленія описи снарядовъ и предметовъ, не могущихъ быть немедленно вывезенными.

Статья XLII. (*новая*)

Такъ какъ Сербія обязана нести на себѣ часть отоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя ей настоящимъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ Блистательною Портою, опредѣлятъ размѣръ этой части на справедливыхъ основаніяхъ.

Статья XLIII. (*ст. 5 С. Ст. дог.*)

Высокія договаривающіяся стороны признаютъ независимость Румуніи при условіяхъ, изложенныхъ въ двухъ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Статья XLIV. (*новая*)

Въ Румуніи различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы ни было мѣстности.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми уроженцами Румунскаго государства, такъ и за иностранцами, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами. Подданные всѣхъ державъ, торгующіе и другіе, будутъ пользоваться въ Румуніи, безъ различія вѣроисповѣданій, полнымъ равенствомъ.

Статья XLV. (*часть ст. 19 С. Стеф. дог.*)

Княжество Румунія уступаетъ обратно Его Величеству Императору Всероссійскому часть бессарабской территоріи, отошедшей отъ Россіи по парижскому трактату 1856 года, ограниченную съ запада русломъ Прута, съ юга русломъ Килійскаго рукава и устьемъ Стараго-Стамбула.

Статья XLVI. (*то же*)

Острова, составляющіе дельту Дуная, а также островъ

Змѣиный, Тульчинскій санджакъ, вмѣщающій округи (казы) Килію, Сулину, Махмудіе, Исакчу, Тульчу, Мачинъ, Бабадагъ, Гирсово, Кюстендже, Меджидіе, присоединяются къ Румуніи. Княжество, кромѣ того, получаетъ территорію, лежащую на югъ отъ Добруджи до черты, начинающейся къ востоку отъ Силистріи и оканчивающейся у Чернаго моря къ югу отъ Мангаліи.

Очертаніе границы будетъ опредѣлено на мѣстѣ европейской коммиссіей, установленною для разграниченія Болгаріи.

Статья XLVII. (*новая*)

Вопросъ о раздѣлѣ водъ и рыбныхъ ловляхъ будетъ предложенъ посредничеству европейской дунайской коммиссіи.

Статья XLVIII. (*новая*)

Никая транзитная пошлина не будетъ взимаема въ Румуніи съ товаровъ, провозимыхъ черезъ княжество.

Статья XLIX. (*новая*)

Конвенціи могутъ быть заключаемы Румуніей для установленія привилегій и круга дѣйствій консуловъ въ дѣлѣ оказыванія ими покровительства въ княжествѣ. Пріобрѣтенныя права останутся въ силѣ, пока не будутъ измѣнены по общему согласію княжества съ заинтересованнымн сторонами.

Статья L. (*часть ст. 5-й*)

До заключенія трактата между Турціей и Румуніей, устанавляющаго привилегіи и кругъ дѣйствій консуловъ, румунскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Отоманской Имперіи, и отоманскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Румуніи, будутъ пользоваться правами, обезпеченными за подданными прочихъ державъ.

Статья LI. (*новая*)

Во всемъ, что касается общественныхъ работъ и другихъ предпріятій того же рода, Румунія на всей уступленной ей территоріи заступитъ Блистательную Порту въ ея правахъ и обязанностяхъ.

Статья LII. (*Измѣн. 12-я,*)

Для увеличенія гарантій, обезпечивающихъ свободу судоходства по Дунаю, за которой признается общеевропейскій

интересъ, высокія договаривающіяся стооны постановляютъ, что всѣ крѣпости и укрѣпленія по теченію рѣки отъ Желѣзныхъ Воротъ до ея устья будутъ срыты и что новыхъ возводимо не будетъ. Никакое военное судно не можетъ впредь плавать по Дунаю внизъ отъ Желѣзныхъ Воротъ, за исключеніемъ легкихъ судовъ, предназначаемыхъ для рѣчной полиціи и таможенной службы. Станціонеры державъ въ устьяхъ Дуная могутъ, однако, подниматься до Галаца.

Статья LIII. (*часть 12.*)

Европейская дунайская коммиссія, въ коей Румунія будетъ имѣть представителя, сохраняетъ свой кругъ дѣйствій, который отнынѣ распространяется до Галаца, при полной независимости отъ территоріальныхъ властей. Всѣ договоры, соглашенія, акты и постановленія касательно ея правъ, привилегій, преимуществъ и обязателствъ подтверждаются.

Статья LIV. (*новая*)

За годъ до истеченія срока, опредѣленнаго для дѣятельности европейской коммиссіи, державы войдутъ въ соглашеніе о продолженіи ея полномочій или объ измѣненіяхъ, которыя они признаютъ необходимымъ сдѣлать.

Статья LV. (*новая*)

Правила о судоходствѣ, рѣчной полиціи и надзорѣ отъ Желѣзныхъ Воротъ до Галаца будутъ выработаны европейскою коммиссіей при содѣйствіи делегатовъ прибрежныхъ государствъ и будутъ согласованы съ тѣми, которыя были или будутъ изданы для участка рѣки внизъ отъ Галаца.

Статья LVI. (*новая*)

Европейская дунайская коммиссія войдетъ съ кѣмъ слѣдуетъ въ соглашеніе для обезпеченія содержанія маяка на Змѣиномъ островѣ.

Статья LVII. (*новая*)

Выполненіе работъ къ устраненію препятствій, которыя представляютъ судоходству Желѣзныя Ворота и пороги, поручается Австро-Венгріи. Прибрежныя государства этой части рѣки окажутъ всѣ облегченія, которыя могутъ потребоваться для успѣха работъ..

Постановленія 6-й статьи лондонскаго договора 13 марта

1871 го-да, касательно права взиманія временной таксы для покрытія расходовъ по выполненію вышеозначенныхъ работъ, остаются въ силѣ въ пользу Австро-Венгріи.

Статья LVIII. (*часть 19 съ измѣн.*)

Блистательная Порта уступаетъ Россійской Имперіи въ Азіи территоріи Ардагана, Карса и Батума, съ портомъ послѣдняго, равно какъ и всѣ территоріи, заключающіяся между прежнею русско-турецкою границею и слѣдующею пограничною чертою.

Новая граница, направляясь отъ Чернаго Моря, согласно пограничной линіи, опредѣленной санстефанскимъ договоромъ, до пункта къ сѣверозападу отъ Хорды и къ югу отъ Артвина, продолжается по прямой линіи до рѣки Чоруха, пересѣкаетъ эту рѣку и проходитъ къ востоку отъ Ашмишена, слѣдуя по прямой линіи къ югу, на соединеніе съ русскою границею, обозначенною въ санстефанскомъ договорѣ, въ пунктѣ на югъ отъ Наримана, оставляя городъ Ольти за Россіей. Отъ пункта, обозначеннаго близъ Наримана, граница поворачиваетъ къ востоку, проходитъ чрезъ Тебренекъ, остающійся за Россіей, и доходитъ до Пенекъ-Чая.

Она идетъ по этой рѣкѣ до Бардуза, потомъ направляется къ югу, оставляя Бардузъ и Іоникіей за Россіей. Отъ пункта, находящагося на западъ отъ деревни Карагуанъ, граница направляется на Меджингертъ, продолжаетъ по прямому направленію до вершины горы Кассадагъ и слѣдуетъ по водораздѣлу притоковъ Аракса на сѣверѣ и Мурадъ-Су на югѣ, до прежней русской границы.

Статья LIX. (*новая*)

Его Величество Императоръ Всероссійскій объявляетъ, что его намѣреніе сдѣлать Батумъ порто-франко по преимуществу коммерческимъ.

Статья LX.

Долина Алашкерта и городъ Баязетъ, уступленные Россіи статьею XIX-ю санстефанскаго договора, возвращаются Турціи.

Блистательная Порта уступаетъ Персіи городъ и территорію Котуръ, соотвѣтственно тому, какъ она была опредѣлена смѣшанною англо-русскою коммиссіей по турецко-персидскому разграниченію,(*Развитіе ст. 18.*)

Статья LXI. (*Измѣн. 16-я.*)

Блистательная Порта обязуется осуществить безъ дальнѣйшаго замедленія, улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями, въ областяхъ, населенныхъ армянами, и обезпечить ихъ безопасность отъ черкесовъ и курдовъ. Она будетъ періодически сообщать о мѣрахъ, принятыхъ ею для этой цѣли, державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ примѣненіемъ.

Статья LXII. (*новая*)

Такъ какъ Блистательная Порта выразила твердое намѣренія соблюдать принципъ религіозной свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ, то договаривающіяся стороны принимаютъ къ свѣдѣнію это добровольное заявленіе.

Ни въ какой части Отоманской Имперіи различія вѣроисповѣданія не можетъ подавать повода къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованіи гражданскими и политическими правами, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ.

Всѣ будутъ допускаемы, безъ различія вѣроисповѣданія, свидѣтельствовать въ судахъ.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются за всѣми, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Духовныя лица, паломники и иноки всѣхъ націй, путешествующіе въ Европейской или Азіатской Турціи, будутъ пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегіями.

Право оффиціальнаго покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами державъ въ Турціи, какъ по отношенію вышепоименованныхъ лицъ, такъ и ихъ учрежденій духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ, на святыхъ мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Права, предоставленныя Франціи, строго сохраняются за нею, и, само собою разумѣется, что statu quo на святыхъ мѣстахъ не можетъ подвергнуться никакому нарушенію.

Иноки Аѳонской Горы, изъ какой бы она ни были страны

сохраняютъ свои имущества и будутъ пользоваться, безъ всякихъ исключеній, полнымъ равенствомъ правъ и преимуществъ.

Статья LXIII. (*новая*)

Парижскій трактатъ 30-го марта 1856 года, а также лондонскій договоръ 13-го марта 1871 года, сохраняютъ свою силу во всѣхъ тѣхъ постановленіяхъ, которыя не отмѣнены или не измѣнены вышеприведенными статьями.

Статья LXIV.

Настоящій трактатъ будетъ ратифицированъ и обмѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ Берлинѣ въ трехнедѣльный срокъ, а буде возможно и ранѣе.

Сопоставивъ такимъ образомъ трактаты берлинскій и санстефанскій для показанія, на сколько западная Европа стремилась измѣнить условія послѣдняго въ невыгодную для Россіи сторону, мы должны замѣтить, что остались однако въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ нѣкоторыя статьи нетронутыми. И какъ этотъ трактатъ, изъ осторожности, былъ въ свое время названъ прелиминарнымъ, то осенью 1878 начались переговоры о составленіи изъ уцѣлѣвшихъ его частей новаго, окончательнаго договора.

Измѣненія въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, сдѣланныя въ Берлинѣ, естественно вызвали въ русскомъ обществѣ глубокое негодованіе. Наиболѣе рѣзкое выраженіе чувство это нашло въ рѣчи И. Аксакова, произнесенной имъ 22 іюня въ московскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ. Напом-

нивъ слушателямъ о телеграфическихъ и другихъ извѣстіяхъ изъ Берлина, онъ воскликнулъ:

Ты-ли это, Русь-побѣдительница, сама добровольно разжаловавшая себя въ побѣжденную? Ты-ли—на скамьѣ подсудимыхъ, какъ преступница, каешся въ святыхъ, подъятыхъ тобою трудахъ, молишь простить тебѣ твои побѣды?... Едва сдерживая веселый смѣхъ, съ презрительной ироніей, похваляя твою политическую мудрость, Западныя державы, съ Германіей впереди, нагло срываютъ съ тебя побѣдный вѣнецъ, преподносятъ тебѣ взамѣнъ шутовскую съ гремушками шапку, а ты послушно, чуть-ли не съ выраженіемъ чувствительнѣйшей признательности, подклоняешь подъ нее свою многострадательную голову!...

Ложь! Если въ такомъ чудовищномъ образѣ и представляется Россія изъ берлинскихъ писемъ и телеграммъ, то самая чудовищность служитъ лучшей порукой, что этому не бывать. Не то, чтобъ мы сомнѣвались въ справедливости сообщеній о замыслахъ и притязаніяхъ Англіи съ Австріей, руководимыхъ пресловутою маклерскою честностью германскаго канцлера. Нисколько. Кривдѣ и наглости Запада, по отношенію къ Россіи и вообще къ Европѣ Восточной, нѣтъ ни предѣла, ни мѣры: этой исторической аксіомы, какъ и никакихъ уроковъ исторіи, не вѣдаютъ только русскіе дипломаты да петербургскія руководящія сферы.. Болѣе чѣмъ вѣроятными, увы! признаемъ мы также и сообщенія о дѣйствіяхъ нашихъ представителей на конгрессѣ: на вѣки не забыть намъ услугъ, оказанныхъ русскою дипломатіею Россіи въ эти послѣдніе два года. Но какихъ бы щедрыхъ уступокъ, во вредъ Россіи и къ выгодѣ нашихъ враговъ, ни натворили русскіе дипломаты, развѣ Россія, въ лицѣ своего верховнаго представителя, сказала свое послѣднее слово? Не вѣримъ, чтобъ всѣ эти щедроты на счетъ русской крови и чести были одобрены высшею властью; не вѣримъ и не повѣримъ, пока не появится о томъ официальное правительственное извѣщеніе. Но даже и предположить подобное извѣщеніе было-бы преступленіемъ противъ достоинства власти!...

И, назвавъ поведеніе русскихъ дипломатовъ въ

Берлинѣ предательскимъ, Аксаковъ нѣсколько далѣе сказалъ:

Нѣтъ такихъ и словъ, чтобъ заклеймить по достоинству это предательство, эту измѣну историческому завѣту, призванію и долгу Россіи. Согласиться на такое рѣшеніе — значитъ подписать свое самоотреченіе, какъ главы и верховной представительницы славянскаго и всего восточнохристіанскаго міра—значитъ утратить не только свое обаяніе, не только сочувствіе, но и уваженіе славянскихъ племенъ, нашихъ естественныхъ, нашихъ единственныхъ союзниковъ въ Европѣ. Свобода, самобытное развитіе и преуспѣяніе духовныхъ стихій славянской народности возможны для Славянъ *только* въ единеніи любви съ Русскимъ народомъ..... Иначе рѣшаетъ русская дипломатія! Для того только, православный русскій народъ, единый могучій и независимый изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, для того только и пролилъ ты свою драгоцѣнную кровь, принесъ въ жертву сотни тысячъ твоихъ сыновъ, для того ты и разорялся и временно обнищалъ, стяжалъ себѣ по истинѣ вѣнецъ страстотерпца и мученика, чтобы собственными побѣдами унизить себя какъ славянскую державу, разширить владѣнія, умножить силу враговъ — твоихъ и всего Славянства, и подчинить православныхъ славянъ господству нѣмецкой и католической стихіи! Напрасный мученикъ, одураченный побѣдитель, полюбуйся на свое дѣло!...

Если во время Константинопольской конференціи мы говорили, въ такомъ же собраніи, что щеки пылаютъ у Россіи отъ получаемыхъ ею пощечинъ, то что же сказать теперь, при этихъ ежедневныхъ, торжественныхъ заушеніяхъ? А русскіе дипломаты, если вѣрить газетамъ, послѣ каждаго заушенія, только росписываются въ полученіи и просятъ взамѣнъ для Россіи лишь аттестата о „безкорыстіи“! По истинѣ безкорыстно, и въ аттестатѣ имъ не отказываютъ...

Слово нѣмѣетъ, мысль останавливается, пораженная, предъ этимъ колобродствомъ русскихъ дипломатическихъ умовъ, предъ этою грандіозностью раболѣпства! Самый злѣйшій врагъ Россіи и престола не могъ бы изобрѣсть чего

либо пагубнѣе для нашего внутренняго спокойствія и мира. Вотъ они наши настоящіе нигилисты, для которыхъ не существуетъ въ Россіи ни русской народности, ни православія, ни преданій, которые, какъ и нигилисты въ родѣ Боголюбовыхъ, Засуличъ и К°, одинаково лишены всякаго историческаго сознанія и всякаго живаго національнаго чувства. И тѣ и другіе—иностранцы въ Россіи и поютъ съ чужаго европейскаго голоса; и тѣ и другіе чужды своему народу, смотрятъ на него какъ на tabula rasa, презираютъ его органическія, духовныя начала, стараются сдвинуть его съ пути, заповѣданнаго ему исторіей и направлять насильственно на путь противоестественный..... Всѣ они близкая другъ другу родня, порожденіе одного сѣмени, хотя и различествуютъ между собою бытомъ, воспитаніемъ, нравами, доктринами и главное—степенью самосознанія..... Представляю вамъ самимъ рѣшить, кто же однако изъ нихъ: сознательныхъ и безсознательныхъ, грубо-анархическихъ и утонченныхъ государственныхъ нигилистовъ въ сущности опаснѣе для Россіи, для ея народнаго и духовнаго преуспѣянія и государственнаго достоинства?

За такія дерзости Аксаковъ былъ высланъ изъ Москвы въ деревню; но правительство и само видѣло, что поведеніе его безславно, что война, заключенная миромъ въ родѣ Берлинскаго, вмѣсто того, чтобы укрѣпить его положеніе среди націи, давно лишившей его довѣрія вслѣдствіе внутренней реакціонной политики, еще болѣе роняетъ достоинство престола и династіи. Вотъ почему оно напечало въ журналахъ особое „сообщеніе,“ изъ котораго мы приведемъ слѣдующую выдержку:

Исторія скажетъ свое слово о томъ, насколько берлинскій конгрессъ оправдалъ эти ожиданія, насколько широки были его замыслы и до какой высоты доходили его сужденія; она покажетъ, съумѣли ли участники его отр

шиться отъ эгоистическихъ заботъ и завистливаго соперничества, однимъ словомъ, она раскроетъ, насколько нашли отголосокъ въ этомъ собраніи великодушныя чувства Россіи, запечатлѣнныя русскою кровью. Плоды укажутъ, каково было древо.

Нынѣ мы ограничиваемся только констатированіемъ ближайшихъ результатовъ конгреса.

Турки потеряли свое владычество па большей части Балканскаго полуострова. Независимость Сербіи и Румыніи была объявлена, независимость же Черногоріи подтверждена формальнымъ образомъ. Границы этихъ княжествъ расширены. Боснія и Герцеговина изъяты изъ подъ вѣдѣнія турецкой администраціи и избавлены отъ ея злоупотребленій. Болгарія къ сѣверу отъ Балкановъ организована въ видѣ отдѣльнаго автономнаго княжества, связаннаго одною только данью. Большая часть Южной Болгаріи, подъ названіемъ Восточной Румеліи, соединена въ одну провинцію съ административною автономіей и губернаторомъ изъ христіанъ, подъ контролемъ Европы. Остальнымъ провинціямъ Турціи будутъ даны учрежденія, въ созданіи и примѣненіи которыхъ примутъ участіе делегаты великихъ державъ. Что касается собственно Россіи, то въ Европѣ ей возвращена та часть территоріи, которая была отъ нея отрѣзана послѣ крымской войны, вслѣдствіе чего она вновь достигла Дуная. Въ Азіи мы пріобрѣтаемъ цѣлую новую территорію съ портомъ и важными стратегическими позиціями, которыя обезпечиваютъ нашу безопасность и наше развитіе на будущее время.

Было бы неправильно преувеличивать значеніе этихъ результатовъ, но столь же несправедливо было бы ихъ умалять.

Дѣйствительно, они далеки отъ того, на что Россія имѣла бы право разсчитывать послѣ столькихъ жертвъ и послѣ славной войны; они даже невполнѣ соотвѣтствуютъ интересамъ Востока и Европы, которые выиграли бы, еслибъ этотъ кризисъ кончился болѣе радикальнымъ и нормальнымъ рѣшеніемъ. Берлинскій трактатъ имѣетъ несомнѣнно слабыя стороны. Одна изъ наиболѣе подверженныхъ критикѣ заключается въ томъ, что все разграниченіе основано на соображеніяхъ географическихъ и политическихъ, безъ

всякаго вниманія къ этнографическому элементу. Императорскій кабинетъ предлагалъ другое основаніе для разграниченія, болѣе раціональное и справедливое — принципъ національности большей части населенія, принципъ, который давалъ бы полную свободу развитію всѣхъ народовъ въ ихъ естественныхъ границахъ. Къ сожалѣнію, отъ этого принципа пришлось отказаться.

Тѣмъ неменѣе, все зависитъ отъ того, какимъ образомъ будутъ исполнены постановленія конгреса.

Нельзя не сказать еще разъ: затрудненія, съ коими связано рѣшеніе восточнаго вопроса, заключаются не въ Турціи, а въ Европѣ. Каковы бы ни были представляемыя ими компликаціи, онѣ естественно не могутъ превосходить размѣра тѣхъ силъ, которыми располагаютъ цивилизованные народы Европы. Но вліяніе Европы на Востокѣ всегда бывало парализовано чувствами взаимнаго недовѣрія и соперничества кабинетовъ. Еслибъ державы соединились въ общихъ усиліяхъ для упроченія зачатковъ, положенныхъ конгресомъ, дабы сдѣлать изъ нихъ исходный пунктъ для дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія народовъ Востока, то дѣло конгреса, конечно, не было бы безплоднымъ ни для Европы, ни для Востока. Императорскій кабинетъ, убѣдившійся долгимъ опытомъ, что солидарность и согласіе суть единственные залоги благополучія и общаго мира для всего христіанскаго Востока, явилъ крайнее миролюбіе. Нынѣ его задача—блюсти, чтобъ всѣ прежнія усилія не пропали даромъ.

Въ этомъ отношеніи мы достигли существеннаго результата. Трактатъ 1856 года, этотъ памятникъ политическихъ страстей, которыя вызвали несправедливую войну и такой же миръ; этотъ актъ, который поставилъ Россію въ положеніе, недостойное великой державы, и который связывалъ въ теченіи 22-хъ лѣтъ руки какъ Россіи, такъ и Европѣ, обезпечивалъ турецкому правительству полную безнаказанность и вызывалъ постоянные безпорядки, послужившіе, между прочимъ, причиною и настоящей войны; этотъ трактатъ, который всѣми нарушался, отъ котораго отрекались даже его создатели — не существуетъ больше. Побѣдоносныя русскія войска разорвали его, берлинскій конгрессъ вычеркнулъ его изъ исторіи. Россія пріобрѣла полное пра-

во блюсти за результатами своихъ усилій; она не позволитъ ихъ уничтожить.

То, что совершается на нашихъ глазахъ теперь, сопровождало, впрочемъ, и всѣ прежнія наши войны на Востокѣ. Не смотря на всѣ наши успѣхи, мы никогда не могли разрѣшить задачу кореннымъ образомъ. Намъ приходилось всегда останавливаться передъ непреоборимыми трудностями задачи, передъ сплоченною стѣною интересовъ и страстей, которые вызывались нашими успѣхами. Но, со всякою послѣдующею войною мы дѣлали новый шагъ къ достиженію нашей окончительной цѣли. Это есть та кровавая и славная черта, которая проведена черезъ всю нашу исторію и которая должна привести неизбѣжно къ выполненію нашей исторической миссіи — освобожденію христіанскаго Востока.

Какъ бы ни были несовершенны результаты берлинскаго конгреса, они, все таки, представляютъ новый шагъ по прежнему пути, шагъ весьма важный, хотя и пріобрѣтенный дорогою цѣною. Остается только ихъ укрѣпить и потомъ дать имъ возможность развиваться. Такова задача ближайшаго будущаго.

Отоманская Имперія вступила въ новую фазу отношеній къ христіанской и цивилизованной Европѣ. Если она пойдетъ по открывающемуся передъ нею пути съ полною откровенностью и желаніемъ точно исполнять условія, гарантирующія автономію ея христіанскихъ подданныхъ, передъ нею можетъ открыться счастливое будущее. Россія, имѣющая на своей обширной территоріи многіе мильйоны подданныхъ мусульманъ, религію коихъ она охраняетъ, такъ же какъ и ихъ благоденствіе, не будетъ угрожать Турціи; напротивъ, можетъ стать ея лучшимъ союзникомъ. Въ противномъ случаѣ, Порта сама подпишетъ свой приговоръ. Императорскій кабинетъ не перестанетъ прилагать всѣ усилія, чтобъ удержать ее на этомъ пути. Онъ будетъ продолжать притягивать Европу къ общему дѣлу и, съ своей стороны, будетъ точно исполнять лежащія на немъ обязанности.

И затѣмъ, какъ бы давая понять, что не слѣдуетъ огорчаться „временною“ неудачею, прави-

тельство заключило свою прокламацію слѣдующими словами:

„Берлинскій конгрессъ былъ только роздыхомъ, остановкою на трудномъ пути. Оцѣнивая его съ этой точки зрѣнія, Россія находитъ въ прошедшемъ основанія для вѣры въ будущее.

Это, слѣдовательно, программа русской политики въ будущемъ.

Б. Въ Азіи.

2. *Пекинскій договоръ* 2 ноября 1860 года съ Китаемъ, служащій какъ-бы ратификаціею и развитіемъ договоровъ Айгунскаго и Тяньцзинскаго, заключенныхъ въ 1858 году.

Ст. 1. Въ подтвержденіе и поясненіе *первой* статьи договора, заключеннаго въ городѣ Айгунѣ, 1858 года, мая 16-го дня, и во исполненіе *девятой* статьи договора, заключеннаго въ томъ же году, іюня 1-го дня, въ городѣ Тяньцзинѣ, опредѣляется: съ сихъ поръ восточная граница между двумя государствами, начиная отъ сліянія рѣкъ Шилки и Аргуни, пойдетъ внизъ по теченію рѣки Амура до мѣста сліянія сей послѣдней рѣки съ рѣкою Усури. Земли, лежащія по лѣвому берегу (на сѣверъ) рѣки Амура, принадлежатъ Россійскому государству, а земли, лежащія на правомъ берегу (на Югъ), до устья рѣки Усури, принадлежатъ Китайскому государству. Далѣе отъ устья рѣки Усури до озера Хинкай, граничная линія идетъ по рѣкамъ Усури и Сунгача. Земли, лежащія по восточному (правому) берегу сихъ рѣкъ, принадлежатъ Россійскому государству а по западному (лѣвому), — Китайскому государству. За тѣмъ граничная между двумя государствами линія, отъ истока рѣки Сунгача, пересѣкаетъ озеро Хинкай и идетъ къ рѣкѣ Бэлэнъ-хэ (Туръ), отъ устья же сей послѣдней

по горному хребту, къ устью рѣки Хубиту (Хубту), а отсюда по горамъ, лежащимъ между рѣкою Хуньчунь и моремъ до рѣки Ту-мынь-дзянъ. Здѣсь также земли лежащія на востокѣ принадлежатъ Россійскому государству, а на западъ Китайскому. Граничная линія упирается въ рѣку Ту-мынь-дзянъ на двадцать китайскихъ верстъ (ли), выше впаденія ея въ море.

Сверхъ сего во исполненіе *девятой* же статьи Тянь-цзинскаго договора, утверждается составленная карта, на коей граничная линія, для большей ясности, обозначена красною чертою и направленіе ея показано буквами русскаго алфавита:

А. Б. В. Г. Д. Е. Ж. З. И. І. К. Л. М. Н. О. П. Р. С. Т. У.

Карта сія подписывается уполномоченными обоихъ государствъ и скрѣпляется ихъ печатями.

Если бы въ вышеозначенныхъ мѣстахъ оказались поселенія китайскихъ подданныхъ, то русское правительство обязуется оставить ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, и дозволить по прежнему заниматься рыбнымп и звѣриными промыслами.

Послѣ постановленія пограничныхъ знаковъ, граничная линія на вѣки не должна быть измѣняема.

Ст. 2. Граничная черта на западѣ, доселѣ неопредѣленная, отнынѣ должна проходить, слѣдуя направленію горъ, теченію большихъ рѣкъ и линіи нынѣ существующихъ китайскихъ пикетовъ, отъ послѣдняго маяка, называемаго Шабинъ-дабага, поставленнаго въ 1728 году, по заключеніи Кяхтинскаго договора,—на юго-западъ до озера Цзайсанъ, а оттуда до горъ проходящихъ южнѣе озера Иссыккуль и называемыхъ Тэнгэри-шань или Киргизнымъ Алатау, иначе Тянь-шань-нань-лу (южные отроги Небесныхъ горъ), и по симъ горамъ до Кокандскихъ владѣній.

Ст. 3. Отнынѣ всѣ пограничные вопросы, могущіе возникнуть впослѣдствіи, должны рѣшаться на основаніи изложеннаго въ *первой* и *второй* статьяхъ сего договора, для постановки же пограничныхъ знаковъ на востокѣ, — отъ озера Хинкай до рѣки Ту-мынь-цзянъ, а на западѣ — отъ маяка Шабинъ-дабага до Кокандскихъ владѣній, россійское и китайское правительства назначаютъ довѣренныхъ лицъ

(коммисаровъ). Для обозрѣнія восточной границы, съѣздъ коммисаровъ назначается на устѣ рѣки Усури, въ теченіе апрѣля мѣсяца будущаго года (Сянъ-фынъ XI года въ третьей лунѣ). Для обзора же запздной границы коммисары съѣзжаются въ Тарбагатаѣ, но время для ихъ съѣзда теперь не опредѣляется.

На основаніи того, что постановлено въ *первой* и *второй* статьяхъ сего договора, командированные сановники (коммисары) составляютъ карты и подробныя описанія граничной линіи въ четырехъ экземплярахъ,—два на русскомъ и два на китайскомъ или маньчжурскомъ языкахъ. Карты и описанія сіи утверждаются подписями и печатями коммиссаровъ; за тѣмъ два экземпляра оныхъ, — одинъ на русскомъ, другой на китайскомъ или маньчжурскомъ языкахъ вручается русскому, а два таковыхъ же экземпляра —китайскому правительству, для храненія.

По случаю врученія картъ и описанія граничной линіи составляется протоколъ, который утверждается подписями и печатями коммисаровъ и будетъ считаться дополнительною статьею сего договора.

Ст. 4. На протяженіи всей граничной линіи, опредѣленной *первою* статьею сего договора, дозволяется свободная и безпошлинная мѣновая торговля между подданными обоихъ государствъ. Мѣстные пограничные начальники должны оказывать особое покровительство этой торговлѣ и людямъ ею занимающимся.

Съ симъ вмѣстѣ подтверждается постановленное касательно торговли во *второй* статьѣ Айгунскаго договора.

Ст. 5. Русскимъ купцамъ, сверхъ существующей торговли на Кяхтѣ, предоставляется прежнее право ѣздить для торговли изъ Кяхты въ Пекинъ. По пути, въ Ургѣ и Калганѣ имъ дозволяется также торговать, не открывая оптовой продажи. Въ Ургѣ русскому правительству предоставляется право имѣть консула (линъ-ши-гуань), съ нѣсколькими при немъ людьми и на свой счетъ выстроить для него помѣщеніе. Касательно отвода земли подъ зданіе, величины постройки сего послѣдняго, равно и отвода мѣста подъ пастбище, предоставляется войти въ соглашеніе съ ургинскими правителями.

Китайскимъ купцамъ, если они пожелаютъ, также дозволяется отправляться для торговли въ Россію.

Русскіе купцы имѣютъ право ѣздить для торговли въ Китай во всякое время, только въ одномъ и томъ же мѣстѣ ихъ не должно быть болѣе *двухъ сотъ* человѣкъ, притомъ, они должны имѣть билеты отъ своего пограничнаго начальства, въ которыхъ обозначается: имя караваннаго старшины, число людей, при караванѣ состоящихъ, и мѣсто, куда слѣдуетъ караванъ. Во время пути купцимъ дозволяется покупать и продавать все, по ихъ усмотрѣнію. Всѣ дорожныя издержки относятся на счетъ самихъ купцовъ.

Ст. 6. Въ видѣ опыта открывается торговля въ Кашгарѣ, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ какъ въ Или и Тарбагатаѣ. Въ Кашгарѣ китайское правительство отводитъ въ достаточномъ количествѣ землю для постройки факторіи, со всѣми нужными при ней зданіями для жилища и склада товаровъ, церкви и т. п., а также мѣсто для кладбища, и, по примѣру Или и Тарбагатая,—мѣсто для пастбища. Объ отводѣ мѣстъ для вышеозначенныхъ надобностей, будетъ сообщено теперь же управляющему кашгарскимъ краемъ.

Китайское правительство не отвѣчаетъ за разграбленіе русскихъ купцовъ, торгующихъ въ Кашгарѣ, въ томъ случаѣ, когда грабежъ будетъ произведенъ людьми, вторгнувшимся изъ за линіи китайскихъ карауловъ.

Ст. 7. Какъ русскіе въ Китаѣ, такъ и китайскіе подданные въ Россіи, въ мѣстахъ открытыхъ для торговли, могутъ заниматься торговыми дѣлами совершенно свободно, безъ всякихъ стѣсненій со стороны мѣстнаго начальства, посѣщать также свободно, и во всякое время — рынки, лавки, дома мѣстныхъ купцовъ, продавать и покупать разные товары оптомъ или въ разницу, на деньги, или посредствомъ мѣны, давать и брать въ долгъ во взаимному довѣрію.

Срокъ пребыванія купцовъ въ мѣстахъ, гдѣ производится горговля, не опредѣляется, а зависитъ отъ ихъ собственнаго усмотрѣнія.

Ст. 8. Русскіе купцы въ Китаѣ, а китайскіе въ Россіи состоятъ подъ особымъ покровительствомоъ обоихъ правительствъ. Для наблюденія за купцами и предотвращенія могущихъ возникнуть между ими и мѣстными жителями

недоразумѣній, русское правительство, на основаніи правилъ, принятыхъ для Или и Тарбагатая, можетъ назначить теперь же своихъ консуловъ въ Кашгаръ и Ургу. Китайское правительство, равнымъ образомъ, можетъ, еслибы пожелало, назначать своихъ консуловъ въ столицахъ и другихъ городахъ Россійской Имперіи.

Консулы того и другаго государства помѣщаются въ домахъ устроенныхъ на счетъ ихъ правителствъ. Впрочемъ, имъ не запрещается, по собственному усмотрѣнію, нанимать для себя квартиры у мѣстнымъ жителей.

Въ сношеніяхъ съ мѣстныхъ начальствомъ, консулы обоихъ государствъ, на основаніи *второй* статьи Тянь-цзинскаго трактата, соблюдаютъ совершенное равенство. Всѣ дѣла, касающіеся купцовъ того и другаго государства, разбираются ими по взаимному соглашенію: проступки же и преступленія должны судиться, какъ сказано въ *седьмой* статьѣ Тянь-цзинскаго договора, по законамъ того государства, подданнымъ котораго окажется виновный.

Споры, иски и тому подобныя недоразумѣнія, возникающія между купцами при торговыхъ слѣлкахъ, предоставляется рѣшать самимъ купцамъ посредствомъ выбранныхъ изъ своей среды людей; консулы же и мѣстное начальство только содѣйствуютъ примиренію, но не примаютъ на себя отвѣтственности по искамъ.

Купцы того и другаго государства, въ мѣстахъ, гдѣ дозволена торговля, могутъ вступать между собою въ письменныя обязательства, по случаю заказа товаровъ, найма лавокъ, домовъ, и т. п. и предъявлять ихъ для засвидѣтельствованія въ консульство и мѣстное правленіе. Въ случаѣ неустойки по письменному обязательству, консулъ и мѣстное начальство принимаютъ мѣры къ побужденію исполнить обязательство въ точности.

Дѣла, не касающіяся торговыхъ между купцами сдѣлокъ, напримѣръ споры, жалобы и проч. разбираются консуломъ и мѣстнымъ начальствомъ, по общему соглашенію; виновные же наказываются по законамъ своего государства.

Въ случаѣ укрывательства русскаго подданнаго между китайцами, или побѣга его внутрь страны, мѣстное начальство, по полученіи о томъ извѣщенія отъ русскаго консула, немедленно принимаетъ мѣры къ отысканію бѣжав-

шаго, а по отысканіи немедленно предстaвляетъ его въ русское консульство. Подобныя мѣры, равнымъ образомъ должны быть соблюдаемы и въ отношеніи китайскаго подданнаго, скрывшагося у русскихъ, или бѣжавшаго въ Россію.

Въ преступленіяхъ важныхъ, какъ то: убійствѣ, грабежѣ съ нанесеніемъ опасныхъ раненій, покушеніи на жизнь другаго, злонамѣренномъ поджогѣ и т. п., по произведеніи слѣдствія, виновный, если онъ будетъ русскій, отсылается въ Россію для поступленія съ нимъ по законамъ своего государства, а если китайскій, то наказаніе его производится,—или начальствомъ того мѣста, гдѣ учинено преступленіе, или, если того потребуютъ государственныя постановленія, виновный для наказанія отправлятся въ другой городъ, или область.

Какъ въ преступленіяхъ важныхъ, такъ равно и маловажныхъ, консулъ и мѣстное начальство могутъ принимать нужныя мѣры только въ отношеніи къ виновному своего государства, но никто изъ нихъ не имѣетъ никакого права ни задерживать, ни отдѣльно разбирать, а тѣмъ болѣе наказывать подданнаго не своего государства.

Ст. 9. При распространеніи въ настоящее время торговыхъ сношеній между подданными того и другаго государства и проведеніи новой граничной линіи, прежнія правила, постановленныя въ трактатахъ, заключенныхъ въ Нерчинскѣ и Кяхтѣ, и въ дополнительныхъ къ нимъ договорахъ, сдѣлались уже не примѣнимыми; сношенія пограничныхъ начальниковъ между собою, и правила для разбирательства пограничныхъ дѣлъ, равнымъ образомъ не соотвѣтствуютъ современнымъ обстоятельствамъ, а по этому въ замѣнъ сихъ правилъ постановляется слѣдующее:

Отнынѣ, кромѣ сношеній, производившихся—на восточной границѣ, чрезъ Ургу и Кяхту, между кяхтинскимъ градоначальникомъ и ургинскими правителями, а на западной между генералъ-губернаторомъ западной Сибири и илійскимъ управленіемъ, пограничныя сношенія будутъ еще производиться: между военными губернаторами Амурской и Приморской Областей и Хэй-лунъ-цзянскимъ и Гиринъскимъ цзянъ-цзюнями; между кяхтинскимъ погра-

личнымъ коммисаромъ и цзаргучеемъ, по смыслу *осьмой* статьи сего договора.

Вышеупомянутые военные губернаторы и главнокомандующіе, на основаніи *второй* статьи Тянь-цзинскаго договора, въ сношеніяхъ своихъ должны соблюдать совершенное равенство, и вести оныя исключительно по дѣламъ, относящимся непосредственно къ ихъ управленію.

Въ случаѣ дѣлъ особой важности генералъ губернатору Восточной Сибири предоставляется право имѣть письменныя сношенія,—или съ верховнымъ совѣтомъ, или съ Палатою Внѣшнихъ сношеній, какъ главнымъ мѣстомъ завѣдывающимъ пограничными сношеніями и управленіемъ.

Ст. 10. При изслѣдованіи и рѣшеніи дѣлъ пограничныхъ, какъ важныхъ, такъ и маловажныхъ, пограничные начальники руководствуются правилами, изложенными въ *осьмой* статьѣ сего договора; слѣдствія же и наказанія подданныхъ того и другаго государства производятся, какъ сказано въ *седьмой* статьѣ Тянь-цзинскаго договора, по законамъ того государства, которому принадлежитъ виновный.

При переходѣ, угонѣ или уводѣ скота за границу, мѣстное начальство, по первому о томъ извѣщенію и по сдачѣ слѣдовъ стражѣ ближайшаго караула, посылаетъ людей для отысканія. Отысканный скотъ возвращается безъ замедленія, при чемъ, за недостающеее число его, если бы оное оказалось, взыскивается по закону, но въ семъ случаѣ уплата не должна быть увеличиваема въ нѣсколько разъ, (какъ то было прежде).

Въ случаѣ побѣговъ за границу, по первому же о томъ извѣщенію, немедленно принимаются мѣры къ отысканію перебѣжчика. Найденный перебѣжчикъ немедленно передается, со всѣми принадлежащими ему вещами, пограничному начальству; изслѣдованіе причинъ побѣга и самый судъ производится ближайшимъ мѣстнымъ начальствомъ того государства, подданнымъ котораго окажется перебежчикъ. Во все время нахожденія за границею, отъ поимки до сдачи кому слѣдуетъ, перебѣжчику дается нужная пища и питье, а въ случаѣ надобности и одежда; сопровождающая его стража должна обходиться съ нимъ человѣколюбиво, и не позволять себѣ своевольныхъ поступковъ. Тоже

самое должно соблюдать и въ отношеніи того перебѣжчика, о которомъ не дано было увѣдомленія.

Ст. 11. Письменныя сношенія главныхъ пограничныхъ начальниковъ того и другаго государства производятся чрезъ ближайшихъ пограничныхъ чиновниковъ, которымъ отправляемыя бумаги отдаются подъ росписку.

Генералъ-губернаторъ восточной Сибири и кяхтинскій градоначальникъ отправляютъ свои бумаги къ кяхтинскому пограничному коммиссару, который передаетъ ихъ цзаргучею; ургинскіе же правители посылаютъ свои бумаги къ цзаргучею, который передаетъ ихъ кяхтинскому пограничному коммиссару.

Военный губернаторъ Амурской области пересылаетъ свои бумаги чрезъ помощника главнокомандующаго въ городѣ Айгунѣ, чрезъ котораго также передаютъ свои бумаги къ военному губернатору Амурской области Хэйлунъ-цзянскій и Гириньскій главнокомандующіе.

Военный губернаторъ Приморской области и Гириньскій главнокоманлующій, пересылаютъ бумаги чрезъ начальниковъ своихъ карауловъ на рѣкахъ Усури и Хунь-чунь.

Пересылка бумагъ между генералъ-губернаторомъ западной Сибири и Илійскимъ главнымъ управленіемъ или главнокомандующимъ производится чрезъ русскаго консула въ городѣ Или (Кульджѣ).

Въ случаѣ дѣлъ особой важности, требующихъ личныхъ объясненій, главные пограничные начальники того и другаго государства, могутъ отправлять другъ къ другу бумаги съ довѣренными рускими чиновниками.

Ст. 12. На основаніи *одинадцатой* статьи Тянь-цзинскаго договора, отправляемыя по казенной надобности изъ Кяхты въ Пекинъ и обратно, легкія и тяжелыя почты, будутъ отходить въ слѣдующіе сроки: *легкія — каждый мѣсяцъ однажды* изъ того и другаго мѣста; а *тяжелыя* — изъ Кяхты въ Пекинъ—*каждые два мѣста однажды;* а изъ Пекина въ Кяхту *каждые три мѣсяца однажды.*

Легкія почты, до мѣста назначенія, должны идти никакъ не болѣе — *двадцати*, а тяжелыя — не болѣе *сорока* дней.

Съ тяжелою почтою посылается одновременно не болѣе *двадцати* ящиковъ, вѣсомъ каждый не болѣе *ста двадцати* китайскихъ фунтовъ, — *четырехъ пудовъ.*

Легкія почты должны быть отправляемы въ тотъ же день, въ который будутъ доставлены; при промедленіи въ семъ случаѣ, должно быть производимо строгое изслѣдованіе и взысканіе.

Отправляемый съ легкими и тяжелыми почтами почталіонъ, въ проѣздъ чрезъ Ургу, долженъ заѣзжать въ русское консульство, отдавать адресованныя къ проживающимъ тамъ лицамъ и принимать равнымъ образомъ адресованныя ими письма и посылки.

При отправленіи тяжелыхъ почтъ должны составляться *накладныя* посылаемыхъ ящиковъ. Изъ Кяхты накладныя, при отношеніи, отсылаются въ Ургу къ тамошнему правителю, а изъ Пекина, — при отношеніи же, — въ палату внѣшнихъ сношеній.

Въ накладныхъ точно обозначается: время отправленія, число ящиковъ и общій вѣсъ ихъ. Частный вѣсъ каждаго ящика долженъ быть обозначаемъ на самой обшивкѣ ящика и писаться русскими цифрами, съ переводомъ ихъ на монгольскій или китайскій счетъ.

Если бы русскіе купцы по своимъ торговымъ дѣламъ нашли нужнымъ учредить, на свой счетъ, для пересылки писемъ или перевоза товаровъ, почту, то, для облегченія казенныхъ почтъ, сіе имъ дозволяется. При устройствѣ почтоваго сообщенія, купцы должны только предварить мѣстное начальство, для полученія отъ него согласія.

Ст. 13. Отправленіе обыкновенныхъ бумагъ россійскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ верховный совѣтъ дайцинскаго государства, а также генералъ-губернатора восточной Сибири въ тотъ же совѣтъ, или въ палату внѣшнихъ сношеній, производится обыкновеннымъ порядкомъ, чрезъ почту, не стѣсняясь, впрочемъ, срокомъ отхода почтъ; въ случаѣ же дѣлъ особой важности, бумаги отъ вышеозначенныхъ лицъ могутъ быть отправляемы съ русскимъ курьеромъ.

Во время пребыванія въ Пекинѣ русскихъ посланниковъ, бумаги особой важности могутъ быть также отправляемы съ нарочно командированными русскими чиновниками.

Русскіе курьеры на пути своемъ не должны быть никѣмъ и нигдѣ задерживаемы.

Командируемый для доставленія бумагъ курьеръ непремѣнно долженъ быть русскій подданный.

О выѣздѣ курьера дается знать *за сутки*, въ Кяхтѣ — Кзаргучею Цоммисаромъ, а въ Пекинѣ въ военную палату, изъ русскаго подворья.

Ст. 14. Со временъ, когда въ постановленномъ въ семъ договорѣ касательно сухопутной торговли, встрѣтится что либо для той или другой стороны не удобное, то генералъ-губернатору Восточной Сибири предоставляется войти по сему предмету въ соглашеніе съ пограничными сановниками Дайцинскаго государства, и составить дополнительныя условія, придерживаясь во всякомъ случаѣ вышепостановленныхъ основаній.

Статья *двѣнадцатая* Тянь-цзинскаго договора съ симъ вмѣстѣ подтверждается, и не должна быть измѣняема.

Ст. 15. Утвердивъ такимъ образомъ все вышесказанное, по взаимному соглашенію, Уполномоченные Россійскаго и Китайскаго Государства подписали собственноручно и скрѣпили своими печатями два экземпляра русскаго текста договора и два экземпляра перевода онаго на китайскій языкъ, и за тѣмъ передали другъ другу по одному экземпляру того и другаго.

Статьи сего договора возымѣютъ законную силу со дня размѣна ихъ Уполномоченными того и другаго Государства, какъ бы влюченныя слово въ слово въ Тянь-цзинскій договоръ и доджны быть исполняемы на вѣчныя времена свято и ненарушимо.

По утвержденіи Императорами обоихъ Государствъ, договоръ сей объявляется къ каждомъ Государствѣ къ свѣдѣнію и руководству тѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

Этотъ договоръ служитъ нынѣ основою нашихъ отношеній къ Китаю, т. е. къ государству, съ которымъ Россія граничитъ на протяженіи 7,000 верстъ и которое занимаетъ одну треть Азіи,

Для образца цѣлой серіи договоровъ съ среднеазіятскими ханствами, изъ которыхъ Коканъ и

Кашгаръ нынѣ перестали существовать, а Хива стала просто вассальнымъ владѣніемъ Россіи, приводимъ здѣсь

3 *Шахрисябскій договоръ* 28 сентября 1873 года съ Бухарою.

Статья 1-я. Пограничная черта между владѣніями Его Императорскаго Величества Императора Всероссійскаго и Его Высокостепенства Эмира Бухарскаго остается безъ измѣненія.

Съ присоединеніемъ нынѣ къ русскимъ владѣніямъ всѣхъ хивинскихъ земель, лежащихъ на правомъ берегу рѣки Аму-Дарьи, прежняя граница владѣній Бухарскаго Эмира съ Хивинскимъ ханствомъ, идущая на западѣ отъ урочища Халъ-ата, по направленію къ тогаю Гугертли, на правомъ берегу Аму, уничтожается. Къ владѣніямъ Бухарскаго Эмира присоединяется земля, заключающаяся между прежнею бухаро-хивинскою границею, правымъ берегомъ Аму-Дарьи, отъ Гугертли до тогая Мешекли включительно и чертою, идущею отъ Мешекли къ точкѣ соединенія прежней бухаро-хивинской границы съ граничною чертою Россійской Имперіи.

Статья 2-я. Съ отдѣленіемъ праваго берега Аму-Дарьи отъ Хивинскаго ханства, всѣ караванныя дороги, ведущія изъ Бухары на сѣверъ въ русскія владѣнія, проходятъ черезъ земли исключительно бухарскія и русскія. За безопасностью караваннаго и торговаго движенія по этимъ дорогамъ будутъ блюсти оба правительства, русское и бухарское, каждое внутри своихъ предѣловъ.

Статья 3-я. Въ той части рѣки Аму-Дарьи, которая принадлежитъ Бухарскому Эмиру, предоставляется свободное плаваніе по рѣкѣ, наравнѣ съ бухарскими судами, русскимъ пароходамъ и другимъ русскимъ судамъ какъ правительственнымъ, такъ и частнымъ.

Статья 4-я. Въ тѣхъ мѣстахъ на бухарскихъ берегахъ Аму-Дарьи, гдѣ окажется необходимымъ и удобнымъ, русскіе имѣютъ право устраивать свои пристани и склады для товаровъ. Наблюденіе за безопасностью и сохранностью

этихъ пристаней и складовъ беретъ на себя бухарское правительство. Утвержденіе выбранныхъ мѣстъ для пристаней зависитъ отъ высшей русской власти въ Средней Азіи.

Статья 5-я. Всѣ города и селенія Бухарскаго ханства открыты для русской торговли. Русскіе купцы и русскіе караваны могутъ свободно разъѣзжать по всему ханству и пользуются особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей. За безопасность русскихъ каравановъ внутри бухарскихъ предѣловъ отвѣчаетъ бухарское правительство.

Статья 6-я. Со всѣхъ безъ исключенія товаровъ, принадлежащихъ русскимъ купцамъ, идущихъ изъ русскихъ предѣловъ въ Бухару или изъ Бухары въ Россію, будетъ взиматься въ Бухарѣ по два съ половиной процента со стоимости товаровъ, подобно тому какъ и въ Туркестанскомъ краѣ взимается одна сороковая часть. Сверхъ этого зякета не будутъ взиматься никакія постороннія, добавочныя пошлины.

Статья 7-я. Русскимъ купцамъ предоставляется право безпошлиннаго провоза своихъ товаровъ черезъ бухарскія владѣнія во всѣ сосѣднія земли.

Статья 8-я. Русскимъ купцамъ будетъ дозволено имѣть въ бухарскихъ городахъ, гдѣ окажется необходимымъ, свои караванъ-сараи, въ которыхъ бы они могли складывать свои товары. Тѣмъ же правомъ будутъ пользоваться бухарскіе купцы въ городахъ Туркестанскаго Края.

Статья 9-я. Для наблюденія за правильнымъ ходомъ торговли и за законнымъ взиманіемъ пошлины, а также и для сношеній по купеческимъ дѣламъ съ мѣстными властями, предоставляется русскимъ купцамъ право имѣть во всѣхъ бухарскихъ городахъ торговыхъ агентовъ. Право это предоставляется и бухарскимъ купцамъ въ городахъ Туркестанскаго Края.

Статья 10-я. Торговыя обязательства между русскими и бухарцами должны быть исполняемы свято и ненарушимо, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Бухарское правительство обѣщается слѣдить за честнымъ исполненіемъ всякихъ торговыхъ сдѣлокъ и добросовѣстнымъ веденіемъ торговыхъ дѣлъ вообще.

Статья 11-я. Русскимъ подданнымъ, на равнѣ съ поддан-

ными бухарскими, предоставляется право заниматься въ бухарскихъ владѣніяхъ разными промыслами и ремеслами, допускаемыми шаригатомъ, такъ точно какъ это дозволено и бухарскимъ подданнымъ въ русскихъ владѣніяхъ, по отношенію къ промысламъ и ремесламъ, допускаемымъ русскими законами.

Статья 12-я. Русскимъ подданнымъ предоставляется право имѣть въ ханствѣ недвижимое имущество, т. е. покупать дома, сады и пашни. Имущество это облагается поземельною податью наравнѣ съ имуществомъ бухарскихъ поддапныхъ. Тѣмъ же правомъ будутъ пользоваться и бухарскіе подданные въ предѣлахъ Россійской Имперіи.

Статья 13-я. Русскіе подданные пріѣзжаютъ въ бухарскія владѣнія съ выданными имъ отъ русскаго начальства билетами на свободный проѣздъ за границу; они имѣютъ право свободно разъѣзжать по всему ханству и пользуются особеннымъ покровительствомъ бухарскихъ властей.

Статья 14-я. Правительство бухарское ни въ какомъ случаѣ не принимаетъ къ себѣ разныхъ выходцевъ изъ Россіи, являющихся безъ дозволительнаго на то вида отъ русской власти, къ какой бы національности они ни принадлежали. Если кто изъ преступниковъ, русскихъ подданныхъ, будетъ скрываться отъ преслѣдованія законовъ въ предѣлахъ бухарскихъ, то таковой изловится бухарскими властями и доставится ближайшему русскому начальству.

Статья 15-я. Дабы имѣть непрерывное, непосредственное сношеніе съ высшею русскою властью въ Средней Азіи, Эмиръ Бухарскій назначаетъ изъ числа своихъ приближенныхъ довѣренное лицо постояннымъ посланцомъ и уполномоченнымъ отъ себя въ Ташкентъ. Этотъ уполномоченный будетъ жить въ Ташкентѣ, въ эмировскомъ домѣ и на счетъ Эмира.

Статья 16-я. Русское правительство точно также можетъ имѣть постояннаго своего представителя въ Бухарѣ при Высокостепенномъ Эмирѣ. Уполномоченный русской власти въ Бухарѣ, точно также какъ и уполномоченный Эмира въ Ташкентѣ, будетъ жить въ домѣ и счетъ Русскаго правительства.

Статья 17-я. Въ угоду Государю Императору Всероссійскому и для вящей славы Его Императорскаго Вели-

чества, Высокостепенный Эмиръ Сеидъ-Музафаръ постановилъ: Отнынѣ, въ предѣлахъ бухарскихъ прекращается раВѣчныя времена постыдный торгъ людьми, противный законамъ человѣколюбія. Согласно съ этимъ постановленіемъ Сеидъ-Музафаръ нынѣ же разсылаетъ ко всѣмъ своимъ бекамъ строжайшее въ этомъ смыслѣ предписаніе; въ пограничные же города бухарскіе, куда привозятся изъ сосѣднихъ странъ невольники для продажи бухарскимъ полданнымъ, пошлется, кромѣ помянутаго предписанія о прекращеніи торга невольниками, еще и повелѣніе о томъ, что если, вопреки приказанію Эмира, будутъ туда привозиться невольники, то таковыхъ отобрать отъ хозяевъ и немедленно освободить.

Статья 18-я. Его Высокостепенство Сеидъ-Музафаръ, отъ искренней души желая развить и упрочить дружескія сосѣдскія отношенія, существующія для блага Бухары уже пять лѣтъ, принимаетъ къ руководству вышеизложенныя 17 статей, составляющія договоръ о дружбѣ Россіи съ Бухарою. Договоръ этотъ написанъ въ двухъ экземплярахъ, каждый на двухъ языкахъ, на русскомъ и на турскомъ. Въ знакъ утвержденія этого договора и принятія его къ руководству для себя и для преемниковъ своихъ, Эмиръ Сеидъ-Музафаръ приложилъ свою печать. Въ Шаарѣ, въ 28-й день сентября 1873 года, мѣсяца шагбана въ 19-й день 1290 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе v
Вступительныя размышленія о содержаніи и изложеніи настоящаго сочиненія 1
Состояніе Россіи при смерти Николая I. 29
Общій взглядъ на царствованіе Александра II. . . . 75
Перемѣны въ составѣ государства 120
Заселеніе вновь пріобрѣтенныхъ земель 169
Политическое объединеніе окраинъ 195
Международныя отношенія Россіи 278
Приложеніе 390

Важнѣйшія опечатки.

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
12	11 снизу	XVIII вѣка	XVII вѣка
22	2 —	нашъ	намъ
46	14 сверху	являвшій	являвшійся
68	6 —	разныхъ	разнымъ
	7 —	Поцц-оди-Борго	Поццо-ди-Борго
83	13 —	Занковьевъ	Зиновьевъ
129	6 снизу	изи	изъ
132	8 сверху	Тенгинкой	Тенгинской
173	12 —	слaучаевъ	случаевъ
176	9 снизу	нежнемъ	нижнемъ
180	7 сверху	находичь	находить
183	2 снизу	число	числа
194	9 —	западныхъ	западныхъ
202	9 —	дозволитъ	дозволить
234	11 —	поднятa	поднятія
237	1 сверху	Коніара	Коніара
251	14 снизу	быть	бить
254	5 сверху	узученіе	изученіе
255	5 снизу	пріостанавливять	пріостанавливать
328	13 сверху	возоблены	возобновлены
329	5 снизу	наступилa	наступило
346	3 —	виляйствo	виляйста
358	1 сверху	Царстуя	Царствуя
359	6 снизу	получилъ	получивъ
365	5 —	Тегеранноъ	Тегераномъ
366	4 —	Хайберскаго	Боланскаго